ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖОН ВАРЛИ

В ЧЕРТОГАХ МАРСИАНСКИХ КОРОЛЕЙ

18+

В чертогах марсианских королей
Джон Герберт Варли

Аннотация
Джон Варли. В чертогах марсианских королей
В чертогах марсианских королей
Навязчивость зрения
Нажмите ВВОД
Список потерь
Телефонный справочник Манхэттена. (сокращенный)
Манекены
Первозданное слово
Валентинка
Еще один чудесный день
Благие намерения
Летучий голландец
Воздушный налет
Рождественская история

Аннотация

Холодный и не знающий компромиссов «разум из машины».

Разум, существовавший миллионы лет назад и подготовивший человеку, вступившему на безжизненную планету, необычный прием.

Разум, делающий из закрытого человеческого сообщества нечто новое, потрясающее основы цивилизации.

Разум, вынужденный вновь и вновь адаптироваться к предельно жесткой ситуации.

Десятки вариантов будущего человечества – от страшных до смешных!

Джон Варли
В чертогах марсианских королей

Серия «Фантастика: классика и современность»
John Varley
Collection 2: (The Persistence of Vision)

Перевод с английского

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Virginia Kidd Agency, Inc. (USA) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© John Varley, 1974, 1976, 1978, 1984, 1986, 1988, 1989, 1992, 1998, 2003
© Перевод. И. Доронина, 2022
© Перевод. А. Корженевский, 2022
© Перевод. Н. Нестерова, 2022
© Перевод. А. Новиков, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

В чертогах марсианских королей

Чтобы увидеть восход солнца в каньоне Фарсида, требовалось терпение, внимательность и готовность нарушать правила. Мэттью Кроуфорд дрожал в темноте, обогреватель его скафандра был переведен в аварийный режим, он не сводил глаз с востока. Нельзя было терять бдительность. Вчера он полностью пропустил восход, когда отвлекся, чтобы хорошенько зевнуть. Мускулы его челюсти напряглись, но он подавил зевок и старался не моргать.

И вот это случилось. Как будто зажгли свет в театре после окончания представления: заря наступила очень быстро, кромка каньона окрасилась синеватым пурпуром, и вокруг Кроуфорда вспыхнули огни рампы. Наступил день, короткий марсианский день, которому никогда не суждено было разогнать тьму над его головой.

В тот день, как и девять дней до этого, освещенный солнцем каньон Фарсида сильно отличался от того, как он выглядел последние десять тысяч лет. Ветровая эрозия способна изменять очертания скал, придавая им бесконечное множество

разных форм, но ветер никогда не вырежет на камне прямую линию или идеальную дугу. Человеческий лагерь с его строго очерченными углами и изгибами смотрелся на фоне извилистых линий гор чем-то чужеродным.

Внешний вид лагеря нельзя было назвать строго упорядоченным. Складывалось впечатление, что купол, посадочный модуль, гусеничная техника и различное оборудование, разбросанное по всему лагерю, располагались без какой-либо системы. Как и все прочие базы людей, лагерь вырос словно сам по себе, не ориентируясь на какую-либо модель. Кроуфорд вспомнил следы вокруг базы «Спокойствие», только здесь масштаб был намного значительнее.

База «Фарсида» располагалась на широком выступе, примерно посередине между вершиной плато и впадиной Фарсида, откуда брала свое начало долина Маринер. Место выбрали из-за того, что оно было достаточно ровным, отсюда по пологому склону легко можно было подняться к равнинам на плато Фарсида, в то время как до подножия оставалось не больше километра. Люди никак не могли договориться, какой из регионов достоин изучения в большей степени: равнины или каньон. Поэтому в качестве компро-

мисса решили разбить лагерь здесь. Это означало, что участникам экспедиции предстояло либо подниматься вверх, либо спускаться, ведь вокруг лагеря им совершенно нечего было изучать. Даже чтобы добраться до обнажившихся слоев пород, нужно было подняться полкилометра на вездеходе как раз к тому месту, куда забрался Кроуфорд, решивший наблюдать за восходом солнца.

На обратном пути в лагерь он рассматривал купол. Сквозь пластик смутно виднелась чья-то фигура. Издалека Кроуфорд не смог бы определить, кто это, если бы не разглядел черное лицо. Он увидел, как она подошла к стене купола и протерла небольшой круг, чтобы лучше видеть. Женщина заметила его ярко-красный скафандр и указала на него рукой. Сама она тоже была в скафандре, но без шлема, в котором находилась рация. Кроуфорд понял, что неприятностей не избежать. Он увидел, как она нагнулась и подняла с земли шлем, чтобы высказать ему все, что думала о людях, которые не подчинялись ее приказам, но в эту минуту купол задрожал, словно огромная медуза.

В шлеме зазвучал сигнал тревоги — из крошечного динамика послышался глухой и, как ни странно, успокаивающий звук. Кроуфорд стоял

какое-то время на месте, пока вокруг купола поднималось идеальное по форме кольцо из пыли. А затем — побежал.

Катастрофа разворачивалась прямо у него на глазах, совершенно бесшумно, не считая ритмичных звуков сигнализации в ушах. Купол танцевал и вытягивался, словно пытался улететь. В центре почва вздыбилась, швырнув черную женщину на колени. Еще через секунду внутри купола поднялся снежный вихрь. Ноги Кроуфорда увязли в песке, он потерял равновесие, упал навзничь, сразу вскочил и увидел, что ближайшие к нему тросы из стекловолокна лопнули и оторвались от стальных шипов, которыми купол крепился к горной породе.

Теперь купол напоминал фантастический елочный шарик со снежинками и сверкающими красными и синими огоньками аварийной сигнализации внутри. Вершина купола стала заваливаться в противоположную от него сторону, а пол поднялся в воздух, теперь его удерживали только уцелевшие тросы. В лицо Кроуфорду ударил порыв ветра, принесший с собой пыль и снег; затем пол купола медленно опустился на грунт. И купол замер, только его крыша, подвергшаяся разгерметизации, начала лениво складываться

на строения внутри.

Вездеход резко остановился рядом со сдувающимся куполом и едва не перевернулся. Из него выскочили два человека в скафандрах и направились к куполу, но шли они очень неуверенно, то замирая, то продолжая двигаться дальше. Один из них схватил другого за руку и указал на посадочный модуль. Оба сменили курс и стали взбираться по веревочной лестнице, свисавшей с корпуса.

Когда шлюз заработал, Кроуфорд был единственным, кто поднял взгляд. Те двое, едва не столкнулись друг с другом на выходе из шлюза. Они хотели как можно скорее что-нибудь *предпринять*, но не знали, что именно. Поэтому просто встали, молча сжали руки и уставились в пол. Один из них снял шлем. Это была крупная женщина тридцати с небольшим лет с коротко стриженными рыжими волосами.

— Мэтт, вот мы и на месте… — Женщина осеклась, понимая, насколько очевидно было то, что она сказала. — Как Лу?

— Лу не выжить. — Он указал на койку, где лежал тучный мужчина, отрывисто дышавший в пластиковую маску. В нее подавали чистый кислород. Из ушей и носа мужчины текла кровь.

— Мозг поврежден?

Кроуфорд кивнул. Он обвел взглядом остальных находившихся в помещении. Там была руководитель их экспедиции Мэри Лэнг — та самая черная женщина, которую он заметил внутри за мгновение до обрушения купола. Она сидела на краю койки Лу Прейгера, закрыв лицо ладонями. Ее внешний вид в какой-то степени поразил Кроуфорда еще сильнее, чем то, что случилось с Лу. Никто из знавших ее людей и представить не мог, что она может впасть в состояние такой глубокой апатии. За последний час она даже не двинулась с места.

На полу, закутавшись в одеяло, сидел химик Мэтт Ролстон. Его рубашка была перепачкана кровью, на лице и руках виднелась запекшаяся кровь от носового кровотечения, которое он только недавно смог унять, а глаза — полны тревоги. Дрожа, он переводил взгляд с Лэнг — своего руководителя — на Кроуфорда, который, казалось, единственный сохранял хладнокровие и мог что-то предпринять. Мэтт всегда был ведомым — человеком надежным, но начисто лишенным воображения.

Кроуфорд посмотрел на вновь прибывших. Это были Люси Маккиллиан — рыжеволосый эколог,

и Сон Сью Ли — экзобиолог. Они все еще стояли около шлюза в оцепенении, так и не осознав, что снаружи под куполом лежали тела пятнадцати погибших мужчин и женщин.

— А что говорят на «Берроузе»? — спросила Маккиллиан, бросая свой шлем на пол и устало присаживаясь на корточки у стены. Посадочный модуль казался не самым удачным местом для проведения собраний: все спальные места здесь были закреплены горизонтально, чтобы смягчать действие ускорения во время посадок и взлетов. Пока ракета находилась на хвосте, девяносто процентов посадочного модуля оставались совершенно бесполезными. Они собрались в отсеке сферической формы в самом конце системы жизнеобеспечения перед баком с горючим.

— Мы ждем ответа, — сказал Кроуфорд. — Но если кратко, то ничего хорошего они нам не скажут. Разве что кто-то из вас двоих скрыл от нас свои навыки в обращении с марсианским взлетно-посадочным модулем.

Никто не удосужился ответить. Радио в носовой части зашипело, затем из него раздался бряцающих звук. Это привлекло их внимание. Кроуфорд посмотрел на Лэнг, но та осталась безучастной. Он встал, вскарабкался по лестнице вверх и сел

в кресло второго пилота, после чего включил приемник.

— Коммандер Лэнг?

— Нет, это снова Кроуфорд. Коммандер Лэнг… ей нездоровится. Она занимается с Лу, пытается что-то сделать.

— Бесполезно. Врач говорит, это чудо, что он все еще дышит. Даже если он сможет очнуться, то никогда уже не будет прежним. Телеметрические данные показывают у него полное отсутствие мозговой активности. А теперь нам нужно поговорить с коммандером Лэнг. Заставьте ее ответить нам. — Старший начальник экспедиции Вайнштейн говорил голосом человека, привыкшего отдавать приказы, причем настолько лишенным эмоций, словно он зачитывал прогноз погоды.

— Сэр, я спрошу у нее, но не думаю, что она ответит. Вы же понимаете, что руководит здесь все еще она. — Он не дал Вайнштейну времени отреагировать. Тому, как самому старшему по званию, пришлось командовать орбитальным кораблем «Эдгар Райс Берроуз», доставившим их на Марс и планировавшим забрать обратно. Командование же взлетно-посадочным модулем одноразового использования «Подкейн», которому предстояло привлечь к себе все внимание прессы, перешло к

Лэнг. Этих двоих нельзя было назвать хорошими друзьями, особенно после того, как Вайнштейн с грустью осознал, что основную финансовую выгоду получит Лэнг — именно ей предстояло стать первой женщиной на Марсе, а старший руководитель экспедиции оказался не у дел. Вайнштейн чувствовал себя новым Майклом Коллинзом.

Кроуфорд окликнул Лэнг, но та лишь подняла голову и что-то пробормотала.

— Что она сказала?

— Просила, чтобы ты выслушал все, что они хотят сказать, — ответила Маккиллиан, взбираясь по лестнице. Подойдя к нему, она тихо добавила: — Мэтт, она совсем разбита. Тебе лучше взять пока управление на себя.

— Конечно, я все понимаю. — Он повернулся к рации, а Маккиллиан стала слушать через его плечо, как Вайнштейн кратко излагал свое видение ситуации. Это более-менее совпадало с оценкой Кроуфорда за исключением одного ключевого момента. Закончив разговор, они вернулись к остальным уцелевшим.

Кроуфорд обвел взглядом лица собравшихся и решил, что сейчас не время рассказывать о перспективах их спасения. Он совсем не хотел быть лидером и надеялся, что Лэнг вскоре придет

в себя и заберет у него эту ношу. Между тем он должен был чем-то их занять. Осторожно дотронувшись до плеча Маккиллиан, Кроуфорд указал на шлюз.

— Давайте похороним погибших, — сказал он.

Она зажмурилась, пытаясь сдержать слезы, и кивнула.

Работа была не из приятных. В самый ее разгар Сон спустилась по лестнице с телом Лу Прейгера.

— Итак, что нам известно. Во-первых, теперь, когда Лу мертв, у нас почти не осталось шансов хотя бы подняться в воздух. Хотя, возможно, Мэри считает, что может получить необходимую информацию о пилотировании «Подкейн» из тех распечаток, которые прислал Вайнштейн. Мэри, что скажешь?

Мэри Лэнг лежала поперек импровизированной койки, где еще совсем недавно умирал пилот «Подкейн» Лу Прейгер. Она равнодушно кивнула головой, коснувшись затылком алюминиевой стальной пластины корпуса корабля. Ее подбородок был прижат к груди, глаза широк распахнуты.

По совету медика с «Берроуза» Сон дала Лэнг успокоительное из запасов погибшего доктора. Лекарство позволило остановить ту жуткую

панику, которая охватила ее, но не смогло улучшить ей настроение. Она отстранилась от всех дел, так как никому ничем не могла помочь.

Когда купол начал рушиться, Лэнг быстро нацепила шлем на голову. Затем ей пришлось принять на себя удар снежной бури и пытаться удержаться на качающемся полу. Лэнг направилась к строению без крыши, где спали остальные члены экспедиции. Само обрушение длилось секунд десять. Когда купол рухнул, она оказалась погребенной в складках прозрачного пластика. Это было похоже на один из тех ночных кошмаров, когда тебе приходится бежать по колено в зыбучем песке. Лэнг сражалась за каждый метр и все же добралась до цели.

Она оказалась внутри в тот момент, когда ее коллеги, с которыми она провела последние шесть месяцев, беззвучно ловили ртом воздух и харкали кровью себе на лицо, в то же время пытаясь натянуть скафандры. Выбирать, каких двух или трех человек спасать в то время, что еще имелось у нее в распоряжении, казалось делом безнадежным. Лэнг удалось бы спасти намного больше людей, если бы она находилась в более адекватном состоянии. Но из-за сильнейшего шока она не могла до конца поверить, что все

это не ночной кошмар, а ужасная реальность. Поэтому она схватила того, кто оказался к ней ближе всего — доктора Ролстона. Он почти уже надел скафандр, Лэнг нахлобучила ему на голову шлем и бросилась к следующему. Это был Лютер Накамура, и он лежал без движения. Хуже того, костюм он успел надеть только наполовину. Из прагматических соображений ей следовало оставить его и спасать тех, у кого еще был шанс. Теперь она это понимала, но ей такая мысль не нравилась, как она не понравилась и тогда.

Пока она засовывала Накамура в скафандр, пришел Кроуфорд. Он пробирался через складки пластика, пока не оказался около помещения для отдыха, после чего прорезал себе проход лазером, который обычно использовал для превращения в пар образцов породы.

И у него было время подумать о том, кого стоит спасать. Кроуфорд бросился к Лу Прейгеру и закончил надевать на него костюм. Но было уже поздно. И Кроуфорд не был уверен, что Мэри Лэнг смогла бы спасти пилота, даже если бы занялась им в первую очередь.

Теперь она лежала на кровати, небрежно раскинув ноги, и медленно качала головой вперед и назад.

— Ты уверена? — попытался подначивать ее Кроуфорд. Он надеялся, что ее это расшевелит, разозлит, заставит хоть как-нибудь отреагировать.

— Уверена, — пробормотала она. — Вы же знаете, как долго они учили Лу управлять этой штукой? И он все равно едва не разбил ее вдребезги. Я… ой, черт. Это невозможно.

— Я отказываюсь принимать это как окончательный ответ, — заявил Кроуфорд. — Но в данный момент давайте подумаем, что мы можем сделать, если сказанное Мэри — правда.

Ролстон засмеялся. И его смех не показался горьким, похоже, его это действительно рассмешило. Кроуфорд продолжил:

— Вот что нам точно известно. «Берроуз» для нас бесполезен. Ну то есть они могут дать нам много советов, возможно, даже больше, чем нужно, но на помощь не прилетят.

— Мы это знаем, — сказала Маккиллиан. Она устала. Воспоминания о лицах мертвых друзей вызвали у нее тошноту. — Какой смысл все это обсуждать?

— Минуточку, — перебила ее Сон. — Почему они не могут… у них ведь уйма времени, верно? Как я понимаю, они должны улететь через шесть

месяцев из-за параметров орбиты, но до того момента…

— Ты что, совсем не разбираешься в космических кораблях? — крикнула Маккиллиан, но Сон продолжила с невозмутимым видом:

— Мне известно достаточно, и я понимаю, что «Берроуз» не может войти в атмосферу. Я не предлагаю пригонять сюда весь корабль, только доставить то, что нам необходимо. А именно — пилота. Это возможно?

Кроуфорд пригладил ладонью волосы, не зная, что сказать. Такую возможность уже обсудили и ее анализировали в данный момент. Но вероятность ее реализации была крайне мала.

— Ты права, — сказал он. — Нам действительно нужен пилот, и такой пилот — коммандер Вайнштейн. Но это, помимо всего прочего, создает проблему юридического характера. Он — капитан корабля и не имеет права покидать его. Именно поэтому до сих пор остается на «Берроузе». Однако он много занимался на тренажере посадочного модуля, когда думал, что его включат в группу, которая будет осуществлять высадку на Марс. Вы же знаете Вайни, он никогда не откажет себе в возможности блеснуть на публике. Так что если бы он был уверен, что справится, то сразу же

прилетел бы сюда, вытащил нас и захватил все внимание прессы. Как я понимаю, они пытаются создать парашютное устройство с тепловой защитой из герметичных капсул, в которых нам должны были доставлять продовольствие во время экспедиции. Но это слишком рискованно. Аэродинамическую конструкцию не так-то просто переделать, тем более для устройства, которому предстоит войти в атмосферу на скорости свыше десяти тысяч километров в час. Так что, думаю, этот вариант стоит исключить. Они продолжают над ним работать, но даже если им удастся довести дело до конца, Вайни не полезет в ту чертову штуку. Он хочет быть героем, но при этом выжить, чтобы насладиться славой.

При мысли о возможном спасении Сон, Ролстон и Маккиллиан немного воодушевились. Но чем больше они думали об этом, тем грустнее становились их лица. В конце концов им пришлось согласиться с выводом Кроуфорда.

— В общем, этот вариант можно отправить в одну папку со спасением силами феи-крестной и забыть про него. Если это случится, замечательно. Но рассчитывать на такой исход не будем. Как вам известно, добраться до Марса и высадиться на него пока удалось только двум кораблям, и

это «Эдгар Райс Берроуз» и «Подкейн». Проект еще двух таких кораблей находится на стадии получения финансовой поддержки от Конгресса. Вайни говорил с Землей и считает, что им удастся ускорить оформление всех документов, а постройка начнется уже через год. Запуск запланирован через пять лет, но может произойти и на год раньше. Ведь теперь речь идет о спасательной операции, поэтому чиновников будет проще убедить. Однако проект все равно нуждается в доработке. Как минимум придется разместить пять дополнительных мест, чтобы вывезти нас отсюда. И, можете не сомневаться, доработок окажется еще больше, когда они получат наш отчет о разрушении купола. Поэтому добавляем сюда еще шесть дополнительных месяцев.

Маккиллиан все это надоело.

— Мэтт, о чем ты, черт возьми, говоришь? Спасательная операция? Ну конечно! Ты же прекрасно понимаешь, что если они и найдут здесь нас, то мы к тому времени давно уже умрем! Возможно, мы не доживем до следующего года!

— Вот тут ты неправа. Мы выживем.

— Каким образом?

— Не имею ни малейшего представления. — С этими словами он посмотрел ей прямо в глаза.

Она не хотела ему отвечать, но любопытство взяло верх.

— Пытаешься поддержать наш моральный дух? Спасибо, но мне этого не нужно. Я стараюсь объективно оценивать ситуацию. Или у тебя все-таки есть какие-то идеи?

— И то, и другое. У меня нет ничего конкретного, хочу только сказать, что мы можем выжить, как всегда выживали люди: оставаться в тепле, есть, пить. В данный список стоит еще добавить «дышать». Это задача не из простых, но в остальном мы ничем не отличаемся от других людей, выживавших в сложных обстоятельствах. Я не знаю, что именно нам нужно, но знаю, что мы найдем ответ.

— Или погибнем в процессе, — сказала Сон.

— Или погибнем в процессе. — Он улыбнулся ей в ответ.

Она, по крайней мере, уловила суть ситуации. Не важно, удастся им выжить или нет, нужно было поддерживать иллюзию, что это возможно. В противном случае лучше сразу перерезать себе горло. Или вообще не появляться на свет, ведь жизнь — это борьба за выживание с неизменно фатальным исходом.

— А что насчет воздуха? — спросила Маккил-

лиан, которую до сих пор не убедили его слова.

— Я не знаю, — бодро ответил он. — Это сама трудная проблема, правда?

— И как насчет воды?

— Ну, в той долине на глубине примерно двадцати метров есть слой вечной мерзлоты.

Она рассмеялась:

— Чудесно. И что, по-твоему, мы должны сделать? Провести раскопки и растапливать лед нашими маленькими розовыми ладошками? Поверь, из этого ничего не выйдет.

Кроуфорд ждал, пока она перечислит все многочисленные причины, по которым они точно были обречены. Большинство из них показались ему вполне разумными. Когда она закончила говорить, он тихо сказал:

— Люси, слышала бы ты себя.

— Я просто…

— Ты ведешь спор на стороне смерти. Хочешь умереть? И твое желание так сильно, что ты не желаешь выслушать того, кто говорит, что мы можем выжить?

Какое-то время она молчала, затем смущенно переступила с ноги на ногу. Она посмотрела на него, затем — на Сон и Ролстона. Они ждали, и ее губы медленно расплылись в улыбке, а на щеках

появился румянец.

— Вы правы. Что будем делать в первую очередь?

— То же, что мы уже делаем — оценим ситуацию. Нужно сделать список всего, что у нас есть в наличии. Напишем это на бумаге, но в общих чертах я и так могу сказать. — Он принялся считать на пальцах.

— Во-первых, у нас есть запас провизии для двадцати человек на три месяца. Нам пятерым хватит на год. Если будем расходовать экономно, то, возможно, и на полтора. Разумеется, это в том случае, если капсулы с продовольствием смогут долететь до нас. Кроме того, «Берроузу» придется выпотрошить свой склад и переслать нам все, что удалось там сохранить на трех дополнительных капсулах. Этого может хватить на два или даже три года.

Во-вторых, если наши рециркуляторы будут работать, мы сможем добывать воду хоть целую вечность. Но тут есть проблема, потому что через два года энергия реактора истощится. И придется найти другой источник энергии. Возможно, другой источник воды.

Проблема с воздухом примерно такая же. Два года в крайнем случае. Нужно найти способ, как

лучше беречь его. Пока у меня никаких предложений нет. Сон, может, у тебя есть идеи?

Она задумалась, и между ее раскосыми глазами появились две вертикальные черточки, напоминающие восклицательные знаки.

— Возможно, стоит запросить у «Берроуза» какие-нибудь садовые растения? Если нам удастся придумать, как выращивать их под марсианским солнцем, чтобы они не погибли от ультрафиолета…

Маккиллиан, как и подобало хорошему экологу, пришла в ужас.

— А как же загрязнение окружающей среды? — спросила она. — Почему, по-вашему, мы все подверглись стерильной обработке перед высадкой? Вы хотите нарушить экологический баланс Марса? В будущем никто уже не сможет определить, имеют ли полученные образцы действительно марсианское происхождение или были завезены с Земли и впоследствии подверглись мутации?

— Какой еще экологический баланс? — парировала Сон. — Ты же знаешь, что мы здесь почти ничего не смогли найти. Несколько анаэробных бактерий, кучка лишайников, мало чем отличающихся от земных аналогов…

— Это я и имела в виду. Вы завезете сюда земные формы жизни, и никто уже не сможет найти отличия.

— Но это ведь возможно? Если обеспечить растениям достаточную защиту, они не погибнут, прежде чем дадут побеги, и мы сможем создать функционирующую плантацию растений, выращенных без почвы…

— О да, это можно сделать. Я уже сейчас могу предложить три или четыре способа, как именно. Но ты не ответила на главный вопрос…

— Подожди, — сказал Кроуфорд. — Я просто хотел выслушать ваши идеи. — В глубине души этот спор ему даже понравился; он позволил им обеим направить мысли в нужное русло и не впасть в состояние жуткой апатии.

— Я думаю, эта дискуссия сыграла важную роль — убедила всех, что мы можем выжить. — Он с тревогой посмотрел на Лэнг, которая все еще кивала, а перед ее остекленевшим взглядом по-прежнему стояли погибшие товарищи.

— Я просто хотел сказать, что теперь мы уже не экспедиция, а колония. Не в привычном смысле слова, так как мы не собираемся оставаться здесь навсегда. Но такой вариант не исключен, и его нужно учитывать в наших планах. Поэтому мы не

только должны растягивать наши запасы до тех пор, пока не прибудет помощь. Одними временными мерами не обойтись. Нам придется решать долгосрочные задачи, задачи, которые встают перед колонистами. Примерно через два года мы сможем выработать такой стиль жизни, который позволит нам жить здесь сколь угодно долго. Мы должны вписаться в этот мир, где это возможно, и приспособить его под себя там, где невозможно. И здесь мы оказались в намного более выигрышном положении, чем колонисты прошлого. У нас большие запасы всего необходимого: еды, воды, инструментов, сырья и материалов, энергии, интеллекта и женщин. Без всего этого у колонии мало шансов на выживание. Чего нам недостает, так это возможности регулярно пополнять запасы с нашей родной планеты. Но хорошо подготовленные колонисты могут обойтись и без этого. Что скажете? Вы со мной?

Неожиданно глаза Мэри Лэнг широко распахнулись. Это был рефлекс, выработанный долгой борьбой за место на вершине. Теперь он вновь дал о себе знать, заставив ее сесть на кровати, а затем — встать. Действие лекарства еще не прошло, но стояла она уверенно. Ее взгляд был затуманенным, но осмысленным.

— Кроуфорд, с чего ты взял, что женщины — естественный ресурс?

— Да нет, я просто хотел сказать, что без моральной поддержки, которую оказывают нам представительницы противоположного пола, колония долго не протянет.

— Так вот, что ты имел в виду? Ну хорошо. И ты считаешь, что женщины должны быть доступны *настоящим* колонистам в качестве стимула жить дальше? Я уже слышала это прежде. Это мужской взгляд на мир, Кроуфорд.

У всех на глазах она буквально начала расти, пока полностью не подчинила всю группу той неосязаемой силе, которая бывает присуща настоящим лидерам. Глубоко вздохнув, Лэнг наконец пришла в себя.

— Нельзя мыслить подобным образом. Я — руководитель этой экспедиции. И я благодарна, что ты взял на себя командование, пока мне… как ты выразился? Нездоровилось. Но ты должен уделять больше внимания социальному аспекту той ситуации, в которой мы оказались. Если кто-то и является ресурсом, то это вы с Ролстоном, так как оказались в меньшинстве. Нам придется решить ряд щекотливых вопросов. Но в данный момент мы будем действовать как одна команда

под моим руководством. Мы будем делать все возможное, чтобы свести к минимуму социальную конкуренцию между мужчинами и женщинами. Иначе просто и быть не может. Вам понятно?

В ответ на ее вопрос все кивнули. Она никак на это не отреагировала, а сразу же продолжила:

— С самого начала я задавалась вопросом, почему ты, Кроуфорд, полетел с нами. — Она стала медленно ходить по отсеку, заполненному людьми. Все машинально давали ей дорогу, за исключением Ролстона, который по-прежнему кутался в свое одеяло. — Историк? Конечно, это замечательная идея, но абсолютно непрактичная. Признаюсь, что я расценивала твое здесь присутствие, как роскошь, нечто такое же бесполезное, как соски на груди мужчины. Но я ошибалась. И все ребята в НАСА тоже ошибались. В Отряде астронавтов изо всех сил стремились отстранить тебя от участия в экспедиции. Считали, что у них было еще достаточно времени привезти новых участников позже. Мы были ослеплены нашей приверженностью философии космических летчиков-испытателей. Хотели, чтобы в первом полете было как можно меньше ученых и как можно больше астронавтов. Мы не рассматривали себя как каких-нибудь паромщиков. Считали,

что во время полета «Аполлона» доказали свою способность справляться и с научной работой тоже. Воспринимали тебя как издевку, пощечину от ученых из Хьюстона, показывавших нам, как низко мы стали котироваться.

— Если бы я мог…

— Заткнись. Но мы ошибались. В твоем досье я прочитала, что ты серьезно занимался изучением вопросов выживания. Скажи честно, как ты оцениваешь наши шансы?

Кроуфорд пожал плечами, вопрос вызвал у него чувство неловкости. Он не знал, стоило ли в этот момент рассуждать об их возможном поражении.

— Скажи мне правду.

— Очень маленькие. В основном из-за проблем с воздухом. Люди, про которых я читал, никогда не испытывали проблем, где взять кислород для следующего вдоха.

— Ты не слышал про «Аполлон-13»?

Он улыбнулся:

— Особые обстоятельства. Краткосрочные проблемы.

— Конечно, ты прав. И в двух других случаях возникновения аварийной ситуации в космосе все экипажи погибли. — Она повернулась и с

хмурым видом по очереди обвела всех взглядом. — Но мы *не* проиграем.

Лэнг приготовилась выслушать возражения, но никто не решился этого сделать. Расслабившись, она продолжила ходить по комнате. Затем вновь обратилась к Кроуфорду:

— Вижу, что в ближайшие годы мне придется часто полагаться на твои знания. Как думаешь, чем нам нужно будет заняться в ближайшее время?

Кроуфорд расслабился. Ужасная ноша ответственности, которую он никогда не хотел нести, упала с его плеч. Он был рад снова следовать за ней.

— По правде говоря, я как раз думал о том, что сказать дальше. Нам нужно провести инвентаризацию. Мне кажется, с этого и стоит начать.

— Хорошо, но есть дела поважнее. Нам необходимо выйти к куполу и выяснить, что, черт побери, вызвало его обрушение. Он не должен был обвалиться. Это первый подобный случай. К тому же обрушение началось снизу. И раз это случилось, мы должны узнать причины, иначе нам просто стоит признать, что на Марсе существуют опасности, которые могут нас уничтожить. Давайте сделаем это в первую очередь. Ролстон, ты

можешь ходить?

После того как он кивнул, Лэнг надела шлем и направилась к шлюзу. Затем она обернулась и в задумчивости посмотрела на Кроуфорда.

— Честное слово, приятель, даже если бы ты ткнул в меня электрохлыстом для скота, то не вызвал бы такой бурной реакции, как тем, что сказал несколько минут назад. Можно тебя спросить?

У Кроуфорда не было желания отвечать на вопросы. С абсолютно каменным выражением лица он произнес:

— Меня? Может, лучше сразу договоримся, что я — шовинист?

— А вот это мы еще посмотрим, хорошо?

— Из какого это материала?

Сон Сью Ли, опустившись на колени, изучала один из сотни коротких жестких шипов, торчащих из грунта. Она попыталась почесать затылок, забыв, что на голове у нее шлем.

— Похоже на пластик. Но у меня такое предчувствие, что это высшая форма жизни, которую мы с Люси искали вчера.

— И ты хочешь сказать, что эти крошечные шипы проделали дыры в дне купола? Ни за что не поверю!

Сон с трудом распрямила спину, ее движения были скованными. Они все усердно работали, убирая обрушившийся купол, удаляя с поверхности эту громоздкую цельную массу. Сон устала, поэтому на мгновение вышла из себя и резко бросила Мэри Лэнг:

— Я этого не говорила. Мы убрали купол и обнаружили шипы. Это ты вмешалась и заявила, что они проделали отверстие в днище.

— Извини, — тихо сказала Лэнг. — Продолжай, что ты хотела сказать.

— В общем, — призналась Сон, — вывод был не таким уж плохим. Но дыры, которые мы видели, это не проколы. Днище разъедено. — Она подождала, пока Лэнг возразит, что дно купола было химически инертным, как и любой современный пластик, но Лэнг хорошо усвоила урок. И она умела смотреть правде в глаза.

— Значит, здесь есть нечто, способное разъедать пластик. А кроме того, оно, похоже, также состоит из пластика. Есть соображения, почему оно решило вырасти именно на этом месте.

— У меня есть кое-какие мысли, — сказала Маккиллиан. — Я хотела провести ряд исследований вокруг купола, выяснить, не повлияло ли изменение влажности, которое мы спровоцировали

своим присутствием, на споры в почве. Видите ли, мы находимся здесь уже девять дней, выделяем в атмосферу водяные пары, углекислый газ и некоторое количество кислорода. Не так много, но, возможно, намного больше его низкой природной концентрации в этих местах. Мы изменили биом. Кто-нибудь знает, куда осуществлялся выброс воздуха из купола?

Лэнг удивленно приподняла брови:

— Да, под купол. Понимаешь, воздух, который мы выделяли, был теплым, поэтому было решено напоследок использовать его для обогрева дна купола и уменьшить расход тепла.

— А водяные пары собирались на дне купола, где подвергались воздействию холодного воздуха. Все верно. У вас есть фотоснимки?

— Думаю, да, — сказала Лэнг. — Но воды было так мало. Ты же знаешь, мы не хотели тратить ее впустую, поэтому проводили конденсацию до тех пор, пока выходивший из купола воздух не становился абсолютно сухим.

— Для Земли — возможно. Но здесь он был как проливной дождь, добирался до всех семян и спор в почве и провоцировал их рост. Так что теперь нужно относиться к пластику с большой осторожностью. Где у нас находится пластик?

Лэнг застонала.

— Во-первых, в уплотнителе воздушных шлюзов. — При этих словах все дружно сморщили лица в гримасе. — Во-вторых, значительная часть наших скафандров сделана из пластика. Сон, осторожно, не наступай на ту штуковину. Мы не знаем, на что она способна и может ли разъесть пластик в твоих сапогах, но лучше на всякий случай проявлять осмотрительность. Что скажешь, Ролстон? Сможешь выяснить, насколько плохо обстоят дела?

— Ты имеешь в виду определить, какой тип сольвента используют эти существа? Может, и смогу, если получится оборудовать что-то вроде рабочего места и перенести сюда мое оборудование.

— Мэри, — сказала Маккиллиан, — я тут подумала, что мне стоит поискать споры, которые переносятся по воздуху. Если они существуют, значит, воздушный шлюз «Подкейн» уязвим. Пускай он и находится на высоте тридцати метров над поверхностью.

— Хорошо. Займись этим. Раз мы будем ночевать там, пока не выясним, что можно, чего нельзя делать на поверхности планеты, нужно быть уверенным в безопасности этого места. А

пока будем спать в скафандрах.

В ответ послышались беспомощные стоны, но никто не стал возражать. Маккиллиан и Ролстон направились к сваленному в кучу уцелевшему оборудованию, надеясь отыскать там все необходимое для исследований. Сон снова опустилась на колени и начала раскапывать грунт вокруг одного из десятисантиметровых шипов.

Кроуфорд последовал за Лэнг к «Подкейн».

— Мэри, я хотел бы… не против, если я буду называть тебя Мэри?

— Да, наверное. Не думаю, что «коммандер Лэнг» будет звучать уместно в течение следующих пяти лет. Но *мысленно* все равно не забывай добавлять «коммандер».

Он принял это пожелание к сведению.

— Хорошо, коммандер Мэри.

Она игриво ткнула его кулаком в бок. До этой катастрофы они были едва знакомы. Он был просто одним из длинного списка участников экспедиции, больным местом, по мнению Отряда астронавтов. Но она не испытывала к нему никакой личной неприязни, и теперь он даже начал ей нравиться.

— Что у тебя на уме?

— Да много чего. Но, мне кажется, сейчас не

самое время об этом рассуждать. Сначала я хочу сказать, что если ты… ну, переживаешь или сомневаешься в моей поддержке или лояльности только потому, что я какое-то время выполнял обязанности командира… сегодня днем, то…

— Что-то?

— Я просто хотел сказать, что у меня нет никаких амбиций на этот счет, — неуклюже закончил он.

Лэнг похлопала его по спине.

— Конечно, я знаю. Не забывай, я читала твое досье. Там упоминается несколько интересных эпизодов, про которые мне хотелось бы однажды расспросить тебя. Насчет твоих прошлых авантюр…

— Черт возьми, это очень громко сказано. Я просто попадал в кое-какие передряги, но смог выпутаться из них.

— Тем не менее тебя выбрали для участия в экспедиции из сотен других кандидатов. И явно потому, что тебя считали человеком непредсказуемым, способным к решительным действиям и выживанию в сложных обстоятельствах. Возможно, это было оправданно. Но еще я запомнила из твоего досье, что ты не лидер, а одиночка, способный работать в группе и не имеющий проблем

с дисциплиной. И все же одному тебе работать легче. Не хочешь отделиться от нас?

Он улыбнулся в ответ:

— Спасибо, но нет. Впрочем, все, что ты сказала, правда. У меня нет никакого желания чем-либо руководить. Но кое-какие полезные знания у меня действительно имеются.

— И мы ими обязательно воспользуемся. Ты просто рассказывай. Я буду слушать. — Она хотела еще что-то добавить, но затем передумала. — Скажи, а что ты думаешь по поводу женщины — руководителя этого проекта? Я стремилась к этому еще с тех пор, когда служила в BBC. Но если у тебя есть какие-то возражения, можешь тоже их высказать.

Ее слова сильно удивили его.

— Ты же не восприняла ту шутку всерьез? Но скажу честно. Я специально так сказал. Это как тычок электрохлыстом. Ты выглядела так, словно тебе нужно было дать хороший пинок.

— Спасибо тебе за это. Но ты так и не ответил на вопрос.

— Руководитель должен руководить, — просто ответил он. — Я буду следовать за тобой до той поры, пока ты отдаешь приказы.

— И пока мы движемся в нужном тебе направ-

лении? — рассмеялась она и снова ткнула его в ребра. — Я вижу в тебе моего великого визиря. Человека, который обладает тайными знаниями и дает советы правителю. Но, думаю, за тобой все равно придется присматривать. Я ведь сама тоже немного знаю историю.

Кроуфорд не мог понять, насколько серьезно она все это говорила. Поэтому просто отмахнулся от ее слов.

— На самом деле я вот о чем хотел с тобой поговорить. Ты сказала, что не можешь управлять этим кораблем. Но ты тогда была сама не своя, подавлена и чувствовала себя беспомощной. Ты до сих пор так считаешь?

— До сих пор. Давай поднимемся, и я покажу тебе почему.

В кабине пилота Кроуфорд понял, что готов поверить ей на слово. Как и во всех летательных аппаратах со времен ветроуказателей и открытых кабин летчиков, здесь было безумное множество индикаторов, переключателей, сигнальных лампочек, специально созданных для того, чтобы наводить ужас на несведущих людей. Он сел в кресло второго пилота и стал слушать ее.

— Разумеется, у нас был второй пилот. Воз-

можно, ты удивишься, но им была не я. А Дороти Кэнтрелл, и она погибла. Мне известно обо всем, что находится на этой приборной панели, и я довольно легко с этим разберусь. Тому, чего не умею, могу научиться. Некоторые системы управляются компьютером. Задай правильную программу, и корабль сам полетит. — Лэнг с тоской посмотрела на пульт управления, и Кроуфорд понял, что, как и Вайнштейн, она без особого удовольствия обменяла радость от полетов на управление кучкой исследователей. В прошлом она была летчиком-испытателем и к тому же обожала летать. Она провела ладонью по рычагам ручного управления слева. Справа от нее было еще несколько таких.

— Вот это бы нас и убило, Кроуфорд. Как тебя по имени? Мэтт? Мэтт, эта крошка пролетела бы первые сорок тысяч метров. Но у нее не хватило бы ресурса выйти на орбиту на одних только реактивных двигателях. Крылья сейчас сложены. Ты, возможно, не рассмотрел их, пока мы летели сюда, но точно видел макеты. Они очень легкие, со сверхкритическим профилем и сконструированы специально для этой атмосферы. Лу говорил, что это почти как управлять ванной, только летающей. Требуется настоящее мастер-

ство, это практически искусство. Лу три года практиковался на лучших тренажерах, которые нам только удалось построить, и все равно ему приходилось полагаться на навыки, которые невозможно получить в стимуляторе. Тем не менее он с большим трудом смог посадить нас в целости и сохранности. Мы не разглашали эти сведения, но аварии едва удалось избежать. Лу был молод, как и Кэнтрелл. Они оба постоянно летали. Каждый день, отлично чувствовали аппарат. Они были лучшими. — Она откинулась на спинку кресла. — Я уже восемь лет не летала вообще, только на тренажерах.

Кроуфорд не знал, оставить ему эту тему или продолжать разговор.

— Но ты ведь была одной из лучших. Все об этом знают. И ты по-прежнему считаешь, что не справишься?

Она подняла руки вверх.

— Как мне сделать так, чтобы ты понял? Я никогда еще не летала на чем-то подобном. Это все равно что… — Она никак не могла подобрать сравнение и начала разводить руками, словно эти жесты помогли бы ей что-нибудь придумать. — Послушай. Если человек умеет летать на биплане, даже если он, черт возьми, лучший

пилот биплана на свете, это не значит, что он так же хорошо управится с вертолетом.

— Даже не знаю.

— Не значит. Поверь мне на слово.

— Хорошо. Но факт остается фактом, изо всех, кто сейчас на Марсе, ты больше всего подходишь на роль пилота «Подкейн». И, думаю, ты должна иметь это в виду, когда будешь решать, что нам делать дальше. — Кроуфорд замолчал, опасаясь, как бы она не подумала, что он пытается на нее давить.

Лэнг прищурилась и уставилась в пустоту.

— Я уже думала об этом. — Она долго молчала. — Думаю, если мы попытаемся взлететь, наш шанс на успех — тысяча к одному и не в нашу пользу. Но если придется, я это сделаю. А *твоя* работа — доказать мне, что у нас больше шансов выжить. Дай мне знать, если не можешь этого сделать.

Три недели спустя каньон Фарсида превратился в настоящий сад детских игрушек. По крайней мере, Кроуфорду такое сравнение казалось самым удачным. Каждый из пластиковых шипов расцвел, превратившись в нечто замысловатое, похожее на ветряную мельницу, причем все они отличались друг от друга. Встречались совсем

крошечные, не больше десяти сантиметров высотой, с крыльями параллельными земле. Там были нефтяные вышки с напоминавшими паутину пластиковыми опорами, которые выглядели бы вполне уместно на какой-нибудь ферме в Канзасе. Некоторые достигали пяти метров в высоту. Они были разными по форме и цвету, но крылья и лопасти каждой покрывала похожая на целлофан прозрачная пленка, и все они вращались на сильном марсианском ветру, преображаясь в разноцветные расплывшиеся пятна. Кроуфорду это напоминало технопарк, построенный гномами. Иногда ему даже казалось, что он видел, как они медленно и устало проходили между вращающихся крыльев.

Сон попробовала разобрать одну такую мельницу. Она до сих пор не могла поверить в то, что увидела. Ей не удалось полностью выкопать длинный, окруженный изоляционным покрытием корень, но она смогла предположить, насколько глубоко он уходил в почву. Корень доставал до слоя вечной мерзлоты, залегавшего на глубине двадцати метров.

Почва между ветряными мельницами была покрыта сияющим пластиком. Это был один из элементов оригинального решения проблемы

выживания на Марсе, который применяли эти «растения». Ветряные мельницы использовали энергию ветра, а пластиковое покрытие на грунте состояло из двух тонких пластин с пространством для циркуляции воды. Вода, нагретая на солнце, затем закачивалась вниз, к слою вечной мерзлоты, и каждый раз заставляла его немного подтаивать.

— И все же картинка не совсем складывается, — сказала им Сон предыдущим вечером, когда кратко изложила суть своих наблюдений. — Марти не удалось найти механизм, который позволял бы этим существам перерабатывать песок и камни, превращая их в похожий на пластик материал. И мы предполагаем, что где-то здесь находится резервуар с неочищенной нефтью, возможно замерзшей вместе с водой.

— Откуда все это могло взяться? — спросила Лэнг.

— Вы ведь слышали теории о продолжительных сезонах на Марсе? Так вот, часть из них — не просто теории. Сочетание наклона оси вращения, прецессионного цикла и эксцентриситета орбиты приводит к тому, что сезоны длятся здесь примерно по двенадцать тысяч лет. И мы находимся в разгаре зимы, хотя формально приземлились

«летом». Существует теория, что если бы на Марсе существовала жизнь, то она приспособилась бы к таким длительным циклам. Во время холодного цикла она находилась бы в спячке в виде спор, когда же на полюсах начинала таять вода и появлялся углекислый газ, пробуждалась после того, как таяние льдов запускало развитие биологических процессов. Похоже, мы обманули эти растения; они решили, что наступило лето, ведь вокруг лагеря начало увеличиваться содержание водяного пара.

— А что там насчет нефти? — спросил Ролстон. Этот элемент разработанной ими теории до сих пор вызывал у него сомнения. Ролстон был химиком-лаборантом и специализировался на неорганических соединениях. То, как эти растения производили пластик без высоких температур, с помощью одной только каталитической реакции, повергало его в замешательство и недоумение. Ему хотелось, чтобы эти безумные мельницы исчезли.

— Думаю, я смогу ответить на этот вопрос, — сказала Маккиллиан. — Эти организмы даже в лучшие времена выживают с трудом. Но те, кому удается уцелеть, стараются не расходовать ресурсы впустую. Можно предположить, что если здесь

и были древние месторождения нефти, то они истощились бы всего после нескольких подобных циклов. А значит, мы принимаем за нефть нечто иное. Скорее всего, это останки прошлых поколений.

— Но как этим останкам удалось оказаться на такой глубине от поверхности? — спросил Ролстон. — Скорее можно предположить, что они должны находиться наверху. Ветер не смог бы закопать их так глубоко всего за двенадцать тысяч лет.

— Ты прав, — ответила Маккиллиан. — На самом деле, я не знаю, как это могло случиться. Но у меня есть теория. Если эти растения ничего не теряют, то почему бы им не консервировать свои тела после смерти? Они растут из почвы; и вполне возможно, что, когда условия становятся неблагоприятными, снова прячутся в грунт? В то же самое время они разбрасывают споры, распределяя их по всей поверхности. И даже если те споры, что окажутся в верхних слоях, унесет ветер или же они высохнут под ультрафиолетовым излучением, у тех, что находятся глубже, все еще будет шанс дать побеги, когда снова наступят благоприятные условия. Когда останки достигают слоя вечной мерзлоты, они разлагаются,

скорее всего превращаясь в субстанцию, напоминающую подтаявший снег, но органического происхождения, и… наверное, все это кажется немного запутанным?

— По-моему, все нормально, — успокоила ее Лэнг. — Вполне рабочая теория. А что насчет спор, которые разносятся ветром?

Как оказалось, им ничего не угрожало. В воздухе сейчас находились споры, но они не представляли опасности для колонистов. Растения атаковали только определенный тип пластика и только на определенном этапе своего существования. И все же поскольку они продолжали мутировать, нельзя было терять бдительность, но шлюзам и скафандрам они не угрожали. Команда наслаждалась возможностью спать без скафандров.

Дел было много. Почти вся физическая работа легла на плечи Кроуфорда и, в какой-то степени, Лэнг. Это сильно их сблизило. Оставшиеся три участника команды были освобождены от нее, чтобы иметь возможность продолжать свои исследования, так как все пришли к единогласному мнению, что шанс уцелеть у них появится, только если они смогут хорошо изучить окружающую среду.

Кроуфорду и Лэнг удалось спасти большую часть купола. Разрезая плотный материал лазером и сшивая его инструментами для починки шин, они смогли соорудить еще один купол меньшего размера. Они возвели его на участке выхода на поверхность коренных горных пород и перестроили систему откачки воздуха, чтобы предотвратить скопление конденсата под полом купола, а также добавили дополнительные средства обеспечения безопасности. Теперь они спали в герметичном здании внутри купола, и один из них все время нес дежурство. В процессе тренировок они выработали навык за тридцать секунд переходить от глубокого сна в состояние полной боеготовности. Теперь уже ничто не могло застать их врасплох.

Кроуфорд отвлекся от бешеного вращения мельниц на «ферме». Вместе с остальными участниками команды он сидел под куполом без шлема. Лэнг позволяла им находиться вне скафандров только в тесном помещении для сна. Сон Сью Ли передавала по рации отчет на «Эдгара Райта Берроуза». В руке у нее был насосный модуль, который она извлекла из растения. Это устройство примерно в полметра длиной состояло из восьми лезвий, свободно вращавшихся

на тефлоновых подшипниках. Под ними было несколько разных маленьких приспособлений и сам насос. Разговаривая, она лениво вертела его в руке.

— Я не понимаю, — признался Кроуфорд, тихо обращаясь к Люси Маккиллиан. — Что в этих мельницах такого революционного?

— Это совершенно новая сфера, — прошептала в ответ Маккиллиан. — Сам подумай. На Земле природа так и не смогла изобрести колесо. Иногда я задавалась вопросом почему. Разумеется, существуют ограничения, но сама идея так хороша. Посмотри, что с колесом сделали *мы*. Но в природе все движется вверх или вниз, вперед или назад, внутрь или наружу, сжимается или расслабляется. На Земле ничто никогда не движется по кругу. За исключением того, что было создано нашими руками.

Кроуфорд задумался и тоже увидел во всем этом новизну. Он тщетно попытался вспомнить какое-нибудь земное животное или растение, имеющее вращающийся орган, который был бы способен двигаться вечно. Но на ум ничего не приходило.

Сон закончила с отчетом, повернулась и передала микрофон Лэнг. Прежде чем та начала говорить, послышался голос Вайнштейна.

— Планы изменились, — сразу перешел он к делу. — Надеюсь, это ни для кого не станет потрясением. Если вы хорошенько подумаете, то увидите в этом логику. Мы возвращаемся на Землю через семь дней.

Их это не сильно удивило. «Берроуз» предоставил им все, что мог дать в плане информации и продовольствия. Они ждали еще одну капсулу, после чего его присутствие на орбите стало бы только раздражать обе команды. Была в этом даже какая-то ирония: два больших корабля находились так близко друг к другу, но оставались совершенно беспомощными, чтобы предпринять конкретные действия. На команде «Берроуза» это сказывалось особенно сильно.

— Мы провели полный перерасчет для меньшего груза. Без вас двадцати и шести тонн образцов. Благодаря топливу, которое мы собирались отправить вам для взлета, мы сможем быстрее выйти на орбиту и направиться в сторону Венеры. Чтобы попасть на эту орбиту, нужно вылететь через семь дней. По пути мы встретим капсулу с припасами, которую прежде не принимали в расчет.

«А кроме того, — подумала про себя Лэнг, — это еще и так драматично! Лететь к Солнцу по тра-

ектории случайно подвернувшейся кометы, без запасов продовольствия, надеясь на судьбоносную встречу!..»

— Мне хотелось бы выслушать ваши комментарии, — продолжал он. — Решение не окончательное.

Все посмотрели на Лэнг, ее спокойный и невозмутимый вид придал им уверенности.

— Я думаю, что это самая лучшая идея. Только один вопрос: ты отказался от мысли, что я смогу управлять «Подкейн»?

— Да, Мэри, не обижайся, — мягко ответил Вайнштейн, — но ты не сможешь этого сделать. Так считают люди с Земли. Они провели эксперименты, подготовили очень хороших пилотов и поместили их в тренажер. У них ничего не вышло, поэтому мы думаем, что и у тебя не получится.

— Только не пытайся подсластить пилюлю. Я и сама все знаю. Но даже один шанс из миллиарда лучше, чем ничего. Как я понимаю, они решили, что Кроуфорд прав, и мы, по крайней мере в теории, сможем выжить?

Вайнштейн замялся и очень долго не отвечал.

— Думаю, так и есть, Мэри. Но если честно, то, мне кажется, это невозможно. Я надеюсь, что ошибаюсь, но не ожидаю…

— Спасибо, Вайни, что приободрил меня. Ты всегда умел поддержать других людей. Кстати, та, другая миссия, когда ты собирался прилететь сюда на метеорите, чтобы спасти наши задницы, ее тоже отменили?

Все члены команды улыбнулись, а Сон издала пронзительный радостный крик. Вайнштейна на Марсе не слишком любили.

— Мэри, я уже говорил тебе, — ответил он жалобным тоном. Интонация была кроткой и, что еще важнее, он даже не возразил, когда к нему обратились по прозвищу. С обреченными он вел себя очень деликатно. — Мы работали над этим сутки напролет. Я даже получил разрешение временно снять с себя полномочия командира. Но те макеты, которые изготовили на Земле, они не выдержали входа в атмосферу. Мы сделали все, что в наших силах. Я не могу рисковать целой экспедицией и использовать аппарат, не прошедший одобрения на Земле.

— Знаю. Я выйду на связь завтра. — Она отключила рацию и присела на корточки. — Честное слово, если бы на Земле не провели экспериментов с рулоном туалетной бумаги… то он бы не… — Она всплеснула руками. — Что я вообще говорю? Это так мелочно! Я недолюбливаю его, но

он прав. — Она встала, надула щеки и медленно выдохнула. — Пойдемте, команда, у нас много работы.

Свою колонию они назвали «Новым Амстердамом» из-за ветряных мельниц. Название «вертушки» накрепко приклеилось к марсианским растениям, хотя Кроуфорд долгое время предпочитал называть их «спиннакерами».

Целый день они работали и старались не думать о «Берроузе», который находился где-то высоко над ними. Обменивались короткими сообщениями, но только по делу. И пускай корабль-носитель не мог им больше оказать помощи, они все равно понимали, что будут скучать по нему, когда тот улетит. Поэтому день отлета стал для них самым обычным днем, хотя все были очень напряжены. И демонстративно легли спать за час до запланированного отбытия «Берроуза».

Удостоверившись, что все спят, Кроуфорд открыл глаза и обвел взглядом темный барак. Это место не отличалось домашним уютом, все спали вповалку на жестких матрасах из теплоизоляционного материала. Туалет находился за хлипкой перегородкой около одной из стен, и от него воняло. Но никто не захотел бы спать снаружи под куполом, даже если бы Лэнг им позволила.

Единственным источником света были циферблаты с подсветкой, с которых дежурный всю ночь должен был не сводить взгляда. Но перед ними никто не сидел. Кроуфорд решил, что дежурный уснул. Он мог бы расстроиться, но времени на это не было. Нужно было надеть скафандр, и Кроуфорд решил воспользоваться этим шансом, чтобы улизнуть незамеченным. Он начал тихонько одеваться.

Как историк Кроуфорд считал, что такой момент просто не может остаться незамеченным. Глупая мысль, но тем не менее ему нужно было оказаться там, увидеть все своими глазами. Даже если он погибнет и никому не сможет рассказать, он должен был это зафиксировать.

Кто-то сел рядом с ним. Он замер, но было уже поздно. Она терла глаза и всматривалась в темноту.

— Мэтт? — зевнула она. — Что… в чем дело? Что-то…

— Тсс. Я выйду прогуляюсь. А ты спи. Сон?

— Мм, угу. — Она потянулась, яростно потерла глаза костяшками пальцев и откинула волосы с лица. На ней была просторная форма экипажа корабля — грязно-серая и нуждающаяся в стирке, как и вся их одежда. На мгновение, наблюдая за

ее тенью, как она потягивалась и вставала, Кроуфорд поймал себя на мысли, что в тот момент «Берроуз» интересовал его меньше всего. Он с трудом отвлекся от созерцания Сон.

— Я пойду с тобой, — прошептала она.

— Хорошо. Только не разбуди остальных.

Снаружи рядом со шлюзом стояла Мэри Лэнг. Она обернулась, когда они подошли к ней, и, кажется, совсем не удивилась.

— У тебя сегодня дежурство? — спросил ее Кроуфорд.

— Ага. Я нарушила свое же правило. Как и вы двое. Считайте, что вам я объявила вам выговор. — Она рассмеялась и подозвала их к себе.

Взявшись за руки, они стояли и смотрели в небо.

— Долго еще? — спросила Сон некоторое время спустя.

— Осталось всего несколько минут. — Кроуфорд посмотрел на Лэнг, и ему показалось, что он заметил слезы в ее глазах, но в темноте сложно было разобрать.

На небе появилась крошечная новая звезда, и она сияла ярче остальных, даже ярче Фобоса. От ее света слепило глаза, но никто из них не отвел взгляд. Это было пламя, вырывавшееся из сопел

ракетного двигателя «Эдгара Райса Берроуза», который улетал в сторону Солнца, прочь от долгой марсианской зимы. Звездочка мерцала в небе несколько долгих минут, затем ярко вспыхнула и пропала. Под куполом было тепло, но Кроуфорда трясло. Прошло еще десять минут прежде, чем они нашли в себе силы вернуться в барак.

Сгрудившись в шлюзе и стараясь не смотреть друг другу в глаза, они ждали, пока заработают автоматы. Внутренняя дверь открылась, и Лэнг устремилась вперед, но тут же вернулась обратно в шлюз. Кроуфорд мельком заметил Ролстона с Люси Маккиллиан, но Мэри сразу захлопнула дверь.

— Кое у кого совсем нет поэзии в душе, — сказала Мэри.

— Или же ее слишком много, — усмехнулась Сон.

— Не хотите прогуляться со мной под куполом? Заодно обсудим, как обеспечить людей возможностью уединиться.

Внутренняя дверь шлюза распахнулась, и перед ними предстала Маккиллиан. Она щурилась от света одинокой лампочки, освещавшей шлюз, и придерживала на груди распахнувшуюся рубашку.

— Выходите уже, — сказала она, отступая в сторону. — Можете и здесь поговорить.

Они вышли, Маккиллиан выключила свет и уселась на матрас. Ролстон моргал и нервно кутался в свои одеяла. Кажется, со дня обрушения купола он так и не смог согреться.

Маккиллиан пригласила всех к дискуссии, а сама замолчала. Сон и Кроуфорд уселись на свои матрасы, тишина становилась все напряженнее, и тогда все уставились на Лэнг.

Она снимала скафандр.

— Что ж, обсуждать тут особенно нечего. Буду рада выслушать вас. Люси, если ты ожидаешь каких-нибудь упреков, можешь не переживать. Завтра подумаем, как нам организовать себе немного личного пространства, но в любом случае следующие годы мы станем друг другу довольно близкими людьми. Поэтому нужно расслабиться. Есть возражения?

Она уже наполовину сняла скафандр, но в этот момент сделала паузу и обвела всех взглядом, ожидая вопросов и возражений. Однако ничего подобного не последовало. Раздевшись донага, Лэнг потянулась к выключателю.

— Мне кажется, что сейчас — самое подходящее время, — сказала она и швырнула свою одежду

в угол. — Единственное, что мы можем сделать с одеждой, — это сжечь ее. Без нее от нас будет лучше пахнуть. Сон, теперь ты дежуришь. — Она выключила свет и тяжело опустилась на матрас.

Дальнейшие несколько минут слышались шуршание и ерзанье, пока все раздевались. Сон задела в темноте Кроуфорда, и они начали извиняться друг перед другом. Затем все улеглись на свои матрасы. Прошло несколько напряженных, тяжелых часов, прежде чем они смогли заснуть.

Следующая неделя после отлета «Берроуза» прошла в Новом Амстердаме в состоянии бурной истерии. Атмосфера была напряженной и фальшивой, чем бы они ни занимались, за всем ощущалось острое желание есть, пить и веселиться.

Они построили под куполом отдельный загончик, даже не обсуждая вслух, для чего тот предназначался. Однако он не пустовал. Продуктивность в работе сильно страдала от того, что три женщины и два мужчины лихорадочно пытались придумать самые различные сочетания для уединений. Вражда вспыхивала, продолжалась несколько часов, а затем растворялась в слезах примирения. Трое объединялись против двоих, двое против одного, один объявлял войну

оставшимся четверым. Ролстон и Сон заявили о помолвке, которая продлилась десять часов. Кроуфорд едва не подрался с Лэнг, которой помогала Маккиллиан. Маккиллиан навеки отреклась от мужчин и закрутила короткий, но бурный роман с Сон. Затем Сон обнаружила Маккиллиан с Ролстоном и тут же бросилась в объятия Кроуфорда, а потом опять вернулась к Ролстону.

Мэри Лэнг пустила все на самотек и вмешивалась, лишь когда вспыхивали драки. Она и сама не смогла удержаться в стороне от всеобщего безумия, но ее все это не сильно затронуло. Лэнг уходила в загончик с каждым, кто просил ее об этом, старалась никому не отдавать предпочтения и мягко подталкивала их вернуться обратно к работе. Как она сказала Маккиллиан к концу недели: «По крайней мере, мы узнали друг друга».

Постепенно все успокоились, как и предполагала Лэнг. Ко второй неделе они оказались примерно в том же состоянии, что и в самом начале первой: ни у кого не было серьезных романтических привязанностей. Однако они намного лучше узнали друг друга, готовы были оказать поддержку, между ними возникли новые дружеские связи. Произошедшее сильно

сплотило их, они стали настоящей командой. Соперничество не удалось полностью искоренить, но оно уже не играло в колонии первостепенной роли. Лэнг заставляла их работать усерднее обычного, чтобы наверстать упущенное время.

Кроуфорд скучал по интересной работе, так как больше всех остальных подходил для малоквалифицированного физического труда, в котором всегда была большая потребность. Им с Лэнг приходилось узнавать о новых открытиях во время вечерних посиделок в вагончике. Он не помнил, чтобы ему рассказывали про обнаруженных на планете животных, и когда увидел, как что-то ползет через сад с вертушками, бросил все и устремился за этим созданием.

На краю сада он остановился, вспомнив приказ Лэнг ни во что не вмешиваться, если только не потребуется собрать образцы. Он понаблюдал за этим существом — жуком? или черепахой? — убедился, что при таком темпе оно далеко не уползет, и побежал искать Сон.

— Ты должна назвать его в мою честь, — сказал он, пока они спешили обратно в сад. — Я ведь имею на это право как первооткрыватель?

— Разумеется, — сказала Сон, вглядываясь в то место, куда он указывал пальцем. — Покажи мне

это чертово существо, и я тебя увековечу.

Существо было примерно двадцати сантиметров в длину, почти круглым и куполообразной формы. Сверху его тело покрывал твердый панцирь.

— Даже не знаю, что с ним делать, — призналась Сон. — Если оно такое единственное, я не посмею вскрыть его. Возможно, даже трогать не стану.

— Не волнуйся, позади тебя точно такое же.

Осмотревшись, они нашли еще четырех таких же созданий. Из сумки на поясе Сон достала пакет для сбора образцов и раскрыла его перед животным. Оно наполовину заползло внутрь, но затем, вероятно, почувствовало неладное и остановилось, Сон подтолкнула его внутрь и подняла пакет. Посмотрев на него снизу, она удивленно рассмеялась.

— Колеса, — сказала Сон. — Эти штуки передвигаются на колесах.

— Понятия не имею, откуда это взялось, — сказала Сон вечером остальным. — Я даже не могу до конца поверить, что эта штуковина на самом деле существует. Из нее могла бы выйти неплохая обучающая игрушка для детей. Я разобрала ее на двадцать или тридцать деталей, потом собрала

заново, и она все еще работает. Ее панцирь из ударопрочного полистирола покрыт снаружи нетоксичной краской…

— Это не совсем полистирол, — вмешался Ролстон.

— …и я думаю, что, если вовремя менять батарейки, она будет работать вечно. Ты хотел сказать, что это *практически* полистирол.

— Ты это серьезно насчет батареек? — спросила Лэнг.

— Я не уверена. Марти считает, что в верхней части панциря происходит химический метаболизм, но я еще не исследовала эту часть. Однако я не могу сказать, что это существо живое в привычном нам смысле слова. Сами посудите — он катается на *колесиках!* У него три колеса, приспособленных для движения по песку, а также нечто среднее между двигателем с резиновой лентой и спусковой пружиной. Энергия накапливается в свернутом в спираль мускуле и постепенно выпускается. Не думаю, что оно способно преодолеть больше сотни метров. Если только ему не удастся снова свернуть мускул в спираль, и я не знаю, как это можно сделать.

— Звучит довольно специфично, — задумчиво проговорила Маккиллиан. — Возможно, стоит

выяснить, какую нишу они занимают? Судя по твоим описаниям, они не способны функционировать без помощи симбиотов. Возможно, они, как пчелы, опыляют растения, и те либо дают этим существам свою энергию, либо они воруют ее, чтобы завести пружину. Ты не нашла устройства, с помощью которого этот жучок может украсть энергию у вращающихся механизмов вертушек?

— Этим я хотела заняться завтра утром, — ответила Сон. — Если только Мэри не позволит нам проверить все сегодня? — сказала она с надеждой в голосе, но не ожидая положительного ответа.

Мэри Лэнг решительно покачала головой:

— Не к спеху. Там *холодно*, милочка.

Во время нового исследования сада с вертушками на следующий день обнаружилось еще несколько видов растений, а также одно существо, которое можно было отнести к животным. Это создание размером с муху-дрозофилу способно было перелетать с одного растения на другое, когда порыв ветра приводил в движение его свободно вращающиеся лопасти, напоминавшие винт вертолета.

Кроуфорд и Лэнг бродили вокруг ученых, пока те исследовали то, что им удавалось обнаружить.

Они не очень-то стремились вернуться к работе, которой занимались последние две недели: попытке придать «Подкейн» горизонтальное положение, при этом не повредив корабль. Вскоре после приземления его закрепили стабилизационными кабелями. Кроме того, в планах была предусмотрена возможность положить его на бок на случай сильного ураганного ветра. Но, по проекту, заниматься этим должны были двадцать человек в течение целого дня с помощью множества хитроумных приспособлений. Работа предстояла долговременная, и спешить не следовало. Если бы корабль завалился и разгерметизировался, они лишились бы последнего шанса на спасение.

Кроуфорд и Лэнг с радостью использовали возможность прогуляться по сказочной стране. Цветение стало еще более буйным, чем в прошлый раз, когда Кроуфорд бывал в саду. Там появились толстые лианы, в которых, по словам Сон, текла вода: холодная и горячая, а также множество других жидкостей. Возникли новые «нефтяные вышки», причем в нежных пастельных тонах, придававшие этому месту еще больше сходства с нефтяным месторождением.

Они с легкостью обнаружили, откуда появи-

лись те «мэттьюсы». Сбоку на большой нефтяной вышке обнаружилось с дюжину двадцатисантиметровых шишек. Очевидно, эти жучки вырастали там, словно опухоли, а затем, созревая, отделялись. Но вот для чего они предназначались, так и оставалось неясно. Колонисты также выяснили, что мэттьюсы двигались строго по прямой, пока не расходовали весь запас энергии. Если их удавалось завести, они продолжали ползти дальше. Десятками они неподвижно лежали на песке в радиусе ста метров от сада.

Следующие две недели колонистам не удалось продвинуться в своих исследованиях. Тогда они на время оставили мэттьюсов и сосредоточились на еще одной загадке, требовавшей их внимания.

На этот раз Кроуфорд узнал о ней последним. Его вызвали по рации, и, явившись на место, он обнаружил, что вся группа сидела на корточках вокруг каких-то растений на кладбище.

Кладбище, где они похоронили пятнадцать своих товарищей в день катастрофы, заросло в течение недели после отлета «Берроуза». От места, где был изначально установлен купол, его отделяло около трехсот метров песка. Поэтому Маккиллиан решила, что новый сад возник

благодаря жидкости, содержавшейся в телах умерших. Однако они не могли понять, почему этот новый оазис так радикально отличался от предыдущего.

Здесь тоже были вертушки, но они были лишены разнообразия и хаотичности оригинального сада. Все они были примерно одного размера — около четыре метров высотой — и одинакового темно-фиолетового цвета. Вертушки качали воду примерно две недели, после чего прекратили это делать. Когда Сон исследовала их, она заявила, что их опорные части замерзли и высохли. Казалось, они утратили пластификатор, благодаря которому вся их структура была гибкой и живой. Вода в трубах замерзла. Сон не могла сказать наверняка, но ей показалось, что растения погибли. Кроме того, обнаружилась еще одна сеть труб, которые обвивали нефтяные вышки и приподнимали прозрачные слои пленки повыше к солнцу, таким образом, нагревая циркулировавшую в них воду. Вода продолжала перекачиваться, но уже не с помощью ставшей привычной системы водяных мельниц. Около каждой из труб располагался насос, работавший за счет расширения и сжатия и обладавший клапанами, как у человеческого сердца.

Новое чудо выглядело очень просто на фоне живого нефтехимического комплекса. Это было приземистое растение, которое поднималось вверх на высоту не больше полуметра, а затем разделялось на два параллельных поверхности планеты стебля. На концах этих стеблей виднелось по шару абсолютно правильной формы. Один был серым, другой — голубым. И голубой был намного больше серого.

Кроуфорд быстро бросил взгляд на растение, после чего сел на корточки рядом с остальными, пытаясь понять, что могло вызвать у них такое беспокойство. Вид у всех был мрачный, почти испуганный.

— Вы позвали меня посмотреть на это?

Лэнг взглянула на него, и что-то в ее лице вызвало у Кроуфорда беспокойство.

— Посмотри, Мэтт. Посмотри внимательно.

Он так и сделал, чувствуя себя глупо и пытаясь понять, не хотят ли его разыграть. На верхушке большой сферы он заметил белое пятно и в нем, как в стеклянном шарике виднелись матовые завитки. Что-то ему это напоминало, и он вдруг почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом.

— Оно вращается, — тихо проговорила Лэнг. —

Поэтому Сон и заметила его. Она приходила сюда в другой день, и оно находилось в ином положении.

— Дайте угадаю, — сказал Кроуфорд спокойным голосом, хотя ему стало совсем не по себе. — Тот маленький вращается вокруг большого, верно?

— Верно. И маленький всегда повернут к большому одной стороной. А большой поворачивается вокруг своей оси один раз за двадцать четыре часа. И его ось наклонена на двадцать три градуса.

— Это же… какое там есть слово? Планетарий! Это планетарий. — Кроуфорд невольно поднялся и покачал головой, пытаясь собраться с мыслями.

— Забавно, — тихо сказала Лэнг. — Я ожидала чего-то более эффектного или, по крайней мере, не настолько очевидного. Какой-нибудь инопланетный артефакт в скале среди костей пещерного человека или космический корабль, входящий в Солнечную систему. Наверное, я просто мыслю такими категориями, как керамические осколки или атомные бомбы.

— Ну, все это кажется мне какой-то банальщиной в сравнении с *этим*, — сказала Сон. — Вы… вы *осознаете*… о чем тут идет речь? Об эволюции или… или об инженерном деле? Это смастерили

сами растения или же те, кто их создал? Вы понимаете, о чем я говорю? Эти колеса с самого начала казались мне странными. Я не могу поверить, что они возникли естественным путем.

— И что же ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что растения, которые мы здесь видели, были спроектированы подобным образом. Они слишком идеально адаптируются к окружающему миру, слишком хитроумно устроены и не могли просто возникнуть под воздействием среды. — Она отвела взгляд и посмотрела на долину перед собой. Та выглядела совершенно пустынной, одни лишь красные, желтые и коричневые пласты горных пород и опрокинутые валуны. А прямо перед ней крутились яркие вертушки.

— Но почему именно это? — спросил Кроуфорд, указывая на невероятное растение-артефакт. — Почему именно модель Земли и Луны? И почему здесь, на кладбище?

— Потому что нас ждали, — сказала Сон, по-прежнему не глядя в их сторону. — Вероятно, они наблюдали за Землей в течение их прошлого лета. Не знаю, но, возможно, летали туда. В таком случае они обнаружили мужчин и женщин вроде нас, которые охотились и жили в пещерах.

Разводили костры, пользовались дубинками и копьями с заостренными камнями на конце. Мэтт, ты в этом лучше разбираешься.

— Кто *они*? — спросил Ролстон. — Думаешь, мы встретим марсиан? Людей? Я не представляю, как это возможно. И не верю в это.

— Боюсь, я тоже настроена довольно скептически, — поддержала его Лэнг. — Наверняка есть и другое объяснение.

— Нет! Нет другого объяснения. О, возможно, они и не такие же люди, как мы. Возможно, они сейчас находятся перед нами и вращаются как безумные. — Все с тревогой перевели взгляды на вертушки. — Но, думаю, их здесь пока нет. Думаю, что в ближайшие годы мы увидим, как растения и животные будут становиться все сложнее, создавая здесь биом и готовясь к появлению создателей. Представьте. Когда наступит лето, условия жизни сильно изменятся. Атмосфера станет почти такой же плотной, как на Земле, с примерно таким же парциальным давлением кислорода. Это произойдет через тысячи лет, и эти ранние формы жизни к тому времени уже исчезнут. Они приспособились жить при низком давлении, отсутствии кислорода и минимальном количестве влаги. Более поздние формы жизни

будут приспосабливаться к среде, похожей на нашу. И вот, когда сцена будет полностью подготовлена, на ней появятся творцы, — произнесла она почти что с религиозным воодушевлением.

Лэнг встала и потрясла Сон за плечо. Сон медленно повернулась к ним и села рядом, но перед глазами у нее все еще стояла картина, которую она только что нарисовала. Кроуфорд тоже представил себе нечто подобное, и его это испугало. В этот момент его посетила еще какая-то смутная мысль, возможно, очень важная, но он никак не мог толком ее сформулировать.

— Разве вы не понимаете? — продолжала она, теперь уже более спокойным тоном. — Все слишком удачно складывается. Это не может быть простым совпадением. И эта штука, она словно… надгробный камень, памятник. Она выросла здесь, на кладбище, из тел наших друзей. Неужели вы верите, что это только совпадение?

Очевидно, что никто так не считал. Но в то же время Кроуфорд не видел причин, почему нечто подобное не могло произойти.

Обидно было откладывать разгадку этой тайны, но в тот момент они ничего не могли предпринять. Как не могли решиться и выкопать одно из этих растений, даже когда на кладбище появи-

лось еще пять таких же. Все единогласно пришли к решению оставить марсианские растения и животных в покое. Большинство из них, будучи законченными атеистами, не поверили в теорию Сон, но всякий раз, проходя мимо сада, не могли отделаться от неприятного ощущения, будто вторгаются на чужую территорию. Подсознательно им казалось, что было бы лучше не приближаться к этому месту, поскольку оно может оказаться чьей-то частной собственностью.

В течение следующих шести месяцев среди вертушек не появилось больше никаких новых растений. У Сон это не вызвало удивления. Ведь это соответствовало ее теории, что растения были всего лишь заботливыми служителями, подготавливавшими территорию для разнообразных менее выносливых форм жизни, которые будут дышать воздухом. Они должны были подогреть почву и подвести воду ближе к поверхности, после чего, выполнив свои обязанности, им надлежало исчезнуть.

Трое ученых на время отвлеклись от своих исследований, так как намного важнее стало решить текущие проблемы. Заплатки на куполе держались уже не так прочно, как прежде, материал стал истончаться, появилась необходимость

найти новый дом. Каждый день им приходилось ликвидировать последствия незначительных утечек, которые могли привести впоследствии к новому обрушению.

«Подкейн» опустили на землю. Теперь, ко всеобщему огорчению, надежды на нее не было никакой. Это был тяжелый день для Мэри Лэнг — самый плохой с момента обрушения. Она понимала необходимость этого поступка, но все равно считала такой конец бесславным для этого гордого летательного аппарата. Неделю она мрачно размышляла о случившемся, стала вспыльчивой, и общаться с ней оказалось практически невозможно. Затем она попросила Кроуфорда уединиться вместе с ней. Это был первый раз, когда она обращалась с подобной просьбой к кому-то из четверых членов экипажа. Час они лежали обнявшись, и Лэнг тихо всхлипывала, уткнувшись ему в грудь. Кроуфорд гордился тем, что она выбрала именно его себе в спутники в тот момент, когда больше не могла демонстрировать свою силу, с чем так успешно справлялась все это время. Впрочем, в какой-то степени это тоже было проявлением силы — показать свою слабость единственному из четверки, кто мог стать ее соперником за лидерство. Он не предал ее доверия.

В конце концов, она ведь тоже утешала его.

После того дня Лэнг приняла безжалостное решение разобрать старушку «Подкейн». Она лично наблюдала за извлечением мотора, чтобы обеспечить команде больше жизненного пространства, и только Кроуфорд видел, чего ей это стоило. Они опустошили топливные баки и перелили топливо во все емкости, которые только смогли отыскать. Позже топливо могло пригодиться им для обогрева и зарядки батарей. Они смогли превратить пластиковые упаковочные ящики в топливные баки, выложив их изнутри кусками того двухслойного материала, который вертушки использовали для подогрева воды. Подобный вандализм вызвал у них тревогу, но другого выхода не было. На кладбище колонисты беспокойно оглядывались по сторонам, пока отрывали куски площадью в квадратный метр каждый.

Они обустроили себе жилище в форме вытянутого цилиндра. Дом был разделен на две маленькие спальни, кают-компанию и еще одну комнату, выполнявшую функцию лаборатории, склада и мастерской — ее оборудовали в бывшем топливном баке. Первую ночь Кроуфорд и Лэнг провели вместе в «пентхаусе» — бывшей кабине экипажа. Это было единственное помещение с

окнами.

Лежа на жестком матрасе, не в силах уснуть, окруженный теплым воздухом, прижимаясь к Мэри Лэнг, чьи черные ноги, словно тени, обвивали его тело; глядя сквозь иллюминатор на яркие немигающие звезды и прекрасно осознавая, что проблема с кислородом, запасами еды и воды на следующие годы так до сих пор и не решена и не было никакой гарантии того, что они смогут пережить эту ночь на планете, едва их не уничтожившей, — Кроуфорд вдруг осознал, что никогда еще в жизни не был так счастлив.

В тот день, когда с момента катастрофы прошло ровно восемь месяцев, колонистов ждало два открытия. Первое касалось сада вертушек, а точнее, нового растения, которое, судя по всему, собиралось принести плоды. Это были грозди белых шариков, похожих на виноградины, очень твердых и довольно тяжелых. Второе открытие совершила Люси Маккиллиан — ее встревожило отсутствие события, которое до того дня происходило с ней с регулярностью лунного цикла.

— Я беременна, — заявила она тем вечером, и даже Сон оторвалась от изучения белого фрукта, услышав ее слова.

Это не стало неожиданностью. Лэнг предпола-

гала, что подобное может произойти с той ночи, когда улетел «Берроуз», но не особенно переживала на этот счет. Теперь нужно было решить, как поступить.

— Я боялся, что такое случится, — сказал Кроуфорд. — Что будем делать, Мэри?

— Может, лучше ты мне скажешь, что делать? Ты ведь у нас эксперт по выживанию. В нашей ситуации дети принесут нам пользу или вред?

— Боюсь, что они станут для нас обузой. Во время беременности и после родов Люси понадобится больше еды, и впоследствии нам придется кормить еще один рот. Наши ресурсы такого просто не выдержат.

Лэнг ничего не сказала, она хотела выслушать Маккиллиан.

— Минуточку. А как же те байки про «колонистов», которыми ты кормил нас с тех пор, как нас бросили здесь на произвол судьбы? Ты слышал когда-нибудь про колонистов без детей? Если колония не станет расти, не будет и развития. Мы *должны* иметь детей. — Она смотрела то на Лэнг, то на Кроуфорда, и, судя по выражению ее лица, Маккиллиан мучили некоторые сомнения.

— Люси, у нас тут особые обстоятельства, — объяснил Кроуфорд. — Конечно, при более

благоприятных условиях я был бы только за, но мы не уверены, что сможем выжить сами, не говоря уж о ребенке. Я считаю, что нам не стоит заводить детей, пока мы не упрочим наше положение здесь.

— Ты хочешь ребенка, Люси? — тихо спросила Лэнг.

Маккиллиан, похоже, сама не знала, чего она хочет.

— Нет. Я… но да. Да, думаю, что хочу. — Она с мольбой посмотрела на них, надеясь на понимание.

— Послушайте, у меня никогда не было детей, и я не планировала их заводить. Мне тридцать четыре года, и я никогда не страдала от их отсутствия. Я всегда хотела путешествовать, а это невозможно, если у тебя ребенок. Но и колонистом на Марсе я тоже не планировала становиться. Я… Все изменилось, разве вы не понимаете? Я была подавлена. — Она оглянулась, и Сон с Ролстоном кивнули ей с пониманием. Почувствовав облегчение от того, что она не одна ощущала на себе гнет обстоятельств, Маккиллиан продолжила уже более уверенным тоном: — Мне кажется, что, если я проживу еще один день, который будет в точности как вчерашний или позавчерашний,

я просто закричу. Это же так бессмысленно — собирать информацию, но для чего?

— Я согласен с Люси, — неожиданно заявил Ролстон. Кроуфорду казалось, что он один не поддался отчаянию, которое неизбежно охватывает людей, брошенных на необитаемой земле. В своей лаборатории Ролстон выглядел воплощением беззаботной отрешенности, как будто для него существовали только его научные исследования.

— И я тоже, — сказала Лэнг, заканчивая дискуссию. Но затем она объяснила им причины, заставившие ее так высказаться.

— Посмотрим на это вот с какой стороны, Мэтт. Какими бы большими ни были наши запасы, мы не сможем продержаться на них следующие четыре года. Мы либо все умрем, либо найдем способ получить все необходимое из окружающей нас среды. И если нам удастся придумать, как это сделать, то какая разница, сколько нас здесь будет? В крайнем случае мы просто передвинем сроки, когда нам придется перейти на самообеспечение на несколько недель или месяцев.

— Я об этом не подумал, — признался Кроуфорд.

— Но это не важно. Главное то, что ты сказал вначале, и даже странно, что ты этого не пони-

маешь. Если мы колония, значит, мы должны расширяться. По определению. Историк, скажи, что происходит с колониями, которые не расширяются?

— Не береди старые раны.

— Они вымирают. Ребята, мы с вами больше не отважные исследователи космоса. Мы не те карьеристы, которыми были когда-то. Нравится нам это или нет, но лучше бы все-таки понравилось, мы — пионеры, пытающиеся выжить во враждебной среде. Обстоятельства во многом против нас. И мы не собираемся провести здесь всю жизнь, однако, как сказал Мэтт, будем строить наши планы так, словно поселились в этом месте навсегда. Какие будут замечания?

Замечаний не было. Но затем Сон задумчиво произнесла:

— Мне кажется, ребенок — это даже забавно. А если двое, то еще веселее. Кажется, пора озаботиться этим вопросом. Марти, пошли.

— Стой, дорогуша, — сухо сказала Лэнг. — Если попытаешься зачать сейчас ребенка, я заставлю тебя сделать аборт. У нас есть для этого химические препараты, и ты об этом знаешь.

— Это дискриминация!

— Может, и так. Но хоть мы и колонисты, это не

означает, что мы должны вести себя как кролики. Беременную женщину придется освободить от тяжелой физической работы до конца срока, и мы не можем позволить себе больше одной беременности за раз. После того как Люси родит, можешь снова обратиться ко мне с этим вопросом. И все это время хорошенько наблюдай за Люси, дорогуша. Ты хотя бы знаешь, через что тебе придется пройти? Ты пыталась представить себе, как будешь надевать скафандр через шесть или семь месяцев?

Судя по их выражениям лиц, ни Сон, ни Маккиллиан об этом не задумывались.

— Вот так, — продолжала Лэнг. — Она в буквальном смысле окажется в заточении здесь, на «Подди». Если только нам не удастся смастерить что-нибудь для нее. Но я в этом очень сомневаюсь. Люси, ты все еще готова через это пройти?

— Я могу немного подумать?

— Конечно. У тебя примерно два месяца. После этого срока применять препараты небезопасно.

— Я советую тебе все-таки родить, — сказал Кроуфорд. — Знаю, мое мнение ничего не значит, я же просто люблю почесать языком. Но я умею делать это хорошо и не хочу держать это в себе. Потому что это нужно колонии. Мы все чувству-

ем, что не знаем, куда нам двигаться, у нас нет стимула продолжать бороться. Но если ты все-таки родишь ребенка, такой стимул появится.

Маккиллиан задумчиво постучала кончиком пальца по зубам.

— Ты прав, — сказала она. — Твое мнение в самом деле ничего не значит. — Она с радостью похлопала его по коленке, когда увидела, что он покраснел. — Кстати, я думаю, что ребенок твой. И я все-таки буду рожать.

Пентхаус теперь, похоже, по умолчанию был закреплен за Лэнг и Кроуфордом. У них это вошло в привычку после того, как между ними возникла прочная связь, и никто из оставшихся трех членов команды не возражал. Остальные женщины, судя по всему, не испытывали по этому поводу никаких неудобств, поэтому Лэнг оставила все как есть. То, что происходило между теми тремя, ее совершенно не касалось, пока все были довольны.

Лэнг лежала в объятиях Кроуфорда и размышляла, хочет ли она снова заняться с ним любовью, как вдруг в «Подкейн» раздался выстрел.

Она много думала о последней аварии и считала, что, отреагируй быстрее, многое можно было бы предотвратить. Поэтому на этот раз она

бросилась к дверям, едва стихло эхо, и в спешке больно наступила Кроуфорду на ногу.

Прибежав на место, Лэнг увидела Маккиллиан и Ролстона, которые спешили к лаборатории, расположенной в глубине корабля. Над дверью мигала красная лампочка, однако она быстро поняла, что все еще не так ужасно, как могло быть: индикатор давления по-прежнему оставался зеленым. Сработал датчик задымления. Дым шел из лаборатории.

Сделав глубокий вдох, она вошла внутрь и тут же столкнулась с Ролстоном, который вытаскивал Сон. Не считая растерянного выражения лица и нескольких порезов, с ней, судя во всему, ничего страшного не произошло. Кроуфорд и Маккиллиан помогли уложить ее на матрас.

— Это было в одном из плодов, — сказала она, кашляя и хватая ртом воздух. — Я нагревала его в лабораторном стакане, и он взорвался. Кажется, меня это оглушило. Когда я очнулась, Марти выносил меня из лаборатории. Послушайте, мне нужно вернуться туда. Там еще один такой же… он может быть опасным! И я должна выяснить, не повредила ли я чего-нибудь… — Она попыталась встать, но Лэнг снова уложила ее на матрас.

— Успокойся. Что насчет второго?

— Я использовала зажим и дрель — только не помню, включила ее или нет. Хотела взять образец сердцевины. Вам лучше сходить проверить. Если дрель заденет то, из-за чего взорвался первый, этот тоже может взорваться.

— Я этим займусь, — сказала Маккиллиан и направилась в сторону лаборатории.

— Ты останешься здесь! — рявкнула Лэнг. — Мы знаем, что они не смогут уничтожить корабль, а вот убить, если тебе не повезет, вполне могут. Мы останемся здесь, пока оно не взорвется. Плевать на повреждения. И поскорее закройте дверь.

Не успели они закрыть дверь, как послышался свист, словно у закипающего чайника, а затем — металлический звон. Крошечный белый шарик выкатился из-за двери и стал отскакивать от стен. Он двигался настолько быстро, что за ним просто невозможно было уследить. Ударив Кроуфорда по руке, он упал на пол и, прокатившись по нему, остановился. Шипение стихло, и Кроуфорд поднял шарик. Он оказался легче, чем раньше. В нем было просверлено отверстие размером с булавочную головку. Коснувшись отверстия пальцем, он ощутил холод. Кроуфорд испугался, что обжегся, поднес палец ко рту и долго рассеянно сосал его, пока до него не дошло,

что на самом деле произошло.

— Этот «фрукт» наполнен сжатым газом, — сказал он. — Нужно будет вскрыть еще один, только в этот раз очень осторожно. Я пока опасаюсь делать выводы, что это за газ, но интуиция мне подсказывает, что наша проблема может решиться.

К тому времени, когда на Марс прибыла спасательная экспедиция, никто ее так уже не называл. Она все время откладывалась из-за разных мелочей вроде затянувшейся жестокой войны с Палестинской империей, к тому же шансов, что кто-то из участников Первой экспедиции уцелел, становилось все меньше. Совершать путешествия дальше Луны стало непозволительной роскошью: для этого не было ни средств, ни инвестиций в миллиарды долларов, тогда как в Аравийской пустыне вопросы мировой энергетической политики решались в яростных спорах с применением тактического ядерного оружия.

Когда наконец появился космический корабль, он уже не принадлежал НАСА. Его полет финансировало недавно возникшее Международное космическое агентство. Члены экипажа были со всего земного шара. Двигатель тоже оказался новым, намного лучше прежнего. Как всегда,

война дала отличный пинок под зад для проведения исследований. Эта экспедиция должна была продолжить изучение Марса в месте высадки и между делом отыскать останки двадцати американцев, чтобы затем отправить их на Землю.

Корабль эффектно приземлился посреди пламени и вздымающегося песка в трех километрах от базы Фарсида.

Капитан — индиец по фамилии Сингх — поручил команде заняться возведением постоянных построек, а сам вместе с еще тремя офицерами сел в вездеход и отправился к Фарсиде. Со времени отлета «Эдгара Райса Берроуза» прошло ровно двенадцать лет.

«Подкейн» теперь почти полностью скрывала паутина разноцветных лиан. Эти лианы были настолько прочными, что все попытки пробраться сквозь них к старому кораблю оказались безрезультатными. Однако оба шлюза были открыты, и струи песка просачивались внутрь. Хвост корабля был почти полностью погребен в песке.

Сингх велел своим людям остановиться и отступил назад, восхищаясь многообразием жизни в этом пустынном месте. Вокруг него вращались двадцатиметровые вертушки с лопастями шириной с крыло грузового самолета.

— Придется доставить с корабля режущие инструменты, — сказал он своей команде. — Возможно, они там. Что за место! Похоже, что работы предстоит много. — Он подошел к густым зарослям, покрывавшим площадь в несколько акров. Затем приблизился к участку, где преобладал фиолетовый цвет. Это место удивительным образом отличалось от остального сада. Здесь тоже возвышались похожие на нефтяные вышки вертушки, но они оставались неподвижными, как будто замерзшими. Все вышки покрывала полупрозрачная сеть из пластиковых полосок шириной в десять сантиметров каждая, причем настолько плотных, что они создавали непроницаемый барьер. Это напоминало паутину, состоящую не из нитей паучьего шелка, а из плоского тонкого материала. Они пузырями выступали наружу в пространстве между перекрещенными опорами вертушек.

— Алло, вы слышите меня?

Сингх подпрыгнул от неожиданности, затем обернулся и посмотрел на троих офицеров. Те были удивлены не меньше его.

— Алло, алло, алло? Мэри, это бесполезно. Может, попробуем другой канал?

— Подождите минуту. Я вас слышу. Где вы?

— Эй, он меня услышал! Кхм… говорит Сон Сью Ли, и я нахожусь прямо перед вами. Если внимательно всмотритесь в паутину, то разглядите меня. Я помашу вам рукой. Видите?

Прижавшись лицом к полупрозрачной паутине, Сингх начал всматриваться, и ему показалось, что он увидел какое-то движение. Паутина у него под руками была упругой, она отталкивала его, словно надутый воздушный шар.

— Кажется, я вас вижу. — Увиденное поразило его до глубины души. Когда к нему подбежали офицеры, он с трудом мог контролировать свой голос и не запинаться. — С вами все хорошо? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Последовала пауза.

— Ну вот, теперь, когда вы об этом заговорили… возможно, вы появились очень даже вовремя. Но, может, я и ошибаюсь. Впрочем, если вы привезли игрушки или что-то в этом духе, было бы мило. Я рассказывала малышу Билли много историй о том, сколько всего замечательного вы с собой привезете! Поверьте, он мне теперь покоя не даст.

Капитан Сингх почувствовал, что ситуация полностью выходит из-под контроля.

— Мисс Сон, как мы можем до вас добраться?

— Ах, извините. Пройдите примерно десять метров, пока не увидите пар, выходящий из паутины. Видите?

Они поступили так, как сказала Сон, и оказались перед участком паутины, который вдруг раздвинулся и струя теплого воздуха едва не сшибла их с ног. Пар осел на лицевых створках их гермошлемов, превратился в воду и стал заслонять обзор.

— Скорее, скорее, входите! Мы не можем долго держать дверь открытой!

Они стали пробираться на ощупь, стряхивая с рук налипший на них иней. Паутина закрылась за ними, и они оказались в центре очень сложной сети, сплетенной из нитей этого похожего на паутину материала. Индикатор давления Сингха показывал 30 мбар.

Открылся доступ в еще один отсек, и они вошли в него. После того как они миновали еще трое ворот, температура и давление приблизились к земным показателям. Перед ними возникла невысокая восточная женщина, кожа которой загорела почти дочерна. Одежды на ней не было, но на губах сияла лучезарная улыбка, от которой ее глаза радостно блестели, а на щеках играли ямочки. В ее волосах виднелись седые пряди.

Ей было — Сингх сосредоточился, вспоминая ее возраст — сорок один год.

— Сюда, — сказала она и жестом пригласила следовать за собой в туннель, также образованный пластиковыми полосками. Они плутали по лабиринту, перед ними открывались новые ворота, когда они приближались к ним, иногда приходилось опускаться на колени, если проход был слишком низким. До них стали доноситься детские голоса.

Вероятно, они достигли центра лабиринта, когда вдруг обнаружили людей, которых все давно уже списали со счетов. Их было восемнадцать. Дети затихли и с сосредоточенным видом уставились на взрослых, а остальные четверо взрослых…

Взрослые стояли на расстоянии друг от друга, пока крошечные вертолеты летали вокруг них и обвивали с головы до пят лентами, делая их похожими на живые майские деревья.

— Конечно, мы не уверены, что смогли бы выжить без помощи марсиан, — сказала Мэри Лэнг со своего оранжевого кресла, напоминавшего огромный мухомор. — Как только мы поняли, что происходит на кладбище, у нас отпала надобность искать дополнительные источники еды,

воды и кислорода. Необходимость в этом исчезла. Мы всем были обеспечены.

Она встала, пропуская еще трех женщин с корабля спасателей, которые шли, удивленно вытаращив глаза. Их запускали группами, по пять человек в час. Они не могли рисковать и открывать внешний вход чаще. Лэнг казалось, что они должны делать это пореже. Внутри находилось слишком много людей, и дети начали волноваться. Однако она сочла, что лучше разрешить команде удовлетворить свое любопытство здесь, где за ними можно наблюдать, чем позволить им устраивать беспорядок снаружи.

Внутреннее пространство гнезда было организовано в свободной форме. Жители Нового Амстердама старались сохранять его примерно таким, каким его построили вертушки, лишь изредка убирая отдельные препятствия, которые затрудняли передвижения. Это был лабиринт из тонких прозрачных стен и пластиковых опор, повсюду виднелись пластиковые трубы, по которым текла светло-голубая, розовая, золотистая и винного цвета жидкость. На некоторых трубах были установлены металлические краны с «Подкейн». Маккиллиан постоянно наполняла стаканы гостей, желавших попробовать раствор

антифриза с пятидесятипроцентным содержанием этанола. «Хорошая штука», — подумал капитан Сингх, осушая третий стакан, и это было единственное, что он в тот момент был еще в состоянии осознавать.

Сформулировать вопрос все никак не получалось, и он понял, что выпил слишком много. Но не мог же он оставаться в стороне, когда всех охватила радость от того, что они нашли людей, столько лет считавшихся погибшими. Однако от четвертого стакана он все же отказался, хоть и не без сожаления.

— Я могу понять, откуда здесь взялись эти напитки, — осторожно начал он. — Этанол — простое соединение, существует множество способов его получения. Но трудно поверить, что вы выжили, питаясь лишь той пищей, которую производят для вас эти растения.

— Вы во всем разберетесь, как только вам станет ясно, чем является кладбище и почему оно таким стало, — ответила Сон. Она сидела на полу, скрестив ноги, и кормила своего младшего сына — Итана.

— Сначала вы должны понять, что все находящееся перед вами, — она махнула рукой в сторону, на свисавшие длинными рядами мяг-

кие скульптуры, от чего Итан едва не потерял сосок, — создано для того, чтобы содержать существ, приспособленных к жизни на Марсе не больше нас с вами. Им требуется тепло, кислород при достаточно высоком давлении и свободный доступ к воде. Сейчас всего этого на планете нет, но может быть получено с помощью растений, созданных специально для этих целей. Растения были спроектированы так, чтобы пробудиться при первом появлении свободной воды и начать строить жилища, где их создатели могли бы дождаться наступления лета. Летом же вся планета расцветет. Тогда мы сможем выходить на поверхность без скафандров и воздушных ягод.

— Да, я понимаю, — сказал Сингх. — В такое чудо верится с большим трудом. — Он на мгновение отвлекся и посмотрел на потолок, откуда гроздьями свисали воздушные ягоды — белые сферы, каждая размером с шар для боулинга. Грозди крепились на трубах, которые снабжали ягоды кислородом под высоким давлением.

— Мне хотелось бы увидеть весь процесс с самого начала, — сказал он. — Где вы одеваетесь перед выходом наружу?

— Мы стали одеваться, когда вы пришли. На весь процесс уходит около получаса, поэтому мы

не успели выйти и встретить вас.

— И как долго служат… эти костюмы?

— Примерно день, — ответил Кроуфорд. — Чтобы выбраться из них, приходится их уничтожать. Пластиковые ленты плохо режутся, но есть еще одно особенное животное, которое хорошо ест такой тип пластика. Он перерабатывается и снова запускается в систему. Если вам понадобится костюм, нужно будет просто схватить птицу-вертушку за хвост, а потом отпустить ее. Она начнет кружиться в воздухе вокруг вас и обертывать готовым пластиком. Для этого требуется сноровка, но получается отлично. Ленты хорошо склеиваются, но не прилипают к нам. Поэтому нас обертывают в несколько слоев, вы ждете, пока каждый высохнет, после чего закрепляете воздушную ягоду, и вот вы обеспечены и воздухом, и теплоизоляцией.

— Чудесно, — сказал Сингх, на которого этот рассказ произвел очень сильное впечатление. Он уже видел маленьких птиц-вертушек, которые сплетали костюмы, а также других животных, крошечных личинок, съедавших эти костюмы, когда колонисты решали, что они больше не нужны. — Но вы все равно не смогли бы долго продержаться без выброса отработанного возду-

ха. Как вам удалось этого достичь?

— Мы используем дыхательные клапаны наших старых скафандров, — пояснила Маккиллиан. — Растения пока либо не начали производить клапаны, либо мы просто не распознали их. Изоляция костюмов несовершенна. Мы выходим только в самое жаркое время дня, и все равно у нас мерзнут руки и ноги. Однако мы справляемся.

Сингх понял, что она уклонилась от ответа на его вопрос.

— А что насчет еды? Конечно, наивно полагать, что эти марсиане употребляют ту же самую пищу, что и мы. Не так ли?

— Конечно нет, но нам повезло, что с нами оказался Марти Ролстон. Он рассказал нам, что фрукты на кладбище съедобны для людей. Жиры, углеводы, белки идентичны тем, которые мы привезли с собой. Ключ, разумеется, находился в планетарии.

Лэнг указала на два шара посередине комнаты, которые по-прежнему точно показывали земное время.

— Он служил нам маяком. Мы поняли это, когда увидели, что они вырастают только на кладбище. Однако что планетарий пытался сообщить? Нам

показалось, что нас здесь ждали. Сон чувствовала это с самого начала, и мы были вынуждены с ней согласиться. Но мы и представить себе не могли, насколько они подготовились к нашему визиту, пока Марти не начал изучать фрукты и содержащиеся в них нутриенты.

Послушайте, эти марсиане… а судя по выражению ваших лиц, вы все еще не верите в их существование, но обязательно поверите, если задержитесь здесь подольше… так вот, они разбираются в генетике. Очень хорошо разбираются. Мы строили тысячи предположений о том, как они могут выглядеть, и я не стану утомлять вас пересказом наших версий, но кое-что мы знаем наверняка. Они могут произвести все, что им необходимо, создать копию ДНК, заключить ее в спору, закопать и при этом точно знать, что из этой споры вырастет через сорок тысяч лет. Когда здесь начинает холодать и они понимают, что цикл подходит к завершению, они засевают планету спорами и… что-то делают. Может быть, умирают или находят другие способы переждать это время. Но они знают, что вернутся.

Нам не известно, как долго они готовились к нашему визиту. Может, в течение этого цикла, а может быть, сделали это двадцать циклов тому

назад. В любом случае в последнем цикле они закопали споры, которые произвели на свет эти штуковины. — Она коснулась ногой голубого шара, представлявшего собой модель Земли.

Они настроили их так, чтобы все это появилось только при возникновении определенных условий. Возможно, они точно знали, каких именно; но не исключено, что они рассматривали целый ряд вероятных сценариев. Сон считает, что они посетили нас еще в каменном веке. В какой-то степени в эту гипотезу легче всего поверить. Это позволило им узнать нашу генетическую структуру, выяснить, что мы едим, и приготовиться.

Поскольку если бы они не посещали нас, они создали бы другие споры. Споры, которые анализировали бы новые белки и смогли воспроизводить их. Более того, некоторые растения были способны копировать определенный генетический материал, соприкоснувшись с ним. Взгляните на трубку у вас за спиной.

Сингх обернулся и увидел трубку толщиной со свою руку. Она была гибкой, часть ее раздулась и непрерывно пульсировала, сжимаясь и расширяясь.

— Если разобрать этот выступ на части, вы удивитесь тому, как он похож на человеческое

сердце. Есть и еще один примечательный факт; в этом месте сначала возникла вертушка, но позже она сама видоизменилась, стала использовать кардионасосы, благодаря генетической информации, полученной от тел мужчин и женщин, которых мы здесь похоронили. — Она сделала паузу, подождав, пока все осмыслят сказанное ею, после чего продолжила с немного озадаченной улыбкой.

— То же самое касается всего, что мы едим и пьем. Возьмем, к примеру, спиртное, которое вы пили. Оно наполовину состоит из спирта. Спирт был бы там в любом случае, даже без трупов, но другой ингредиент по своим свойствам очень похож на гемоглобин. Это своего рода ферментированная кровь. Человеческая кровь.

Сингх обрадовался, что отказался от четвертого стакана. Один из членов его экипажа тихонько поставил стакан.

— Я никогда не пробовала человеческое мясо, — продолжала Лэнг, — но, думаю, мне известно, каково оно на вкус. Эти лианы справа, мы сдираем с них кожу и едим находящееся под ними мясо. Оно вкусное. Я бы с радостью пожарила его, но нам здесь нечего сжечь, и я не могу рисковать при такой высокой концентрации кислорода.

Сингх и остальные какое-то время молчали. Он поймал себя на мысли, что начал верить в существование марсиан. По крайней мере, это была единственная гипотеза, объяснявшая многие факты.

Мэри Лэнг вздохнула, хлопнула себя по бедрам и встала. Как и все остальные, она была обнажена, но чувствовала себя при этом совершенно свободно. В течение восьми лет они не надевали ничего, кроме марсианских скафандров. Она нежно провела ладонью по стене, которая так долго защищала ее, а также ее друзей-колонистов и их детей от холода и разреженного воздуха. Сингх был потрясен, с какой легкостью и непринужденностью она вела себя в этой чудной обстановке. Она чувствовала себя здесь как дома. Абсолютно в своей стихии.

Он посмотрел на детей. Одна большеглазая девчушка лет восьми сидела у его ног. Когда он опустил на нее взгляд, она улыбнулась и робко взяла его за руку.

— Вы привезли жвачку? — спросила девочка.

Он улыбнулся ей:

— Нет, солнышко. Но, может быть, на корабле что-нибудь найдется.

Кажется, девочке понравился его ответ. Ей не

терпелось познакомиться с чудесами земной науки.

— Нас всем обеспечили, — тихо сказала Мэри Лэнг. — Они знали, что мы прилетим, и изменили свои планы, чтобы подстроиться под нас. — Она посмотрела на Сингха. — Это произошло бы даже без обрушения купола и захоронения тел. Нечто похожее стало происходить и вокруг «Подкейн», когда мы избавлялись от мусора, мочи, фекалий и тому подобного. Я не знаю, была бы эта пища такой же вкусной, но для поддержания жизни она сгодилась бы.

Сингх встал. Он был тронут этим рассказом, но не знал, сможет ли адекватно выразить свои чувства. Поэтому его голос звучал отрывисто, но достаточно вежливо.

— Думаю, вам хочется поскорее отправиться на корабль, — сказал он. — Вы окажете нам огромную помощь. Ведь вы так много знаете о том, ради чего мы сюда прилетели. После возвращения на Землю вы станете знаменитостями. К тому же ваша зарплата за эти годы составит приличную сумму.

Повисла пауза, которую нарушил громкий смех Лэнг. К нему присоседились остальные, в том числе и дети, которые не понимали, над чем

смеются взрослые, но были рады такой разрядке напряжения.

— Извините, капитан. Это, наверное, невежливо с нашей стороны. Но мы не собираемся возвращаться.

Сингх посмотрел на каждого из взрослых и не заметил в их лицах ни капли сомнения. Как ни странно, но его это совершенно не удивило.

— Я сомневаюсь, что это ваше окончательное решение, — сказал он. — Как вы знаете, мы прилетели на шесть месяцев. Если в конце этого срока кто-то из вас захочет вернуться, знайте, что вы по-прежнему являетесь гражданами Земли.

— Правда? Вам придется вкратце рассказать нам о политической ситуации. Когда мы улетали, то были гражданами Соединенных Штатов. Но это не важно. Мы с вами не полетим, хотя и признательны вам за то, что вы здесь появились. Приятно осознавать, что о нас не забыли, — сказала она с уверенным видом, и остальные кивнули в знак поддержки.

Сингх смутился, так как прекрасно знал, что идея спасательной операции умерла уже через несколько лет после трагедии. Он и его корабль оказались здесь исключительно для исследований.

Лэнг снова села и постучала по полу около себя. Всю поверхность покрывала воздухонепроницаемая марсианская паутина, которую могли создать только теплокровные, дышащие кислородом и экономящие воду существа, нуждающиеся в защите своих тел до окончательного наступления лета.

— Нам здесь *нравится*. Это прекрасное место для воспитания детей, чего нельзя сказать о Земле. По крайней мере, такой, какой она была перед нашим отлетом. Сейчас, после очередной войны, она вряд ли стала лучше. И мы не можем улететь, даже если бы захотели. — Она улыбнулась ему ослепительной улыбкой и снова постучала по полу. — Марсиане могут появиться в любой момент. И мы собираемся поблагодарить их.

Навязчивость зрения

Это был год четвертой не-депрессии. Я недавно пополнил ряды безработных. Президент сказал, что мне нечего бояться, кроме самого себя. Я в кои-то веки поверил ему на слово и отправился автостопом в Калифорнию.

Я не был единственным. Последние двадцать лет, с начала семидесятых, мировая экономика извивалась, как змея на горячей решетке.

Мы крутились в цикле из подъемов и спадов, который казался бесконечным. Он стер то чувство безопасности, которое нация столь болезненно обрела в золотые годы после тридцатых. Люди привыкли к факту, что они могут быть богаты в одном году и оказаться за чертой бедности в следующем. Я побывал за этой чертой в восемьдесят первом, потом опять в восемьдесят восьмом. На этот раз я решил воспользоваться свободой от хождения на работу, чтобы повидать мир. У меня появилась идея прокатиться без билета в Японию.

Мне исполнилось сорок семь, и другого шанса побыть безответственным у меня могло не

оказаться.

Было позднее лето. Стоя с поднятым большим пальцем на обочине шоссе, я легко мог забыть о голодных бунтах в Чикаго. На ночь я раскатывал спальный мешок, ложился на него, смотрел на звезды и слушал сверчков.

Большую часть пути от Чикаго до Де-Мойна я, должно быть, прошел. Несколько первых дней я страдал от ужасных волдырей на пятках, но потом ноги окрепли. Подвозили меня редко, отчасти из-за конкуренции с другими автостопщиками и отчасти из-за времен, в которых мы жили. Местные отнюдь не горели желанием подвозить городских, которые, как они слышали, были в большинстве толпой свихнувшихся от голода потенциальных массовых убийц.

Один раз меня избили и велели никогда не возвращаться в Шеффилд, что в штате Иллинойс.

Но постепенно я приобрел навыки выживания на дороге. Я стартовал с небольшим запасом консервов, полученных по социальной помощи, а к тому времени, когда они закончились, обнаружил, что можно работать за еду на многочисленных фермах по пути.

Иногда это означало тяжелый труд, а иногда что-то символическое для людей с глубоко уко-

ренившимися понятиями о том, что ничего не должно доставаться даром. Несколько раз меня кормили бесплатно, за семейным столом в окружении внуков, которым дедушка или бабушка в очередной раз рассказывали о том, каково жилось во время Великой депрессии 1929 года, когда люди не боялись помогать тем, кому не повезло. Я обнаружил, что чем старше человек, тем с большей вероятностью меня с сочувствием выслушают. Один из многих трюков, которым учишься. И большинство пожилых людей дадут тебе что угодно, если ты всего лишь посидишь и послушаешь их рассказы. Слушать я научился очень хорошо.

К западу от Де-Мойна меня стали подвозить чаще, потом резко меньше, когда я приблизился к лагерям беженцев на границе Китайской Полосы. Прошло всего пять лет после катастрофы — помните, когда атомный реактор в Омахе расплавился и раскаленная масса урана и плутония начала проедать себе дорогу в глубь земли, направляясь в Китай и распространяя в подветренную сторону полосу радиоактивности длиной в шестьсот километров. Большинство обитателей Канзас-Сити в штате Миссури до сих пор жили во времянках из фанеры и металлических листов,

дожидаясь, пока город опять станет пригодным для проживания.

Беженцы были трагической группой. Первоначальная солидарность, которую люди показали после катастрофы, давно сменилась у перемещенных лиц летаргией и крушением иллюзий. Многие из них будут периодически лечиться в больницах до конца своих дней. А, что еще хуже, местные их ненавидели, боялись и не общались с ними. Они стали современными париями, неприкасаемыми.

Их детей чурались. Каждый лагерь беженцев имел свой номер, но местные называли их Гейгертаунами.

Я сделал длинный объезд до Литл-Рок, чтобы избежать пересечения Полосы, хотя сейчас это было безопасно, если там не задерживаться. Национальная гвардия выдала мне значок парии — дозиметр, — и я бродил от одного Гейгертауна до другого. Люди там были жалостливо-дружелюбны, как только я делал первый ход, и я всегда спал под крышей. Еда в общественных столовых была бесплатной.

Добравшись до Литл-Рока, я обнаружил, что нежелание подвозить незнакомцев — которые могли быть заражены «лучевой болезнью» —

пропало, и я быстро пересек Арканзас, Оклахому и Техас. Я немного поработал там и тут, но многие поездки были долгими. Почти весь Техас я увидел из окна машины.

Я был немного усталым от всего этого, когда добрался до Нью-Мексико. И решил проделать часть дальнейшего пути пешком. К тому моменту Калифорния интересовала меня уже меньше, чем само путешествие.

Я оставил дороги и пошел через сельскую местность, где меня не останавливали изгороди. И обнаружил, что даже в Нью-Мексико нелегко уйти далеко от признаков цивилизации.

В шестидесятые годы Таос был центром культурных экспериментов по альтернативному образу жизни. В то время на окружающих город холмах обосновалось много коммун и кооперативов. Многие развалились через несколько месяцев или лет, но несколько выжили. Позднее любую группу с новой теорией правильной жизни и решимостью ее проверить словно притягивало в эту часть Нью-Мексико. В результате местность оказалась усеяна покосившимися ветряными мельницами, панелями солнечных обогревателей, геодезическими куполами, групповыми браками, нудистами, философами,

теоретиками, мессиями, отшельниками и далеко не считанными откровенными психами.

В Таосе было отлично. Я мог зайти в большинство коммун и остаться на день или неделю, питаясь органическим рисом и бобами и запивая их козьим молоком. Когда мне надоедало в одной, достаточно было пройти несколько часов в любом направлении, чтобы добраться до другой. Там мне могли предложить ночь молитв и песнопений или ритуальную оргию. В некоторых таких группах имелись идеально чистые амбары с автоматическими доильными установками для стад коров. В других не имелось даже сортиров — там просто приседали на корточки. В некоторых одевались как монахи или как квакеры в ранней Пенсильвании. В других расхаживали голышом, сбривали все волосы на теле и раскрашивали себя пурпуром. Были только мужские или только женские группы.

В большинстве первых меня уговаривали остаться, во вторых меня могло ждать что угодно — от койки на ночь и приятной беседы до встречи возле изгороди из колючей проволоки с дробовиком в руках.

Я старался не делать суждений. Все эти люди занимались чем-то важным. Они испытывали

способы, какими люди не обязаны жить в Чикаго. Для меня это оказалось чудом. Я-то полагал, что Чикаго неизбежно, как диарея.

Это не означает, что все они были успешны. Некоторые делали Чикаго похожим на монастырь Шангри-Ла. Одна из групп, кажется, считала, что возврат к природе заключается в том, чтобы спать в свином дерьме и питаться едой, которой побрезговал бы и стервятник. Многие были явно обречены. После них останутся лишь пустые свинарники и воспоминания о холере.

Так что здесь был не рай, несомненно. Но имелись и успехи.

Пара коммун существовала с шестьдесят третьего или шестьдесят четвертого года, и в них подрастало уже третье поколение. Я с разочарованием увидел, что в большинстве это были общины, где минимально отошли от установившихся норм поведения, хотя некоторые из отличий могли быть поразительными. Я предположил, что наиболее радикальные эксперименты приносят плоды с наименьшей вероятностью.

Я провел там зиму. Никто не удивлялся, увидев меня во второй раз.

У меня создалось впечатление, что многие приезжали в Таос и присматривались. Я редко

оставался на одном месте дольше трех недель и всегда честно выполнял свою долю работы. Завел много друзей и приобрел навыки, которые помогут, если я стану держаться вне дорог. И подумывал о том, чтобы остаться в одной из коммун навсегда.

Когда я не смог принять решение, мне посоветовали не торопиться. Я могу отправиться в Калифорнию и вернуться. Кажется, они не сомневались, что я вернусь.

Так что, когда пришла весна, я отправился на запад. Я избегал дорог и спал под открытым небом. Многие ночи я проводил в очередной коммуне, пока они постепенно не стали попадаться реже, а затем и вовсе пропали. Места здесь стали уже не такими приветливыми, как прежде.

А затем, после трех дней неторопливой ходьбы от последней коммуны, я уперся в стену.

В 1964 году в США была эпидемия «германской кори», или коревой краснухи. Это одна из самых мягких инфекционных болезней. Проблемой она становится только тогда, когда женщина заболевает ей в первые четыре месяца беременности. Она передается плоду, у которого обычно развиваются осложнения. Такие, как глухота, слепота и повреждение мозга.

В 1964 году, в старые времена до того, как аборты стали легкодоступными, с этим ничего нельзя было поделать. Многие беременные женщины подхватывали краснуху, а потом рожали. За один год родилось пять тысяч слепоглухих детей. Нормальная же частота рождения таких детей в Соединенных Штатах — сто сорок за год.

В 1970 году этим пяти тысячам потенциальных Хелен Келлер[1] было шесть лет. Быстро стало ясно, что Энн Салливан на всех не хватит. Прежде слепоглухих детей можно было распределить по небольшому количеству специальных учреждений.

Это было проблемой. Далеко не всякий способен поладить со слепоглухим ребенком. Ему нельзя велеть заткнуться, когда он стонет, его нельзя вразумить и сказать, что его стоны сводят тебя с ума. Некоторые родители доходили до нервного срыва, пытаясь растить таких детей дома.

Многие из этих пяти тысяч были в значительной степени умственно отсталыми, и общаться

---

[1] Примечания: 1

Хелен Келлер — молодая женщина, ставшая слепой и глухой в юном возрасте. «История моей жизни», впервые опубликованная в виде книги в 1903 году, представляет собой автобиографию Хелен Келлер, подробно описывающую ее молодость, особенно ее опыт общения с Энн Салливан, которая оказала ей огромную помощь. *(Здесь и далее прим. пер.)*

с ними было буквально невозможно, даже когда кто-то и пытался. Большинство из них в конечном итоге оказались складированы в сотнях анонимных домов сестринского ухода и заведениях для «особых» детей. Там их держали в постелях, раз в день обмывали несколько замотанных работой санитарок и в целом предоставляли полную свободу: им было позволено свободно гнить в собственных темных, безмолвных, частных вселенных.

Кто может сказать, что для них это плохо? Никто не слышал, чтобы кто-то из них жаловался.

Многие дети с неповрежденными мозгами оказались перемешаны с умственно отсталыми, потому что были не в состоянии кому-либо сказать, что они существуют за этими незрячими глазами. Они не могли пройти множество тактильных тестов, даже не сознавая, что речь идет об их судьбе, когда их просят вставить круглые колышки в круглые отверстия под тиканье часов, чего они не могли ни увидеть, ни услышать. В результате они проводили остаток жизни в кровати, и никто из них тоже не жаловался. Чтобы протестовать, необходимо осознавать возможность чего-то лучшего.

Умение говорить тоже помогает.

Было обнаружено, что у нескольких сотен детей IQ в пределах нормы. Про них появились статьи в новостях, когда они стали приближаться к половой зрелости, и выяснилось, что не хватает добрых людей, чтобы правильно с ними общаться. Были потрачены деньги, обучены учителя. Расходы на образование были запланированы на конкретный период, пока дети росли, потом все вернется к нормальной жизни, и любой сможет поздравить себя с тем, что сложная проблема успешно решена.

И действительно, это прекрасно сработало. Имеются способы, как общаться с такими детьми и учить их. Они включают терпение, любовь и самоотверженность, и учителя вложили все это в работу. Все выпускники специальных школ умели общаться на языке жестов. Некоторые могли говорить. Совсем немногие умели писать.

Большая часть из них покинула эти учреждения, чтобы жить с родителями или родственниками, или, при отсутствии таковых, получали консультации и помощь по вхождению в общество. Варианты были ограниченны, но люди способны жить полноценной жизнью даже при самых суровых гандикапах. Не все, но большинство выпускников были довольны своей судьбой

в пределах разумных ожиданий. Некоторые достигли почти святого умиротворения своей ролевой модели, Хелен Келлер. Другие стали озлобленными и замкнутыми. Нескольких пришлось поместить в психиатрические клиники, потому что они стали неотличимы от других из их группы, которые провели там последние двадцать лет. Но для большинства жизнь наладилась.

Но в этой группе, как и в любой группе, имелись эксцентричные личности. В основном среди самых умных, верхних десяти процентов по результатам тестов IQ. Это не было надежным правилом. Некоторые показали ничем не выдающиеся результаты тестирования, но все же оказались инфицированы зудом что-то делать, менять, раскачивать лодку. В группе из пяти тысяч обязательно должны иметься несколько гениев, несколько художников, несколько мечтателей, бунтовщиков, индивидуалистов, пассионариев и несколько блистательных маньяков.

Одна из них даже могла бы стать президентом, если бы не тот факт, что она была глуха, слепа и женщина. Умная, но не из гениев. Мечтатель, творческая личность, новатор. Это она мечтала

о свободе. Но была не из тех, кто строит воздушные замки. Обретя мечту, она должна была ее осуществить.

Стена высотой около пяти футов была сложена из тщательно подогнанных камней. Она полностью выпадала из контекста всего, что я видел в Нью-Мексико, хотя и была сделана из местных материалов. Здесь просто не делают стены такого типа. Если нужно что-то отгородить, используют колючую проволоку. Но многие до сих пор практикуют свободный выпас клейменого скота. Похоже, такая практика каким-то образом перенесена сюда из Новой Англии.

Стена была достаточно солидной, чтобы отогнать мысль перелезть через нее. За время путешествия я пересек немало проволочных изгородей и пока не попал из-за этого в неприятности, хотя и разговаривал с несколькими фермерами. Почти все они говорили, чтобы я шел дальше, но сам факт нарушения границ их не особо раздражал. Здесь же оказался другой случай. Я решил обойти стену. Из-за складок местности я не мог видеть, насколько далеко она тянется, но время у меня было.

На вершине очередного холма я увидел, что далеко идти не придется. Немного впереди стена

сворачивала под прямым углом. Я посмотрел поверх нее и увидел несколько зданий.

Это были в основном купола, вездесущие структуры, возводимые коммунами из-за сочетания легкости постройки и долговечности. За стеной паслись овцы и несколько коров. Они щипали траву настолько зеленую, что мне захотелось перелезть туда и поваляться на ней. Стена ограждала прямоугольник зелени. Снаружи, где я стоял, ее окаймляли заросли кустарника и полыни. У этих людей был доступ к воде для орошения из Рио-Гранде.

Я свернул за угол и опять пошел вдоль стены на запад.

Всадника я заметил примерно в тот момент, когда он заметил меня. Он находился к югу от меня, с внешней стороны стены. Развернувшись, он поехал ко мне.

Он был смуглокожий, с резкими чертами лица, одет во все джинсовое, в ботинках и в серой потрепанной ковбойской шляпе. Возможно, навахо. Я мало что знаю об индейцах, но слышал, что здесь они встречаются.

— Привет, — сказал я, когда он остановился и осмотрел меня. — Я на твоей земле?

— На земле племени. Да, ты на ней.

— Не видел никаких знаков.

Он пожал плечами:

— Ничего страшного, приятель. Не похоже, что ты собрался угонять скот. — Он улыбнулся. Зубы у него были крупные и потемневшие от табака. — Будешь спать сегодня у костра?

— Да. А насколько далеко тянется… э-э… земля племени? Может, я смогу уйти с нее до ночи?

Он мрачно покачал головой:

— Нет. Ты ее не пройдешь до завтра. Но не волнуйся. Будешь разводить костер, поосторожнее с огнем, ладно?

Он опять улыбнулся и тронул коня:

— Эй, а что это за место?

Я показал на стену, он остановил коня и развернул его, подняв много пыли.

— Почему спрашиваешь? — осведомился он с легкой подозрительностью.

— Не знаю. Просто любопытно. Тут все не похоже на другие места, где я бывал. Эта стена…

Он нахмурился.

— Проклятая стена, — буркнул он и пожал плечами.

Я подумал, что это все, что он собирается сказать. Но он продолжил:

— Эти люди… мы к ним присматриваемся,

понял? Может, нам и не по нутру, чем они там занимаются. Но им все достается нелегко.

Он посмотрел на меня, чего-то ожидая. У меня никогда не получалось разговаривать с этими лаконичными западниками.

Я всегда чувствовал, что говорю слишком длинными предложениями. Они же используют стенографию из хмыканья, пожатия плечами и опущенных частей речи, и я всегда ощущал себя придурком, разговаривая с ними.

— Они принимают гостей? — спросил я. — Я подумал, что мог бы спросить, не могу ли у них переночевать.

Он опять пожал плечами, и это был совершенно другой жест.

— Может быть. Знаешь, они все глухие и слепые.

И на этом его запас слов на сегодня закончился. Он щелкнул языком и поскакал прочь.

Я пошел дальше вдоль стены, пока не вышел к грунтовой дороге, которая огибала высохшее русло и уходила за стену. Там имелись деревянные ворота, но они стояли распахнутыми. Я удивился: зачем люди потратили столько усилий на возведение стены, чтобы потом оставить ворота нараспашку? Потом заметил круг узко-

колейной железной дороги, которая выходила из ворот, делала петлю снаружи и вливалась в себя же. Имелся и небольшой тупик, тянущийся на несколько ярдов вдоль наружной стороны стены.

Я постоял там несколько секунд. Не знаю, что повлияло на мое решение. Думаю, я немного устал спать под открытым небом и соскучился по домашней еде. Солнце приближалось к горизонту. Местность дальше на запад выглядела более-менее такой же. Если бы вдали виднелось шоссе, я мог бы направиться туда и проголосовать. Но я повернул в другую сторону и прошел через ворота.

Я зашагал по шпалам. По сторонам железной дороги тянулись изгороди, сколоченные из горизонтальных досок, как в загоне для скота. С одной стороны от пути паслись овцы. С ними была овчарка-шелти, она подняла уши и смотрела, как я прохожу мимо, но не подбежала, когда я свистнул.

Я находился примерно в полумиле от группы зданий впереди. Там были четыре или пять куполов, сделанных из чего-то прозрачного, как теплицы, и несколько обычных прямоугольных зданий. Ветерок лениво вращал два ветроге-

нератора. Я разглядел несколько солнечных водонагревателей — плоских конструкций из стекла и дерева, приподнятых над землей, чтобы они могли регулировать наклон, следуя за солнцем. Сейчас они стояли почти вертикально, ловя слабые закатные лучи. Несколько деревьев можно было назвать рощицей.

Примерно на полпути я прошел под деревянным мостиком. Он изгибался над железной дорогой, образуя переход с западного пастбища на восточное. Я опять стал гадать, что не так с простыми воротами.

И тут я увидел нечто, приближающееся по железной дороге. Оно ехало очень тихо. Я остановился и стал ждать.

Это оказалось нечто вроде переделанного шахтного локомотива, из тех, что тянут из-под земли вагонетки с углем. Он работал на аккумуляторах и подобрался весьма близко, прежде чем я его услышал. Им управлял небольшой мужчина. Локомотив тянул за собой вагончик, а мужчина что-то распевал во весь голос, причем абсолютно фальшиво.

Поезд все приближался, делая примерно пять миль в час, а машинист сидел с вытянутой рукой, как будто подавал сигнал, что поворачивает

налево. Внезапно я понял, что происходит, когда он ехал прямо на меня. Он не собирался останавливаться. А вытянутой рукой он считал столбы изгороди. Я вскарабкался на нее в последний момент. Между поездом и изгородью по обеим сторонам оставались просветы не более шести дюймов. Я прижался к изгороди, его ладонь коснулась моей ноги, и он резко затормозил.

Выскочив из поезда, он схватил меня, и я подумал, что у меня будут проблемы. Но он выглядел встревоженным, а не злым, и ощупал меня, пытаясь понять, не ранен ли я. Я был смущен. Не из-за ощупывания, а из-за своей глупости. Ведь индеец сказал, что все они слепые и глухие, но я, наверное, не совсем ему поверил.

Его затопило облегчение, когда я сумел втолковать ему, что я в порядке. Выразительными жестами он дал мне понять, что я не должен находиться на железной дороге. И что мне следует перелезть через изгородь и продолжить путь через поля. Он повторил это несколько раз, чтобы я точно его понял, а потом держался за меня, когда я перелезал, желая убедиться, что я больше не нахожусь у него на пути. Затем протянул руки над изгородью и взял меня за плечи, улыбаясь. Указал на железную дорогу, покачал головой,

затем показал на здания и кивнул. Коснулся моей головы и улыбнулся, когда я кивнул.

Забравшись обратно в локомотив, он включил двигатель, постоянно кивая и указывая, куда хотел меня направить. Потом отправился дальше.

Я мысленно заспорил о том, что делать дальше. В основном я склонялся к тому, чтобы развернуться, дойти до стены через пастбище и пойти назад, в холмы. Эти люди, вероятно, не захотят меня принять. Я сомневался, что смогу поговорить с ними, а они могут даже разгневаться на меня. С другой стороны, я был восхищен, а кто бы на моем месте не восхитился? Мне хотелось увидеть, как они справляются. Я так до сих пор и не поверил, что все они глухи и слепы. Казалось, что такое невозможно.

Шелти обнюхала мои штаны. Я посмотрел на нее, и овчарка попятилась, но потом робко приблизилась, когда я протянул ей открытую ладонь. Она ее понюхала, потом лизнула. Я потрепал ее по голове, и она умчалась обратно к овцам.

Я повернулся к зданиям.

* * *

Первостепенной задачей были деньги.

Никто из учеников не знал о них много по лич-

ному опыту, но в библиотеке имелось множество книг, напечатанных по методу Брайля. Они начали читать.

Очень быстро стало очевидным, что, когда упоминаются деньги, неподалеку возникают юристы. Ученики писали письма. Получив ответы, они выбрали юриста и наняли его.

В то время они находились в школе в Пенсильвании. От исходных пятисот учеников специальных школ осталось около семидесяти — многие уехали жить к родственникам или нашли другое решение своих особых проблем. Из этих семидесяти у некоторых было куда уехать, но они не захотели. У других выбор был очень невелик. Их родители или умерли, или не проявляли интереса к жизни с ними. Поэтому эти семьдесят были собраны из школ по всей стране в одну, пока решалось, как с ними быть дальше. У властей имелись планы, но ученики их опередили.

Каждому из них с 1980 года полагался гарантированный ежегодный доход.

Они находились на попечении правительства, поэтому не получали эти деньги. Они отправили своего юриста в суд. Тот вернулся с решением о том, что они не могут получить эти долги. Они подали апелляцию и выиграли. Деньги были

выплачены задним числом, с процентами, и получилась внушительная сумма. Они поблагодарили юриста и наняли агента по недвижимости. А тем временем они продолжали читать.

Они прочитали о коммунах в Нью-Мексико и поручили агенту поискать что-нибудь в тех краях. Тот заключил сделку на бессрочную аренду участка земли на территории индейцев навахо. Ученики прочитали про эту землю и выяснили, что им потребуется много воды, чтобы обеспечить нужную продуктивность.

Они разделились на группы для выяснения того, что им потребуется для самообеспечения.

Воду оказалось возможным получить, отводя ее из каналов, по которым она шла из водохранилищ на реке Рио-Гранде для орошения освоенных земель на юге. Для такого проекта были доступны федеральные средства через запутанную схему, включающую Министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, Департамент сельского хозяйства и Бюро по делам индейцев. В конечном итоге трубопровод обошелся им совсем недорого.

Земля была засушливой. Ей требовались удобрения, чтобы разводить овец, не используя вольный выпас. Стоимость удобрений могла

быть покрыта за счет программы переселения в сельскую местность. После этого выращивание клевера обогатит почву необходимыми нитратами.

Имелись и методы экологичного фермерства, без необходимости в удобрениях и пестицидах. Все утилизировалось. По сути, с одного конца заряжались солнечный свет и вода, а на другом собирался урожай шерсти, рыбы, овощей, яблок, меда и яиц. Использовалась только земля, да и та восполнялась, когда компост перерабатывался в почву. Их не интересовал агробизнес с огромными комбайнами и оросителями посевов. Они даже не хотели получать прибыль. Они хотели всего лишь достаточности.

Деталей становилось все больше. Лидером группы — той, к кому пришла первоначальная идея и у кого хватило решимости начать ее осуществление, несмотря на ошеломляющие препятствия, стала женщина-динамо по имени Джанет Рейлли. Ничего не зная о методах, какие генералы и руководители применяют для достижения крупных целей, она изобретала их сама и адаптировала под конкретные потребности и ограничения группы. Она назначала команды для поиска решений по каждому разделу их про-

екта: законы, наука, социальное планирование, разработка, закупки, логистика, строительство. В любой момент она была единственной, кто знал все обо всем происходящем. И держала это в голове, не ведя никаких заметок.

Именно в области социального планирования она проявила себя визионером, а не только превосходным организатором. Ее идеей не было создание места, где они могли бы вести жизнь, ставшую незрячей и беззвучной имитацией жизни их здоровых ровесников. Ей хотелось полновесного нового начала, образа жизни, созданного слепоглухими для слепоглухих и не принимающего любые обычаи и соглашения только на том основании, что так делалось всегда. Она изучила все культурные институты от брака до непристойного обнажения, желая понять, как они соотносятся с ее нуждами и нуждами ее друзей. Она сознавала опасность такого подхода, но это ее не поколебало. Ее социальная команда прочитала о каждой вариантной группе, которая когда-либо пыталась выжить самостоятельно где угодно, и предоставила отчеты о том, как и почему они потерпели неудачу или добились успеха. Она профильтровала эту информацию через собственный опыт, чтобы понять, как это

будет работать для ее необычной группы со своим набором потребностей и целей.

Частности были бесконечны. Они наняли архитектора, который воплотил их идеи в отпечатанные по Брайлю чертежи. Постепенно планы развивались. Они опять потратили деньги.

Началось строительство, которым на месте руководила архитектор. К тому времени ее настолько восхитила вся схема, что она стала работать бесплатно. Это стало важным прорывом, потому что им требовался человек, которому они могли доверять.

Но есть предел того, что может быть достигнуто на таком расстоянии.

Когда все уже было готово для переезда, они наткнулись на бюрократические препоны. Они их предвидели, но это стало задержкой. Социальные агентства, которым было поручено наблюдать за их благополучием, усомнились в мудрости всего проекта.

Когда стало очевидно, что никакое количество доводов его не остановит, закрутились бюрократические колеса и был выдан запретительный ордер ради их же защиты, не позволяющий им покинуть школу. К тому времени всем им уже исполнился двадцать один год, но они были при-

знаны умственно неполноценными, которые не могут управлять своими делами. Было назначено слушание.

К счастью, у них все еще остался доступ к юристу. Он также заразился этой безумной перспективой и начал мощное сражение в их пользу. Ему удалось добиться принятия решения, касающегося прав лиц, помещенных в специализированные учреждения, далее оставленного без изменения Верховным судом и позднее приведшего к серьезным последствиям в госпиталях штатов и округов. Поняв, какие проблемы они уже получили в отношении тысяч пациентов в специализированных заведениях по всей стране, агентства сдались.

К тому времени наступила весна 1988 года, на год позднее их целевой даты. Часть удобрения была смыта с полей из-за отсутствия клевера, предотвращающего эрозию. Было уже поздно что-то сажать, а деньги у них заканчивались. Тем не менее они переехали в Нью-Мексико и начали тяжелейший труд, запуская все запланированное. Их было пятьдесят один плюс десять детей в возрасте от трех месяцев до шести лет.

Не знаю, чего я ожидал. Помню, что все стало сюрпризом — или из-за того, что увиденное вы-

глядело настолько нормальным, или потому, что оно настолько отличалось. Ни одна из моих идиотских догадок о том, каким может оказаться это поселение, не оказалась верной. И, конечно же, я не знал их истории. Я узнал ее потом, небольшими частями.

Я удивился, увидев свет в некоторых зданиях. Первоначально я предположил, что они в нем не нуждаются. Это пример чего-то настолько нормального, что удивило меня.

Что же до различий, то первым, что привлекло мое внимание, оказалась изгородь вокруг железной дороги. У меня к ней появился личный интерес, потому что из-за нее я едва не пострадал. Я пытался понять ее смысл, и должен был это сделать, если собирался остаться хотя бы на ночь.

Деревянные изгороди, окаймляющие рельсы на пути к воротам, тянулись до амбара, где рельсы делали такую же петлю, как и за пределами стены. Вся железнодорожная линия была заключена в изгородь. Доступы к ней находились только на погрузочной платформе в амбаре и через входные ворота.

Это имело смысл. Слепоглухой человек мог управлять подобным транспортом только при полной уверенности, что на пути никого нет.

Сами они никогда не выйдут на рельсы, потому что их невозможно будет предупредить о приближающемся поезде.

Когда я дошел до группы зданий, то увидел людей, ходящих вокруг в сумерках. Они меня не замечали, как я и ожидал. Они двигались быстро, а некоторые даже бежали. Я стоял неподвижно, обшаривая все вокруг взглядом, чтобы никто в меня не врезался. Прежде чем набраться смелости, я должен был выяснить, как им удается не сталкиваться.

Я наклонился и присмотрелся к земле. Свет уже тускнел, но я сразу увидел, что все вокруг пересекают бетонированные дорожки.

На каждой из них имелся отличающийся рельефный узор, созданный до того, как бетон затвердел: линии, волны, углубления, гладкие и шершавые участки. Я быстро увидел, что те, кто торопится, перемещаются только по этим дорожкам, и все они ходят босиком. Нетрудно было догадаться, что это нечто вроде дорожной схемы, читаемой ногами. Я выпрямился. Мне не требовалось знать, как это работает. Достаточно было понять, что это такое, и держаться в стороне от дорожек.

Люди здесь были ничем не примечательные.

Некоторые ходили без одежды, но теперь я к такому уже привык. Все были разного роста и телосложения, но выглядели примерно одного возраста, за исключением детей. Если не считать того, что они не останавливались, не разговаривали и даже не махали друг другу, когда сближались, я никогда бы не предположил, что они слепы. Я видел, как они подходили к пересечению дорожек — понятия не имею, как они понимали, что вышли к перекрестку, но смог придумать несколько объяснений — и шли через него медленнее. Это была чудесная система.

Я начал подумывать о том, чтобы подойти к кому-нибудь. Я провел там уже почти полчаса, без приглашения. Наверное, у меня возникло ложное ощущение уязвимости этих людей; я ощущал себя взломщиком в чужом доме.

Около минуты я шел рядом с женщиной. Она шагала очень целеустремленно, глядя вперед — или так казалось. Она что-то почувствовала, возможно, услышала мои шаги. Пошла чуть медленнее, и я коснулся ее плеча, не зная, как еще поступить. Она мгновенно остановилась и повернулась ко мне. Глаза у нее были открыты, но пусты. Руки ее пробежали по моему телу, легко касаясь лица, груди, рук, прошлись по одежде. У

меня не было сомнения, что она распознала во мне незнакомца, возможно, уже после первого касания к плечу. Но она тепло улыбнулась мне и обняла. Руки у нее оказались очень деликатные и теплые. Забавно, потому что они были мозолистыми из-за тяжелой работы. Но на ощупь — чувственные.

Она дала мне понять — показав на здание, изобразив еду невидимой ложкой и коснувшись цифры на своих часах, — что ужин будет через час и что я приглашен. Я кивнул и улыбнулся под ее ладонями, она поцеловала меня в щеку и торопливо ушла.

Что ж, все оказалось не так уж и плохо. Меня волновала возможность общения с ними.

Позднее я обнаружил, что она узнала обо мне гораздо больше, чем я предполагал.

Я решил пока не идти в столовую, или что там у них было. Прогулялся в сгущающихся сумерках, разглядывая их хозяйство. Увидел, как маленькая шелти гонит овец в овчарню на ночь. Она умело направила их в открытые ворота безо всяких команд, и кто-то из местных закрыл их и запер. Потом наклонился и почесал собаке голову, а та лизнула его руку. Закончив со своими обязанностями, собака подбежала ко мне и понюхала

штанину. Весь остаток вечера она ходила следом за мной.

Все выглядели такими занятыми, что я с удивлением увидел женщину, сидящую на изгороди и ничего не делающую. Я пошел к ней.

Вблизи я увидел, что она моложе, чем я думал. Ей было тринадцать лет, как я позднее узнал. Одежды на ней не было. Я коснулся ее плеча, она спрыгнула с изгороди и поступила так же, как и другая женщина, — ощупала меня всего безо всякой сдержанности. Потом взяла за руку, и я ощутил, как ее пальцы быстро двигаются на моей ладони. Я не мог этого понять, но знал, что это такое. Я пожал плечами и испробовал другие жесты, чтобы показать, что я не говорю на амслене[2]. Она кивнула, все еще охватывая ладонями мое лицо.

Она спросила, остаюсь ли я на ужин. Я заверил, что да. Она спросила, не из университета ли я. И если вы думаете, что легко спрашивать только движениями тела, то попробуйте сами. Но она была так изящна и плавна в движениях, так

---

[2] Примечания: 2

Американский жестовый язык, амслен (сокращение от American sign language) — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады. Кроме того, на диалектах амслена или его креолах говорят во многих странах мира, в частности, большинстве стран Западной Африки и части стран Юго-Восточной Азии.

умела в стремлении передать смысл. Это были одновременно и речь, и балет.

Я сказал, что я не из университета, и попытался немного рассказать о том, чем занимаюсь и как оказался здесь. Она слушала меня руками, наглядно почесывая голову, когда мне не удавалось ясно передать мысль. Постепенно ее улыбка становилась все шире, и она стала беззвучно смеяться над моими гримасами. Все это время она стояла очень близко, касаясь меня. Кончилось тем, что она уперла руки в бока.

— Думаю, тебе нужна практика, — сказала она, — но если для тебя нет разницы, то мы можем пока разговаривать голосом? А то я сейчас лопну от смеха.

Я вздрогнул, словно ужаленный пчелой. Прикосновение, которое я мог бы игнорировать при общении со слепоглухой девочкой, внезапно показалось неуместным. Я немного попятился, но ее руки вернулись ко мне. Она показалась озадаченной, но затем прочла проблему ладонями.

— Извини, — сказала она. — Я думала, что ты глухой и слепой. Если бы я знала, что это не так, то заговорила бы с тобой сразу.

— Я думал, что здесь все такие.

— Только родители. А я одна из детей. Мы все

прекрасно видим и слышим. Не нервничай так сильно. Если тебе неприятны прикосновения, то тебе здесь не понравится. Расслабься, я тебе ничего плохого не сделаю.

И она продолжила водить по мне руками, в основном по лицу. В тот момент я этого не понимал, но прикосновения не казались сексуальными.

Как выяснилось, я ошибался, но это не было очевидным.

— Мне надо показать тебе веревки, — сказала она и направилась к куполам. Она держала меня за руку и шла рядом. Другая рука касалась моего лица всякий раз, когда я говорил.

— Правило первое, не ходить по бетонным дорожкам. Это где…

— Про это я уже догадался.

— Правда? А давно ты уже здесь?

Ее рука прошлась по моему лицу с обновленным интересом. Было уже темно.

— Меньше часа. Меня едва не задавил ваш поезд.

Она рассмеялась, потом извинилась и сказала, что понимает — для меня это было не смешно.

Я ответил, что это смешно для меня сейчас, хотя в тот момент это было не так. Она сообщила, что на воротах есть предупредительный знак, но мне

не повезло, и я подошел, когда ворота были открыты — они открываются дистанционно перед отправлением поезда, — и я знак не увидел.

— Как тебя зовут? — спросил я, когда мы приблизились к мягкому желтому свету, льющемуся из столовой.

Ее пальцы рефлекторно зашевелились у меня на ладони, потом остановились.

— Ой, даже не знаю. У меня есть имя, даже несколько. Но они на телоречи. Я… Пинк[3]. Думаю, оно переводится как Пинк.

У этого имени была история. Она стала первым ребенком, родившимся у учеников школы. Они знали, что детей описывают как розовых, поэтому ее так и назвали. Для них она ощущалась розовой. Когда мы вошли в столовую, я увидел, что ее имя визуально неточное. Один из ее родителей был темнокожий.

Девочка оказалась смуглой, голубоглазой и с вьющимися волосами, более светлыми, чем кожа. С широким носом, но небольшими губами.

Она не спросила, как меня зовут, поэтому я свое имя не сказал. И за все время, что я провел здесь, никто не спросил, как произносится мое имя. На

---

[3] Примечания: 3
Pink (*англ.)* — розовый цвет.

телоречи они называли меня по-разному, а дети просто окликали: «Эй, ты!» Они не были энтузиастами произносимых слов.

Столовая находилась в прямоугольном кирпичном здании, соединенном с одним из больших куполов. Она была тускло освещена. Позднее я узнал, что свет включили только для меня. Дети в нем нуждались только для чтения. Я держал Пинк за руку, радуясь, что у меня есть гид. Глаза и уши я держал открытыми.

— У нас тут все неформально, — сказала Пинк. В большом помещении ее голос звучал неприлично громко. Несколько детей посмотрели на нас. — Сейчас я ни с кем не буду тебя знакомить. Просто считай себя частью большой семьи. Люди ощупают тебя позже, и ты сможешь с ними поговорить. Одежду можешь снять здесь, у входа.

С этим у меня проблем не было. Все ходили голыми, а к тому времени я уже легко приспосабливался к местным обычаям. В Японии при входе в дом снимают обувь, а в Таосе снимают одежду. Так в чем разница?

Впрочем, разница большая. Из-за прикосновений.

Тут все касались друг друга, и это было столь же обычным, как посмотреть. Каждый сперва касал-

ся моего лица, затем, с кажущейся невинностью, касался в любых других местах. Как и обычно, все было не совсем тем, чем казалось. Это не было невинным, и такое общение не было обычным в их группе. Они касались гениталий друг друга намного больше, чем касались моих. В моем случае они сдерживались, не желая меня пугать.

Они были очень вежливы с незнакомцами.

Я увидел длинный низкий стол, все сидели на полу вокруг него.

Пинк подвела меня к столу.

— Видишь чистые полосы на полу? Не ходи по ним. Ничего на них не оставляй. По ним ходят люди. И ничего не переставляй. В смысле мебель. Такие перестановки решаются на общем собрании, чтобы все знали, где и что находится. И мелкие вещи тоже. Если что-то поднимешь, поставь точно на то место, где ты это нашел.

— Понял.

Люди начали приносить миски и блюда с едой из соседней кухни.

Они ставили их на стол, а едоки начинали их ощупывать. Все ели пальцами, без тарелок, и делали это медленно и с удовольствием. Они подолгу вдыхали запах еды, прежде чем от нее откусить. Еда для этих людей была очень чув-

ственной.

Повара они были великолепные. Я никогда, прежде или с тех пор, не ел столь же хорошо, как в Келлере. (Это мое словесное название этого места, хотя на их телесном языке название очень похоже. Когда я произнес «Келлер», все поняли, о чем я говорю.) Они начинали с хороших и свежих продуктов, которые достаточно трудно найти в городах, и приступали к готовке с артистизмом и воображением. Еда не была в каком-либо национальном стиле из тех, что я пробовал. Они импровизировали и редко готовили какое-то блюдо одинаково дважды.

Я сел между Пинк и парнем, который едва не задавил меня на рельсах. И бесстыдно обожрался. Еда была настолько круче вяленой говядины и сухого органического картона, которыми я до этого питался, что устоять я не смог. Я ел не торопясь, но все равно закончил есть намного раньше остальных. Я наблюдал за ними, осторожно отодвинувшись от стола и гадая, не стошнит ли меня от обжорства. (К счастью, не стошнило.) Они ели сами и кормили друг друга, иногда вставая и обходя вокруг стола, чтобы предложить отборный кусочек другу на противоположной стороне. Очень многие таким же образом кормили меня,

и я едва не лопнул, пока не выучил на корявом амслене фразу, означающую, что я сыт по горло. От Пинк я узнал, что более вежливый способ отказаться — угостить кого-то самому.

Вскоре у меня не осталось других занятий, кроме как кормить Пинк и наблюдать за остальными. Я начал становиться более наблюдательным. Я полагал, что они едят в уединении, но вскоре увидел, что по всему столу идет оживленный разговор. Руки были очень заняты, двигаясь с поразительным проворством. Люди разговаривали, касаясь пальцами любой части тела собеседника — ладони, плечи, руки, ноги, животы. Я с изумлением наблюдал, как волна смеха, наподобие падающих костяшек домино, прокатывается от одного конца стола к другому, когда чью-то шутку пересказывают вдоль линии. Это происходило быстро. Присмотревшись внимательнее, я смог заметить, как перемещаются мысли, достигая одного человека и передаваясь дальше, в то время как ответ шел с противоположного направления и, в свою очередь, тоже передавался. По пути возникали другие ответы и тоже прокатывались вперед и назад. Все это походило на волны.

Но это было и неопрятно. Давайте признаем: если есть пальцами и разговаривать руками,

то неизбежно измажешься едой. Но никто не возражал. Я уж точно нет. Меня слишком тревожило ощущение, что я остаюсь за бортом. Пинк разговаривала со мной, но я знал, что начинаю открывать для себя, что значит быть глухим. Эти люди были дружелюбны, и я им вроде бы нравился, но с этой проблемой я ничего не мог поделать. Мы не могли общаться.

Потом мы вышли на улицу — кроме тех, кто убирал со стола, — и приняли душ под несколькими кранами, из которых лилась очень холодная вода. Я сказал Пинк, что хотел бы помочь с тарелками, но она ответила, что я буду лишь путаться под ногами. Я ничего не смогу здесь делать, пока не научусь их очень специфическим методам работы. Похоже, она уже предположила, что я останусь здесь настолько долго.

Обратно в здание, чтобы вытереться — это они проделывали с их обычным щенячьим дружелюбием, превращая взаимное использование полотенец в игру и подарок, а потом мы прошли в купол.

Внутри было тепло и темно. Свет проникал только через переход в столовую, но его не хватало, чтобы пересилить свет звезд, видимых через треугольные панели крыши. В куполе было по-

чти как под открытым небом.

Пинк быстро описала мне этикет перемещений внутри купола. Его было нетрудно соблюдать, но я все равно старался держать руки ближе к телу и не шагать широко, чтобы не повалить кого-нибудь, зайдя на пространство для ходьбы.

И опять меня подвело недопонимание. Тут не было иных звуков, кроме шороха плоти, касающейся плоти, поэтому я решил, что оказался посреди оргии. Я бывал на них и прежде, в других коммунах, и все они выглядели очень похоже на происходящее. Я быстро увидел, что ошибся, и только позднее обнаружил, что был прав. В каком-то смысле.

Мою оценку исказил тот простой факт, что групповой разговор этих людей должен был выглядеть как оргия. Более тонкое наблюдение, которое я сделал позднее, сводилось к тому, что, когда сотня обнаженных тел трется, целуется, ласкает и гладит друг друга, и все это одновременно, то какой смысл искать отличия? Не было никаких отличий.

Должен сказать, что я использовал слово «оргия» только для передачи общей идеи множества людей, находящихся в тесном контакте. Мне не нравится это слово, в нем слишком много подтек-

стов. В то время я и сам повелся на эти подтексты, поэтому с облегчением увидел, что это не оргия. Те, на которых я побывал, были нудными и безличными, и от этих людей я ожидал лучшего.

Многие протискивались сквозь толпу, чтобы добраться до меня и познакомиться со мной.

Никогда более чем по одному за раз; они постоянно знали о том, что происходит, и ждали своей очереди поговорить со мной. Естественно, тогда я этого не знал. Пинк сидела рядом, чтобы переводить сложные мысли. Постепенно я все меньше и меньше использовал ее слова, проникаясь духом тактильного зрения и понимания. Никто не считал, что реально познакомился со мной, пока не коснулся всех частей моего тела, поэтому на мне постоянно были чьи-то руки. Я робко начал отвечать тем же.

После всех этих прикосновений у меня быстро возникла эрекция, которая сильно меня смутила. Я бранил себя за то, что не сумел удержаться от сексуальной реакции при общении, оказался не в состоянии удерживаться на той же интеллектуальной плоскости, на которой, по моему мнению, находились они, и тут с некоторым потрясением осознал, что пара неподалеку от меня занимается сексом. Вообще-то они занимались этим уже

минут десять, и это казалось настолько естественной частью происходящего, что я одновременно и осознавал, и не осознавал это.

Едва я это понял, как внезапно задумался: а прав ли я? Действительно ли это секс? Все происходило очень медленно, свет был слабый. Но ее ноги были подняты, а он находился сверху, уж в этом я был уверен. Пусть это было глупо с моей стороны, но я действительно должен был знать. Должен выяснить, во что, черт побери, я ввязался. Как я смогу правильно социально реагировать, если не знаю ситуации?

После месяцев, проведенных в различных коммунах, я стал очень чувствителен к вежливому поведению. Я стал адептом произнесения молитв перед ужином в одном месте, распевал «Харе Кришна» в другом и ходил счастливым нудистом в третьем. Это называется «когда ты в Риме, веди себя как римлянин», и если ты не в состоянии к такому приспособиться, то не ходи в гости. Я бы стоял на коленях в Мекке, рыгал после еды, поднимал бы тост за любое предложение, ел органический рис и нахваливал повара, но, чтобы делать это правильно, надо знать обычаи. Я думал, что знаю их, но трижды изменил свое мнение за столько же минут.

Они занимались сексом — в том смысле, что он проникал в нее. И они также были глубоко увлечены друг другом. Их ладони бабочками порхали по телам, наполненные смыслом, который я не мог увидеть или почувствовать. Но их касались, и они прикасались ко многим людям вокруг. Они разговаривали со всеми этими людьми, даже если передаваемая мысль была настолько проста, как похлопывание по лбу или предплечью.

Пинк заметила, что привлекло мое внимание. Она как бы вилась вокруг меня, реально не делая ничего, что я счел бы провокационным. Я просто не мог решить. Это выглядело так невинно, и все же не было таким.

— Это (—) и (—), — сказала она, скобки здесь обозначали серию движений руки по моей ладони.

Я так никогда и не выучил звуковое слово, обозначающее имя любого из них, кроме Пинк, а воспроизвести имена на языке жестов я не в состоянии.

Пинк наклонилась, коснулась женщины ногой и проделала нечто сложное с ее большими пальцами. Женщина улыбнулась, взяла ногу Пинк и зашевелила пальцами.

— (—) хотела бы поговорить с тобой позднее, — перевела Пинк. — Сразу после того, как

она закончит разговаривать с (—). Вы с ней уже встречались, помнишь? Она сказала, что ей понравились твои руки.

Знаю, все это звучит безумно. И для меня это прозвучало совершенно безумно, когда я об этом подумал. На меня снизошло нечто вроде откровения — я понял, что ее и мои слова, означающие «разговор», разделяют мили. Для нее разговор означает сложный взаимообмен, в который вовлечены все части тела. Она могла считывать слова или эмоции в каждом трепете моих мышц, подобно детектору лжи. Для нее звук был лишь незначительной частью общения. Это было нечто такое, что она использовала для разговоров с людьми не из общины. Пинк разговаривала всем своим существом.

Я не понимал и половины, даже тогда, но этого хватило, чтобы из-за этих людей у меня закружилась голова. Они разговаривали своими телами. И не только руками, как я думал. Любая часть тела в контакте с любой другой была общением, иногда очень простым и базовым — представьте лампочку как базовую среду информации — возможно, произнося не более, чем «я здесь». Но разговор есть разговор, и если диалог дошел до точки, где вам необходимо разговаривать с

кем-то гениталиями, это все еще остается частью разговора. А мне хотелось знать, что они говорят. Я знал, даже в тот момент смутного осознания, что это намного больше, чем я в состоянии понять. Конечно, скажете вы. Всем известно, как любовники разговаривают телами, занимаясь сексом. Не такая уж это новая идея. Конечно нет, но подумайте, насколько чудесен такой разговор, даже если вы не исходно тактильно-ориентированый. Способны ли вы передать мысль далее с этого места или вы обречены быть земляным червем, думающим о закатах?

Пока со мной все это происходило, одна из женщин знакомилась с моим телом. Ее руки находились у меня на коленях, когда я почувствовал, что эякулирую. Это стало большим сюрпризом для меня, но не для кого-то еще. Я уже много минут говорил всем вокруг меня — через знаки, которые они могли воспринимать руками, — что такое произойдет. Мгновенно множество рук прошлось по моему телу. Я почти смог понять их, когда они передавали руками нежные мысли. Во всяком случае, я понял смысл, если не слова. Я был ужасно смущен всего несколько секунд, а потом смущение ушло перед лицом столь легкого принятия факта произошедшего.

Ощущение было очень сильным. Я долго не мог восстановить дыхание.

Женщина, которая стала причиной этого, коснулась пальцами моих губ. Она провела ими медленно, но со смыслом, в этом я был уверен. А потом растворилась в группе.

— Что она сказала? — спросил я Пинк. Та улыбнулась.

— Конечно, ты знаешь. Если бы ты мог избавиться от слов… Но, в общем, она имела в виду «как хорошо для тебя». Это также переводится как «как хорошо для меня». И «меня» в этом смысле означает всех нас. Организм.

Я понял, что должен остаться и научиться говорить.

* * *

У коммуны бывали и взлеты, и падения. В целом они их ожидали, только не знали, какую форму они могут принять.

Зима погубила многие плодовые деревья. Они заменили их гибридными сортами. Из-за ураганов они потеряли часть удобрений и почвы, потому что клевер не успел укорениться и закрепить ее. Их планы были нарушены судебными действиями, и они более года не могли привести

дела в рабочую колею.

Вся их рыба погибла. Они пустили тушки на удобрения и стали разбираться в том, что могло пойти не так. Они использовали трехступенчатую экологию того типа, которую впервые использовали «Новые алхимики» в семидесятые[4]. Она состояла из прудов, накрытых куполами: в одном находилась рыба, во втором разместились бактерии и дробленые раковины в одной секции, и водоросли в другой, а в третьем жили дафнии. Вода с отходами жизнедеятельности рыб прокачивалась через раковины и бактерии, которые выполняли ее детоксикацию и превращали содержащийся в ней аммиак в удобрение для водорослей. Вода с водорослями перекачивалась в следующий пруд для кормления дафний. Затем дафнии и водоросли перекачивались на корм рыбам, а обогащенная вода служила удобрением для тепличных растений во всех куполах.

Они провели анализ воды и почвы и выяснили, что из примесей в раковинах выделялись химикаты, которые накапливались далее по пищевой

---

[4] Примечания: 4

«Институт новой алхимии» (New Alchemy Institute) был исследовательским центром, который проводил первопроходческие исследования в области органического сельского хозяйства, аквакультуры и дизайна биошелетов в период с 1969 по 1991 год.

цепи.

После тщательной очистки они перезапустили цикл, и все пошло хорошо. Но они потеряли деньги за первый урожай.

Они никогда не голодали. И не мерзли — солнечного света было в избытке круглый год, чтобы давать энергию для насосов и пищевого цикла, а также для обогрева жилищ. Здания они построили наполовину заземленными, учитывая нагревающие и охлаждающие возможности конвекционных потоков. Но им пришлось потратить часть своего капитала. Первый год закончился для них с убытком.

Первой же зимой в одном из зданий начался пожар. Двое мужчин и девочка погибли из-за неисправности системы пожаротушения. Это стало для них шоком. Они полагали, что все будет работать так, как рекламировалось. Никто из них не разбирался в особенностях строительства, в оценках надежности как противоположностям реалиям. Они обнаружили, что несколько их установок не соответствуют спецификациям, и ввели программу периодической проверки всего.

Они научились разбирать и ремонтировать на своей ферме все. Если что-то содержало настолько сложную электронику, что они не могли ее

чинить, то они ее демонтировали и заменяли на что-нибудь более простое.

В социальной области их прогресс был намного более успешным. Джанет мудро решила, что будут только два жестких и четких правила в области их взаимоотношений. Первое — она отказалась стать их президентом, председателем, шефом или верховным главнокомандующим. Она с самого начала видела, что им необходима движущая личность, чтобы завершить планирование, купить землю и выковать чувство цели из неоформленного желания альтернативы. Но, приведя их на землю обетованную, она отреклась. С этого момента они будут жить в демократическом коммунизме. Если он потерпит неудачу, они испробуют новый вариант. Все что угодно, кроме диктатуры с ней во главе. Она не желала в таком участвовать.

Вторым правилом стало не принимать ничего. Еще никогда не существовало общины слепоглухих, живущих самостоятельно. У них не имелось ожиданий для удовлетворения, им не было нужды жить так, как живут зрячие. Некому было говорить им не делать чего-то просто потому, что это не сделано.

Каким будет их общество, они представляли не

яснее, чем кто угодно.

Они были втиснуты в форму, которая не соответствовала их потребностям, но за ее пределами они не знали ничего. Им пришлось искать поведение, имеющее смысл, моральные поступки для слепоглухих. Они поняли основные принципы морали: ничто не морально всегда, и все морально при правильных обстоятельствах. Все это должно соотноситься с социальным контекстом.

Они начали с чистого листа, не имея модели для образца.

К концу второго года они получили этот контекст. Они его постоянно модифицировали, но базовая структура была создана. Они узнали себя и кто они такие, как никогда бы не смогли узнать в школе. И определили себя на собственных условиях.

* * *

Свой первый день в Келлере я провел в школе. Это был очевидный и необходимый шаг. Я должен был выучить амслен.

Пинк была добра и очень терпелива. Я выучил базовый алфавит и стал упорно его осваивать. К полудню она уже отказывалась со мной разговаривать, заставляя говорить руками. Она

соглашалась говорить, только когда я настаивал, а со временем перестала совсем. После третьего дня я уже произносил лишь слово-другое.

Это не значит, что я внезапно стал разговаривать свободно. Вовсе нет. К концу первого дня я знал алфавит и мог с трудом добиться, чтобы меня понимали. Мне же гораздо хуже удавалось читать слова, по буквам выстукиваемые у меня на ладони. Еще очень долго мне приходилось смотреть на ладонь, чтобы увидеть, что мне говорят. Но, как и с любым языком, со временем начинаешь на нем думать. Я свободно говорю по-французски и помню свое изумление, наконец-то достигнув этапа, когда уже не переводил мысли, прежде чем произнести. В Келлере я его достиг примерно за две недели.

Помню один из последних вопросов, который я задал Пинк вслух. Это было то, что меня тревожило.

— Пинк, я здесь желанный гость?

— Ты здесь уже три дня. Разве ты чувствуешь себя отвергнутым?

— Нет, это не так. Наверное, мне просто нужно услышать ваши правила по отношению к пришельцам. Как долго мне здесь можно будет оставаться?

Она нахмурилась. Это был, очевидно, новый вопрос.

— Ну, практически, пока большинство из нас не решит, что мы хотим, чтобы ты ушел. Но такого никогда не было. Никто здесь не оставался дольше, чем на несколько дней. Нам никогда не приходилось разрабатывать правило, что делать, например, если кто-то видящий и слышащий захочет к нам присоединиться. Пока никто не хотел, но, думаю, такое может случиться. Предполагаю, что они не захотят такое принять. Они очень независимы и ревностно относятся к своей свободе, хотя ты мог этого и не заметить. Не думаю, что ты когда-либо станешь одним из них. Но пока ты желаешь считать себя гостем, то, возможно, можешь остаться хоть на двадцать лет.

— Ты сказала «они». Разве ты не включаешь себя в эту группу?

Она впервые проявила легкую неуверенность. Жаль, что в то время я не умел читать язык тела лучше. Думаю, руки смогли бы поведать мне несколько томов о том, что она думает.

— Конечно, — ответила она. — Дети — часть группы. Она нам нравится. Я точно не захотела бы жить где-то в другом месте, исходя из моих знаний о внешнем мире.

— Я тебя не виню. — Тут многое осталось недосказанным, но я знал недостаточно, чтобы задать правильный вопрос. — Но разве никогда не было проблемой обладать способностью видеть, когда никто из твоих родителей этого не может? Они тебе не… завидуют в каком-то смысле?

На этот раз она рассмеялась.

— О нет. Никогда. Для этого они слишком независимые. Ты сам видел. Они не нуждаются в нас для чего угодно, что они не могут сделать сами. Мы — часть семьи. Мы делаем в точности то же, что и они. И это действительно не имеет значения. В смысле зрение. И слух тоже. Просто оглянись. Есть ли у меня особые преимущества из-за того, что я вижу, куда иду?

Мне пришлось признать, что нет. Но все же оставался намек на нечто, о чем она умолчала.

— Я знаю, что тебя тревожит. Насчет пребывания здесь.

Ей пришлось вернуть меня к первоначальному вопросу — я задумался и отвлекся.

— И что же?

— Ты не ощущаешь себя частью повседневной жизни. Ты не выполняешь свою долю обязанностей. А ты очень совестливый и хочешь вносить свой вклад. Я это вижу.

Она прочитала меня правильно, как и обычно, и я это признал.

— И ты не сможешь этого делать, пока не научишься говорить со всеми. Так что давай вернемся к урокам. У тебя все еще очень неуклюжие пальцы.

Работы предстояло много. Первое, что я должен был освоить, — не торопиться. Работники они были медленные и методичные, делали мало ошибок, и их не волновало, что на работу может уйти весь день, лишь бы она была сделана хорошо. Когда я работал один, мне не нужно было об этом беспокоиться: подметание, сбор яблок, прополка огородов. Но когда я включался в командную работу, мне приходилось осваивать новый темп. Зрение позволяет делать многие аспекты работы сразу, с помощью нескольких быстрых взглядов. Слепой выполняет каждый аспект по очереди, если в работе есть несколько этапов. Все должно быть подтверждено касанием. Зато в конвейерной работе они могли быть намного быстрее меня.

Из-за этого у меня могло возникнуть ощущение, что я работаю двумя большими пальцами, а не всеми сразу.

Я никогда не намекал, что могу сделать что-ли-

бо быстрее за счет зрения или слуха. Они вполне справедливо посоветовали бы мне не лезть не в свое дело.

Принятие помощи от зрячего было первым шагом к зависимости, и, в конце концов, им и дальше пришлось бы делать ту же работу после того, как я уйду.

И это вновь побудило меня задуматься о детях. Я начал утверждаться в мысли, что существует некий подтекст обиды, возможно, и неосознанной, между родителями и детьми. Было очевидно, что они очень любят друг друга, но как дети могут не обижаться на то, что родители отвергают их талант? Так, во всяком случае, размышлял я.

Я быстро встроился в повседневную жизнь. Ко мне относились не лучше и не хуже, чем к любому, что меня удовлетворяло. Хотя я никогда не смогу стать частью группы, даже если пожелаю, не было абсолютно никаких признаков того, что я не полноценный ее член. Именно так они относились к гостям — как если бы они были одними из них.

Жизнь здесь была полноценной в том смысле, какой никогда не была в городах. Такое пасторальное умиротворение не было уникальным для Келлера, но люди здесь получали его щед-

рыми порциями. Ходить босиком по земле — это нечто такое, чего никогда не ощутишь в городском парке.

Ежедневная жизнь была деловой и удовлетворяющей. Нужно было кормить кур и свиней, заботиться о пчелах и овцах, ловить рыбу и доить коров. Работали все: мужчины, женщины и дети. Казалось, что все здесь согласуется без очевидных усилий. Каждый, похоже, знал, что делать, когда это требовалось сделать. Можно представить это в виде хорошо смазанной машины, но мне никогда не нравилась эта метафора, особенно по отношению к людям. Я представлял их организмом. Любая социальная группа — тоже организм, но этот работал. В большинстве других коммун, в которых я побывал, имелись откровенные недостатки. Нужные дела не делались, потому что все были слишком обдолбанные, или не могли себя заставить, или вообще не видели необходимости их делать. Подобное игнорирование заканчивалось тифом и эрозией почвы, замерзающими насмерть людьми и вторжением социальных работников, забирающих у вас детей. Я видел, как такое происходило.

Но не здесь. Они хорошо представляли картину мира такой, какая она есть, а не розовыми

заблуждениями, на которые опирались другие утописты. Они делали те дела, которые требовалось делать.

Я никогда не смогу описать все колесики и шестеренки (опять эта машинная метафора), благодаря которым это общество работало. Одни только пруды с рыбным циклом оказались достаточно сложны, чтобы привести меня в изумление. Я убил паука в одной из теплиц, а потом узнал, что его туда запустили, чтобы он поедал конкретные виды вредителей растений. То же самое было и с лягушками. В воде плавали насекомые, чтобы поедать других насекомых. Кончилось тем, что я боялся прихлопнуть поденку без предварительного одобрения.

Со временем мне рассказали кое-что из их истории. Были допущены ошибки, хотя удивительно немного.

Одна из них была допущена в области обороны. Поначалу они не приняли никаких мер безопасности, мало что зная о жестокости и случаях насилия, происходивших даже в самых отдаленных уголках штата. Оружие стало бы здесь логичным и предпочтительным выбором, но находившимся за пределами их возможностей.

Однажды вечером к ним прикатила полная

машина пьяных мужчин.

Они услышали об этом месте в городе. И пробыли там два дня, перерезав телефонные провода и изнасиловав многих женщин.

Когда вторжение завершилось, люди обсудили все возможные варианты и выбрали органическое решение. Они купили пять немецких овчарок. Не тех психованных уродов, которых рекламируют как «охранных собак», а специально обученных в фирме, рекомендованной полицией Альбукерке. Они были натренированы и как сторожевые, и как полицейские псы.

Собаки были совершенно безопасны, пока пришелец не проявлял явную агрессию, и в такой ситуации их обучили не обезоруживать, а вцепляться в горло.

Как и большинство их решений, это сработало. Второе вторжение завершилось двумя покойниками и тремя тяжелоранеными — и все на одной стороне. В качестве подстраховки на случай организованной атаки они наняли бывшего морпеха, который обучил их азам «грязного» ближнего боя. В общине жили отнюдь не наивные дети-цветы.

Они превосходно ели три раза в день. Было время и для досуга. Работали они не целый день. Находилось время взять друга за руку и посидеть

с ним на траве под деревом, обычно незадолго до заката, перед большим ужином. Хватало времени, когда человек мог остановить работу на несколько минут, чтобы поделиться чем-то особенным. Помню, как меня взяла за руку женщина, которую я должен назвать Высокая Зеленоглазая, и отвела к амбару на сваях, где в низком и прохладном просвете под полом росли грибы. Мы протиснулись туда, испачкав лица землей, сорвали несколько грибов и стали их нюхать. Она показала, как это надо делать. Пару недель назад я бы подумал, что мы погубили их красоту, но, в конце концов, она всего лишь визуальная. Я уже начал меньше полагаться на зрение, ведь оно так далеко от сущности объекта.

Она показала, что грибы все еще прекрасны на ощупь и на запах даже после того, как мы их явно уничтожили. А потом она ушла на кухню, набрав в фартук кучку грибов. В тот вечер они были прекрасны и на вкус.

И помню мужчину — назову его Лысый, — он принес мне доску, которую он и одна женщина обрабатывали рубанком в столярке. Я оценил пальцами ее гладкость, понюхал ее и согласился с ним, насколько доска хороша.

А после ужина начиналось Общение.

На третьей неделе я получил указание на свой статус в группе.

Это была первая реальная проверка того, значу я что-либо для них. В смысле значу ли нечто особое. Я хотел видеть их своими друзьями и, пожалуй, был немного огорчен мыслью о том, что с любым, кто сюда забредет, станут обращаться так же, как и со мной. Это было по-детски и несправедливо по отношению к ним, и я до какого-то момента даже не осознавал, какова реальность.

Я носил воду в ведре на поле, где был посажен саженец дерева. Для полива имелся шланг, но его пока использовали на другом конце деревни. Это дерево было недосягаемо для автоматических оросителей и засыхало. И я носил к нему воду, пока не будет найдено другое решение.

Было жарко, около полудня. Я набрал воды из крана возле кузницы. Поставил ведро за спиной и сунул голову под струю воды. На мне была хлопковая рубашка, расстегнутая на груди. Мне было приятно ощущать, как вода течет по волосам и пропитывает рубашку. И я простоял так почти минуту.

Я услышал позади звук падения и ударился головой, когда слишком быстро поднял ее под краном. Обернувшись, я увидел женщину, лежа-

щую лицом в пыли. Она медленно перевернулась, держась за колено. Я с ужасом понял, что она споткнулась о ведро, которое я беспечно оставил на бетонной дорожке. Сами подумайте: идете там, где точно знаете, что препятствий нет, и вдруг оказываетесь на земле.

Их система будет работать только на доверии, и оно должно быть полным — все и всегда должны вести себя ответственно. Я был принят в этот круг доверия и облажался. У меня стало мерзко на душе.

У женщины оказалась глубокая ссадина на левом колене, из которой сочилась кровь. Она ощупала ее, сидя на дорожке, и начала выть. Ей было страшно и больно. Из глаз катились слезы, она била кулаками по дорожке, завывая «хууу, хууу, хууу!» с каждым ударом. Она разозлилась и имела полное право злиться.

Она нашла ведро, когда я неуверенно протянул к ней руку. Она схватила ее и поднялась по ней до лица. Ощупала его, не переставая плакать, затем вытерла нос и встала. И пошла к одному из зданий.

Она немного хромала.

Я сел и ощутил себя отверженным. Я не знал, что делать.

Ко мне подошел мужчина. Это был Дылда. Я назвал его так, потому что он был самым высоким в Келлере. Он не был кем-то вроде полицейского, я потом узнал, что он оказался первым, кого встретила раненая женщина. Он взял меня за руку и ощупал лицо. Я увидел, как у него выступили слезы, когда он ощутил мои эмоции. Он попросил зайти в дом вместе с ним.

Там уже собралось импровизированное собрание. Можете назвать их судом присяжных. В него вошли те, кто оказался поблизости, в том числе и двое детей, всего человек десять или двенадцать. Все выглядели очень опечаленными. Была там и пострадавшая из-за меня женщина, ее утешали трое или четверо. Я буду называть ее Шрам из-за отметины на предплечье.

Все непрерывно говорили со мной на амслене, и было понятно, как им жаль меня. Они утешали и гладили меня, пытаясь облегчить мое состояние.

Прибежала Пинк. За ней послали, как за переводчиком, если понадобится.

Поскольку это была формальная процедура, им было необходимо точно знать, что я понимаю все происходящее. Пинк подошла к Шрам и немного поплакала вместе с ней, затем подошла ко мне и крепко обняла, показывая руками, как ей жаль,

что такое произошло. Я уже фигурально паковал чемоданы. Похоже, чтобы изгнать меня, осталось лишь соблюсти формальность.

Потом все уселись на пол. Мы сидели близко, касаясь друг друга.

Слушание началось.

Общение происходило в основном на амслене, и лишь иногда Пинк вставляла несколько слов.

Я редко знал, кто именно что-то сказал, но это было нормально. Здесь группа говорила как единое целое. Ни одно их заявление не доходило до меня, не став согласованным мнением.

— Ты обвиняешься в нарушении правил, — сказала группа, — и в том, что стал причиной ранения (той, что я назвал Шрам). Оспариваешь ли ты это? Есть ли какой-либо факт, о котором мы должны знать?

— Нет, — ответил я. — Я был этому причиной. Это была моя небрежность.

— Понимаем. Мы сочувствуем твоему раскаянию, которое очевидно для всех. Но небрежность — это нарушение. Ты это понимаешь? Это нарушение, за которое ты (—). — Это был набор сигналов на языке жестов.

— Что это значит? — спросил я Пинк.

— Э-э… «предстал перед нами»? «Отвечаешь

перед судом»?

Она пожала плечами, не удовлетворенная любой из версий.

— Да. Понимаю.

— Поскольку факты не оспариваются, мы согласны в том, что ты виновен. («Ответственный», — прошептала мне в ухо Пинк.) Отойди ненадолго, пока мы не примем решение.

Я встал и подошел к стене, не желая смотреть, как они переговариваются, держась за руки.

В горле у меня застрял горячий комок, который я не мог проглотить. Потом меня попросили присоединиться к кругу.

— Наказание за твой проступок установлено обычаем. Если было бы иначе, мы хотели бы иметь возможность принять другое решение. Теперь у тебя имеется выбор: принять положенное наказание и погасить совершенный проступок, или отказать нам в юрисдикции и удалиться с нашей земли. Каков твой выбор?

Я попросил Пинк все это повторить, потому что было очень важно, чтобы я понимал суть предложения. Когда я уверился, что все понял правильно, то без колебаний принял наказание. Я был очень благодарен, что мне предложили альтернативу.

— Хорошо. Ты выбрал, чтобы с тобой поступили так, как мы поступили бы с любым из нас, совершившим такой же поступок. Подойди.

Все приблизились. Мне не сказали, что сейчас произойдет. Меня завели в круг и мягко подталкивали со всех направлений.

Примерно в центре группы сидела Шрам, скрестив ноги. Она опять плакала, да и я, кажется, тоже. Трудно вспомнить. Кончилось тем, что я оказался у нее на коленях лицом вниз. И она меня шлепнула.

Мне никогда не показалось такое невероятным или странным. Все естественно вытекало из ситуации. Все касались меня и гладили, высказывая ободрение через ладони, ноги, шею и щеки. Все плакали. Ситуация была трудной, и требовалась поддержка всей группы.

Подходили другие, присоединялись к нам. Я понял, что наказание исходит от каждого из общины, но только Шрам, пострадавшая личность, шлепала меня. Я причинил ей страдания еще и этим, не считая того, что из-за меня она расцарапала колено. Я возложил на нее обязанность наказать меня, вот почему она так громко всхлипывала — не от болезненной раны, а от мучительного осознания, что она вынуждена

причинять боль мне.

Пинк позднее сказала, что Шрам настойчивее всех выступала за то, чтобы дать мне возможность остаться. Некоторые хотели изгнать меня сразу, но она оказала мне любезность, решив, что я достаточно хороший человек и достоин того, чтобы и она, и я прошли через испытание. Если вы не можете такое понять, то вы не осознали то чувство общности, которое я ощущал среди этих людей.

Это продолжалось долго. И было очень болезненно, но не жестоко. И в первую очередь не было унизительным. Немного унижения имелось, разумеется. Но, по сути, это был практический урок, преподанный наиболее прямым способом. За первые месяцы каждый из них получил такой урок, но недавно — никто. И он усваивается крепко, поверьте.

Впоследствии я много об этом думал. Пытался представить, как они могли поступить иначе. Знаете, шлепать взрослых людей — это действительно нечто неслыханное, хотя эта мысль пришла ко мне уже намного позднее. Когда меня наказывали, это казалось настолько естественным, что мне даже в голову не приходило, в насколько странной ситуации я оказался.

Нечто подобное они проделывали с детьми, но не так долго и не так сурово.

Для тех, кто моложе, и ответственность была легче. Взрослые были готовы мириться со случайной ссадиной или расцарапанной коленкой, пока дети учатся.

Но когда ребенок достигал возраста, когда его считали взрослым — то есть когда таково было мнение большинства взрослых или когда подросток сам назначал себе эту привилегию, тогда шлепание действительно становилось серьезным.

У них имелось и более суровое наказание, предназначенное для повторных или злонамеренных проступков. Им не приходилось прибегать к нему часто. Оно заключалось в бойкоте. В течение определенного времени к наказанному никто не прикасался. К тому времени, когда я про это узнал, я воспринял такое наказание как очень суровое. Объяснять его мне не потребовалось.

Не знаю, как это объяснить, но шлепание выполнялось с такой любовью, что я не чувствовал, что подвергаюсь насилию. Мне было не больнее, чем вам.

Я делаю это для твоего блага. Я тебя люблю, поэтому и шлепаю.

Они заставили меня понять эти старые клише своими действиями.

Когда это закончилось, мы плакали вместе. Но вскоре это превратилось в счастье. Я обнял Шрам, и мы сказали друг другу, насколько сожалеем, что такое произошло. Мы поговорили — занимались любовью, если хотите, — и я поцеловал ее колено и помог его перевязать.

Остаток дня мы провели вместе, облегчая боль.

Когда я стал свободнее общаться на амслене, «пелена упала с моих глаз». Каждый день я обнаруживал новый слой смысла, прежде ускользавший от меня. Это было как чистить луковицу, обнажая все новый и новый слой. Всякий раз, когда я полагал, что добрался до сердцевины, открывался новый слой, который я прежде не мог разглядеть.

Я думал, что освоение амслена — это ключ для общения с ними. И ошибся. Амслен — это детский лепет. Долгое время я был младенцем, не умеющим даже ясно сюсюкать. Представьте мое удивление, когда, выучив амслен, я обнаружил, что существуют еще синтаксис, спряжения, части речи, существительные, глаголы, согласования и сослагательное наклонение. Я барахтался в приливной заводи на краю Тихого океана.

Под амсленом я подразумеваю международную азбуку языка жестов глухонемых. Любой может выучить ее за пару часов или дней. Но когда вы с кем-то разговариваете вслух, разве вы произносите по буквам каждое слово? Читаете ли вы букву за буквой, читая это? Нет, вы воспринимаете слова целиком, слышите группы звуков и видите группы букв как полный смысла гештальт.

Все в Келлере проявляли всепоглощающий интерес к языкам. Каждый знал несколько языков — устных языков — и мог бегло на них читать и говорить.

Еще детьми они понимали тот факт, что амслен — это способ общения слепоглухих людей с обычными. Для общения между своими он был слишком неуклюж. Он подобен азбуке Морзе: полезен, когда ты ограничен релейным режимом передачи информации, но не предпочтителен. Их способы взаимного общения были намного ближе к нашему типу письменного или вербального общения и — осмелюсь ли такое сказать? — лучше.

Я обнаруживал это медленно, сперва увидев, что, хотя могу быстро произносить слова по буквам руками, у меня уходит гораздо больше времени, чтобы что-то сказать, чем у любого из

них. Такое нельзя было объяснить различиями в сноровке. Поэтому я попросил обучить меня их «стенографической» речи. И нырнул в учебу. На этот раз меня учили все, а не только Пинк.

Это было тяжело. Они могли произнести любое слово на любом языке не более чем двумя перемещениями рук. Я понял, что это проект на годы, а не на дни.

Вы учите алфавит и получаете все инструменты, необходимые для произнесения по буквам любого существующего слова. То, что письменная и устная речь основаны на одинаковом наборе символов — это огромное преимущество. Стенография отличается от этого радикально. Она не использует ничего из линейности и унификации языка жестов. Это не код для английского или любого другого языка. У нее нет общей конструкции или словаря с любым языком. Она была целиком сконструирована обитателями Келлера в соответствии с их потребностями. Каждое слово было чем-то таким, что я должен был выучить и запомнить отдельно от его произношения на языке жестов.

Месяцами я сидел на Общениях после ужина, произнося фразы вроде «моя любить Шрам много-много хорошо», в то время как вокруг меня

перекатывались и ослабевали волны разговоров, задевая меня лишь краями. Но я не сдавался, а дети были со мной бесконечно терпеливы. Постепенно я делал успехи. Поймите, что остальные разговоры, которые я буду пересказывать, происходили или на амслене, или в стенографии, ограниченной до различных степеней моего понимания. Со дня наказания я не говорил сам и не слышал сказанного вслух слова.

Пинк преподала мне урок языка тела. Да, мы занимались любовью. У меня ушло несколько недель, чтобы увидеть, что она существо сексуальное и что ее поглаживания, которые я упорно видел как невинные — как я определил их в то время, — были одновременно и невинными, и нет. Она понимала, как совершенно естественное, что в результате ее разговора руками с моим пенисом может начаться разговор иного рода. Хотя она была еще в середине пубертатного периода, все воспринимали ее как взрослую, и я принял ее таковой. И лишь культурное кондиционирование ослепляло меня и не давало понять, о чем она говорит.

Поэтому мы много разговаривали. С ней я понимал слова и музыку тела лучше, чем с кем-то еще. Она пела очень раскрепощенную песню губами и

руками, свободную от чувства вины, открытую и свежую с обнаружением каждой ноты, к которой она прикасалась.

— Ты мало рассказывал о себе, — сказала она. — Чем ты занимался?

Не хочу создать впечатление, что это было сказано предложениями, какими я это словами отобразил. Мы разговаривали на языке тела, потея и обоняя друг друга. Она высказывала мысль руками, ногами, ртом.

Я дошел только до знака местоимения, первого лица единственного числа, и остановился.

Как я мог рассказать ей о своей жизни в Чикаго? Следует ли рассказать о раннем амбициозном желании стать писателем и как из этого ничего не получилось? И почему?

Отсутствие таланта или недостаток мотивации? Я мог рассказать о своей профессии, суть которой сводилась к бессмысленному перекладыванию бумаг, бесполезному для чего угодно, кроме Валового Национального Продукта. Мог поговорить об экономических подъемах и спадах, которые привели меня в Келлер, когда ничто уже не могло сбить меня с легкого скольжения по жизни. Или об одиночестве, когда в сорок семь лет ты так и не нашел человека, достойного

любви, и никогда не был любим в ответ. Или о существовании в роли постоянно перемещенного лица в обществе из нержавеющей стали. Секс на ночь, пьяные загулы, работа с девяти до пяти, Управление городского транспорта Чикаго, темные залы кинотеатров, футбольные матчи по телевизору, снотворное, Джон-Хэнкок-центр[5], где окна не открываются, чтобы ты не мог вдыхать смог или выпрыгнуть. Это ведь я?

— Понимаю, — сказала она.

— Я путешествовал, — сказал я и неожиданно понял, что это правда.

— Понимаю, — повторила она.

Это был другой знак для того же понятия. Контекст тут определял все. Она слышала и понимала обе части меня. Знала: одна часть — это то, каким я был, а вторая — каким надеялся стать.

Она лежала на мне, легко положив ладонь на лицо, чтобы улавливать быструю смену эмоций, пока я думал о своей жизни впервые за многие годы.

И она засмеялась и игриво ущипнула меня за ухо, когда мое лицо поведало ей, что я впервые,

---

[5] Примечания: 5

100-этажный небоскреб в Чикаго. Главная его особенность заключается в пустотелой конструкции, напоминающей большую четырехугольную колонну.

уже не помню за сколько лет, счастлив. Не просто говорю себе, что счастлив, но действительно счастлив. На языке тела невозможно солгать — не более чем ваши потовые железы способны солгать детектору лжи.

Я заметил, что в комнате необычно пусто. Неуклюже задав вопрос, я узнал, что дома только дети.

— А где остальные?

— Они все снаружи на ***, — ответила она.

Это было примерно так: три резких шлепка по груди ладонью с растопыренными пальцами. В сочетании с конфигурацией пальца для «глагольная форма, герундий», это означало, что все они снаружи ***уют. Стоит ли говорить, что я почти ничего не понял?

Зато кое-что поведал язык ее тела, когда она это сказала. Я читал ее лучше, чем когда-либо. Она была огорчена и печальна. Ее тело сказало нечто вроде «Почему я не могу к ним присоединиться? Почему не могу (нюхать-ощущать вкус-прикасаться-слушать-смотреть) ощущать вместе с ними?». Это в точности то, что она сказала. Опять-таки, я недостаточно доверяю своему пониманию, чтобы принять такую интерпретацию. Я все еще пытался навязать свои концепции тому,

что испытывал здесь. Я полагал, что она и другие дети в каком-то смысле обижены на родителей, потому что был уверен, что они должны быть обижены. Они должны чувствовать, что в чем-то превосходят родителей и что те их сдерживают.

После недолгих поисков я отыскал родителей на северном пастбище.

Только родителей, никого из детей. Они стояли группой без очевидной структуры — не кругом, но почти. Если тут и имелась какая-то организация, то лишь в том факте, что все находились на примерно одинаковом расстоянии друг от друга.

Были там и немецкие овчарки, и шелти, они сидели на прохладной траве, глядя на людей. Уши были насторожены, но собаки не шевелились.

Я направился к группе. Но остановился, когда осознал их сосредоточенность. Они касались друг друга, но руки не шевелились. Тишина от зрелища этих обычно постоянно движущихся людей, стоящих настолько неподвижно, стала для меня оглушительной.

Я наблюдал за ними не менее часа. Сидел с собаками, почесывал их за ушами. Они облизывались, как обычно делают собаки, когда им это нравится, но все их внимание было обращено на группу.

Постепенно до меня дошло, что группа перемещается. Очень медленно — шаг здесь, шаг там за много минут. Она расширялась таким образом, что расстояние между любыми ее членами оставалось одинаковым.

Наподобие расширяющейся вселенной, в которой галактики разлетаются.

Теперь они стояли с раздвинутыми руками, касаясь лишь кончиками пальцев, как атомы в кристаллической решетке.

А под конец они перестали и касаться. Я видел, как их пальцы тянутся, стремясь преодолеть расстояния, ставшие непреодолимыми. И все равно группа равномерно расширялась.

Одна из шелти начала тихонько подвывать. У меня поднялись волосы на затылке. «А здесь холодновато», — подумал я.

Я закрыл глаза, ощутив внезапную сонливость.

И открыл их, шокированный. Потом заставил их закрыться. В траве вокруг меня стрекотали кузнечики.

В темноте за моими глазными яблоками что-то было. Я чувствовал, что если смогу повернуть глаза, то легко это увижу, но это ускользало от меня таким образом, по сравнению с которым периферийное зрение казалось чтением заголов-

ков. Если и существовало нечто, что невозможно удержать, а еще меньше описать, то это было оно. Это некоторое время раздражало меня, когда собаки завыли громче, но я не мог понять, что это. Лучшая аналогия, какую я смог придумать, это как слепой может ощутить солнце в пасмурный день.

Я опять открыл глаза.

Рядом со мной стояла Пинк. Глаза у нее были зажмурены, а к ушам прижаты ладони. Открытый рот что-то беззвучно произносил. Позади нее стояли несколько детей постарше. Все они вели себя так же.

Что-то в ночи изменилось. Теперь людей в группе разделяло около фута, и внезапно структура распалась. Секунду-другую они пошатывались, потом рассмеялись тем жутковатым естественным шумом, который служит для глухих смехом. Они упали на траву, держась за животы, катались по земле и ревели.

Пинк тоже смеялась. К своему удивлению, засмеялся и я. Я хохотал, пока у меня не заболели лицо и бока. Я вспомнил, что иногда меня так пробивало на смех, когда я курил травку.

И это было ***ие.

Сам вижу, что дал лишь поверхностный взгляд

на Келлер. И есть некоторые вещи, о которых я должен рассказать, иначе я стану поощрять ошибочное представление.

Одежда, например. Большинство из них большую часть времени что-то носило. Пинк была единственной, кто, кажется, активно возражал против одежды. Она никогда ничего не носила.

Никто и никогда не носил то, что я бы назвал штанами. Одежда была просторной: халаты, рубашки, платья, шарфы и тому подобное. Многие мужчины носили то, что назвали бы женской одеждой. Просто она более комфортна.

Почти вся она была рваной и поношенной. Ее обычно делали из шелка, бархата или чего-то иного, приятного на ощупь. Типичная келлеритка могла расхаживать в японском шелковом халате с вышитыми вручную драконами, со множеством зияющих дыр, с торчащими нитками и пятнами от чая и томатов, шлепая по свинарнику с ведром жидкого варева. Мыть его в конце дня и не волноваться из-за потускневших цветов.

Кажется, я не упоминал еще и о гомосексуальности. Можете сделать скидку на мое раннее воспитание как на причину того, что самые глубокие отношения в Келлере у меня были с двумя женщинами: Пинк и Шрам. Я ничего про это не

говорил просто потому, что не знал, как это подать. Я разговаривал с мужчинами и женщинами равно, на одинаковых условиях. Мне оказалось на удивление легко иметь задушевные отношения с мужчинами.

Не могу считать келлеритов бисексуалами, хотя технически они ими были. Суть гораздо глубже. Они не могли даже понять настолько токсичную концепцию, как табу на гомосексуальность. Оно было одной из первых вещей, которой они учились. Если вы проводите различие между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, то отрезаете себя от общения — полного общения — с половиной человечества. Они были пансексуалами, они не могли отделить секс от остальной жизни. В их стенографии даже не было слова, которое можно было бы напрямую перевести на английский как «секс». У них имелись слова для мужского и женского в бесконечных вариациях, а также слова для степеней и видов физических ощущений, которые было бы невозможно выразить на английском, но все эти слова также включали другие части мира ощущений и эмоций. Ни одно из них не отгораживало то, что мы называем сексом, в отдельной собственной ячейке.

Есть и другой вопрос, на который я не ответил. Он нуждается в ответе, потому что я сам над ним задумывался, когда оказался там. Он касается самой необходимости этой коммуны. Действительно ли она должна быть такой? Не лучше ли им было приспособиться к нашему образу жизни?

Там не было мирной идиллии. Я уже упоминал о вторжении и насилии. Такое могло повториться, особенно если кочующие банды, действующие вокруг городов, начнут кочевать по-настоящему. Путешествующая группа байкеров может уничтожить их за ночь.

Имелись и продолжающиеся юридические дрязги. Примерно раз в год на общину пикировали социальные работники и пытались увезти детей. Их обвиняли во всех мыслимых прегрешениях, от жестокого обращения с детьми до содействия правонарушениям. До сих пор у них ничего не получалось, но когда-нибудь могло получиться.

И, в конце концов, в продаже имелись хитроумные устройства, позволяющие слепому и глухому человеку немного видеть и слышать. И некоторым из них они могли помочь.

Однажды я встретил слепоглухую женщину,

живущую в Беркли. Я бы выбрал Келлер.

Что же до этих машин…

В библиотеке Келлера стоит зрительная машина. В ней используется телекамера и компьютер, чтобы заставлять вибрировать тесно расположенные металлические штырьки. Пользуясь ей, можно ощутить движущееся изображение всего, на что направлена камера. Она небольшая и легкая, предназначенная для ношения на спине, которой касаются штырьки. Стоит она около тридцати пяти тысяч долларов.

Я обнаружил ее в библиотеке в углу. Провел по ней пальцем, и тот оставил за собой блестящую полоску, стерев толстый слой пыли.

Другие люди приходили и уходили, а я оставался.

В Келлер приходит меньше людей, чем в другие места, где я побывал. Община расположена вдалеке от дорог.

Как-то мужчина пришел днем, осмотрелся и ушел, не сказав ни слова.

Однажды вечером пришли две девушки шестнадцати лет, беглянки из Калифорнии.

Они разделись перед ужином и были шокированы, когда обнаружили, что я зрячий. А Пинк напугала их до полусмерти. Бедным девчонкам

предстояло набраться немало жизненного опыта, прежде чем они достигнут такого же уровня искушенности, как Пинк. Но, с другой стороны, Пинк могло быть неуютно в Калифорнии. Девушки ушли на следующий день, так и не поняв, побывали они на оргии или нет. Столько прикосновений, но до дела не дошло, очень странно.

Была и приятная пара из Санта-Фе, ставшая кем-то вроде посредника между Келлером и их юристом. У них был девятилетний мальчик, бесконечно болтавший с другими детьми на амслене. Они приезжали раз в две недели и оставались на пару дней, напитываясь солнышком и каждый вечер участвуя в Общении. Они разговаривали с запинками на стенографии и оказали мне любезность, не разговаривая со мной вслух.

Время от времени сюда заглядывали индейцы. Их поведение было почти агрессивно-шовинистичным. Они всегда оставались одетыми в джинсы и сапоги. Но было очевидно, что они уважают этих людей, хотя и считают их странными. С коммуной у них были деловые отношения. Эти навахо увозили на грузовике продукцию, ежедневно доставляемую к воротам, продавали ее и брали себе процент от выручки. Местные садились с ними и общались на языке жестов

через ладони. Пинк сказала, что во всех делах индейцы безукоризненно честны.

И примерно раз в неделю взрослые выходили на поле и ***вали.

Общение на стенографии и языке тела получалось у меня все лучше и лучше. Я пробыл здесь уже пять месяцев, и зима подходила к концу. Я пока не изучал свои желания и не задумывался всерьез, что хочу делать с остатком своей жизни. Полагаю, привычка дрейфовать по жизни слишком во мне укоренилась. Я находился здесь и соответственно складу характера был не в состоянии решить: то ли уходить, то ли повернуться лицом к проблеме, если захочу остаться очень надолго.

Потом я получил толчок.

Долгое время я думал, что это как-то связано с экономической ситуацией в стране. В Келлере знали о событиях во внешнем мире. И знали, что изоляция и игнорирование проблем, от которых можно было легко отмахнуться, как от не имеющих к ним отношения, — это опасный курс. Поэтому они выписывали «Нью-Йорк таймс», отпечатанную методом Брайля, и почти все газету читали. У них имелся телевизор, включаемый примерно раз в месяц. Дети смотрели его и пере-

водили для родителей.

Поэтому я был в курсе, что не-депрессия медленно переходит в более нормальную инфляционную спираль. Открывались рабочие места, в экономике стали циркулировать деньги.

И когда я вскоре после таких новостей вновь оказался во внешнем мире, то решил, что причина заключалась в них.

Реальная же причина была сложнее. Она имела отношение к снятию лукового слоя стенографии и обнаружению под ним нового слоя.

Язык жестов я выучил за несколько легких уроков. Потом узнал о существовании стенографии и языка тела и насколько труднее будет ими овладеть.

За пять месяцев постоянного погружения, а это единственный способ выучить язык, я достиг в стенографии уровня ребенка пяти или шести лет. Я знал, что со временем смогу ее освоить. Другое дело — язык тела. Тут продвижение нельзя измерить столь же легко. Это был изменчивый и очень межличностный язык, который развивался в соответствии с личностью, временем и настроением. Но я учился.

А потом я узнал о Касании. Это лучший вариант, как описать это одним английским

существительным. То, чем они называли этот язык четвертого уровня, менялось изо дня в день, как я попробую объяснить.

Впервые я о нем узнал, когда попытался увидеться с Джанет Рейлли. Я теперь знал историю Келлера, и Джанет очень заметно фигурировала во всех рассказах. Я был знаком в Келлере со всеми, но нигде не смог ее найти. Я всех знал по именам, таким, как Шрам, Женщина-без-переднего-зуба или Мужчина-с-вьющимися-волосами. Эти имена на амслене я дал им сам, и все они приняли их без вопросов. Своими «мирскими» именами они в коммуне не пользовались. Они для них ничего не значили, потому что ни о чем не говорили и ничего не описывали.

Поначалу я предполагал, что из-за несовершенного знания стенографии не в состоянии ясно задать правильный вопрос о Джанет Рейлли. Потом понял, что мне не отвечают сознательно. Я увидел причину, одобрил ее и больше об этом не думал. Имя Джанет Рейлли описывало, кем она была во внешнем мире, а одним из первоначальных условий Джанет, выдвинутых для продвижения самой идеи общины, стало то, что она не будет в ней особенной. Она растворилась в группе и исчезла. Не хотела быть найденной.

Хорошо.

Но, задавая этот вопрос, я узнал, что у каждого члена коммуны вообще нет конкретного имени. Что у Пинк, например, не менее ста пятнадцати имен, по одному от каждого члена коммуны. Каждое из них было контекстуальным, описывающим историю отношений Пинк с конкретным человеком. Мои простые имена, основанные на физических описаниях, были восприняты как имена, которые дает людям ребенок. Дети еще не умеют проникать под внешние слои и используют имена, говорящие о себе, их жизни и отношениях с другими.

Еще больше запутывало то, что имена изо дня в день менялись. Это был мой первый намек на Касание, и он меня испугал. Это был вопрос перестановок, преобразований. Уже первое простое расширение проблемы означало, что в обращении находится не менее тринадцати тысяч имен, причем они не останутся постоянными, и я не смогу их выучить и запомнить. Например, если Пинк говорит со мной о Лысом, она будет использовать его Касательное имя, модифицированное тем фактом, что она разговаривает со мной, а не с Коротышкой.

Затем передо мной раскрылась бездна того, что

я пропускаю, и от страха высоты у меня внезапно перехватило дыхание.

На Касании они разговаривали друг с другом. Это был невероятный сплав всех трех способов общения, которые я освоил, и главное заключалось в том, что он никогда не оставался неизменным. Я мог слушать, как они разговаривают со мной на стенографии, которая была реальной основой Касания, и сознавать, какие потоки Касания текут прямо под поверхностью.

Это был язык изобретения языков. Каждый говорил на своем диалекте, потому что каждый говорил на отличающемся инструменте: другое тело и другой жизненный опыт. И его модифицировало что угодно. Он не мог стоять на месте.

Они могли сидеть на Общении и изобретать за вечер целый блок откликов на Касании — идиоматических, личных, полностью обнаженных в своей честности. И использовали его только как строительный блок для языка следующего вечера.

Я не знал, хочу ли я быть настолько обнаженным. Недавно я заглянул в себя и не был удовлетворен обнаруженным. Понимание, что каждый из них знает обо мне больше, чем я сам, потому что мое честное тело рассказывает то,

что мой испуганный мозг не хочет раскрывать, потрясло меня. Я стоял голый под прожекторами в Карнеги-холле, и меня терзали все кошмарные сны, в которых я бегал без штанов. Того факта, что все они любили меня со всеми моими недостатками, внезапно стало недостаточно. Мне хотелось свернуться в клубочек в темном чулане со своим вросшим эго и позволить ему мучиться.

Я мог бы преодолеть этот страх. Пинк точно старалась мне помочь.

Она сказала, что эта боль будет недолгой, что я быстро приспособлюсь жить со своими самым темными эмоциями, написанными огненными буквами на лбу.

По ее словам, Касание также не столь сложный язык, как кажется поначалу. Как только я освою стенографию и язык тела, Касание потечет из них естественным образом, как сок по стволу дерева. Этот язык станет неизбежен. Это то, что произойдет со мной совсем без особых усилий.

Я ей почти поверил. Но она выдала себя. Нет, нет, нет. Не это, а то внутри нее, что относилось к ***ию, убедило меня, что если я пройду через такое, то лишь упрусь головой в следующую ступеньку лестницы.

* * *

Сейчас у меня есть немного лучшее определение. Оно не из тех, что можно легко перевести на английский, и даже эта попытка передаст лишь смутную концепцию того, что это такое.

— Это режим касания без касания, — сказала Пинк.

Ее тело отчаянно пыталось передать мне ее несовершенную концепцию того, что это такое, да еще преодолевая мою безграмотность. Ее тело отрицало правдивость ее же стенографического определения и одновременно признавалось мне, что она сама не знает, что это такое.

— Это дар, посредством которого человек может выйти за границы вечной тишины и мрака в нечто иное.

И опять ее тело отрицало это. Отчаявшись, она ударила по полу.

— Это атрибут постоянного пребывания в тишине и мраке, касаясь других. Наверняка я знаю только то, что зрение и слух делают это невозможным или скрывают. Я могу создать для себя такие тишину и мрак, как только смогу, и осознавать их границы, но визуальная ориентация сознания будет преобладать. Эта дверь закрыта

для меня и для всех детей.

Использованный ею в первой части глагол для «касания» был сплавом Касания: тем, что возвращалось в ее воспоминания обо мне, и того, что я рассказал ей о своей жизни. Он заключал в себе и вызывал в памяти запах и ощущение сломанных грибов под амбаром, испытанные вместе с Высокой Зеленоглазой, которая научила меня чувствовать суть предмета. Он также содержал ссылки на наши телесные разговоры, когда я проникал в ее темноту и влажность, и ее отчет для меня о том, что она чувствовала, принимая меня в себя. И все это было одним словом.

Я долго над этим размышлял. В чем смысл страданий через обнаженность Касания? Только в том, чтобы достичь уровня несостоявшейся слепоты, которой наслаждалась Пинк?

Уж не это ли упорно выталкивало меня из единственного в жизни места, где я был счастливее всего?

Одной из причин стало осознание, пришедшее довольно поздно и которое можно свести к вопросу: «Что, черт побери, я здесь делаю?» На этот вопрос следовало ответить другим: «Что, черт побери, я стану делать, если уйду?»

Я стал единственным гостем, единственным за

семь лет, кто пробыл в Келлере дольше нескольких дней. Я размышлял и об этом. Я не был достаточно силен или уверен в собственном мнении о себе, чтобы увидеть это как что угодно, кроме как недостаток во мне, а не в тех, других. Очевидно, я был слишком легко удовлетворен, слишком благодушен, чтобы увидеть недостатки, которые увидели другие.

Это не обязательно должны были быть недостатки в людях Келлера или в их системе. Нет, я слишком их любил и уважал, чтобы так думать. То, что они создали, безусловно, максимально приближалось, как никто и никогда не создавал в этом несовершенном мире, к разумному и рациональному образу существования людей без войн и с минимумом политики. В конце концов, два этих старых динозавра — единственные открытые людьми способы, как быть социальными животными. Да, я вижу войну как образ жизни с другими: навязывание другим своей воли на условиях настолько недвусмысленных, что оппоненту остается или покориться тебе, или умереть, или вышибить тебе мозги. И если это решение для чего-либо, то я лучше буду жить без решений. Политика ненамного лучше. Единственный довод в ее пользу — ей иногда удается заменить

кулаки разговорами.

Келлер был организмом. Новым способом установления отношений, и он, похоже, работал. Я не проталкиваю это как решение всех мировых проблем. Возможно, такое способно работать только для группы с общим личным интересом столько же связывающим и редким, как глухота и слепота. Не могу представить другую группу, чьи потребности настолько же взаимозависимы.

Клетки этого организма прекрасно сотрудничали. Организм был силен, процветал и обладал всеми атрибутами, используемыми для определения понятия «жизнь», кроме способности размножаться. Это и могло быть его фатальным недостатком. Я определенно видел семена чего-то, созревающего в детях.

Силой организма было общение. Обойти его было нельзя.

Без развитых и невозможных для фальсификации механизмов общения, встроенных в Келлер, он пожрал бы самого себя из-за мелочности, ревности, собственничества и десятка иных «прирожденных» людских дефектов.

Основой этого организма было ежевечернее Общение. Здесь, после ужина и пока не наступало время ложиться спать, все разговаривали

на языке, на котором фальшь была невозможна. Если назревала проблема, она сама себя проявляла и решалась почти автоматически. Ревность? Неприязнь? Какая-то мелкая болячка, которую ты неправильно лечишь? Ты не мог скрыть это на Общении, и вскоре все собирались вокруг тебя и лечили тебя любовью.

Это работало наподобие лейкоцитов, собирающихся вокруг заболевшей клетки, но не для того, чтобы ее уничтожить, а чтобы вылечить. Казалось, нет проблемы, которую нельзя решить, если атаковать ее достаточно рано, а при использовании Касания соседи узнавали о ней раньше тебя и уже работали, чтобы исправить неправильное, исцелить рану, улучшить настроение, чтобы ты смог над этим посмеяться. Во время Общений много смеялись.

Некоторое время я полагал, что испытываю чувство собственника по отношению к Пинк. Знаю, что поначалу оно было слабым. Пинк была моей особой подругой, она помогла мне в самом начале, и несколько дней я мог разговаривать только с ней.

Ее руки научили меня языку жестов. Знаю, что ощутил пробуждение территориальности в первый раз, когда она лежала у меня на коленях,

а другой мужчина занимался с ней любовью. Но как раз такие сигналы келлериты считывали безошибочно. Он прозвучал как сигнал тревоги у Пинк, у мужчины и у людей вокруг меня. Они успокаивали меня, обласкивали, говорили на всех языках, что все хорошо, не надо стыдиться. Потом тот мужчина начал любить меня. Не Пинк, а мужчина. Наблюдательный антрополог набрал бы здесь материала на целую диссертацию. Вам доводилось видеть фильмы о социальном поведении бабуинов? Собаки тоже так поступают. Да и многие самцы млекопитающих так делают.

Когда у самцов начинается битва за доминантность, более слабый может снизить агрессию, уступив, поджав хвост и сдавшись. Я никогда не ощущал себя настолько разоруженным, чем когда тот мужчина уступил объект нашего конфликта желаний — Пинк — и обратил внимание на меня. Что я мог сделать? И я засмеялся, и он засмеялся, и скоро засмеялись все, и на этом территориальности пришел конец.

В этом суть того, как в Келлере решали большинство проблем «человеческой натуры». Нечто вроде восточных единоборств: ты уклоняешься, увертываешься от удара таким образом, что агрессия нападающего уходит в пустоту. И повто-

ряешь, пока нападающий не понимает, что его исходный натиск не стоит потраченных усилий, и вообще смотрится очень глупо, когда ему никто не сопротивляется. И очень скоро из Тарзана он становится Чарли Чаплином. И смеется.

Так что дело было не в Пинк и ее прелестном теле, а в моем осознании того, что она никогда не сможет быть моей, чтобы я укрылся с ней в пещере и защищал обглоданной берцовой костью. Если бы я упорствовал в таком образе мыслей, то стал бы для нее не более привлекательным, чем амазонская пиявка, и это был великий довод для посрамления бихейвиористов и его преодоления.

Я что, вернулся к тем людям, что приходили и уходили, и к тому, что они увидели такого, чего не видел я?

Что ж, имелось нечто, бросающееся в глаза. Я не был частью организма, каким бы приятным этот организм ни был по отношению ко мне. И у меня не имелось никакой надежды когда-либо стать его частью. Пинк сказала это еще на первой неделе. Она сама это чувствовала, хотя и в меньшей степени. Она не могла ***ать, хотя этот факт не побуждал ее покинуть Келлер. Она много раз говорила мне это стенографией и подтверждала

на языке тела. Если я уйду, то без нее.

Пытаясь смотреть на ситуацию со стороны, я ощущал себя весьма жалким. И вообще, что я пытаюсь делать? Действительно ли цель моей жизни — стать частью коммуны слепоглухих? К тому времени я себя чувствовал настолько паршиво, что действительно думал об этом как об унижении, несмотря на все доказательства противоположного. Я должен обитать в реальном мире, где живут реальные люди, а не эти уродские калеки.

От этой мысли я отказался очень быстро. Она не покинула мое сознание совсем, затихарившись где-то на краю. Эти люди были лучшими друзьями в моей жизни, быть может, единственными. То, что я запутался в такой степени, что подумал о них так хотя бы на секунду, тревожило меня больше чего угодно. Возможно, именно это и подтолкнуло меня в конечном итоге к решению. Я увидел будущее нарастающих разочарований и несбывшихся надежд. Если я не пожелаю выключить глаза и уши, то навсегда останусь снаружи. Буду слепым и глухим. Буду для них уродом. А я не хотел быть уродом.

Они поняли, что я решил уйти, еще раньше меня. Последние несколько дней превратились

в долгое прощание, с любящими пожеланиями, вложенными в каждое слово, которым ко мне прикасались.

Я не был реально опечален, да и они тоже. Это было мило, как и все, что они делали. Они попрощались с правильной смесью сожаления, жизнь-продолжается и надеюсь-коснуться-тебя-снова.

Осознание Касания царапало краешек моего сознания. Оно было не таким уж плохим, как и говорила Пинк. Через год или два я бы его освоил.

Но я уже принял решение. Я возвращался к той жизни, которой жил до сих пор. Почему же, приняв решение уходить, я так боюсь передумать? Может, из-за того, что исходное решение обошлось мне настолько дорого, что я не хочу проходить через такое снова?

Я тихо ушел ночью, к шоссе и далее в Калифорнию. Они были в поле, опять выстроившись в круг. Кончики их пальцев находились дальше друг от друга, чем когда-либо прежде. Дети и собаки кучковались вокруг, как нищие на банкете. И трудно было сказать, кто выглядел более голодным и озадаченным.

Опыт пребывания в Келлере не мог не оставить на мне отметину. Я был не в состоянии жить, как

прежде. Какое-то время я думал, что вообще не смогу жить, но смог. Я слишком привык жить, чтобы сделать решительную остановку и закончить ее.

Я буду ждать. Жизнь принесла мне нечто приятное. Быть может, она принесет еще что-то.

Я стал писателем. Я обнаружил, что теперь обладаю лучшим даром общения, чем прежде. А может, он у меня появился впервые. В любом случае у меня стало получаться писать и продавать написанное. Я писал то, что хотел, и не боялся остаться голодным. Принимал жизнь такой, какая она есть.

Я пережил не-депрессию 1997 года, когда безработица достигла двадцати процентов и правительство опять ее игнорировало, как временный экономический спад. Со временем начался подъем, уровень безработицы стал чуть выше, чем в прошлый раз и в предыдущий. Появился еще миллион бесполезных людей, которым не оставалось ничего иного, как слоняться по улицам, нарываясь на побои, разбивая машины, переживая сердечные приступы, убийства, стрельбу, поджоги, взрывы бомб и бунты: бесконечно изобретательный уличный театр. Он никогда не бывает скучным.

Богатым я не стал, но обычно жил в комфорте. Это социальная болезнь, симптомом которой является способность игнорировать тот факт, что в твоем обществе возникают мокнущие язвы, а его мозги пожирают радиоактивные черви. У меня была уютная квартирка в округе Марин, где из окон не видны башни с пулеметами. И была машина — в те времена, когда они начали становиться роскошью.

Я пришел к выводу, что моей жизни не суждено быть полностью такой, какой мне хотелось бы ее видеть.

Мы все приходим к какому-то компромиссу, размышлял я, и, если выставить ожидания слишком высокими, ты обречен на разочарование. Мне пришло в голову, что я настроился на нечто далекое от «высокого», но не знал, что с этим делать. Я продолжал жить со смесью цинизма и оптимизма, которая казалась мне самой правильной. Во всяком случае, она поддерживала мой мотор работающим.

Я даже побывал в Японии, как собирался в самом начале.

Я не нашел никого, с кем разделил бы свою жизнь. Для этого была только Пинк, она и вся ее семья, и нас разделяла пропасть, которую я не

осмеливался преодолеть. Я не смел даже думать о ней слишком много. Это было бы слишком опасно для моего равновесия. Я жил с этим и сказал себе, что такой уж я есть. Одиночка.

Годы катились, подобно гусеничному трактору в Дахау, вплоть до предпоследнего дня тысячелетия.

В Сан-Франциско устраивали большую тусовку, отмечая встречу двухтысячного года. И кому какое дело, что город медленно разваливается, что цивилизация распадается в истерию? Давайте устроим вечеринку!

Я стоял на дамбе через залив Золотые Ворота[6] в последний день 1999 года. Солнце садилось в Тихий океан, на Японию, которая оказалась более-менее прежней, но пропитанной неосамурайским духом в квадрате и в кубе. За спиной первые заряды фейерверка в честь холокоста устремились в небо, создавая празднество, с которым соревновалось пламя горящих зданий — это социальные и экономические бомжи отмечали событие по-своему. Город содрогался под тяже-

---

[6] Примечания: 6

В реальности такой дамбы нет, но предложения о ее постройке выдвигаются уже давно. Смысл ее в том, что залив достаточно узкий, из-за чего во время приливов и отливов возникают сильные течения, постепенно разрушающие опоры моста через залив, и резко повышается уровень воды. Дамба могла бы решить эти проблемы.

стью нищеты, стремясь рухнуть по трещинам какого-нибудь подкоркового разлома Сан-Андреас. А в моем сознании мерцали орбитальные атомные бомбы, готовые вырастить грибы, когда мы исчерпаем все прочие возможности.

Я подумал о Пинк.

И обнаружил, что мчусь через пустыню Невады, обливаясь потом и вцепившись в руль. Я рыдал, но беззвучно, как научился это делать в Келлере.

Можешь ли ты вернуться?

Я швырял городскую машину на ухабы и ямы проселочной дороги. Машина разваливалась. Она не была предназначена для поездок такого рода. Небо на востоке начало светлеть. Это был рассвет нового тысячелетия. Я сильнее придавил педаль газа, машину резко подбросило. Мне было все равно. Я не собирался возвращаться по этой дороге, никогда. Так или иначе, я здесь, чтобы остаться.

Я доехал до стены и облегченно всхлипнул. Последняя сотня миль была кошмарным сном — я гадал, не приснилось ли мне все это. Я коснулся холодной реальности стены, и это меня успокоило. Легкий снег припорошил все вокруг, серый в начинающемся рассвете.

Я увидел их вдалеке. Всех. Они стояли на поле,

где я их видел перед уходом.

Нет, я ошибся. Там были только дети. Почему же мне сперва показалось, что их так много?

Там была Пинк. Я узнал ее немедленно, хотя никогда не видел в зимней одежде. Она стала выше, округлилась. Ей уже исполнилось девятнадцать.

В снегу возле ее ног играл малыш, а на руках она держала младенца. Я подошел и заговорил с ее рукой.

Она повернулась ко мне, лицо осветилось радостью, а глаза смотрели так, как я никогда не видел. Ее руки прошлись по мне, но глаза не шевельнулись.

— Я касаюсь тебя, я приветствую тебя, — сказали ее руки. — Жаль, что тебя здесь не было всего несколько минут назад. Зачем ты ушел, дорогой? Почему тебя не было так долго?

Ее глаза стали камнями в голове. Она была слепа. И глуха.

И все дети тоже. Нет, ребенок Пинк, сидящий возле моих ног, посмотрел на меня и улыбнулся.

— А где все? — спросил я, когда смог дышать ровно. — Шрам? Лысый? Зеленоглазая? И что произошло? Что случилось с тобой?

Я был на грани сердечного приступа, нервного срыва или чего-то еще.

Моя реальность грозила раствориться.

— Они ушли, — ответила она.

Само слово ускользнуло от меня, но контекст включал «Марию Целесту» и Роаноке в штате Виргиния. То, как она использовала слово «ушли», было сложным. Это напоминало то, что она говорила прежде: недостижимое, источник отчаяния наподобие того, что заставило меня убежать из Келлера. Но теперь ее слово поведало о том, что еще не принадлежало ей, но находилось в пределах досягаемости. В нем не было печали.

— Ушли?

— Да. Не знаю куда. Они счастливы. Они ***ли. Это было прекрасно. Мы смогли лишь коснуться части этого.

Мое сердце забилось от звука последнего поезда, отходящего от станции. А ноги топали по шпалам, пока поезд растворялся в тумане.

Куда делся прежний райский уголок? Мне еще не приходилось слышать сказку, в которой можно вернуться в волшебную страну. Ты просыпаешься и понимаешь, что упустил свой шанс. Ты его вышвырнул. Дурак! У тебя есть только один шанс, это мораль, разве нет?

Руки Пинк засмеялись на моем лице.

— Подержи эту часть-меня-что-говорит-ртом-

с-соском, — сказала она и дала мне девочку-младенца. — Я сделаю тебе подарок.

Она протянула руку и легко коснулась моих ушей холодными пальцами. Звук ветра исчез, а когда она отвела руки, он уже не вернулся. Она коснулась моих глаз, отключила свет, и я больше ничего не видел.

Мы живем в уютной тишине и темноте.

Нажмите ВВОД

— Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите трубку, пока…

Я швырнул трубку с такой силой, что телефонный аппарат упал на пол. Сам я продолжал стоять, мокрый и трясущийся от злости. Через некоторое время телефон начал издавать тот самый жужжащий звук, что они издают, когда трубка лежит не на рычаге. Зуммер этот раз в двадцать громче любого другого звука, который может обычно издавать телефон, и я никогда не мог понять почему. Как будто произошло что-то ужасное:

«Катастрофа! Трубка лежит не на рычаге!!!»

Автоответчики, на мой взгляд, это как раз одно из тех изобретений, что отравляют жизнь по мелочам. Признайтесь, вы любите, когда вам отвечает машина? Но то, что произошло со мной, это уже не мелкая неприятность: автомат только что позвонил мне сам!

Машины эти появились не так уж давно. Я подобных звонков получал два-три в месяц, в большинстве случаев от страховых компаний.

Вам читают двухминутную речь и дают номер телефона, по которому можно позвонить, если предложение вас заинтересует. (Я туда как-то раз позвонил, собираясь высказать все, что о них думаю, но опять нарвался на автомат, который произнес: «Ждите ответа» и включил музыку.) Страховые компании, надо полагать, пользуются специальными списками абонентов, хотя неизвестно, где они их берут.

Я направился обратно в ванную, стер капли с пластиковой обложки библиотечной книги и осторожно опустился в воду. Вода, разумеется, уже остыла. Я добавил горячей, и только-только давление у меня пришло в норму, как опять зазвонил телефон.

Пятнадцать звонков я проигнорировал, продолжая сидеть в ванне.

Вы не пробовали читать, когда звонит телефон?

После шестнадцатого звонка я выбрался из ванны, вытерся, надел халат, нарочито медленно пошел в гостиную. Долго смотрел на телефон.

После пятидесятого звонка я все-таки снял трубку.

— Вы слушаете запись. Пожалуйста, не кладите трубку, пока сообщение не закончится. Вам зво-

нят из дома вашего ближайшего соседа Чарлса Клюга. Звонок будет повторяться через каждые десять минут. Мистер Клюг понимает, что он не был хорошим соседом, и заранее приносит извинения за причиненное беспокойство. Он просит вас немедленно пройти к его дому. Ключ лежит под ковриком у входа. Войдите в дом и сделайте то, что необходимо будет сделать. За ваши услуги вы будете вознаграждены. Благодарю вас.

Щелчок. И гудки.

Я никогда не тороплюсь. Десятью минутами позже, когда снова зазвонил телефон, я все еще сидел и обдумывал полученное сообщение. Потом снял трубку и принялся внимательно слушать.

Текст оказался в точности таким же. Как и прежде, в трубке звучал не голос Клюга, а что-то синтезированное, механическое, начисто лишенное человеческой теплоты.

Я дослушал до конца и положил трубку на место.

Потом подумал, не позвонить ли в полицию. Чарлс Клюг жил по соседству со мной десять лет, и за это время мы говорили с ним от силы двенадцать раз. Не дольше минуты. Так что я не считал себя чем-то ему обязанным.

Решил проигнорировать звонки — и как раз

когда я пришел к этому решению, телефон снова зазвонил. Я взглянул на часы: прошло десять минут. Снял трубку и тут же положил ее обратно.

Можно было бы отключить аппарат, и это не сильно изменило бы мою жизнь…

Но в конце концов я оделся, вышел из дома и направился к участку Клюга. Еще один мой сосед, живший через дорогу, Хэл Ланьер, подстригал лужайку перед домом. Он помахал мне рукой, и я ответил тем же. Было около семи вечера. Держалась прекрасная августовская погода. На земле лежали длинные тени. В воздухе стоял запах свежескошенной травы. Мне всегда нравился этот запах, и я подумал, что не мешало бы подстричь и мою лужайку.

Клюгу, видимо, подобная мысль никогда не приходила в голову. Его лужайка местами облысела, а местами заросла вымахавшей по колено травой и сорняками.

Я позвонил в дверной звонок. К двери никто не подошел, и я постучал. Потом вздохнул, заглянул под коврик и открыл найденным там ключом дверь.

— Клюг? — позвал я, сунув голову в прихожую.

Затем неуверенно, словно человек, не знающий, ждут его или нет, прошел через маленький

холл. Шторы на окнах, как всегда, были задернуты, но десяток телевизионных экранов в комнате, когда-то служившей гостиной, давали достаточно света, чтобы я мог разглядеть Клюга. Он сидел в кресле перед столом, уткнувшись лицом в клавиатуру компьютера, и в голове его, сбоку, зияла огромная дыра.

Хэл Ланьер работает с компьютерами в лос-анджелесском управлении полиции, поэтому я сначала рассказал ему о том, что обнаружил в доме Клюга, и он уже вызвал полицию. Мы вместе дожидались, пока прибудет первая машина, и он все время спрашивал меня, не трогал ли я там чего-нибудь, а я каждый раз отвечал, что не трогал ничего, кроме дверной ручки.

Машина медицинской службы приехала без сирены, и вскоре кругом уже суетились полицейские. Соседи все повысыпали на улицу: кто стоял у себя во дворе, а кто тихо переговаривался перед домом Клюга. Съемочные группы из нескольких телекомпаний прибыли как раз вовремя, чтобы успеть заснять вынос тела, завернутого в пластиковую простыню. Мужчины и женщины двигались туда-сюда. Надо полагать, они занимались тем, что обычно положено делать полицейским: снимали отпечатки пальцев, со-

бирали факты… Я бы ушел домой, но мне сказали пока остаться.

В конце концов меня отвели в гостиную Клюга к следователю Осборну, которому поручили это дело. Экраны вдоль стен все еще светились. Мы с Осборном пожали друг другу руки, после чего он молча оглядел меня с ног до головы. Маленького роста, лысеющий, следователь показался мне очень уставшим и продолжал казаться таким до тех пор, пока не взглянул на меня в упор. Вот тогда, хотя на самом деле ничего в его лице не изменилось, он совсем перестал выглядеть уставшим.

— Вы Виктор Апфел? — спросил он.

Я ответил утвердительно.

— Мистер Апфел, как по-вашему, из этой комнаты что-нибудь пропало? — спросил Осборн, обводя гостиную рукой.

Я огляделся, отнесясь к вопросу как к занимательной загадке.

Камин, шторы на окнах. Ковер на полу. Но кроме этого, в комнате не было ничего такого, что обычно бывает в гостиных.

Вдоль всех стен располагались столы, оставлявшие лишь узкий проход в центре комнаты. На них громоздились дисплеи, клавиатуры, дис-

ководы и прочие сияющие побрякушки нового века. Все это соединялось толстыми кабелями и шнурами. Под столами стояли другие компьютеры и ящики, доверху наполненные еще каким-то электронным барахлом. Над столами до самого потолка висели полки, забитые коробками с лентами, дисками, кассетами… Это все обозначается одним термином, но я никак не мог тогда его припомнить: программное обеспечение.

— Здесь нет мебели, верно? Кроме…

Следователь взглянул на меня несколько ошарашенно.

— Вы хотите сказать, что здесь раньше стояла мебель?

— Откуда мне знать? — Тут я сообразил, что он меня не понимает. — Вы думали, что я бывал здесь раньше? Но я впервые попал сюда час назад.

Он нахмурился, и мне это не очень понравилось.

— Медэксперт утверждает, что хозяин дома мертв уже часа три. Почему вы оказались здесь час назад, Виктор?

То, что он обратился ко мне по имени, тоже не очень меня обрадовало, но поделать я ничего не мог. Я знал, что придется рассказать ему про

телефонный звонок.

Слушая, он глядел на меня с недоверием. Но проверить оказалось несложно, что мы и сделали: Хэл, Осборн, я и еще несколько полицейских направились к моему дому. Когда мы вошли, телефон звонил.

Осборн снял трубку и выслушал сообщение. Лицо его исказилось мрачной гримасой, и чем дальше разворачивались события этого вечера, тем мрачней и мрачней оно становилось.

Десять минут мы ждали нового звонка. Осборн тем временем внимательно осматривал мою комнату. Я даже обрадовался, когда телефон зазвонил. Полицейские сделали запись телефонного сообщения, и мы отправились обратно к дому Клюга.

Осборн сразу же пошел за дом взглянуть на антенный лес моего соседа. Видимо, зрелище его впечатлило.

— Миссис Мэдисон — она живет дальше по улице — считает, что Клюг пытался установить контакт с марсианами, — произнес Хэл с усмешкой, — но я думаю, он просто крал спутниковые передачи.

На лужайке за домом стояли три тарельчатые антенны, шесть высоких мачт и еще такие шту-

ки для микроволновой трансляции, что можно увидеть на зданиях телефонных компаний.

Осборн снова привел меня в гостиную и попросил описать, что я увидел. Я не понимал, какой в этом смысл, но тем не менее попытался:

— Он сидел в том кресле. Кресло стояло здесь перед столом. На полу я увидел пистолет. Рука Клюга свесилась прямо над ним.

— Думаете, это было самоубийство?

— Да, пожалуй, я так и думаю. — Я подождал его комментариев, но он молчал, и я спросил: — А что думаете вы?

Осборн вздохнул:

— Он не оставил записки.

— Самоубийцы не всегда оставляют записки, — заметил Хэл.

— Да. Но достаточно часто, и когда записки нет, мне это не нравится. — Осборн пожал плечами. — Впрочем, это не самое главное.

— А телефонный звонок? — сказал я. — Это тоже что-то вроде предсмертной записки.

Осборн кивнул.

— Что-нибудь еще вы заметили?

Я подошел к столу и взглянул на клавиатуру. На панели значилось: «Тексас инструменте. Модель ТИ-99/4А». Справа, где лежала голова Клюга, на

клавиатуре темнело большое кровавое пятно.

— Только то, что он сидел перед этой машиной. — Я коснулся клавиши, и экран дисплея, стоявшего за клавиатурой, тут же заполнился словами. Я быстро отдернул руку, потом вгляделся в появившийся текст.

НАЗВАНИЕ ПРОГРАММЫ: ПРОЩАЙ, РЕАЛЬНЫЙ МИР. ДАТА: 20.08. СОДЕРЖАНИЕ: ЗАВЕЩАНИЕ, РАЗНОЕ. ПРОГРАММИСТ: ЧАРЛС КЛЮГ. ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ПРОГРАММЫ НАЖМИТЕ ВВОД

В конце предложения мерно пульсировал маленький черный квадратик. Позже я узнал, что он называется «курсор».

Все собрались вокруг машины. Хэл, специалист по компьютерам, пояснил, что многие дисплейные устройства стирают изображение, оставляя экран пустым, если в течение десяти минут никто не меняет выведенную на него информацию. Делается это для того, чтобы экран дисплея не выгорал там, где светятся слова. Когда я коснулся клавиши, экран был зеленым, но потом появились черные буквы на голубом фоне.

— Эту клавиатуру проверяли на отпечатки пальцев? — спросил Осборн.

Никто этого толком не знал, поэтому Осборн взял карандаш и ластиком на его конце нажал

клавишу «ВВОД».

Текст с экрана исчез, а затем голубой фон заполнили маленькие овальные фигурки, падающие сверху, словно дождевые капли. Сотни и сотни фигурок самых разных цветов.

— Это же пилюли, — удивленно произнес один из полицейских. — Вон, смотрите, «Кваалуд»! А это — «Нембутал»!

Все наперебой принялись показывать пальцами на изображения пилюль. Я сам сразу узнал белую капсулу с красным ободком — наверняка «Дилантин». Уже несколько лет я принимаю их каждый день.

В конце концов дождь из пилюль прекратился, и эта дьявольская машина принялась наигрывать «Все ближе к тебе, мой господь» в три инструментальные партии.

Несколько человек рассмеялись. Не думаю, что на самом деле кому-то из нас происходящее показалось забавным: слушать эту мрачную панихиду было довольно неприятно, но звучала она, словно аранжировка для свистка, каллиопы и дудки. Как тут не засмеяться?

Пока играла музыка, в левом краю экрана появилась маленькая, целиком сложенная из квадратиков фигурка. Подергиваясь, она двину-

лась к центру. Чем-то изображение напоминало человечка из видеоигры, только выполнено оно было не столь детально; чтобы узнать в фигурке человека, требовалось некоторое воображение.

Потом в центре экрана появился еще какой-то предмет, и «человечек» остановился напротив него. Он согнулся, и под ним возникло изображение чего-то вроде скамеечки.

— Что это такое?

— Компьютер, видимо.

Похоже, на картинке действительно изображался компьютер, потому что человечек вытянул вперед руки и задергал ими, словно пианист у рояля. Человечек печатал, а над ним появлялись слова.

ГДЕ-ТО В ПУТИ Я ЧТО-ТО УПУСТИЛ. Я СИЖУ ЗДЕСЬ ДНЯМИ И НОЧАМИ, КАК ПАУК В ЦЕНТРЕ СВОЕЙ ПАУТИНЫ… Я ХОЗЯИН ВСЕГО ОБОЗРИМОГО… И ВСЕ ЖЕ ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО. ДОЛЖНО БЫТЬ БОЛЬШЕ. ВВЕДИ СВОЕ ИМЯ

— Боже, — произнес Хэл. — Я не могу в это поверить… Интерактивное предсмертное письмо…

— Нам надо узнать, что дальше.

Я стоял ближе всех к клавиатуре, так что я наклонился и набрал свое имя. Но, подняв глаза, увидел, что сделал опечатку, и получилось:

ВИКТ9Р.

— Как мне это исправить? — спросил я.

— Просто вводите, — сказал Осборн, потом протянул руку передо мной и нажал ВВОД.

ЗНАКОМО ЛИ ТЕБЕ ТАКОЕ ЧУВСТВО, ВИКТ9Р? ТЫ РАБОТАЕШЬ ВСЮ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ЛУЧШЕ ДРУГИХ, НО ОДНАЖДЫ ВДРУГ ПРОСЫПАЕШЬСЯ И НЕ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО. СО МНОЙ ИМЕННО ТАК И ПРОИЗОШЛО. ХОЧЕШЬ УЗНАТЬ ДАЛЬШЕ, ВИКТ9Р? ДА/НЕТ

После этого текст лился нескончаемым потоком. Клюг, похоже, понимал это и немного смущался, потому что после каждого параграфа из сорока-пятидесяти слов он предоставлял читателю выбор ДА/НЕТ.

Я то и дело переводил взгляд с экрана на клавиатуру, куда ткнулся головой Клюг, и представлял себе, как он сидит в этой комнате один и вводит текст.

Он писал, что ощущает подавленность, что не может дальше так жить. Он принимал слишком много пилюль (в этом месте на экране вновь посыпались сверху разноцветные овальные фигурки), и у него пропала цель жизни. Он сделал все, что запланировал. Мы временами просто

не понимали, что он имеет в виду: Клюг писал, например, что он не существует, и мы сочли это всего лишь образным выражением.

ТЫ ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ВИКТ9Р? ЕСЛИ НЕТ, ТО СКОРО ПОЛИЦИЯ ЗДЕСЬ ПОЯВИТСЯ. ПОЭТОМУ СООБЩАЮ ИЛИ ТЕБЕ, ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКОМУ: Я НЕ ПРОДАВАЛ НАРКОТИКИ. ПРЕПАРАТЫ, ХРАНЯЩИЕСЯ
У МЕНЯ В СПАЛЬНЕ, Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЧНЫХ НУЖД. Я ПРИНИМАЛ ОЧЕНЬ МНОГО, НО ТЕПЕРЬ ОНИ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОНАДОБЯТСЯ. НАЖМИТЕ ВВОД

Осборн нажал клавишу, и в противоположном конце комнаты, напугав нас всех до смерти, затрещал принтер. Я наблюдал, как головка носится туда и назад, печатая текст в обоих направлениях, когда Хэл указал вдруг на экран дисплея и закричал:

— Смотрите! Смотрите сюда!

Человечек на экране снова встал и повернулся к нам. В руке он держал что-то похожее на пистолет и теперь приставил его к голове.

— Нет! — невольно вскрикнул Хэл.

Маленький человечек не обратил на него никакого внимания. Раздался неестественный звук выстрела, и он упал на спину. По экрану

побежала красная струйка, принтер замолк. На дисплее остался только маленький черный труп, лежащий на спине, и слово — ***ВСЁ*** под ним.

Я глубоко вздохнул и посмотрел на Осборна. Сказать, что в лице его читалось неудовольствие, было бы просто недостаточно.

— Что там говорилось насчет наркотиков в спальне? — спросил он.

Мы наблюдали, как Осборн, ничего не находя, копается в ящиках столов и тумбочек. Потом он заглянул под кровать и в шкаф. Как и в других комнатах, здесь было полно компьютеров, от которых через пробитые в стенах отверстия уходили толстые пучки проводов.

Я стоял рядом с большой цилиндрической коробкой из картона (одной из нескольких в комнате) емкостью, наверно, галлонов в тридцать, похожей на те, в которых обычно пересылают вещи. Крышка у коробки съехала чуть в сторону, и я просто поднял ее. О чем тут же пожалел.

— Осборн, — позвал я, — посмотрите-ка лучше сюда.

В коробке стоял мешок из толстого полиэтилена, на две трети заполненный капсулами «Кваалуда». Полицейские сразу же поотдирали крышки с остальных коробок, где обнаружили

капсулы амфетаминов, «Нембутал», «Валиум» и еще много всего в том же роде.

После этой находки в доме опять появилось множество полицейских. Вновь вернулись и телевизионщики.

Меня среди всей этой кипучей деятельности никто не замечал, поэтому я проскользнул к себе в дом и запер дверь. Время от времени я выглядывал из-за занавесок и видел, как репортеры берут интервью у соседей. Хэл тоже там крутился и, похоже, наслаждался уделяемым ему вниманием. Дважды люди с телевидения стучали мне в дверь, но я не открывал, и в конце концов все ушли.

Я наполнил ванну горячей водой и отмокал там, наверно, целый час. Затем включил отопление на максимум и забрался в постель под груду одеял.

Однако всю ночь меня била дрожь.

На следующий день часам к девяти явился Осборн. Я открыл дверь, и следом за ним вошел Хэл. Выглядели они совсем не весело, и я, догадавшись, что полиция работала всю ночь, приготовил им кофе.

— Возьмите-ка, почитайте, — сказал Осборн, протягивая мне компьютерную распечатку. Я развернул бумагу, надел очки и начал читать.

Текст был отпечатан этим жутким шрифтом от игольчатой головки. Обычно я, не читая, выбрасываю подобные вещи в камин, но на этот раз сделал исключение.

Передо мной лежало завещание Клюга, и мне пришло в голову, что при утверждении этого документа в суде юристам придется несладко.

Клюг снова повторял, что он не существует, поэтому у него не может быть родственников, а все свое состояние он решил отдать тому, кто этого заслуживает.

«Но кто этого заслуживает?» — задавался вопросом он. Конечно же не мистер и миссис Перкинс, живущие через четыре дома вдоль по улице: они постоянно избивают детей. В доказательство этого Клюг ссылался на судебные постановления в Буффало и в Майами, а также на дело, возбужденное в местном суде.

Миссис Рэндор и миссис Полонски, живущие еще пятью домами дальше, любительницы распускать слухи.

Старший сын Андерсонов угоняет автомашины.

Мариан Флорес сжульничала на выпускных экзаменах по алгебре.

Совсем неподалеку жил тип, который на весь-

ма крупную сумму надул городские власти на действующем до сих пор подряде на строительство шоссе. Жена одного из соседей путалась с коммивояжерами, а еще две другие завели себе постоянных любовников. Один подросток сделал своей подружке ребенка, бросил ее и расхвастался об этом приятелям.

Целых двенадцать пар, живущих по соседству, скрывали часть доходов от налогового управления или подтасовывали разрешаемые законом скидки.

У соседей, живущих за домом Клюга, постоянно лает собака.

Здесь я мог бы согласиться: эта собака частенько не давала мне заснуть по ночам. Но все остальное… просто немыслимо! Прежде всего, какое право имеет человек, незаконно хранящий двести галлонов наркотиков, судить своих соседей так строго? Конечно, люди, избивающие детей, это одно дело, но можно ли обливать грязью всю семью за то, что их сын крадет автомобили? И потом, откуда Клюг узнал то, что он знал?

Впрочем, там было еще. В частности, о неверных мужьях, где среди прочих фигурировал Харолд Хэл Ланьер, в течение трех лет встречавшийся с женщиной по имени Тони Джонс,

которая служила вместе с ним в центре обработки информации лос-анджелесского управления полиции. Она подталкивала его к разводу, он же ждал «удобного момента, чтобы рассказать жене».

Я взглянул на Хэла: его покрасневшее лицо достаточно убедительно подтверждало то, о чем я только что прочел.

И тут дошло до меня… Что же Клюг узнал обо мне?

Я пробежал глазами вдоль страницы, выискивая свою фамилию, и обнаружил ее в самом последнем параграфе.

«… тридцать лет мистер Апфел расплачивается за ошибку, которую он даже не совершал. Я, пожалуй, не предложил бы его кандидатом в святые, но в силу отсутствия за ним явных грехов — этого в данной ситуации уже достаточно — я оставляю всю свою законную собственность Виктору Апфелу».

Я взглянул на Осборна: его усталые глаза смотрели на меня внимательно и оценивающе.

— Но мне ничего этого не нужно!

— Вы полагаете, это то самое вознаграждение, что упоминал Клюг?

— Должно быть, — сказал я. — А что еще?

Осборн вздохнул и сел в кресло.

— По крайней мере, он не пытался завещать вам наркотики. Вы все еще утверждаете, что совсем его не знали?

— Вы меня в чем-то обвиняете?

— Мистер Апфел, — сказал он, разводя руками, — я просто задаю вопросы. В делах о самоубийствах никогда нет уверенности на все сто. Может быть, произошло убийство. И если это так, то вы сами видите: вы пока единственный известный нам человек, оказавшийся в выигрыше от случившегося.

— Но он был для меня практически чужим.

Осборн кивнул, постукивая пальцем по своему экземпляру распечатки. Я взглянул на тот, что лежал передо мной, и мне захотелось, чтобы он куда-нибудь провалился.

— Кстати, что это… за ошибка, которую вы не совершали?

Я так и думал, что этот вопрос он задаст следующим.

— Во время войны в Северной Корее я попал в плен.

Осборн какое-то время обдумывал мой ответ. Я ударил рукой по подлокотнику кресла, вскочил и снова поймал на себе взгляд его обманчиво

усталых глаз.

— Похоже, прошлое до сих пор сильно волнует вас.

— Это не так легко забывается.

— Хотите что-нибудь рассказать мне о случившемся тогда?

— Дело в том, что все… Нет. Я ничего не хочу говорить. Ни вам, ни кому другому.

— Я должен буду задать вам еще кое-какие вопросы относительно смерти Клюга.

— Видимо, я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

«Боже… Теперь мне придется еще и адвоката искать. Знать бы с чего начинать…»

Осборн снова кивнул, потом поднялся и направился к двери.

— Я уже собрался списать дело на самоубийство, — сказал он, — и единственное, что меня беспокоило, это отсутствие предсмертной записки. Теперь мы ее получили. — Он махнул рукой в сторону дома Клюга, и на лице его появилось сердитое выражение. — Но этот тип не только написал записку, он еще и запрограммировал ее в свой чертов компьютер вместе с целой кучей видеоэффектов. Я, положим, не удивляюсь уже, когда люди делают всякие сумасшедшие вещи:

достаточно всего повидал за свою жизнь. Но услышав, что компьютер играет гимн, я понял, что здесь убийство. Сказать по правде, мистер Апфел, я не думаю, что это сделали вы. В одной только моей распечатке — уже несколько дюжин мотивов. Может быть, он шантажировал соседей. Может, именно так он купил всю аппаратуру. Опять же, люди, имеющие наркотики в таких количествах, редко умирают своей смертью. Мне предстоит много работы, но я узнаю, кто это сделал. — Он пробормотал что-то о невыезде, потом пообещал вернуться позже и вышел.

— Вик… — произнес Хэл, и я взглянул на него.

— Я насчет распечатки… — сказал он. — Я был бы тебе благодарен… Они сказали, что сохранят все в тайне… Ты понимаешь, о чем я?

Я только тогда заметил, что глаза его здорово напоминают глаза таксы.

— Хэл, отправляйся домой и ни о чем не беспокойся.

Он кивнул и двинулся к выходу.

— Я не думаю, что все это получит огласку, — сказал он.

На самом деле, конечно, получилось наоборот. Возможно, это случилось бы даже без писем, которые начали приходить через несколько

дней после смерти Клюга. Писем со штемпелями Трентона, штат Нью-Джерси, переданных с компьютера, который так и не удалось проследить. В них то, что Клюг упомянул в своем завещании, описывалось уже во всех подробностях.

Тогда, однако, я ничего об этом не знал. Остаток дня после того, как ушел Хэл, я провел в постели под электроодеялом, но никак не мог согреть ноги. Вставал я, только чтобы сделать сандвич или полежать в горячей ванне.

Несколько раз в дверь стучали репортеры, но я не отзывался. На следующий день я позвонил Мартину Абрамсу, адвокату, стоявшему в телефонном справочнике первым, и договорился, что он будет представлять мои интересы. Он сказал, что меня, возможно, вызовут в полицейский участок для дачи показаний. Я ответил, что никуда не поеду, проглотил две капсулы «Дилантина» и бросился в постель.

Пару раз с улицы доносилось завывание сирены, и один раз я расслышал крики: кто-то с кем-то громко спорил. Усилием воли я заставлял себя сидеть дома и не высовываться. Признаюсь, любопытство мучило, но вы и сами прекрасно знаете, что случается с любопытными…

Я ждал возвращения Осборна, но он все не при-

ходил. Дни шли, превращаясь в неделю, и за это время случилось только два события, достойных внимания.

Первое началось стуком в дверь через два дня после смерти Клюга. Я выглянул из-за занавески и увидел припаркованный на обочине серебристый «Феррари». Разглядеть, кто стоит у дверей, я не мог и поэтому спросил, кто там.

— Меня зовут Лиза Фу, — ответила какая-то женщина. — Вы приглашали меня.

— Я определенно не помню вас.

— Это дом Чарлса Клюга?

— Нет, вам в соседний.

— О, извините.

Я решил предупредить ее, что Клюга уже нет в живых, и открыл дверь. Женщина обернулась и улыбнулась совершенно ослепительной улыбкой.

Просто не знаю, с чего начать описание Лизы Фу. Помните то время, когда на первых страницах газет красовались карикатуры на Хирохито и Тодзио, а в «Таймс» совершенно без смущения пользовались словом «джап»? Маленькие человечки с круглыми, как футбольный мяч, лицами, уши, словно ручки от кувшинов, очки с толстыми стеклами, два больших, как у кролика, передних

зуба и тоненькие усики…

Если не считать усы, то она просто сошла вот с такой карикатуры. Очки, зубы… Но на зубах стояла скобка, и это напоминало клавиши пианино, обмотанные колючей проволокой. Ростом она была пять футов и восемь или девять дюймов, а весила не больше 110 фунтов. Причем я бы сказал сто, но добавил по пять фунтов на каждую грудь, настолько большую при ее тоненькой фигурке, что надпись на майке читалась как «ROCK LIVE», и только когда она поворачивалась боком, я мог разглядеть две буквы «S» по краям.

Лиза Фу протянула мне изящную тонкую руку.

— Похоже, мы некоторое время будем соседями, — сказала она. — По крайней мере, пока я не разберусь с этим «логовом дракона» на соседнем участке.

Если у нее и чувствовался какой-то акцент, то скорее из долины Сан-Фернандо.

— Очень приятно.

— Вы его знали? Я имею в виду Клюга? Так он, по крайней мере, себя называл…

— А вы думаете, это не настоящая его фамилия?

— Сомневаюсь. «Клюг» по-немецки означает «умный». А на жаргоне хакеров это «хитрец»

или «ловкач», что к Клюгу относится в полной мере. Хотя «серый процессор» у него определенно барахлил. — Она многозначительно постучала пальцем себя по виску. — «Вирусы», «фантомы» и «демоны» выскакивают каждый раз, когда люди из полиции пытаются подключиться к его системам, матобеспечение «протухает», «битовые корзины» переполняются…

Она говорила и говорила, но для меня все это звучало как суахили.

— Вы хотите сказать, что в его компьютерах прячутся демоны?

— Точно.

— Тогда им, похоже, нужен будет экзорсист.

Она ткнула большим пальцем себя в грудь, показав одновременно еще пол-акра зубов, и сказала:

— Это я и есть. Однако мне надо идти. Заскакивайте повидаться в любое время.

Второе интересное событие недели произошло днем позже: по почте пришел бланк банковского уведомления. На мой счет были переведены три суммы. Первая — обычный чек из Управления по делам ветеранов войны на 487 долларов. Вторая сумма в 392 доллара 54 цента — проценты на деньги, оставленные мне моими родителями

пятнадцать лет назад.

Третий вклад был переведен двадцатого, в тот день, когда умер Клюг, — 700 083 доллара 04 цента.

Через несколько дней ко мне заглянул Хэл Ланьер.

— Ну, неделька!.. — произнес он, плюхнувшись на диван, и начал рассказывать.

Оказалось, что в нашем квартале зарегистрирована еще одна смерть. Письма вызвали немало неприятностей, особенно после того, как полиция начала ходить по домам и допрашивать всех подряд. Кое-кто, почувствовав, что круг сжимается, покаялся в своих грехах сам. Женщина, «развлекавшая» коммивояжеров, пока ее муж находился на работе, призналась ему в неверности, и тот ее застрелил. Теперь он сидел в тюрьме округа. Это, пожалуй, самое плохое из того, что произошло, но случались инциденты и помельче: от драк до выбитых камнями стекол. По словам Хэла, налоговое управление планировало временно открыть в нашем районе специальное отделение, поскольку сведения о доходах слишком большого числа людей требовали проверки.

Я подумал о семистах тысячах восьмидесяти трех долларах.

И четырех центах.

Промолчал, но почувствовал, как у меня начинают холодеть ноги.

— Ты, наверно, хочешь знать, что там у нас с Бетти, — сказал он наконец.

Я не хотел. Не хотел знать вообще ничего об этом, но попытался изобразить на лице соответствующее выражение сочувствия.

— Все кончено, — сказал он, удовлетворенно вздыхая. — Я имею в виду — между мной и Тони. Я все рассказал Бетти. Несколько дней было очень плохо, но, думаю, теперь наш брак стал еще крепче. — Он замолчал на некоторое время, наслаждаясь теплом происшедших перемен.

Мне удавалось сохранять серьезное выражение лица и в более провоцирующих ситуациях, так что, кажется, я выслушал его вполне достойным образом.

Он хотел рассказать мне, что они узнали о Клюге, хотел пригласить меня домой пообедать, но я вежливо отказался от обоих предложений, сославшись на то, что старые раны совсем меня замучали. И я уже почти выпроводил его, когда в дверь постучал Осборн. Ничего не оставалось, кроме как впустить его. Хэл тоже остался.

Я предложил Осборну кофе, что было с благо-

дарностью принято. Выглядел он теперь как-то иначе, и сначала я никак не мог понять, в чем дело: то же самое усталое выражение лица… Впрочем, нет. Раньше мне казалось, что это маска или цинизм, присущий полицейским. Но в тот день в его лице читалась подлинная усталость. Она как бы перетекала с лица на плечи, руки, передавалась походке и манере сидеть согнувшись. Над ним словно повисло тяжелое ощущение поражения.

— Я все еще на подозрении? — спросил я.

— Хотите спросить, не нужно ли вам пригласить адвоката? Думаю, не стоит беспокоиться. Я достаточно тщательно проверил вас. Завещание Клюга едва ли будет стоить чего-то в суде, так что даже ваши мотивы выглядят не очень убедительно. На мой взгляд, у любого из местных торговцев кокаином было гораздо больше причин убрать Клюга, чем у вас. — Он вздохнул. — Я просто хотел эадать пару вопросов. Можете не отвечать, если не хотите.

— Давайте попробуем.

— Вам не запомнились какие-либо необычные его посетители? Люди, приходившие или уходившие ночью?

— Единственное, что я помню, это служебные

машины. Почта, «Федерал Экспресс», компании по доставке грузов и прочие… Надо полагать, наркотики могли прибывать со всеми этими людьми.

— Мы тоже так решили. Едва ли он работал по мелочам. Возможно, он служил посредником. Получил, передал… — Осборн на какое-то время задумался и отхлебнул кофе.

— Есть какие-нибудь успехи в расследовании? — спросил я.

— Хотите знать правду? Дело заходит в тупик. У нас слишком много мотивов, но ни один из них не работает. Насколько мы поняли, никто в округе и понятия не имел, что Клюг располагает всей этой информацией. Мы проверили банковские счета и нигде не обнаружили доказательств шантажа. Так что соседи явно в картину не вписываются. Хотя, если бы Клюг остался в живых, сейчас его с удовольствием прихлопнул бы почти любой из тех, кто живет по соседству.

— Это точно, — сказал Хэл.

Осборн хлопнул себя ладонью по ляжке.

— Если бы мерзавец остался в живых, я сам бы его убил! — воскликнул он. — Но теперь я начинаю думать, что он никогда не был жив.

— Не понимаю…

— Если бы я своими глазами не видел труп… — Осборн сел чуть прямее. — Он писал, что не существует. И на практике это действительно почти так. В электрогазовой компании о нем никогда не слышали. Клюг подключен к их линиям, сотрудник компании каждый месяц снимал показания счетчиков, но компания никогда не выставляла ему никаких счетов. То же самое и с телефоном. У него дома целый коммутатор, который изготовлен телефонной компанией, доставлен и установлен ими же, но у них нет об этом никаких сведений. Мы разговаривали с рабочим, установившим его. Он сказал, что сдал все сведения о работе и компьютер их принял. Клюг не открывал счета ни в одном из банков Калифорнии, и, похоже, он ему просто не был нужен. Мы обнаружили около сотни компаний, которые продали ему то или иное оборудование, доставили, а затем либо отметили его счет как оплаченный, либо напрочь «забыли», что вообще имели с ним дело. В некоторых из них зафиксированы номера чеков и счетов, но ни эти счета, ни даже банки никогда не существовали.

Он откинулся в кресле, и я почувствовал, что все эти факты его просто бесят.

— Единственный, кто вообще имел представле-

ние о Клюге, это человек, доставлявший ему раз в месяц продукты из бакалейной лавки. Маленький магазинчик неподалеку отсюда. У них нет компьютера, все расчеты по квитанциям. Клюг платил чеками «Уэллс Фарго». Там эти чеки принимали к оплате, и никогда никаких проблем не возникало. Хотя о Клюге там даже не слышали.

Я задумался. Похоже, Осборн ожидал от меня какой-то реакции, и я высказал свое предположение:

— Он делал все это с помощью компьютеров?

— Верно. То, что он проворачивал с бакалейной лавкой, я еще понимаю. Но по большей части Клюг проникал прямо в базовое программное обеспечение и затирал все сведения о себе. Энергокомпания никогда не получала платежей ни чеками, ни каким-либо другим образом именно потому, что, по их мнению, они никогда и ничего Клюгу не продавали. Ни одно из правительственных учреждений также никогда ничего о Клюге не знало. Мы проверили все: от почтового управления до ЦРУ.

— Но, возможно, Клюг — это не настоящая его фамилия? — предположил я.

— Да. Но в ФБР нет его отпечатков пальцев. Мы в конце концов узнаем, кто он такой, но это ни

на миллиметр не приближает нас к ответу на вопрос о том, произошло убийство или нет.

Осборн признал, что на него в определенном смысле давят с тем, чтобы он закрыл дело — по крайней мере ту часть, которая касалась смерти Клюга, — списав все на самоубийство, и забыл о нем. Однако он в самоубийство не верил. Разумеется, расследование второй половины истории, то есть попытки раскрыть махинации Клюга, никто пока прекращать не собирался.

— Теперь все зависит от этой стрекозы, — сказал Осборн.

— Жди, — ответил Хэл, фыркнув, и пробормотал что-то про «азиатов в лодках».

— Эта девушка? Она все еще здесь? Кто она такая?

— Какая-то «компьютерная звезда» из Калифорнийского технологического. Мы связались с ними, сообщили, что у нас за проблемы, и вот кого они нам прислали. — По лицу Осборна было понятно, что ни на какую помощь с ее стороны он на самом деле не рассчитывает.

В конце концов мне удалось от них избавиться. Когда они уходили по садовой дорожке, я взглянул в сторону дома Клюга: на его участке действительно стоял серебристый «Феррари»

Лизы Фу.

Ходить мне туда было совершенно незачем. Я прекрасно это знал и потому занялся приготовлением ужина. Сделал запеканку из тунца — когда я готовлю ее по своему собственному рецепту, она гораздо лучше, чем предполагает название, — потом вышел во двор набрать зелени для салата. Я срывал помидоры и думал о том, что надо бы охладить бутылку белого вина, и тут мне в голову пришло, что наготовил я вполне достаточно на двоих.

Поскольку я никогда не делаю ничего наспех, я сел и обдумал эту мысль. В конце концов меня убедили ноги: впервые за всю неделю им было тепло. И я отправился к дому Клюга.

Решетки за открытой настежь дверью не оказалось, и мне подумалось, как странно и тревожно выглядит незакрытое, незащищенное жилище. Остановившись на крыльце, я заглянул внутрь, но дальше коридора ничего не увидел.

— Мисс Фу? — позвал я.

Никто не ответил. В предыдущий раз, зайдя в дом, я обнаружил там мертвого человека… Я торопливо прошел по коридору.

Лиза Фу сидела на скамеечке от рояля перед компьютерной консолью. Она сидела, поджав

коричневые ноги, в позе лотоса, и я видел в профиль ее прямую спину и пальцы, зависшие над клавиатурой. На экране перед ней быстро пробегали слова. Она подняла голову и в улыбке сверкнула зубами.

— Кое-кто сообщил мне, что вас зовут Виктор Апфел, — сказала она.

— Да. Э-э-э… дверь была открыта…

— Жарко, — пояснила она и, оттянув двумя пальцами ворот, принялась обмахиваться краем майки. — Чем могу быть полезна?

— Да в общем-то… — Сделав шаг в полутьме, я споткнулся обо что-то на полу: оказалось, это большая, плоская коробка типа тех, в которых доставляют на дом крупные порции пиццы. — Я готовил ужин и, решив, что там хватит на двоих, подумал, может быть, вы…

Я растерянно замолчал, потому что в этот момент заметил кое-что еще. Вначале мне показалось, что она сидит в шортах; на самом же деле, кроме майки и узеньких розовых трусов от купальника, на ней ничего не было. Правда, ее, похоже, это совершенно не смущало.

— …присоединитесь ко мне за ужином?

Ее улыбка стала еще шире.

— С удовольствием, — ответила она, легко

вскочила на ноги прямо из лотоса и пронеслась мимо меня, оставляя за собой легкий запах пота со сладковатым привкусом мыла. — Я буду через минуту.

Я оглядел комнату, но мысли мои все время возвращались к Лизе. Пиццу она, видимо, любила с пепси: на полу валялось множество пустых банок. На коленке и на левом бедре у нее я заметил глубокие шрамы. Пепельницы стояли чистые… Клюг, вероятно, курил, Лиза — нет. Четко обрисовывались при ходьбе длинные мышцы ее икр. На пояснице у нее росли крошечные мягкие волоски, едва заметные в зеленом свете дисплея. Я слышал, как журчит вода в раковине, смотрел на желтые странички блокнота, исписанные в манере, которую я не встречал уже несколько десятков лет, ощущал запах мыла и думал о ее коричневой, с легким пушком коже и легкой походке.

В гостиную она вернулась уже в джинсах с обрезанными штанинами, сандалиях и новой майке. На старой значилось «БЭРРОУЗ ОФФИС СИСТЕМЗ». На этой же, чистой, с запахом свежевыстиранного хлопка, были Микки-Маус и замок Белоснежки, причем уши Микки-Мауса вытягивались назад по верхнему склону непропорционально боль-

шой груди. Я двинулся за Лизой на улицу.

— Как мне нравится ваша кухня! — сказал она.

До этих слов я никогда не обращал внимания на обстановку своей кухни. Ее словно перенесли в капсуле времени со страниц «Лайфа» начала пятидесятых годов. В углу стоял старенький покатый «Фригидеер» выпуска еще тех лет, когда это слово служило общим термином типа клинекса или коки. Крышки столов покрыты желтой плиткой, которую сейчас можно увидеть только в ванных комнатах. На кухне вообще не было ни грамма пластмассы. Вместо посудомоечного агрегата у меня стояла двойная раковина и проволочная сушилка. Ни электрооткрывателя для банок, ни уплотнителя мусора, ни микроволновой печи… Самой новой вещью на кухне был, пожалуй, смеситель, купленный пятнадцать лет назад. Я умею и люблю работать руками. Люблю чинить.

— Хлеб просто бесподобный! — воскликнула Лиза.

Хлеб я испек сам. Она вымакала подливку в тарелке хлебной коркой, потом спросила, можно ли ей добавки. Насколько я понимаю, вымакивать коркой подливку — дурной тон, но меня это ничуть не шокировало: я сам всегда так де-

лаю. Впрочем, за исключением этого, манеры ее были безупречны. Она умяла три порции моей запеканки, после чего тарелку можно было бы и не мыть. Создавалось впечатление, что у нее чудовищный и едва сдерживаемый аппетит.

Она откинулась в кресле, и я снова налил вина в ее бокал.

— Вы уверены, что не хотите больше горошка?

— Я лопну. — Она удовлетворенно похлопала себя по животу. — Большое спасибо, мистер Апфел. Я уже лет сто не ела домашней пищи.

— Можете звать меня Виктором.

— Я так люблю американскую кухню.

— А я и не знал, что она существует. Я имею в виду, не как китайская или… Вы американка?

Она улыбнулась.

— Я имею в виду…

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Виктор. Гражданство у меня американское, но родилась я не здесь… Извините, я на минуточку… Я знаю, это невежливо вот так сразу вскакивать из-за стола, но с этими скобками мне приходится чистить зубы, как только поем.

Убирая со стола, я слышал ее в ванной. Потом я пустил воду в раковину и взялся за тарелки. Через некоторое время Лиза присоединилась ко

мне, схватила кухонное полотенце и принялась, невзирая на мои протесты, вытирать посуду, стоявшую на сушилке.

— Вы живете здесь один? — спросила она.

— Да. С тех пор, как умерли родители.

— Вы были женаты? Впрочем, если это не мое дело, так и скажите.

— Ничего. Я никогда не был женат.

— Для мужчины, живущего без женщины, вы неплохо справляетесь с хозяйством.

— Большая практика. Можно мне задать вопрос?

— Валяйте.

— Откуда вы? Тайвань?

— У меня способности к языкам. Тогда, дома, я говорила на «пиджин-американ», но, оказавшись здесь, быстро выучилась говорить правильно. Еще я говорю по-французски, правда, довольно паршиво; по-китайски, на четырех-пяти диалектах, но совершенно безграмотно; чуть-чуть по-вьетнамски и знаю тайский ровно настолько, чтобы сказать: «Моя хотеть видеть американский консул, быстро-очень-черт-побери, эй-ты!»

Я рассмеялся: последнюю фразу она произнесла с жутким акцентом.

— Здесь я уже восемь лет. Вы, наверно, догада-

лись, где это «дома»?

— Вьетнам? — предположил я.

— Точно. Сайгон.

— Я принял вас за японку.

— Ну что поделаешь?.. Когда-нибудь я вам расскажу о себе… Виктор, а вот там за дверью прачечная комната? С электрической стиральной машиной?

— Точно.

— Я не слишком вам помешаю, если запущу кое-что постирать?

Конечно, она мне не мешала. Семь пар джинсов — некоторые с отрезанными штанинами — и две дюжины маек с рисунками вполне сошли бы за мальчишечий гардероб, если бы к ним не прилагались еще всяческие полупрозрачные сугубо женские предметы.

Потом мы отправились на задний двор посидеть в последних лучах заходящего солнца, и она захотела взглянуть на мой огород. Предмет моей гордости. Когда я чувствую себя хорошо, я провожу там до пяти часов в день, обычно по утрам, причем круглый год. На юге Калифорнии это возможно. У меня есть даже маленькая самодельная теплица.

Ей все понравилось, хотя огород содержался не

в лучшем виде: последнюю неделю я провел либо в постели, либо в горячей ванне, так что кругом повылезли сорняки.

— Когда я была маленькой, я тоже работала на огороде, — сказала Лиза. — И еще два года я провела на рисовых плантациях.

— Видимо, там все по-другому.

— Еще бы, черт побери! Я после этого несколько лет подряд не могла даже смотреть на рис.

Потом она заметила расплодившихся на листьях тлей, и мы, присев на корточки, принялись их собирать. Сидела она в той самой характерной для азиатских крестьян позе, что я очень хорошо помнил, но никогда не умел имитировать. Пальцы ее, длинные и узкие, вскоре стали совсем зелеными от раздавленных насекомых.

Разговаривали мы о самых разных вещах. Не помню уже с чего, но я рассказал ей, что воевал в Корее. Узнал, что ей двадцать пять лет. Выяснилось, что дни рождения у нас совпадают, так что несколько месяцев назад мне исполнилось ровно вдвое больше, чем ей.

Имя Клюга всплыло в разговоре только один раз, когда Лиза упомянула, что очень любит готовить, а в доме моего соседа делать это совершенно невозможно.

— В гараже у него стоит морозильник, забитый всякими готовыми замороженными обедами, — сказала она. — В доме одна тарелка, одна вилка, одна ложка и один стакан. Плюс микроволновая печь — самая лучшая модель из тех, что можно встретить в каталогах. Но это все. На кухне больше вообще ничего нет. — Она покачала головой и прикончила очередную тлю. — Он явно был со странностями.

Лиза разделалась со стиркой уже к вечеру, когда почти стемнело. Выстиранное белье она загрузила в плетеную корзину, и мы отправились на улицу развешивать его на веревках. Получилось что-то вроде игры. Я встряхивал майку, потом разглядывал рисунок или надпись на ней. Иногда я сразу понимал, о чем речь, иногда нет. Там встречались изображения рок-групп, карта Лос-Анджелеса, кадры из «Звездного пути»… Всего понемногу.

— А что такое «Общество L5»? — спросил я.

— Это парни, которые хотят построить в космосе орбитальные фермы. Я спросила, собираются ли они выращивать там рис, и когда мне ответили, что, по их мнению, рис не самая лучшая культура для условий невесомости, я эту майку купила.

— И сколько же их у тебя?

— О-о! Должно быть, сотни четыре или пять. Обычно я одеваю их два-три раза, а потом откладываю.

На следующий день почта принесла письмо из адвокатской конторы в Чикаго. О семистах тысячах долларов. Оказывается, деньги перевела мне арендная компания в Делавэре, основанная в 1933 году для того, чтобы обеспечить мою старость. Основателями числились мои родители. Кое-какие долгосрочные вклады созрели, что и привело к моему недавнему финансовому взлету. Причем эта сумма поступила на мой счет в банке уже после уплаты налогов.

Полная ерунда. У моих родителей никогда не было таких денег. Я не хотел их. И отдал бы обратно, если б только знал, у кого Клюг их украл.

Потом я решил, что через год, если не окажусь к тому времени в тюрьме, отдам эти деньги на благотворительные нужды. Может, в «Фонд спасения китов», а может, «Обществу L5».

Все утро я провел в саду. Затем сходил в магазин и купил немного говядины и свинины. Покупки я нес домой в складной проволочной корзине и чувствовал себя просто отлично. Проходя мимо серебристого «Феррари», я даже улыбнулся.

Лиза еще не приходила за выстиранным бельем, так что я снял его с веревки, сложил и отправился к дому Клюга.

— Это я — Виктор.

— Входи.

Лиза сидела там же, где и в прошлый раз, но одета была уже не так легкомысленно. Она улыбнулась, потом, увидев у меня в руках корзину с бельем, хлопнула себя по лбу и бросилась ее забирать.

— Извини, Виктор. Я собиралась…

— Ничего, — сказал я. — Мне не в тягость. И кроме того, у меня появилась возможность попытаться пригласить тебя на ужин еще раз.

Что-то в ее лице изменилось, но она быстро с собой справилась. Может быть, на самом деле «американская» кухня понравилась ей гораздо меньше, чем она говорила, а может, дело было в поваре…

— Конечно, Виктор, с удовольствием. Давай мне корзину. И открой, пожалуйста, шторы, а то здесь как в гробнице.

Лиза торопливо удалилась в другую комнату. Открывая шторы, я заметил, как подъехала и остановилась на обочине машина Осборна. Потом вернулась Лиза. В новой майке, на которой

значилось: «A CHANGE OF HOBBIT». Под надписью расположилось приземистое существо с волосатыми ножками. Лиза выглянула в окно и заметила приближающегося Осборна.

— Итак, Ватсон, — произнесла она. — К нам пожаловал инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Впустите его, пожалуйста.

Не очень обдуманная реплика: я рассмеялся, и Осборн, едва войдя в комнату, подозрительно уставился на меня.

— Здравствуйте, Апфел, — начал он. — Мы наконец узнали, кто такой Клюг на самом деле.

— Патрик Уильям Гэвин, — сказала Лиза.

У Осборна отвисла челюсть, и довольно долго он не мог справиться с собой. Потом он все-таки закрыл рот, но тут же открыл снова:

— Откуда вы это узнали, черт побери?!

Лиза неторопливо погладила клавиатуру компьютера.

— Я, разумеется, получила эти данные, когда они поступили к вам в контору сегодня утром. В вашем компьютере сидит маленькая потайная подпрограмма, которая шепчет мне на ухо каждый раз, когда в материалах упоминается фамилия Клюг. Однако мне это не было нужно. Я узнала все еще пять дней назад.

— Тогда почему вы… почему вы ничего не сказали?

— Вы ничего не спрашивали.

Некоторое время они смотрели друг на друга в упор. Я понятия не имел, какие события предшествовали этой конфронтации, но и так было ясно, что большой любви они друг к другу не испытывают. Сейчас Лиза выиграла один раунд и, похоже, вовсю этим наслаждалась.

— Если припоминаете, вы пригласили меня, потому что у ваших собственных людей ничего не получалось. Когда я начала работу, система программ уже была повреждена и практически парализована. Ваши люди не могли ничего поправить. Вы решили, что по крайней мере вреда от меня не будет, и пригласили с тем, чтобы я попыталась расколоть коды Клюга, не разрушив систему окончательно. Я это сделала. Вам нужно было только прийти и спросить, и я завалила бы вас тоннами распечаток.

Осборн внимательно слушал. Возможно, он даже понял, что ошибался в своей оценке.

— Что вы узнали? Я могу ознакомиться с этими данными сейчас?

Лиза кивнула и нажала несколько клавиш подряд.

На дисплеях рядом с ней и возле Осборна появился текст. Я подошел к терминалу Лизы и начал читать.

Текст представлял собой краткую биографию Клюга/Гэвина. Он был примерно моего возраста, но в то время, когда в меня стреляли в чужой стране, он старательно делал карьеру в только-только родившейся области производства компьютеров. С самого начала принимая участие в создании этих машин, он работал во многих ведущих исследовательских центрах, и меня удивило, что на установление его личности потребовалось больше недели.

— Все эти данные я собрала довольно просто, — начала рассказывать Лиза, пока мы читали. — Первое, что вы должны понять о Гэвине, это то, что его нет ни в одной компьютеризованной информационной системе. Поэтому я начала обзванивать людей во всех концах страны… Кстати, у него очень любопытный телефонный комплекс; для каждого звонка он генерирует новый исходный номер, и вы не можете ни перезвонить обратно, ни проследить, откуда поступил звонок. Так вот, я начала расспрашивать, кто был в этой области в числе ведущих специалистов в пятидесятые и шестидесятые годы, и мне назвали

множество имен. После чего оставалось лишь узнать, кого теперь нет в информационных досье. Свою смерть Гэвин сфабриковал в 1967 году, и я даже обнаружила один отчет об этом событии в старых газетных подборках. Все из знавших Гэвина людей, с которыми я говорила, знали также и о его смерти. Во Флориде имеется настоящее — на бумаге — свидетельство о рождении, но других документов, касающихся личности Гэвина, я не нашла. Он единственный, кого знали многие специалисты в этой области и кто не оставил в нашем мире никаких следов. Мне это показалось достаточно убедительным доказательством.

Осборн дочитал до конца и поднял глаза.

— Очень хорошо, Мисс Фу. Что еще вам удалось узнать?

— Я расколола некоторые из его кодов. Мне повезло, потому что я сумела влезть в базовую программу, которую Гэвин написал, чтобы атаковать чужие программы. Я использовала ее против кое-каких его собственных творений. Мне удалось также проникнуть в файл, содержащий ключи и заметки о том, где они используются. И я кое-чему от него научилась. Но это только надводная часть айсберга.

Она махнула рукой в сторону молчаливых ме-

таллических «мыслителей», расставленных по всей комнате.

— Прежде всего я должна объяснить вам, что вы перед собой видите. Это наиболее хитроумное электронное оружие среди всего того, что человечеству удалось пока создать. Система бронирована не хуже какого-нибудь крейсера. Она просто должна быть такой, поскольку в мире полно очень хитрых сторожевых программ, которые мигом вцепятся подобно терьеру в любого непрошеного гостя и будут держать его мертвой хваткой. И если они добирались все-таки сюда, с ними расправлялся уже Клюг, но обычно никто даже и не подозревал, что он «взломал» их защиту и проник в машину. Клюг в действии напоминал крылатую ракету: быструю, маневренную, летящую над самой землей. И свои атаки он направлял сразу из нескольких тупиковых маршрутов.

У него было множество преимуществ. В наши дни большие информационные системы хорошо защищены. Люди используют пароли и очень сложные коды. Но Клюг участвовал в разработке большинства из этих систем. Нужен дьявольски хитрый замок, чтобы не пустить в дом того, кто делал замки всю жизнь. Опять же, Клюг помогал

устанавливать большинство крупных систем и еще тогда оставил в программном обеспечении своих тайных информаторов. Если коды менялись, компьютер сам передавал информацию об этом в какую-нибудь надежную машину, откуда ее позже «вычерпывал» Клюг. Это все равно что вы купите самого большого, злющего и отлично выдрессированного сторожевого пса, а на следующую ночь придет тот тип, что его выдрессировал, погладит пса по голове и вынесет из дома все до последнего цента…

И в таком вот духе. Когда Лиза начинала говорить о компьютерах, девяносто процентов сказанного до меня просто не доходило.

— Я хотела бы кое-что узнать, Осборн, — сказала Лиза.

— Что именно?

— Каков мой статус здесь? Я должна разгадать за вас дело или всего лишь привести систему в такое состояние, когда с ней сможет работать любой компетентный пользователь?

Осборн задумался.

— Меня беспокоит, — добавила она, — что я постоянно попадаю в засекреченные банки данных. Боюсь, в один прекрасный день кто-нибудь вышибет дверь и наденет на меня наручники.

Вас это тоже должно беспокоить, потому что кое-кому в кое-каких организациях может не понравиться, если в их дела будет соваться обыкновенный полицейский всего лишь из отдела по борьбе с особо опасными преступлениями.

При этих словах Осборн вскинул голову. Видимо, Лиза добивалась именно такого эффекта.

— А что мне делать? — огрызнулся Осборн. — Упрашивать вас остаться?

— Нет. Мне просто нужно ваше разрешение. Не обязательно в письменном виде. Достаточно будет, если вы просто подтвердите, что даете добро на продолжение работы.

— Послушайте, что я вам скажу. В том смысле, в каком это может касаться округа Лос-Анджелес и штата Калифорния, дома Клюга вообще не существует. Здесь нет участка. Он не зафиксирован в земельных актах. С точки зрения закона этого места просто нет, следовательно, если кто-то и имеет право давать вам разрешение на работу с материалами Клюга, то это я, потому что я считаю, что здесь было совершено убийство. Так что продолжайте работать.

— Не очень-то надежная защита, — задумчиво произнесла Лиза.

— А чего вы хотите?.. Ладно, что еще вам уда-

лось обнаружить?

Лиза повернулась к клавиатуре и принялась печатать. Вскоре заработал принтер, и она отодвинулась от компьютера. Сложив распечатку, Осборн собрался уходить, но в дверях не удержался и остановился, чтобы дать последние указания.

— Если вы обнаружите какую-то информацию, доказывающую, что это было не самоубийство, дайте мне знать.

— О□кей. Это было не самоубийство.

Осборн поначалу не понял.

— Мне нужны доказательства.

— У меня есть доказательства, но вам они, скорее всего, не подойдут. Эту глупую предсмертную записку писал не Клюг.

— Откуда вы знаете?

— Я поняла это в первый же день после того, как дала машине команду распечатать программу, а потом сравнила ее стиль со стилем Клюга. Это ни в коем случае не его программа. Она выполнена предельно компактно. Ни одной лишней строчки. Клюг выбрал себе такой псевдоним неспроста. Вы знаете, что означает «клюг»?

— «Умный», — вставил я.

— Буквально — да. Но это еще и… нечто чрезмер-

но сложное. Нечто, работающее как положено, но по непонятным причинам… У нас говорят «клюговать» ошибки в программе…

— И что?

— У Клюга программы выглядят просто жутко. Там полно «соплей», которые он даже не удосужился подчистить. Но он был гением, и его программы работают безукоризненно, хотя вас никогда не оставляют сомнения, почему же они все-таки работают. Служебные подпрограммы у него так написаны, что у меня мурашки по спине бегали, когда я с ними разбиралась. Жуть! Но по-настоящему хорошее программирование это такая редкость, что даже его недоделки выглядят лучше, чем гладкая чепуха, которую пишут большинство людей.

Подозреваю, что Осборн понял из сказанного примерно столько же, сколько и я.

— Короче, ваше мнение основано на оценке стиля программирования?

— Да. К сожалению, пройдет еще, наверно, лет десять, прежде чем подобные вещи будут считаться приемлемыми в суде, как, например, графология или дактилоскопия. Но если вы понимаете что-нибудь в программировании, вам достаточно одного взгляда. Предсмертную

записку написал кто-то другой, и этот кто-то, кстати, чертовски хорош. Записка вызывала завещание как подпрограмму, и вот его-то, без сомнения, написал Клюг. Он там, можно сказать, везде наоставлял своих отпечатков. Последние пять лет он шпионил за соседями ради удовольствия, влезал в военные информационные банки, школьные записи, налоговые файлы и банковские счета. А каждый телефон в радиусе трех кварталов он превратил в подслушивающее устройство. Чудовищное любопытство…

— Он упомянул где-нибудь, зачем он это делал? — спросил Осборн.

— Я думаю, он просто рехнулся. Возможно, он был психически неуравновешен и склонен к самоубийству: все эти капсулы с наркотиками здоровья ему, конечно, не прибавляли. Он готовился к смерти, и Виктор оказался единственным, кого он счел достойным наследства. Если бы не эта записка, я бы поверила, что Клюг покончил с собой. Но он ее не писал. В этом я готова поклясться.

В конце концов мы избавились от Осборна, и я отправился домой заниматься обедом. Когда все было готово, пришла Лиза и снова с огромным аппетитом накинулась на еду.

Потом я сделал лимонад, и мы устроились в моем маленьком патио, наблюдая, как собирается вокруг нас вечер.

Проснулся я посреди ночи, весь в поту. Сел в постели, обдумывая события прошедшего дня: выводы мне совсем не понравились. Поэтому я надел халат, шлепанцы и отправился к дому Клюга.

Входная дверь снова оказалась открытой настежь, но я все равно постучал. Лиза выглянула из-за двери в гостиную.

— Виктор? Что-нибудь случилось?

— Я не уверен, — сказал я. — Можно войти?

Она кивнула, и я прошел за ней в комнату. У консоли стояла открытая банка пепси. Лиза с покрасневшими глазами уселась обратно на свою скамеечку.

— Что случилось? — спросила она и зевнула.

— Прежде всего тебе, наверно, нужно спать, — сказал я.

Она пожала плечами и кивнула.

— Да-а. Я никак не попаду в нужную фазу. И как раз сейчас у меня дневной настрой. Хотя я привыкла работать в любое время и подолгу… Однако ты пришел не для того, чтобы сказать мне об этом?

— Нет. Ты говорила, что Клюга убили?

— Предсмертную записку писал не он. Следовательно, остается убийство.

— Я долго думал, за что его могли убить. Он никогда не выходил из дома, так что, видимо, его убили за то, что он сделал здесь со своими компьютерами. А теперь ты… Честно говоря, я не знаю, что именно ты делаешь, но, похоже, ты влезаешь в те же самые дела. Что, если эти люди вернутся?

— Какие люди? — Она вскинула брови.

Я растерялся. Опасения мои недостаточно четко оформились и выглядели не очень, может быть, разумно.

— Я не знаю… Ты говорила… какие-то организации…

— Ты, видимо, заметил, как отреагировал на это Осборн. И решил, что Клюг наткнулся на какую-нибудь тайную операцию или что люди из ЦРУ убили его, когда он слишком много узнал о чем-то секретном, или…

— Я не знаю, Лиза. Но я испугался. Вдруг то же самое случится с тобой?

Она неожиданно улыбнулась:

— Спасибо, Виктор. Я не хотела признаваться при Осборне, но меня это тоже беспокоит.

— И что ты собираешься делать?

— Хочу остаться и продолжить работу. Я пыталась придумать, как можно себя обезопасить, но в конце концов решила, что тут ничего не сделаешь.

— Но что-то же можно предпринять…

— У меня есть пистолет, если ты это имеешь в виду. Но подумай сам. Клюга убрали средь бела дня. Никто не видел, чтобы кто-то входил в дом. И я спросила себя: кто может прийти в середине дня, застрелить Клюга, запрограммировать предсмертную записку и уйти, не оставив никаких следов?

— Кто-то очень опытный и способный.

— Вот именно. Настолько опытный и способный, что едва ли у меня будет какой-то шанс помешать ему, если он решит со мной разделаться.

И ее слова, и ее очевидное равнодушие к собственной судьбе меня просто потрясли. Но все же она призналась, что беспокоится.

— Тогда надо прекратить все это. Уехать отсюда.

— Ну уж нет. Я не позволю, чтобы меня гоняли туда-сюда, — ответила она, и в ее голосе я уловил жесткую нотку — решение ее было окончатель-

ным.

Я подумал о том, что мог бы еще сказать, но не стал говорить ничего.

— По крайней мере… запирай входную дверь, ладно? — закончил я смущенно.

Она рассмеялась и поцеловала меня в щеку.

— Обещаю. И я очень благодарна тебе за заботу. Очень.

Я подождал, пока она закроет за мной дверь, и, услышав щелчок замка, побрел через освещенный луной двор к своему дому. На полпути я остановился, сообразив, что мог бы предложить ей переночевать в моей второй спальне. Или остаться с ней в доме Клюга.

Но потом решил не делать этого из боязни, что она неправильно меня поймет.

Только оказавшись в постели, я понял с огорчением и некоторой долей презрения к себе, что у нее были бы все основания понять меня неправильно.

И это при том, что я ровно в два раза старше ее.

Утро я провел на огороде, планируя меню на вечер. Мне всегда нравилось готовить, но ужины с Лизой быстро стали для меня самым радостным событием суток. Более того, я уже считал их при-

вычными или обязательными. Поэтому, когда около полудня я выглянул на улицу и увидел, что ее машины нет на месте, мне стало просто не по себе.

Я торопливо прошел к дому Клюга. Дверь опять была открыта настежь. Осмотрев дом, я так ничего и не обнаружил до тех пор, пока не наткнулся в спальне на аккуратно разложенные на полу стопки ее одежды. Все еще дрожа, я постучал в дверь Ланьеров. Открыла Бетти и тут же заметила, как встревоженно я выгляжу.

— Та девушка в доме Клюга… — сказал я. — Что-то произошло. Может быть, нам лучше позвонить в полицию…

— А что случилось? — спросила Бетти, глядя мне через плечо. — Она тебе позвонила? Я вижу, она еще не вернулась.

— Вернулась?

— Я видела, как она отъезжала около часа назад. Машина у нее, конечно, класс!

Чувствуя себя полным идиотом, я попытался сделать вид, будто ничего особенного не произошло, однако успел заметить, каким взглядом посмотрела на меня Бетти. Думаю, ей в этот момент хотелось погладить меня по голове или что-то вроде того. Я почувствовал, что начинаю

злиться.

Лиза оставила одежду, значит, она должна вернуться. Я продолжал говорить себе это, потом пошел и забрался в ванну с обжигающе-горячей водой.

Услышав стук, я открыл дверь и увидел Лизу с пакетами в обеих руках и с ее обычной ослепительной улыбкой на лице.

— Я хотела сделать это еще вчера, но забыла и вспомнила, только когда ты пришел. Надо было мне, конечно, сначала спросить, но я хотела сделать тебе сюрприз и решила съездить купить кое-что, чего нет у тебя в саду и на полке с приправами…

И она продолжала говорить, пока мы выгружали из пакетов продукты. Я молчал. На Лизе была новая майка, надпись на которой гласила: В+Л-П. Я нарочно не стал спрашивать, что это означает.

— Ты любишь вьетнамскую кухню?

Я взглянул на нее, и наконец до меня дошло, что она очень взволнованна.

— Не знаю, — сказал я. — Никогда не пробовал. Но я люблю китайскую, японскую и индийскую. Я вообще люблю пробовать все новое.

Здесь я покривил душой, но не очень уж сильно: я действительно пробую иногда новые рецеп-

ты, хотя вкусы в еде у меня в общем-то вполне католические. Однако я подумал, что с южноазиатской кухней справлюсь.

— Видимо, когда я закончу, ты так и не узнаешь, — засмеялась она. — Моя мать была наполовину китаянкой. Так что сегодня на ужин будет нечто беспородное.

Она подняла глаза и, увидев мое лицо, снова рассмеялась.

— Я забыла, что ты бывал в Азии. Не бойся, я не стану готовить собачье мясо.

Единственное, что было совершенно невыносимо, это палочки. Я мучился с ними сколько мог, потом отложил в сторону и взял вилку.

— Извини, — сказал я, — похоже, мне это не под силу.

— Ты очень хорошо с ними управлялся.

— У меня было время научиться.

Каждое новое блюдо воспринималось мною как откровение: ничего подобного я в жизни не пробовал.

— Ты меня боишься, Виктор?

— Поначалу боялся.

— Из-за моего лица?

— Просто обобщенная азиатофобия. Наверно, я все-таки расист. Против собственной воли.

Она медленно кивнула в темноте. Мы снова сидели в патио, хотя солнце уже давно скрылось за горизонтом. Я не могу припомнить, о чем мы говорили эти несколько часов, но, во всяком случае, было интересно.

— У вас, американцев, такой комплекс по поводу расизма, будто вы его изобрели и никто другой, кроме, может быть, ЮАР и нацистов, не практиковал расизм так широко. Вы не в состоянии отличить одно желтое лицо от другого и считаете все желтые нации монолитным блоком. Хотя на самом деле азиаты практикуют расовую ненависть чуть ли не больше всех. — Она задумалась, потом добавила: — Как я ненавижу камбоджийцев, ты бы знал! Из Сайгона я бежала в Камбоджу, но на два года попала в трудовые лагеря, там большинство рабочих были камбоджийцами. Я должна, наверно, ненавидеть не их, а этого подонка Пол Пота, но мы не всегда властны над своими чувствами…

На следующий день я зашел к ней около полудня. На улице похолодало, но в ее темной пещере все еще держалось тепло.

Лиза рассказала мне кое-что о компьютерах, но, когда она дала мне поработать с клавиатурой, я быстро запутался, и мы решили, что мне

едва ли стоит планировать на будущее карьеру программиста.

Одно из приспособлений, которое она мне показала, называлось «модем». С его помощью Лиза могла связываться с любыми другими компьютерами практически во всем мире. Когда я пришел, она как раз общалась с кем-то в Станфорде, с человеком, которого она никогда не видела и знала только по позывному «Бабл-Сортер». С огромной быстротой они перебрасывались какими-то странными компьютерными словечками. Под конец разговора «Бабл-Сортер» напечатал: ПОКА-П. В ответ Лиза напечатала: И.

— Что означает «И»? — спросил я.

— «Истина». В смысле «да», но обычное «да» для хакера слишком прямолинейно.

— А что такое «ПОКА-П»?

— Это вопрос. Добавляешь к слову «П», и получается вопрос. «ПОКА-П» означает, что «Бабл-Сортер» спрашивает, закончен ли наш разговор…

Я в задумчивости посмотрел сначала на ее майку, потом — в глаза, серьезные и спокойные. Она ждала, сложив руки на коленях.

В+Л-П

— Да, — сказал я. — Да.

Лиза положила очки на стол и стянула майку

через голову.

К вечеру мы решили, что Лизе следует перебраться в мой дом. Кое-какие операции, включая загрузку оборудования, ей необходимо было делать у Клюга, но все остальное она вполне могла выполнять с помощью переносного терминала и охапки дисков. Так что мы выбрали один из лучших компьютеров Клюга, дюжину различных периферийных устройств и установили все это хозяйство в одной из моих комнат.

Конечно же, мы оба понимали, что такие меры едва ли спасут нас, если те, кто прикончил Клюга, решат заняться Лизой. Но все-таки я почувствовал себя спокойнее, и она, я думаю, тоже.

На следующий день к дому подкатил грузовой фургон, и двое парней принялись выгружать оттуда здоровенную кровать. Заметив выражение моего лица, Лиза рассмеялась.

— Слушай, ты, случайно, не воспользовалась компьютерами Клюга, чтобы…

— Успокойся. С чего, ты думаешь, я могла позволить себе «Феррари»?

— Признаться, я задавал себе этот вопрос.

— Если человек действительно хорошо пишет программы, он может заработать очень много денег. У меня своя собственная компания. Но

ни один хакер не откажется от возможности познакомиться с каким-нибудь новым трюком. А некоторые из приемов Клюга я в свое время применяла и сама.

— А сейчас? Нет?

Лиза пожала плечами.

— Единожды совравши…

Спала Лиза мало.

Мы поднимались в семь, и каждое утро я готовил завтрак. Час-два мы работали в огороде. Потом Лиза отправлялась в дом Клюга, и около полудня я приносил ей сандвич. Несколько раз в течение дня я заглядывал к ней, но делал это скорее ради собственного спокойствия и никогда не оставался там дольше минуты. Иногда я отправлялся после полудня за покупками или занимался домашними делами, а часов в семь либо я, либо она принимались за приготовление ужина. Как правило, по очереди. Я учил ее американской кухне, а она меня всему понемногу. Порой она жаловалась, что в Америке не продают кое-каких необходимых ей ингредиентов. Имелось в виду, конечно, не собачье мясо, хотя Лиза утверждала, что знает отличные рецепты блюд из обезьян, змей и крыс. Я никогда не мог понять, шутит ли она или говорит всерьез, но вопросов не задавал.

После ужина она оставалась в моем доме. Мы часто и подолгу говорили.

Очень ей понравилась моя ванна. Пожалуй, это единственное изменение, что я сделал в доме, и мой единственный предмет роскоши. Я поставил ее в 1975 году — пришлось расширять ванную комнату — и никогда об этом не жалел.

Дурных привычек она не имела, по крайней мере таких, что не совпадали бы с моими. Аккуратная. Любила чистоту. Переодевалась во все новое дважды в день и ни разу не забывала в раковине хотя бы невымытую чашку. В ванной после нее всегда оставался полный порядок.

В течение следующих двух недель три раза заходил Осборн. Лиза принимала его у Клюга и рассказывала то, что ей удалось узнать. Получалось немало.

— У Клюга был однажды счет в Нью-йоркском банке, где лежало девять триллионов долларов, — рассказала мне Лиза после очередного визита Осборна. — Я думаю, он сделал это просто из желания узнать, выйдет у него такой трюк или нет. Он оставил эту сумму на одни сутки, снял проценты и «скормил» их на другой счет в банке на Багамах, потом уничтожил основной капитал, который и так был фиктивным.

Осборн в свою очередь рассказывал ей, что нового в расследовании убийства — нового они не узнали практически ничего, — и делился своими сведениями относительно статуса собственности Клюга, каковой до сих пор оставался неясным. Различные организации присылали своих людей для осмотра дома. Приезжали и люди из ФБР: собирались взять расследование в свои руки. Однако Лиза обладала удивительной способностью затуманивать людям головы, рассказывая о компьютерах. Сначала она им объясняла свои действия, но в такой форме, что ее никто не мог понять. Иногда этого оказывалось достаточно. Если же нет и посетитель продолжал давить на нее, она просто вставала со своего места и предоставляла ему возможность попытаться самому справиться с творениями Клюга. После чего посетители с ужасом наблюдали, как весь объем информации на диске вдруг стирался, а на экране появлялась надпись:

«Ты — глупое дерьмо!»

— Я бессовестно надуваю их, — призналась мне Лиза. — Я даю им только то, что они и так узнают, потому что я сама через это уже прошла. Потеряла я около сорока процентов хранимой Клюгом информации. Но другие теряют все сто.

Ты бы видел их лица, когда Клюг подбрасывает им очередную логическую бомбу. Один тип в ярости швырнул принтер за три тысячи долларов через всю комнату, потом пытался подкупить меня, чтобы я никому об этом не говорила.

Когда какое-то федеральное агентство послало к ней эксперта из Станфорда, и тот в полной уверенности, что рано или поздно «расколет» коды Клюга, начал стирать все подряд, Лиза показала ему, как Клюг забрался в главный компьютер налогового управления, но «забыла» упомянуть, как он выбирался. Эксперт тут же вляпался в сторожевую программу и, сражаясь с ней, как оказалось, стер все налоговые записи от буквы S до буквы W. По крайней мере, с полчаса Лиза держала его в уверенности, что это действительно так.

— Я думала, у него с сердцем плохо стало, — сказала она мне. — Весь побелел и молчит. Я сжалилась и показала ему, где я, как всегда предусмотрительно, организовала перезапись всей этой информации, потом объяснила, как запихнуть ее на место и как утихомирить сторожевую программу. Из дома он вылетел пулей. Скоро он поймет, конечно, что на самом деле такой объем информации можно уничтожить в один миг разве что динамитом, потому что существуют

дублирующие системы и есть предел скорости обработки. Но сюда, я думаю, он больше не вернется.

— Все это похоже на какую-то замысловатую видеоигру, — сказал я.

— В каком-то смысле да. Это как бесконечная серия запертых комнат, в которых прячется что-то страшное. Каждый шаг — это огромный риск, и за один раз можно делать лишь сотую долю шага. Ты должен спрашивать чужую машину примерно так: «На самом деле это не вопрос, но если мне в голову вдруг придет спросить (чего я вовсе не собираюсь делать) о том, что случится, если бы я смотрел на эту вот дверь (я даже не трогаю ее; меня нет даже в соседней комнате), то каковы, ты полагаешь, могли бы быть твои действия?» Программа все это перемалывает, решает, заслуживаешь ли ты «тортом по физиономии», а потом либо «бросает» его, либо делает вид, что переходит с позиции А на позицию А1. Тогда ты говоришь: «Ну, предположим, я действительно посмотрел на эту дверь», после чего иногда она отвечает: «Ты подглядывал, ты подглядывал!» — и все летит к чертям.

Возможно, выглядит такое объяснение довольно глупо, но, хотя Лиза и пыталась просветить

меня, это была, пожалуй, самая удачная с ее стороны попытка объяснить мне, чем она все-таки занимается.

— Ты им все рассказываешь? — спросил я.

— Нет, не все. Я не упомянула про четыре цента.

«Четыре цента? О боже…»

— Лиза, я не хотел этих денег, не просил и жалею, что…

— Успокойся. Все будет в порядке.

— У Клюга все это было зафиксировано?

— Да, и большую часть времени я потратила именно на расшифровку его записей.

— Ты давно узнала?

— Про семьсот тысяч долларов? Это оказалось в первом же диске, что я «расколола».

— Я хочу отдать их обратно.

Она задумалась и покачала головой.

— Сейчас, Виктор, избавляться от этих денег будет опасней, чем оставить их у себя. Когда-то это были вымышленные деньги, но теперь у них своя история. В налоговом управлении думают, что знают, откуда они взялись. Налоги за эту сумму выплачены. Штат Делавэр считает, что их перевела тебе реально существующая корпорация. Адвокатской конторе в Иллинойсе уплачено

за оформление процедуры перевода. Банк платит тебе проценты. Я не стану говорить, что вернуться назад и стереть все записи невозможно, но я не хотела бы этим заниматься. Я достаточно хорошо знаю свое дело, но у Клюга был просто дар, которым я, увы, не обладаю.

— Как ему все это удалось? Ты сказала «вымышленные деньги».

Лиза нежно погладила свой компьютер и улыбнулась.

— Вот они, деньги, — сказала она, и глаза ее заблестели.

Я никогда не думал, что с деньгами такое возможно. Он их что, с потолка брал?

Ночью, чтобы не беспокоить меня, Лиза работала при свете свечи, и это обстоятельство сыграло для меня роковую роль. На клавиатуре она работала вслепую, свеча ей требовалась только для того, чтобы находить нужные дискеты.

Так я и засыпал каждую ночь, глядя на ее хрупкую фигурку в теплом сиянии свечи. Золотистый свет на золотистой коже…

«Тощая», — сказала она как-то про себя. Лиза действительно была худа, и я даже видел ее ребра, когда она сидела, выпрямившись, втянув живот и задрав подбородок. Работала она, сидя в позе ло-

тоса. Иногда она замирала надолго, опустив руки, потом кисти ее вдруг взлетали вверх, словно для того, чтобы ударить по клавишам. Но клавиш она всегда касалась легко, почти беззвучно. Мне казалось, что это скорее йога, чем программирование. И сама Лиза говорила, что, впадая в состояние медитации, она работает лучше всего.

Никто не назвал бы ее лицо красивым. И пожалуй, мало кто сказал бы, что оно привлекательно. Наверно, это из-за скобок на зубах: они приковывали взгляд и отвлекали внимание. Однако мне она казалась красивой.

Я перевел взгляд с нее на свечу. Какое-то время смотрел, потом попытался отвести взгляд и не смог. Со свечами это иногда случается. Не знаю почему. В спокойном воздухе, когда пламя стоит совершенно вертикально, они вдруг начинают мигать. Пламя подскакивает и садится, вверх-вниз, вверх-вниз, ритмично разгораясь все ярче и ярче, два-три скачка в секунду…

Я пытался позвать Лизу, но свеча все пульсировала, и я уже не мог говорить… Я задыхался, всхлипывал, но попытайся снова… Изо всех сил закричать, сказать, чтобы она не волновалась… И тут я почувствовал тошноту…

Во рту ощущался вкус крови. Я попробовал

вздохнуть. В комнате горел верхний свет.

Лиза стояла, склонившись надо мной, на четвереньках, и я почувствовал, как на лоб мне упала слеза. Я лежал на спине рядом с кроватью, на ковре.

— Виктор, ты меня слышишь?

Я кивнул. Изо рта у меня торчала ложка, и я ее выплюнул.

— Что случилось? Тебе уже лучше?

Я снова кивнул и попытался заговорить.

— Лежи-лежи. Я вызвала врача.

— Нет, не надо врача.

— Они все равно уже едут. Лежи спокойно…

— Помоги мне подняться.

— Рано еще. Ты не готов.

Она оказалась права. Я попытался сесть и тут же упал обратно на спину. Несколько раз глубоко вздохнул. И тут позвонили в дверь.

Каким-то образом Лиза отделалась от бригады из неотложной помощи, потом заварила кофе. Мы устроились на кухне, и она немного успокоилась. Был уже час ночи, но я все еще чувствовал себя неважно, хотя приступ оказался не самым страшным.

Я прошел в ванную, достал пузырек с «Диланти-ном», который спрятал, когда Лиза перебралась

ко мне, и на ее глазах принял пилюлю.

— Я забыл сделать это сегодня, — сказал я.

— Потому что ты их спрятал. Глупо.

— Знаю.

Видимо, мне следовало сказать что-то еще: никакой радости от того, что это ее задело, я не испытывал. Ее действительно задело, потому что я не защищался, но, еще не придя в себя после приступа, все это я понимал с трудом.

— Ты можешь уйти, если захочешь, — сказал я. На редкость удачно.

Лиза тоже не осталась в долгу: перегнулась через стол и встряхнула меня за плечи, потом рассерженно сказала:

— Чтоб я больше этого не слышала!

Я кивнул и заплакал. Она меня не трогала, и это, я думаю, мне помогло. Она могла бы начать меня успокаивать, но обычно я сам неплохо справляюсь с собой.

— Давно это с тобой? — спросила она наконец. — Ты поэтому сидишь дома все тридцать лет?

— Отчасти, — сказал я, пожимая плечами. — Когда я вернулся с войны, мне сделали операцию, но стало только хуже.

— Ладно. Я сержусь на тебя, потому что ты ни-

чего мне не сказал и я не знала, что нужно делать. Я хочу остаться, но ты должен мне рассказать, как мне следует действовать в случае чего. Тогда я не буду сердиться.

Наверно, тогда я мог все-все разрушить. Сам себе удивляюсь, что я этого не сделал. За долгие годы я выработал множество безотказных методов ломать подобные близкие отношения. Но, увидев ее глаза, я себя переборол. Она действительно хотела остаться. Не знаю даже почему, но этого мне оказалось достаточно.

— С ложкой ты ошиблась, — сказал я. — Если будет время и если ты сумеешь сделать это так, чтобы я не откусил тебе пальцы, во время приступа нужно запихнуть мне в зубы кусок скомканной ткани. Угол простыни или еще что-нибудь. Но ничего твердого. — Я пощупал пальцем во рту. — Кажется, я сломал зуб.

— И поделом, — сказала Лиза.

Я посмотрел на нее, она улыбнулась — и мы оба расхохотались. Она обошла вокруг стола, поцеловала меня и устроилась на моем колене.

— Опаснее всего то, что я могу захлебнуться. Когда приступ начинается, у меня сводит все мышцы, но это ненадолго. Потом они начинают самопроизвольно расслабляться и сокращаться.

Очень сильно.

— Знаю. Я видела и пыталась тебя удержать.

— Никогда не делай этого. Переверни меня на бок. Оставайся со стороны спины и смотри, чтобы я не задел тебя рукой. Если сможешь, сунь под голову подушку. И держи меня подальше от предметов, о которые я могу пораниться. — Я посмотрел ей в глаза. — Я хотел бы подчеркнуть: все это ты можешь попытаться сделать, но, если я слишком сильно разойдусь, тебе лучше отойти в сторону. Нам обоим так будет лучше. Если я вдруг ударю тебя так, что ты потеряешь сознание, ты не сможешь помочь мне, когда меня стошнит, и я начну захлебываться.

Я продолжал глядеть ей в глаза. Она, должно быть, угадала, о чем я подумал, и едва заметно улыбнулась.

— Извини. Я все понимаю. И мне неловко, знаешь… Потому что ты мог…

— …подавиться ложкой, знаю. Ладно. Я уже понял, что поступил глупо. Пожалуй, все. Я могу прикусить язык или щеку с внутренней стороны, но это не страшно. Еще одна вещь…

Она ждала, а я никак не мог решить, сколько ей рассказать. Вряд ли она смогла бы что-нибудь сделать, но я не хотел, чтобы она чувствовала

себя виноватой, если я вдруг умру при ней.

— Иногда мне приходится ложиться в больницу. Бывает, что один приступ следует за другим. Если это будет продолжаться долго, я не смогу дышать и мозг просто умрет от кислородного голодания.

— На это требуется всего около пяти минут, — встревоженно сказала она.

— Знаю. Но это опасно, если только приступы у меня будут случаться часто, так что мы будем готовы заранее. Если я вдруг не оправлюсь от первого приступа и у меня тут же начнется следующий или если ты заметишь, что я совсем не дышу три-четыре минуты, тогда лучше вызывай «Скорую помощь».

— Три-четыре минуты? Но ты же умрешь раньше, чем они приедут.

— Или так, или я должен жить в больнице. Больницы я не люблю.

— Я тоже.

На следующий день Лиза взяла меня с собой прокатиться на «Феррари». Сначала я нервничал: боялся, что она начнет вытворять на машине что-нибудь рискованное. Однако она, наоборот, вела машину слишком медленно. Сзади нам то и дело сигналили. По тому, сколько внимания

уделяла она каждому движению, я понял, что машину Лиза водит не так уж давно.

— «Феррари» у меня, наверно, просто пропадает, — призналась она по дороге. — Я никогда не гоню быстрее пятидесяти пяти.

Мы заехали в декоративный салон в Беверли-Хиллз, и Лиза за какую-то бешеную цену купила там маломощную лампу на «гусиной шее».

В ту ночь я заснул с трудом. Видимо, боялся еще одного приступа, хотя новая лампа, что купила Лиза, вызвать его не могла.

Насчет этих самых приступов… Когда такое случилось со мной впервые, приступы называли еще «припадками». Потом постепенно появились «приступы», и через какое-то время слово «припадок» стало вроде как неприличным и оскорбительным.

Видимо, это признак старения, когда ты замечаешь, как меняется язык. Сейчас появилось столько новых слов… Многие из них — для вещей и понятий, которых просто не существовало, когда я был маленьким. Например, матобеспечение.

— Что тебя привлекло в компьютерах, Лиза? — спросил я.

Она даже не шелохнулась. Работая с машиной,

Лиза порой целиком уходила в себя. Я повернулся на спину и попытался заснуть.

— Это власть.

Я поднял голову и взглянул на нее. Теперь она сидела лицом ко мне.

— Всему этому ты научилась уже в Америке?

— Кое-чему еще там. Я тебе не рассказывала про своего капитана, нет?

— Кажется, нет.

— Странный человек. Я еще там это поняла. Мне тогда было четырнадцать лет. Этот американец почему-то мной заинтересовался. Снял мне хорошую квартиру в Сайгоне и отправил в школу.

Она смотрела на меня, видимо ожидая какой-то реакции, но я молчал.

— Мне это пошло на пользу. Я научилась хорошо читать. Ну а когда умеешь читать, нет ничего невозможного.

— В общем-то я не спрашивал про твоего капитана. Я спросил, что привлекло тебя в компьютерах.

— Верно. Спросил.

— Возможность зарабатывать на жизнь?

— Поначалу да. Но за ними будущее, Виктор.

— Бог свидетель, об этом я читал достаточно.

— Но это правда. Это будущее уже здесь, Виктор.

И это власть, если ты знаешь, как компьютерами пользоваться. Ты видел, на что был способен Клюг. С помощью компьютеров можно делать деньги. Я имею в виду не зарабатывать, а делать. Как если бы у тебя стоял печатный станок. Помнишь, Осборн упоминал, что дома Клюга не существует? Что, по-твоему, это означало?

— Что он постирал все данные о нем из разных там блоков памяти.

— Это только первый шаг. Но участок ведь должен быть зарегистрирован в земельных книгах округа, как ты полагаешь? Я хочу сказать, что в этой стране еще не перестали хранить информацию на бумаге.

— Значит, в земельных книгах округа этот дом зафиксирован.

— Нет. Из записей была удалена соответствующая страница.

— Не понимаю. Клюг никогда не выходил из дома.

— Самый старый прием в мире. Клюг проник в компьютеризованный архив лос-анджелесского управления полиции и отыскал там некоего Сэмми. Потом послал ему банковский чек на тысячу долларов и письмо, где сообщалось, что Сэмми получит в два раза больше, если заберется

в местный архив и сделает то-то и то-то. Сэмми не клюнул, не клюнули также некто Макджи и Молли Ангер. Но Малыш Билли Фипс клюнул и получил второй чек, как было обещано в письме. У них с Клюгом долгие годы оставались прекрасные деловые отношения. Малыш Билли ездит теперь в новеньком «Кадиллаке», причем он понятия не имеет, кто такой Клюг и где он жил. Для Клюга же совершенно не имело значения, сколько он тратил. Деньги он делал буквально из ничего.

Я обдумал услышанное. Видимо, действительно, когда у тебя полно денег, можно сделать практически все что угодно, а в распоряжении Клюга денег было предостаточно.

— Ты сказала Осборну про Малыша Билли?

— Я стерла этот диск, так же как стерла все упоминания о твоих семистах тысячах. Никогда не знаешь, когда тебе самому понадобится кто-нибудь вроде Малыша Билли.

— Ты не боишься, что у тебя будут из-за этого неприятности?

— Вся жизнь — это риск, Виктор. Самый лучший материал я оставляю себе. Не потому, что намерена им воспользоваться, а потому, что, если когда-нибудь такая вещь понадобится, а

у меня ее не окажется, я буду чувствовать себя последней дурой.

Она наклонила голову в сторону, и глаза ее превратились в еле заметные щелочки.

— Скажи мне… Клюг выбрал тебя из всех соседей, потому что целых тридцать лет ты вел себя как примерный бой-скаут. Как ты относишься к тому, что я делаю?

— Твое поведение я бы назвал восторженно-аморальным, но тебе много пришлось пережить, и по большому счету ты вполне честна. Но вообще мне жаль тех, кто встанет у тебя на пути.

Она ухмыльнулась и потянулась.

— Восторженно-аморальна. Это мне нравится.

— Значит, ты занялась компьютерами, потому что это волна будущего. А тебя никогда не беспокоит?.. Я не знаю, как сказать. Может быть, это глупо, но… Как по-твоему, они не захватят над нами власть?

— Так все думают, пока не начинают пользоваться машинами сами, — ответила она. — Ты не понимаешь, насколько они глупы. Без программ компьютеры буквально ни на что не годны. Но вот во что я действительно верю, так это в то, что власть в будущем будет принадлежать людям, которым компьютеры подчиняются. Они уже

захватывают власть. Именно поэтому я компьютерами и занимаюсь.

— Я не это имел в виду. Может быть, я не те слова выбрал.

Она нахмурилась.

— Клюга очень интересовала одна проблема. Он постоянно подсматривал, что делается в лабораториях, занимающихся разработками искусственного интеллекта, и много читал по неврологии. Я думаю, он пытался найти что-то общее…

— Между человеческим мозгом и компьютером?

— Не совсем так. Компьютеры представлялись ему нейронами. Клетками мозга. — Она показала рукой на свою машину. — Этой штуке или любому другому компьютеру до человеческого мозга как до звезд. Компьютер не может обобщать, делать выводы, категоризировать или изобретать. При хорошем матобеспечении может создаться впечатление, что он что-то все же делает, но это иллюзия. Давно уже существует предположение, что, если мы наконец создадим компьютер, где будет столько же транзисторов, сколько нейронов в человеческом мозге, у него появится сознание. Я лично думаю, что это чушь.

Транзистор — это не нейрон, и квинтильон транзисторов ничем не лучше дюжины. Так вот, Клюг, который, похоже, придерживался такого же мнения, начал искать общие свойства у нейронов и однобайтовых компьютеров. Потому у него дома и полно разного потребительского барахла: все эти «Трэш-80», «Атари», «ТИ», «Синклеры». Сам он привык к гораздо более мощным машинам. А это для него игрушки.

— И что он узнал?

— Похоже, ничего. Восьмибитовая машина гораздо сложнее нейрона, но все равно ни один компьютер не выдерживает сравнения с человеческим мозгом. Впрочем, это не самое удачное сравнение. Я сказала, что «Атари» сложнее нейрона, но на самом деле их трудно сравнивать. Все равно что сравнить направление с расстоянием или цвет с массой. Они разные. Но есть одна общая черта.

— Какая?

— Связи. Опять же, тут все по-разному, но принцип взаимосвязанной сети один и тот же. Нейрон связан с множеством других нейронов. Их триллионы, этих связей, и то, как передаются по ним импульсы, определяет, что мы из себя представляем, что мы думаем и что помним. С

помощью такого вот компьютера я тоже могу связаться с миллионами других. Эта информационная сеть на самом деле больше человеческого мозга, потому что она содержит больше данных, чем все человечество в состоянии осилить за миллион лет. Она тянется от «Пионера-10», который сейчас где-то за орбитой Плутона, до каждой квартиры, где есть телефон. С помощью этого компьютера ты можешь познакомиться буквально с тоннами данных, которые когда-то были собраны, но на которые некому было даже взглянуть из-за нехватки времени. Именно это интересовало Клюга. Старая идея «критической компьютерной массы», когда компьютер обретает сознание, но только он рассматривал эту идею под новым углом зрения. Может быть, тут важен не размер компьютера, а их количество. Когда-то компьютеров существовало всего несколько тысяч. Теперь их миллионы. Теперь их ставят даже в автомобили и в наручные часы. В каждом доме их несколько: от простейшего таймера в микроволновой духовке до видеоигр и компьютерных терминалов. Клюг пытался выяснить, возможно ли достижение критической массы таким путем.

— И к какому выводу он пришел?

— Я не знаю. Он только начинал работу.

— Критическая масса…

— О чем ты думаешь?

— На что это может быть похоже? Мне кажется, должен возникнуть колоссальный разум! Такой быстрый, такой всезнающий. Почти богоподобный.

— Может быть.

— Но… не захватит ли он над нами власть? Кажется, я опять вернулся к тому вопросу, с которого начал. Не превратимся ли мы в его рабов?

Она надолго задумалась.

— Я не думаю, что мы того стоим. Зачем ему это? И потом, как мы можем определить, что ему будет нужно? Например, захочет ли он, чтобы его обожествляли? Сомневаюсь. Захочет ли он «рационализировать поведение человека и устранить все эмоции»? Это скорее из какого-нибудь фантастического фильма пятидесятых годов. Можно говорить о сознании, но что этот термин означает? Должно быть, амебы тоже что-то осознают. Может быть, и растения. Возможно даже, каждый нейрон обладает каким-то уровнем сознания. Даже «чип» с интегральной схемой. Мы до сих пор не знаем, что такое наше собственное сознание. Мы пока не сумели пролить свет на этот вопрос, исследовать его до конца, узнать,

откуда сознание берется и куда уходит, когда мы умираем. А уж применять человеческие мерки и оценки к подобному гипотетическому сознанию, зародившемуся в недрах компьютерной сети, и вовсе глупо. Я, например, совсем не представляю себе, как оно может взаимодействовать с человеческим сознанием. Не исключено, что он просто не будет обращать на нас внимания, так же как мы не замечаем отдельных клеток собственного организма или нейтрино, проходящих сквозь нас, или колебаний атомов в воздухе.

После этого ей пришлось объяснять мне, что такое нейтрино. В моем лице она всегда имела внимательного и притом не очень образованного слушателя. Вскоре я уже забыл про наш мифический гиперкомпьютер.

— А что это за капитан? — спросил я через некоторое время.

— Ты в самом деле хочешь знать?

— Скажем так, я не боюсь узнать.

— Вообще-то он майор. Получил повышение. Хочешь знать, как его зовут?

— Лиза, я ничего не хочу знать, если ты сама не хочешь рассказывать. Но если ты хочешь, то тогда меня интересует, как он с тобой поступил.

— Он не женился на мне, если ты это имеешь

в виду. Он предлагал, когда понял, что умирает, но я его отговорила. Может быть, это был мой самый благородный поступок в жизни. А может быть, самый глупый. Незадолго до падения Сайгона я попыталась пробиться в американское посольство, но не сумела. Про трудовые лагеря в Кампучии я тебе уже говорила. Потом я попала в Таиланд, и, когда наконец добилась, чтобы американцы обратили на меня внимание, оказалось, что мой майор все еще разыскивает меня. Он и организовал мой переезд сюда. Я успела как раз вовремя: он уже умирал от рака. Я провела с ним всего два месяца, постоянно в больнице.

— О боже! — У меня возникла ужасная мысль. — Это из-за войны?

— Нет. По крайней мере, не из-за вьетнамской. Но он оказался одним из тех, кому довелось близко увидеть атомные взрывы в Неваде. Будучи слишком армейским человеком, он не стал жаловаться, но, я думаю, он знал, что его убивает.

Осборн появился через неделю. Выглядел он как-то пришибленно и без особого интереса слушал то, что Лиза решила ему рассказать. Взял приготовленные для него распечатки и пообещал передать их в соответствующие подразделения полиции. Уходить не торопился.

— Полагаю, я должен сообщить это вам, Аппфел, — сказал он наконец. — Дело Гэвина закрыли.

Я не сразу сообразил, что Гэвин — настоящая фамилия Клюга.

— Медэксперт установил самоубийство уже давно, и я не закрывал дело некоторое время лишь на основании собственных подозрений. — Он кивнул в сторону Лизы. — И на основании того, что она сказала о предсмертной записке. Но никаких доказательств у меня нет.

— Это, должно быть, случилось очень быстро, — сказала Лиза. — Кто-то заметил его, проследил, откуда он работает — это возможно, тем более что Клюгу везло слишком долго, — и прикончил его в тот же день.

— Вы не думаете, что это самоубийство? — спросил я Осборна.

— Нет. Но того, кто это сделал, даже не в чем обвинить, если не появятся новые факты.

— Я сообщу вам, если что-то всплывет, — пообещала Лиза.

— Тут есть одна загвоздка, — сказал Осборн. — Я уже больше не вправе разрешать вам работать здесь. Дом со всем его содержимым поступил в распоряжение окружных властей.

— На этот счет не беспокойтесь, — мягко произнесла Лиза.

Пока она вытряхивала сигарету из пачки на кофейном столике (Лиза курила, когда очень волновалась), в комнате царило молчание. Она зажгла ее, затянулась, села, откинувшись назад, рядом со мной и посмотрела на Осборна с совершенно непроницаемым лицом. Осборн вздохнул.

— Не хотел бы я играть с вами в покер, леди, — сказал он. — Что значит «на этот счет не беспокойтесь»?

— Я купила этот дом четыре дня назад. Со всем его содержимым. И если я найду что-нибудь, что позволило бы вам вновь открыть дело об убийстве, то непременно сообщу.

Осборн был настолько сражен, что даже не разозлился. Какое-то время он просто спокойно ее разглядывал.

— Я бы хотел знать, как вы это провернули.

— Я не делала ничего незаконного. Можете проверить. За все уплачено. Власти решили продать дом, и я его купила.

— А что, если я посажу на дело об этой трансакции своих лучших людей? Может быть, они откопают какие-нибудь левые деньги? Или мо-

шенничество? Что, если я обращусь в ФБР, чтобы они этим занялись?

Лиза смотрела на него совершенно спокойно.

— Ради бога. Хотя, если честно, инспектор Осборн, я могла бы просто украсть этот дом и парк Гриффит вместе с автострадой, и я не думаю, что вы сумели бы меня в чем-то уличить.

— И что же мне остается?

— Все то, что и было. Закрытое дело и обещание с моей стороны.

— Мне не нравится, что в вашем распоряжении находятся все эти компьютерные штуки, особенно если то, что вы говорили об их возможностях, правда.

— Я и не ожидала, что вам понравится. Но это теперь не по вашей части, правильно? Какое-то время имущество находилось в распоряжении властей округа, поскольку дом был просто конфискован. Они там не поняли, что у них в руках, и продали все целиком.

— Может быть, я смогу направить сюда людей из отдела по расследованию мошеннических операций для конфискации матобеспечения. Там есть доказательства нелегальных действий Клюга.

— Вы можете попытаться, — согласилась Лиза.

Довольно долго они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Победила Лиза. Осборн устало потер веки и кивнул, затем тяжело поднялся на ноги и пошел к двери. Лиза загасила сигарету, и мы продолжали сидеть, прислушиваясь к звуку его шагов на садовой дорожке.

— Меня удивляет, что он сдался так легко, — сказал я. — Или это мне показалось? Как по-твоему, он будет добиваться конфискации?

— Маловероятно. Он знает расклад.

— Может, ты и меня просветишь?

— Ну, во-первых, это не его отдел, и он это понимает…

— Зачем ты купила дом?

— Тебе следует спросить, как я его купила.

Пристально посмотрев на нее, я заметил, что за непроницаемостью черт в ее лице проглядывает какой-то веселый блеск.

— Лиза, что ты еще вытворила?

— Это как раз тот вопрос, который Осборн задал себе. Он угадал правильный ответ, потому что в какой-то степени понимает, как работают машины Клюга. И кроме того, он знает, как и что делается в этом мире. Конечно, это не случайность, что власти решили продать дом, и не случайность, что я оказалась единственным

покупателем. Я использовала одного из «приручeнных» Клюгом членов муниципального совета.

— Ты его подкупила?!

Она засмеялась и поцеловала меня.

— Кажется, мне наконец удалось вызвать у тебя возмущение. Наверно, именно здесь заключается самая большая разница между мной и американцами. В Америке средний гражданин особенно много на взятки не тратит. В Сайгоне это делали все.

— Ты дала ему взятку?

— Не так прямо, конечно. Пришлось зайти с черного хода. Несколько совершенно легальных перечислений на предвыборную кампанию вдруг появились на счету одного сенатора, который напомнил некую ситуацию еще кое-кому, кто оказался в состоянии совершенно легально провернуть то, что мне было нужно. — Она посмотрела на меня искоса. — Конечно, я подкупила его, Виктор. И ты бы удивился, узнав, как дешево он мне обошелся. Тебя это беспокоит?

— Да, — признался я. — Мне не по душе взяточничество.

— Ну а я отношусь к этому явлению совершенно безразлично. Оно просто существует, как

гравитация. Восхищаться тут, разумеется, нечем, но таким образом можно сделать очень многое и очень быстро.

— Я надеюсь, ты себя как-то обезопасила?

— Более-менее. Когда дело касается взяток, никогда нельзя быть уверенным на сто процентов. Человеческий фактор. Тот член муниципального совета может сболтнуть лишнего, если окажется когда-нибудь перед судом присяжных. Но, я думаю, он не окажется, потому что Осборн не станет заниматься этим делом. Он знает, как устроен мир, знает, какой властью я обладаю, и знает, что ему меня не пересилить. Это вторая причина того, что он ушел сегодня без драки.

Мы долго молчали. Я хотел многое обдумать, и то, о чем я думал, по большей части мне не нравилось. Лиза потянулась было за сигаретами, потом передумала. Она ждала, когда я приду к какому-нибудь выводу.

— Это огромная сила, — сказал я наконец.

— Страшная сила, — согласилась она. — Ты не думай, что меня она не пугает. И не думай, что мне в голову не приходили всяческие фантазии о сверхчеловеческом могуществе. Власть — это ужасное искушение, и не так-то легко от нее отказаться. Я могла бы сделать очень многое.

— А станешь?

— Я говорю не о том, что можно украсть что-то или разбогатеть.

— Я понимаю.

— Это политическая власть. Но я не знаю, как ею воспользоваться… Может быть, это прозвучит банально, но я не знаю, как использовать ее во благо. Я слишком часто видела, как добрые намерения оборачивались во зло. Мне кажется, что мне недостает мудрости, чтобы сделать что-то хорошее. И слишком велики шансы оказаться разорванной на куски, как Клюг. Но и оставить эту затею я тоже не могу. Я все еще беспризорная девчонка из Сайгона. У меня хватает ума не пользоваться этой властью, кроме тех случаев, когда нет другого выхода. Но просто выбросить или уничтожить такие сокровища я тоже не могу. Ну, не глупо ли?

Я не мог ответить на ее вопрос. Но у меня возникло недоброе предчувствие.

Всю следующую неделю меня грызли сомнения, однако я так и не пришел ни к каким выводам относительно происходящего с точки зрения морали. Лиза знала о кое-каких преступлениях, но не сообщала о них властям. Это, впрочем, меня не особенно беспокоило. Она сама располагала

возможностями совершить гораздо больше преступлений, и вот это вызывало у меня сильное беспокойство. Я не думал, что она что-нибудь планирует. У нее хватало ума использовать свои знания только для обороны, однако, когда дело касалось Лизы, это понятие охватывало довольно широкий диапазон действий.

Однажды вечером она не пришла к ужину вовремя. Я отправился к дому Клюга и застал ее за работой в гостиной. Стеллаж длиной футов в девять опустел, а диски и пленки стопками лежали на столе. На полу стоял огромный пластиковый мешок для мусора, а рядом — магнит размером с футбольный мяч. На моих глазах Лиза взяла кассету с пленкой, провела ею по магниту и бросила в почти полный уже мешок. Она посмотрела на меня, проделала такую же операцию с небольшой стопкой магнитных дисков, потом сняла очки и вытерла глаза.

— Так тебе лучше, Виктор? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду? Я хорошо себя чувствую.

— Нет, неправда. И я тоже чувствовала себя скверно. Мне больно делать то, что я делаю, но я должна. Ты не принесешь мне еще один мешок?

Я притащил мешок и помог ей снять с полки

следующую порцию кассет и дисков.

— Ты собираешься все стереть?

— Не все. Я стираю досье Клюга и… кое-что еще.

— Ты не хочешь говорить мне, что именно?

— Есть вещи, которые лучше не знать, — мрачно ответила она.

В конце концов за ужином я убедил ее рассказать мне, в чем дело.

— Это страшно, — сказала она. — За последнее время я побывала во многих запретных местах. Клюг туда попадал по первому желанию, и мне до сих пор страшно. Грязные места. Места, где знают кое-какие вещи, про которые, мне раньше казалось, я хотела бы узнать тоже.

Она вздрогнула, не решаясь продолжить.

— Ты имеешь в виду военные компьютеры? ЦРУ?

— С ЦРУ это все началось. К ним попасть легче всего. Потом я забралась в компьютеры системы НОРАД — это те парни, что должны вести следующую мировую войну. И от того, с какой легкостью Клюг к ним забрался, у меня волосы дыбом встали. Просто ради практики он разработал методику начала третьей мировой войны. Запись хранилась на одном из тех дисков, что

мы уже стерли. А последние два дня я ходила на цыпочках вокруг действительно серьезных заведений. Разведывательное управление министерства обороны и Управление национальной безопасности. Каждое из них больше чем ЦРУ. И меня там засекли. Какая-то сторожевая программа. Как только я поняла это, я тут же дала ходу и пять часов подряд занималась тем, что заметала следы. Я убедилась, что меня не отследили, а потом решила все это уничтожить.

— Думаешь, Клюга убили они?

— Они на эту роль подходят лучше всего. Клюг держал у себя тонны их информации. Я знаю, что он помогал проектировать самые крупные компьютерные комплексы в НСА и потом долгие годы шарил по их машинам. Тут достаточно одного неверного шага.

— Но ты все сделала как нужно? Ты уверена?

— Я уверена, что меня не отследили. Но не уверена, что уничтожила все записи. Пойду взгляну еще раз.

— Я пойду с тобой.

Мы проработали за полночь. Лиза просматривала каждый диск или пленку и, если у нее возникали хотя бы малейшие сомнения, передавала ее мне для обработки магнитом. Один раз,

просто потому что она была не уверена, Лиза взяла магнит и провела им перед целой полкой с записями.

Меня при этом охватило поразительное чувство. Одним движением руки она превратила в хаос миллиарды бит информации. Возможно, на всей планете нигде больше не существовало такой информации. И у меня возникли сомнения. Имела ли она право делать это? Разве знания существуют не для всех? Но, должен признаться, сомнения эти мучили меня недолго. По большей части я был рад, что все это исчезло. Старый консерватор во мне с легкостью соглашался, что есть Вещи, Которые Нам Лучше Не Знать.

Мы почти закончили, когда забарахлил экран дисплея. Что-то несколько раз щелкнуло там и зашипело. Лиза отскочила назад. Потом экран замигал. Какое-то время я смотрел на экран, и мне показалось, что там формируется изображение. Что-то трехмерное. И уже почти уловив, что это, я случайно взглянул на Лизу: она смотрела на меня. Лицо ее освещали пульсирующие вспышки света. Она подошла ко мне и закрыла ладонью мои глаза.

— Виктор, тебе не надо смотреть.

— Все в порядке, — сказал я, и, пока я говорил,

все действительно было в порядке, но как только слова вырвались у меня, я почувствовал, что это не так. И это мое последнее воспоминание за очень долгий срок.

Врачи сказали, что две недели я вообще был на грани. Помню я очень мало, потому что мне постоянно вводили большие дозы лекарств, а после немногочисленных периодов просветления у меня снова начинались приступы.

Первое, что я помню, это лицо склонившегося надо мной доктора Стюарта. Я лежал на больничной койке. Позже я узнал, что нахожусь не в госпитале для ветеранов, а в частной клинике. Лиза уплатила за отдельную палату.

Стюарт задавал мне обычные вопросы. Я отвечал, хотя чувствовал себя очень уставшим. Когда Стюарт счел наконец мое состояние удовлетворительным, он ответил на несколько моих вопросов, и я узнал, как долго пробыл в больнице и что произошло.

— У вас начались непрерывные приступы, — подтвердил Стюарт. — Честно говоря, не знаю почему. Уже лет десять вы не были к этому предрасположены, и мне казалось, что все опасности позади. Но, видимо, ничего не бывает навечно.

— Значит, Лиза доставила меня сюда вовре-

мя…

— Более того… Сначала она, правда, не хотела мне рассказывать… Но после того первого приступа она прочла, видимо, все, что только смогла найти на эту тему. С того дня она всегда держала под рукой шприц и раствор «Валиума» и, увидев, что вы задыхаетесь, ввела вам 100 миллиграммов, чем, без сомнения, спасла вашу жизнь.

Мы с доктором Стюартом знакомы уже давно, и он знал, что у меня нет рецепта на «Валиум». Он говорил со мной на эту тему, когда я последний раз лежал в больнице. Но, поскольку я жил один, мне все равно некому было бы делать укол в случае приступа.

Впрочем, его гораздо больше интересовал результат, а то, что Лиза сделала, дало как раз желаемое: я все-таки остался в живых.

В тот день он не допустил ко мне посетителей. Я было запротестовал, но вскоре уснул. Лиза пришла на следующий день. На ней была новая майка с изображением робота в мантии и академической шапочке. Надпись на майке гласила: «Выпуск 11 111 000 000 года». Оказалось, что это 1984 год в двоичном счислении.

— Привет! — Лиза улыбнулась и села на кровать. Меня вдруг начало трясти. Она посмотрела

на меня встревоженно и спросила, не позвать ли врача.

— Не надо, — сказал я с трудом. — Просто обними меня.

Она сбросила туфли, забралась ко мне под одеяло и крепко обняла. Через какое-то время вошла медсестра и попыталась ее прогнать. Лиза выдала ей целую серию вьетнамских, китайских и английских ругательств, после чего медсестра исчезла. Позже я заметил, как в палату заглядывал доктор Стюарт.

Я почувствовал себя намного лучше и наконец унял слезы. Лиза тоже вытерла глаза.

— Я приходила сюда каждый день, — сказала она. — Ты выглядел ужасно, Виктор.

— Но я чувствую себя гораздо лучше.

— Ну, сейчас ты и выглядишь получше. Но твой врач сказал, что на всякий случай тебе надо побыть тут еще пару дней.

— Наверно, он прав.

— Я приготовлю большой обед, когда ты вернешься. Может быть, стоит пригласить соседей.

Я долго молчал. Мы очень о многом еще не задумывались. Сколько это будет продолжаться между нами? Как скоро я начну заводиться от собственной бесполезности? Когда она наконец

устанет жить со стариком? Я даже не заметил, с каких пор я начал думать о Лизе как о неотъемлемой части своей жизни, и не понимал, как пришел к этому.

— Тебе хочется провести еще годы в больнице у постели умирающего человека?

— Чего ты добиваешься, Виктор? Я выйду за тебя замуж, если ты захочешь. Или буду жить с тобой в грехе. Я предпочитаю грех, но если тебе будет лучше, когда…

— Не понимаю, почему ты хочешь остаться со старым эпилептиком?

— Потому что я тебя люблю.

Она произнесла эти слова в первый раз. Я мог бы продолжать задавать ей вопросы — вспомнить, например, майора, — но у меня пропало желание. Видимо, это хорошо, что я не стал ничего больше спрашивать и переменил тему.

— Ты закончила работу?

Лиза знала, о какой работе я говорю. Она наклонилась к моему уху и, понизив голос, сказала:

— Давай не будем здесь об этом, Виктор. Я не доверяю ни одному помещению, которое я сама не проверила на отсутствие «жучков». Но чтобы ты не волновался, я действительно закончила, и последние две недели все было спокойно. Никто,

кажется, ничего не узнал, но я никогда больше не полезу в подобные дела.

Мне стало лучше, но одновременно накатила еще и усталость. Я пытался скрыть зевки, однако Лиза почувствовала, что пора идти. Она поцеловала меня, пообещав в будущем еще много поцелуев, и ушла.

Больше я ее никогда не видел.

В тот вечер, около десяти, Лиза взяла отвертку, еще кое-какие инструменты и принялась за работу над микроволновой духовкой в кухне Клюга.

Изготовители подобных агрегатов всегда заботятся о том, чтобы их невозможно было включить с открытой дверцей. Из-за опасного излучения. Но если ты хоть что-то соображаешь и под рукой есть простые инструменты, обмануть защитные приспособления вовсе не трудно. Для Лизы это оказалось совсем легко. Через десять минут работы она включила духовку и сунула туда голову.

Никто не знает, как долго это продолжалось. Достаточно долго, чтобы глазные яблоки превратились в сваренные вкрутую яйца. Затем она потеряла контроль над мускулами и упала на пол, уронив при этом духовку. Произошло короткое замыкание, и начался пожар.

Вскоре сработала пожарная сигнализация, ко-

торую Лиза установила месяцем раньше. Бетти Ланьер тоже увидела огонь и вызвала пожарных. Хэл бросился через дорогу, вбежал в горящую кухню и вытащил то, что осталось от Лизы, на лужайку перед домом.

Лизу срочно доставили в больницу, где ей ампутировали одну руку и удалили все зубы. Однако никто не знал, что делать с глазами. Потом пришлось подключить ее к аппарату искусственного дыхания.

На срезанную с нее майку, обгоревшую и окровавленную, первым обратил внимание санитар. Часть текста прочесть было уже невозможно, но сохранились первые слова: «Я не могу так больше…»

По-другому я рассказать об этом не мог. Я сам узнавал все маленькими порциями, и началось все с обеспокоенного выражения лица доктора Стюарта, когда Лиза не пришла на следующий день. Он ничего не сказал мне, и вскоре у меня начался еще один приступ.

Воспоминания о следующей неделе у меня очень смутные. В памяти осталось, например, как выписывался из больницы, но я совершенно не помню дорогу до дома. Бетти отнеслась ко мне с большой заботой, но в больнице мне выдали

пилюли транквилизатора под названием «Транксен», и они помогали еще лучше: я глотал их как конфеты и ходил постоянно словно в тумане. Ел, когда заставляла Бетти, иногда засыпал прямо в кресле и, просыпаясь, подолгу не мог понять, где нахожусь. Часто мне снилась война в Корее и лагерь военнопленных.

Как-то раз я взглянул на себя в зеркало: на губах у меня застыла слабая полуулыбка. «Транксен» делал свое дело, и я понял, что, если мне суждено будет прожить более-менее долго, придется с этим лекарством подружиться.

В конце концов ко мне вернулось некое подобие способности мыслить рационально. Отчасти помог в этом визит Осборна. Я в то время пытался отыскать хоть какое-то оправдание своей жизни, хоть какой-то смысл и подумал, что, может быть, у Осборна будет что сказать на эту тему.

— Очень сожалею… — начал он.

Я промолчал.

— Я пришел по собственной инициативе, — продолжил он. — В управлении не знают, что я здесь.

— Это было самоубийство? — спросил я.

— Я принес с собой копию… записки. Она заказала текст на майке компании в Вествуде за три

дня до… несчастного случая.

Он вручил мне лист бумаги, и я принялся читать. Лиза упоминала меня, но не по имени. Я был «человеком, которого я люблю». Она писала, что не в силах справиться с моими проблемами. Очень короткая записка: на майке много не напишешь. Я прочел ее пять раз подряд и отдал Осборну.

— Она говорила вам, что ту первую записку писал не Клюг. Я могу сказать, что эту писала не она.

Он неохотно кивнул. Я чувствовал себя невероятно спокойно, хотя где-то там, под этим спокойствием крылся завывающий ужас. Спасал «Транксен».

— Вы можете это доказать?

— Она приходила ко мне в больницу незадолго до… Ее просто переполняли любовь к жизни и надежды. Вы говорите, что она заказала майку тремя днями раньше, но я бы это почувствовал. И потом, содержание записки слишком патетично. Это не в ее характере.

Осборн снова кивнул.

— Я хочу вам кое-что сказать. В доме не обнаружено никаких следов борьбы. Миссис Ланьер уверена, что на участок никто не заходил. Кри-

миналисты из лаборатории обшарили весь дом, и мы убеждены, что она была одна. Я сам готов поклясться, что в дом никто не входил и никто оттуда не выходил. Я так же, как и вы, не верю в самоубийство, но есть ли у вас какие-нибудь предположения?

— НСА, — сказал я, потом рассказал ему о том, чем Лиза занималась еще при мне. Рассказал ему о ее страхе перед государственными разведывательными управлениями. Ничего другого я предположить не мог.

— Видимо, если кто-то и способен провернуть такое, так это они. Но должен сказать, мне в это нелегко поверить. Сам не знаю почему. Вы, возможно, верите, что эти люди способны убивать вот так просто… — По его взгляду я понял, что это вопрос.

— Я не знаю, во что я верю.

— Конечно, я не стану говорить, что они не убивают, когда дело касается национальной безопасности или еще какого-нибудь дерьма в таком же духе. Но они бы забрали и компьютеры. Они и близко не подпустили бы ее ко всем этим делам после того, как убрали Клюга.

— Пожалуй, это логично.

Он еще что-то пробормотал. Я предложил ему

вина, и он с благодарностью согласился. Некоторое время я раздумывал, не присоединиться ли мне к нему — это довольно быстрая смерть, — но потом все-таки не решился. Осборн выпил целую бутылку и, немного захмелев, предложил сходить к дому Клюга и взглянуть на обстановку еще раз. Я собирался пойти на следующий день к Лизе и, зная, что рано или поздно нужно будет начинать готовить себя к этому, согласился пойти с ним.

Сначала мы осмотрели кухню. Столы почернели от пламени, кое-где оплавился линолеум, но на самом деле пострадало не так уж много. Больше беспорядка получилось оттого, что пожарники залили все водой. На полу осталось коричневое пятно, но я сумел справиться с собой и задержал на нем взгляд.

Затем мы прошли в гостиную, и оказалось, что один из компьютеров включен. На экране светилось короткое сообщение:

ЕСЛИ ХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ, НАЖМИТЕ ВВОД

— Не трогайте, — сказал я Осборну, но он протянул руку и нажал клавишу. Слова исчезли, и на экране появилась новая фраза:

ТЫ ПОДГЛЯДЫВАЛ

Потом экран замигал, и я очутился в машине,

в темноте. Во рту у меня была пилюля, еще одна — в руке. Я выплюнул пилюлю и какое-то время просто сидел, прислушиваясь к звуку мотора. В другой руке у меня оказался целый пузырек с пилюлями. Чувствуя себя невероятно уставшим, я все-таки открыл дверцу и выключил мотор, потом добрался на ощупь до дверей гаража и распахнул их настежь. Воздух снаружи показался мне свежим и сладким. Я взглянул на пузырек и бросился в ванную.

Когда я доделал то, что нужно было сделать, в унитазе плавало больше десятка нерастворившихся пилюль и множество пустых оболочек от них. Сосчитав оставшиеся в пузырьке и вспомнив, сколько там было раньше, я начал сомневаться, что выживу.

Я добрел до дома Клюга, но Осборна там не обнаружил. Потом меня охватила усталость, и я едва сумел вернуться домой, где лег на кровать и стал ждать, умру я или останусь жить.

На следующий день я нашел сообщение в газете. Осборн отправился домой и разнес себе затылок выстрелом из служебного пистолета. Совсем маленькая заметка. С полицейскими это случается. Предсмертной записки он не оставил.

Я сел на автобус, отправился в больницу и це-

лых три часа добивался, чтобы мне разрешили увидеть Лизу. Так ничего и не добился. Я не был ей родственником, и врачи категорически отказались допускать к ней посетителей. Когда я начал заводиться, мне, как могли мягко, рассказали, насколько она плоха. Хэл сказал мне далеко не все. Возможно, это не имело бы значения, но врачи поклялись, что у нее в голове не осталось ни одной мысли. И я отправился домой.

Лиза умерла через два дня.

К моему удивлению, она оставила завещание. Мне достался дом Клюга и все его содержимое. Едва узнав об этом, я позвонил в компанию, занимающуюся уборкой мусора, и, когда они сказали, что грузовик уже выехал, в последний раз отправился к дому Клюга.

На экране компьютера светилась все та же фраза:

НАЖМИТЕ ВВОД

Я нашел нужную клавишу и выключил компьютер из сети. Когда прибыла машина, я распорядился, чтобы из дома вынесли все, оставив только голые стены.

Потом я прошелся по своему собственному дому, отыскивая то, что имело хотя бы отдаленное отношение к компьютерам. Выбросил радио,

продал машину и холодильник, микроволновую духовку, кухонный смеситель и электрические часы. Выбросил электрообогреватель из кровати.

Затем я купил самую лучшую из поступающих в продажу газовую плиту. Довольно долго пришлось охотиться за старинным ледником. Я забил гараж дровами до самого верха и, понимая, что скоро наступят холода, вызвал человека прочистить дымоход.

Немного позже я отправился в Пасадену и основал стипендиальный фонд имени Лизы Фу, переведя на счет фонда семьсот тысяч восемьдесят три доллара и четыре цента. Сказал в университете, что они могут расходовать эти деньги на исследования по любым научным дисциплинам, кроме тех, что связаны с компьютерами. Надо полагать, они сочли меня эксцентричным стариком.

Я действительно думал, что опасность миновала, как вдруг зазвонил телефон.

Я долго решал, отвечать или нет, но потом понял, что он будет звонить, пока я не отвечу, и снял трубку.

Несколько секунд там раздавались только гудки, но это меня не обмануло. Я продолжал держать трубку возле уха, и в конце концов гудки пропали. Осталось только молчание. Я напря-

женно вслушивался в эти далекие музыкальные перезвоны, что живут в телефонных проводах. Отзвуки разговоров за тысячи миль от меня. И что-то еще, бесконечно далекое и холодное.

Я не знаю, что они там в НСА создали. Я не знаю, сделали ли они это намеренно или оно возникло само. Не знаю даже, имеют ли они к этому вообще какое-то отношение. Но я знаю, что оно там, потому что я слышал дыхание его души в телефонных проводах. И я начал говорить, осторожно подбирая слова:

— Я не хочу ничего знать. Я никому ничего не расскажу. Клюг, Лиза и Осборн — все совершили самоубийство. Я всего лишь одинокий человек, и я никому не доставлю никаких хлопот.

В трубке щелкнуло, и раздались гудки.

Убрать телефон было несложно. Заставить служащих телефонной компании убрать кабель оказалось немного сложнее: уж если они делают проводку, считается, что это навсегда. Они долго ворчали, но, когда я начал срывать провода сам, уступили, предупредив, правда, что это будет недешево.

С энергокомпанией было хуже. Они, похоже, считали, что существуют правила, требующие подключения каждого дома к сети электроснаб-

жения. Их люди согласились отключить подачу электричества ко мне (хотя компанию это, конечно, не обрадовало), но наотрез отказались снимать провода, идущие к моему дому. Я влез на крышу с топором и на их глазах порубил четыре фута карниза с проводкой. Только тогда они смотали свое хозяйство и убрались.

Я выбросил все лампы, выбросил все электрическое. Потом с молотком, зубилом и ножовкой принялся за стены.

Убирая внутреннюю электропроводку, я все время думал, зачем я это делаю. Стоит ли оно того? Мне не так уж много лет осталось до тех пор, когда меня прикончит последний приступ. И это будут не очень веселые годы.

Лиза знала, что такое выживание. И она поняла бы, зачем я это делаю. Однажды она сказала, что я тоже знаю, как надо выживать. Ведь я пережил войну. Пережил смерть родителей и сумел как-то устроить свою одинокую жизнь. Сама Лиза пережила почти все, что только можно. Никто не в состоянии пережить абсолютно все, но, если бы она осталась жива, она продолжала бы бороться за жизнь.

Именно это я и делал. Я убрал из стен скрытую проводку и прошелся по всему дому с мощным

магнитом, проверяя, не пропустил ли я где металл, потом неделю убирал мусор и заделывал дыры в стенах, потолке и на чердаке. Меня очень забавляла мысль об агенте по продаже недвижимости, которому придется заниматься продажей этого дома, когда меня не станет.

«Уверяю вас, замечательный дом! Никакого электричества…»

Теперь я живу спокойно. Как раньше. В дневные часы работаю в огороде. Я его здорово расширил, и теперь даже перед домом у меня есть посадки.

Живу со свечами и керосиновой лампой. Почти все, что я ем, выращиваю сам.

Довольно долго я не мог отвыкнуть от «Транксена» и «Дилантина», но в конце концов мне это удалось, и теперь я переношу приступы без лекарств. Обычно после них остаются синяки.

Посреди огромного города я отрезал себя от окружающего мира. Компьютерная сеть, растущая быстрее, чем я могу себе представить, ширится без меня. Я не знаю, действительно ли это опасно для обычных людей. Но мы оказались замеченными: я, Клюг, Осборн. И Лиза. Нас просто смахнули, как, бывает, я сам смахиваю с руки комара, даже не заметив, что раздавил его. Однако я остался в живых.

Неизвестно, правда, надолго ли.

Возможно, мне будет очень трудно…

Лиза рассказывала мне, как компьютерный сигнал оттуда может проникнуть в дом через электропроводку. Есть такая штука, которая называется «несущая волна» — так вот она может передаваться по обычным проводам. Именно поэтому мне пришлось избавиться от электричества.

Для огорода мне нужна вода. Здесь, в южной части Калифорнии, дождей выпадает мало, и я просто не знаю, где еще брать воду.

Как вы думаете, сможет ли это проникнуть в дом через водопроводные трубы?

Список потерь

— Как бы там ни было, но придется признать, лейтенант Стэффорд, вас втянули во все это обманом.

Она до сих пор не хотела мне поверить, но со временем ей все же придется. Нелегко смириться с происходящим, когда, подписав контракт на работу горным инженером, в итоге оказываешься на Церере, где тебе приходится стрелять в незнакомцев. На Земле осталось одиннадцать миллиардов людей, которые даже не представляли, что подобное возможно с точки зрения закона; в то время как пятьдесят тысяч на Церере считали это *просто* противозаконным. В их числе был и я. Однако ни у кого не оставалось сомнений в том, что горнодобывающая компания «Внешние пределы» могла поступить с тобой подобным образом и обставить все так, что выбор у тебя будет небольшой: либо стрелять, либо быть убитым. При этом ты ничего не мог предпринять, разве что подать иск о возмещении ущерба. Если же кто-то отказывался стрелять, то я, как офицер, обязан был застрелить его. Но я не

торопился выполнять свои обязанности, и в этом заключалась одна из многочисленных причин, по которой «Внешние пределы» до сих пор не одержали победу в войне.

— В данной ситуации, — продолжил я, — будет намного лучше, если вы не станете задумываться о противозаконности ваших действий. Сосредоточьте вашу энергию на том, чтобы остаться в живых. Возможно, вы еще этого не поняли, но вам очень повезло. Если все пойдет по плану, война закончится через несколько недель, и мы вернемся домой. Все могло сложиться намного хуже. Благодаря удачному стечению обстоятельств вы нашли себе неплохую работу. Так что вам повезло, чего не скажешь про лейтенанта Гарфилда.

Гарфилд был моим помощником до вчерашнего дня, пока не попал под обстрел и ему не снесло голову. Стэффорд должна была заменить его.

Выглядела она неважно. Честно говоря, меня это даже растрогало. Ей было двадцать пять, и она буквально вырвала себе диплом доктора философии в Калифорнийском технологическом институте. Не успели на нем высохнуть чернила, а ее уже отправили в первую захватывающую экспедицию на астероиды выполнять ответственную работу. Но в пути ее корабль обстреляли

враги. Люди, находившиеся в соседней каюте, погибли страшной смертью; она говорила, что только успела с ними познакомиться, и глаза у них горели так же ярко, как и у нее. Когда же она наконец вышла из корабля, ей выдали униформу и винтовку, присвоили воинский чин и сказали, что теперь она в армии. Такой поворот любого выбьет из колеи.

— Я знаю, что вы правы, майор, — сказала она, причем слово «майор» было произнесено с видимым усилием. — Просто все это немного неожиданно. Я не понимаю, как подобное может происходить. Я не понимаю, как это все началось и как может продолжаться уже… вы сказали, семь лет? И при этом никто ничего не знает.

— Никто ничего не знает, потому что не существует ротации войск. Домой вы сможете вернуться в двух случаях: если вас убьют или если война закончится. Третьего не дано. Компания полностью контролирует связь и транспорт. Они приказали не пускать сюда представителей независимых геологов-разведчиков. Если же таковые появятся, они будут убиты. Никто ничего не заподозрит, учитывая уровень смертности в связи с использованием устаревшего оборудования.

— А что насчет тел, которые отправляют на

Землю?

— Вы меня не так поняли. Тела не отправляются на Землю для погребения, их сбрасывают в атмосферу. Чистая работа.

— Невероятно чистая. — Она вздрогнула. До нее начало доходить, как просто здесь можно скрыть любую деятельность.

— Невероятно чистая, сэр. — Выражение моего лица немного смягчилось, а на губах появилась улыбка, она же смотрела на меня со смущением, что было вполне уместно в данной ситуации. Необходимость превращать наивных молодых мужчин и женщин в солдат вызывала во мне чувство глубочайшего протеста, но приходилось соблюдать дисциплину. Я понял это еще в самом начале войны. Безо всех этих милитаристских ритуалов трудно заставить людей совершать безумные поступки только потому, что тебе это приказали. Мне не нравилось, с какой готовностью я жертвовал жизнями остальных, чтобы уцелеть самому, но ничего не поделаешь. По меньшей мере трижды мне это помогало спасти свою собственную жизнь.

— Вы сами сможете узнать, как все это началось и продолжилось. Существует по меньшей мере четырнадцать гипотез, и я не хотел бы забивать

вам голову еще и собственными версиями. А сейчас, солдат, вот вам мой первый приказ. Отнесите это полковнику Чамберс, сейчас она находится под траншеей «Дельта». — С этими словами я передал ей стопку письменных донесений.

— Что это такое? Сэр.

— Я мог бы назвать это «бумажным носителем». Но, честно говоря, компьютер не имеет никакого отношения к созданию этих документов. Возможно, вы удивитесь, но у нас здесь все довольно примитивно. Я думаю, что «Внешние пределы» давно могли бы выиграть войну, если бы просто наняли батальон аналитиков для оптимизации трудовых затрат.

Когда она направилась к двери, перед глазами у меня внезапно возникло лицо Наташи в момент ее гибели, с мертвым оскалом-улыбкой. Я машинально вскочил со стула и проговорил:

— Я лучше пойду с вами.

Я помог ей пережить первые и самые опасные минуты, когда она стала свидетелем сражения в безвоздушном пространстве. В эти первые мгновения погибало очень много народу. Им рассказывали о том, как ведутся бои, но, когда они оказывались на месте сражения и не могли ничего увидеть или услышать, новобранцы

стремились высунуть голову из окопа и посмотреть, что там происходит. Стэффорд не стала исключением. Она уже собиралась выглянуть, когда я положил ей руку на плечо и остановил ее. Я указал на противоположную сторону окопа, где двухметровый холм из серой горной породы сотрясался от беззвучных ударов. Мы находились в окопе Альфа всего в двухстах метрах от врага, и битва была жестокой.

Сражение в безвоздушном пространстве — это настоящий кошмар. Я предпочел бы этой тишине привычный грохот боя. Здесь же ты мог услышать только сиплое дыхание по рации. Время от времени раздавался треск или звук удара, после чего слышался крик, постепенно стихающий по мере того, как из чьего-то скафандра медленно выходил весь воздух. А вокруг тебя постоянно разрушались горы, превращаясь в облака пыли, когда тысячи кумулятивных снарядов попадали в них.

Я повел Стэффорд через окоп. Мы шли медленно, чтобы она смогла немного понять, как ведется война.

Справа от нас находилась вражеская сторона. У края окопа на пустых ящиках из-под боеприпасов цепью выстроились солдаты. Ящики помогали

им немного приподняться и оставалось лишь слегка присесть на корточки, чтобы верхняя часть их шлемов не оказалась на линии огня. Из окопа виднелись только их винтовки и оптический прицел «Пара глаз». Винтовки стреляли практически без перерыва, даже если у стрелка не было подходящей мишени. Обе стороны конфликта придерживались этого стандартного принципа: выпустить как можно больше свинца, чтобы у противника не было времени поднять голову и прицелиться в тебя.

«Пара глаз» были еще одним примером непродуманных действий со стороны командования на Земле. Идея заключалась в том, чтобы повысить точность попадания в цель каждой солдатской винтовке. «Пара глаз» закреплялись поверх шлемов солдат, так что сами «Глаза» находились примерно на расстоянии в 0,7 метра от стрелявшего. «Глаза» подключались к стереофоническим наушникам в шлеме с помощью оптоволоконных жгутов и позволяли в значительной степени улучшить фокусировку прицела.

Поэтому в итоге все сводилось к тому, что обе стороны не высовывали голов из окопов, а стреляли по «Парам глаз» противников. И то лишь в тех случаях, когда воюющие удосуживались

целиться в направлении противника.

Многие новички удивлялись тому, как при полном отсутствии героизма возможны были жертвы. Ответ на этот вопрос они находили сами, причем довольно жестоким образом — гравитация.

Ускорение свободного падения на поверхности Цереры составляло всего 0,5 м/сек², или примерно 0,05 g. Стоило лишь слегка пошевелить пальцами в своем сапоге, и ты мог подняться на пять или шесть сантиметров над поверхностью. А если при этом напрячь мышцы ног — то ты уже отрывался на пару метров и мог увидеть, как все вражеские винтовки целятся прямо в тебя. Внезапное неконтролируемое движение могло подбросить тебя в самое небо, где ты зависал на бесконечно долгие секунды, и у противника появлялась масса времени, чтобы отправить тебя в путешествие в загробный мир.

Поэтому ветераны были очень осторожны и, заступая на вахту, обязательно привязывали себя к ящикам. Ветеранами считали всех, кому удалось прожить первые две недели на передовой; за это время мы теряли примерно двадцать процентов новобранцев.

Стэффорд произвела на меня впечатление че-

ловека, который не пасует перед трудностями, хотя я старался избегать особенно панибратского общения с ней, по крайней мере, пока она не докажет свое умение выживать в течение нескольких месяцев. Надевая свой скафандр, она продемонстрировала знакомство с этим видом экипировки, хотя и была немного скованной. Большинство новобранцев даже не знали, куда им засовывать ноги. Это означало, что, еще находясь на корабле, она уже поняла всю важность снаряжения, позволяющего находиться в безвоздушном пространстве, и заранее с ним ознакомилась. Оказавшись в окопе, она только один раз совершила оплошность, проявив излишнее любопытство, но после уже не позволяла себе никакой напускной самоуверенности, из-за которой новички так часто оказывались на линии огня.

Полковник Чамберс сильно сдала со времени нашей последней встречи. Ей было где-то лет пятьдесят пять, и, несмотря на наше первоклассное медицинское обслуживание, она уже стала выглядеть на свой возраст. Выпивка была ее главной проблемой или, если взглянуть на это с другой стороны, ее единственным спасением. Она хлестала алкоголь в одиночку тошнотворно

огромными дозами. Ее глаза всегда были налиты кровью и окружены клубком морщинок. Чамберс называли Старой служакой Цереры. Она попала сюда за четырнадцать лет до начала войны и до сих пор отказывалась надевать униформу. Она носила все подряд, смешивая разные элементы одежды, и было видно, что даже это вызывало у нее недовольство. Эта привычка осталась у нее еще от старых времен, когда скафандры были настолько неудобными, что, оказавшись в помещении, ты сразу же срывал все с себя и чесался потом еще часа два.

— Полковник Чамберс, это лейтенант Стэффорд. Она только что с Земли.

Стэффорд неуклюже отдала честь и передала полковнику стопку донесений. Взгляд Чамберс рассеянно скользнул по лейтенанту, но не задержался на ней. Она смотрела с абсолютно равнодушным видом, как будто Стэффорд здесь и не было вовсе. Когда же Чамберс перевела взгляд на меня, бормоча что-то себе под нос, ее глаза снова заблестели.

Я вдруг осознал, что смотрю на Стэффорд точно так же — по долгу службы мне приходилось обращать на нее внимание, но на самом деле я словно и не видел ее. Это был защитный рефлекс. Я не

хотел ни с кем близко знакомиться до тех пор, пока этот человек не проживет хотя бы несколько месяцев на передовой.

Но теперь я глядел на нее, пытаясь увидеть сквозь туман, который застилал мне глаза, поскольку в глубине души по-прежнему боялся ее разглядеть. Она была хороша собой, обладала грацией совсем еще молодой женщины, но в ее внешнем облике не было ничего такого, за что мог бы зацепиться мой взгляд, который я с такой неохотой обратил на нее. Когда я отвернулся, то не смог даже сразу вспомнить ее лица. В память врезались лишь светлые волосы, которые напомнили мне о Наташе, но это было глупо, ведь Наташа была шатенкой.

— Корабль ООН прилетает завтра, — сообщила мне Чамберс, — в четыре утра. На борту будет находиться лицо, уполномоченное вести переговоры, и корабль должен получить свободный допуск. «Объединенные силы» утверждают, что они не будут стрелять по нему, а я, черт побери, уверена, что и мы не станем этого делать.

Именно это я и хотел услышать. Я широко улыбнулся Стэффорд, но затем понял, что она, возможно, не понимала, о чем мы говорим.

— Это означает конец войны, — пояснил я. —

По крайней мере, мы все на это надеемся. Нет никаких причин, по которым следовало бы продолжать ее. — Сказав это, я вдруг почувствовал себя настолько беззащитным, что у меня на глаза навернулись слезы. — Правда ведь, Мари?

Полковник посмотрела на меня своими розоватыми глазами. Она уже хорошенько разогрела себя спиртным, и в тот момент ей было совершенно все равно, даже если эта война продлится еще много лет. Но мы с ней всегда поддерживали друг друга; она помнила о тех временах, когда попадала в серьезный переплет, а я помогал ей выпутаться.

— Разумеется, — поддержала она меня. — Тебе нужно только дооформить все юридические документы и отправить адвокату, и в течение месяца ты станешь владельцем одной пятидесятитысячной доли от горнодобывающей компании «Внешние пределы».

Мы, вояки поневоле, любили фантазировать на этот счет. О Большом и великом дне, когда война закончится и мы поимеем «Внешние пределы» точно так же, как они в свое время поимели нас. В своем иске я указал сумму в 100 000 000 000.00 доллара. Каждый раз, когда убивали кого-нибудь из моих близких друзей, я увеличивал сумму в

десять раз. За исключением Наташи. За Наташу я бы лично разворотил кувалдой все «Внешние пределы» и поубивал бы всех их директоров. Компания об этом пока что не знала, но теперь у нее не было уже никаких шансов на прибыль.

Единственное, что сдерживало нас до поры до времени, это обстрелы со стороны «Объединенных сил». В противном случае мы бы давно уже разнесли Цереру на миллиард осколков.

Я вдруг понял, что бормочу все это себе под нос. Стэффорд смотрела на меня с удивлением. Я разжал кулаки и попытался взять себя в руки.

— Ему понадобится телохранитель, — сказала полковник. — Штаб поручил мне подыскать достойную кандидатуру, но я пока еще не приняла решение. — Она в задумчивости посмотрела на меня.

Я тут же решил проявить инициативу.

— Я этим займусь.

— Ты уверен? Это может быть опасным. — Она знала, что я не привык рисковать своей шкурой.

— Возможно. — Я дал, как мне казалось, абсолютно логичный ответ. — Но я просто никому больше не смогу доверить эту работу.

Корабль переговорщика от ООН был обстрелян при подлете к планете и упал; все, кто находился

на борту, погибли. Я утешал себя, воображая, что из мирных переговоров все равно не вышло бы никакого толку. Но когда эти утешения не помогли, я пошел в офицерский клуб и напился так, что свалился с барного стула.

На следующий день я отвратительно вел себя со Стэффорд. Впрочем, не только я один переживал из-за случившегося. Полковник Чамберс обращалась со мной так же ужасно. Она послала меня через поле боя, чтобы я доставил секретное поручение генералу Муди, которое ему было совершенно не нужно. Генерал слег с симптомами церерского гриппа. Понятия не имею, что это за болезнь, но думаю, заразиться ею можно было от бутылок.

Я страшно злился на Чамберс. Я мог погибнуть, выполняя это бессмысленное поручение на передовой, если бы не проявил дальновидность и не отправил вместо себя Стэффорд. Впрочем, это означало, что Стэффорд тоже могла погибнуть, а мне она, вопреки всему, начала нравиться. К счастью, Стэффорд проявила осторожность и вернулась целой и невредимой.

В тот день мы оказались на грани, как во времена Первой мировой, которую Церерская война напоминала больше всех остальных вооружен-

ных конфликтов. И я бы лично поддержал всех этих рассерженных ребят и девчонок, чтобы они в приступе неконтролируемой ярости повыскакивали из окопов и бросились вырывать кишки тем жалким крысам, которые лишили их надежды на мир. Мы искали бы союзников не только среди тех, кто был на нашей стороне, но и среди тех, у кого эта война засела в печенках и кто мечтал поскорее вернуться домой. Они бы точно сделали это.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что большинство разделяли мою жизненную позицию. То есть все были готовы подбадривать остальных, но никто не рвался идти в атаку самому. Ведь в таком случае был велик шанс погибнуть.

Вы знаете, что во время Первой мировой войны подобные атаки были в порядке вещей? Я видел в кино. Кто-нибудь кричал: «Да в чем дело, ребята? Вы же не собираетесь жить вечно?», и все выскакивали из окопов и умирали тысячами. Я даже не хочу знать, что делали офицеры с этими несчастными пехотинцами, чтобы заставить их совершить подобный бросок. Вероятно, патриотизм был в то время очень силен. Если бы я отдал такой приказ, то прожил бы ровно до того

момента, пока солдаты не осознали, что я сделал это со всей серьезностью намерений.

Но мне и в голову не приходили такие приказы. Солдатам, которые находились у меня в подчинении, я лишь напоминал непрерывно стрелять из ружей поверх голов и время от времени смотреть себе под ноги, проверяя, не кончились ли у них патроны.

Я расслаблялся в компании Стэффорд и старого Разведчика Пита в офицерском клубе через несколько месяцев после катастрофы с кораблем посла Ортеги. Возможно, «расслаблялся» — не самое подходящее слово, ведь я был так напряжен, что постоянно выплескивал содержимое своего стакана. Беда заключалась в том, что теперь мы нигде уже не чувствовали себя в безопасности. В войсках появились провокаторы, эти подлецы распространяли идеи, что мы — офицеры — не имеем права спокойненько отсиживаться под землей, пока они — рядовые — вынуждены рисковать жизнями в окопах. Я должен был признать, что в этих рассуждениях присутствовало разумное зерно, поскольку еще несколько недель назад смертность среди офицерского состава была значительно ниже, чем среди рядовых.

Но теперь все изменилось. Кто-то решил воз-

родить древнюю и почитаемую среди солдат традицию убийства командиров во время боя, и уровень смертности сравнялся. В итоге офицеры, которые высоко ценили свою жизнь, были вынуждены проводить большую часть времени вместе с солдатами, стреляя вместе с ними по врагам. Те же, кто этого не делал, рисковали найти у себя в койке гранату с выдернутой чекой. Со многими это уже произошло, и я хорошо понял намек.

Загвоздка заключалась в том, что невозможно было просчитать все варианты. В конце концов, если я, пытаясь спасти свою шкуру от какого-нибудь рассерженного рядового, поднимусь наверх и получу пулю в лоб, мне это не особенно поможет. Проблема вырисовывалась любопытная, и требовалось немало времени, чтобы выбрать наиболее безопасный вариант действий; поэтому я и волновался так сильно, пока мы отдыхали в почти пустом офицерском клубе.

Стэффорд выглядела абсолютно спокойной. Она знала, что в клубе небезопасно, но не переживала по этому поводу. Несколько недель назад на нее обрушилась вся реальность войны, и с тех пор она пребывала в глубочайшей депрессии. Я уже начал переживать, что ей не удастся выжить.

Разведчик Пит тоже был совершенно спокоен. Я не знал его настоящего имени, но на Церере он был подлинной диковинкой. Пит был гражданским. Именно благодаря ему я чувствовал себя в тот момент в относительной безопасности; я надеялся, что неизвестный диверсант не станет бросать бомбу в комнату, где находится Пит. Я постоянно переспрашивал его, и он спокойным тоном уверял меня, что это правда и у него был иммунитет против смерти.

Пит прилетел на пояс астероидов вместе с первой волной пожилых гражданских, которые все еще надеялись разбогатеть, в те славные времена, когда «война» ограничивалась наличием пограничных патрулей, охранявших территории от посторонних посягательств. Но он был здесь, когда началась стрельба, и Агент не позволил ему улететь. Это было еще до того, как мы убили того Агента во время Большого великого переворота в надежде, что это остановит войну. Однако ничего подобного не произошло.

Питу было уже почти сто лет, и он недавно освоил новую профессию. На Земле Пит работал юристом, а теперь стал геологом-разведчиком. Он считал, что война — всего лишь временное событие, которое просто нужно было пережить,

а затем он снова начнет исследовать не имевшие особого стратегического значения астероиды между Марсом и Юпитером.

— Это хороший вопрос, — сказал он, и до меня постепенно дошло, что он обратился ко мне. Но я не мог вспомнить, о чем именно спросил его. — Наиболее реалистичная сумма — примерно миллион долларов, но тебе стоит запомнить, что если ты выиграешь все судебные процессы, то «Внешние пределы» обанкротятся. Они не смогут платить по долгам, и в лучшем случае ты получишь два или три цента с каждой сотни долларов.

Выходит, он говорил о моем иске по возмещению ущерба — Пит всегда заводил разговор на эту тему и с удовольствием обсуждал ее. Но меня это больше не интересовало. У меня начало покалывать в затылке. Я уже собирался набраться решимости и подняться наверх, когда полковник Чамберс неуклюже пробралась между столиками и уселась рядом с нами.

— К нам летит второй переговорщик, — сообщила она, достав из патронташа у себя на боку грязную флягу и протерев ее рукой. Она сделала большой глоток из нее. — Ее не хотели посылать сюда, похоже, она очень ценная, и они боятся

потерять ее так же, как предыдущего переговорщика. Но она сказала, что ей давно уже известно о сложившейся ситуации, и она с легкостью сможет разобраться с ней. — Чамберс усмехнулась. — ООН просто кипит от ярости. Они должны были держать все в тайне, чтобы удовлетворить обе компании, но теперь об этом не может быть и речи. Они сделали все достоянием общественности, и народные массы настроены воинственно. Старый Совет распущен, большинству его членов предъявлены обвинения. Бьюсь об заклад, они страшно сожалеют о том, что теперь нет возможности сбежать в какую-нибудь Аргентину. — Чамберс снова усмехнулась, я тоже. Мне очень нравилось фантазировать о том, как всех членов Совета изрешетят разрывными пулями.

— Значит, судя по всему, ничто уже не помешает установлению мира? — спросила Стэффорд, не смея показать свою надежду. — Я хочу сказать, что у «Объединенных сил» больше нет повода обстреливать этот корабль?

Чамберс подняла брови.

— А какая у них была причина обстрелять предыдущий корабль? Я все еще считаю, что они люди такие же, как мы, однако, исходя из последних событий, в это сложно поверить. Но, как бы

там ни было, в ближайшие шесть часов объявляется прекращение всех военных действий. И если все будет как обычно, то «Объединенные силы» нарушат режим тишины ровно через шесть часов и одну минуту.

Я тут же встал и направился в окоп Альфа.

— Шесть часов? — спросил капрал Кэмеди. Он связался по переговорному устройству со всеми частями: — Майор говорит, что мы должны прекратить огонь на шесть часов.

Не последовало никаких радостных возгласов, но солдаты сразу же отвязали себя от ящиков, положили свои винтовки рядом с ними и гуськом направились к коридору, ведущему под землю. Со стороны «Внешних пределов» не было произведено больше ни одного выстрела.

Мы находились далеко от огневых рубежей на посадочной площадке для транспортных кораблей. Посол Петерсен должна была прилететь через тридцать минут. Помимо меня, присутствовали Стэффорд, Чамберс и кучка генералов, включая толстенького коротышку генерала Эткинса — непосредственного командира Чамберс. Были там и жутковатые представители «Объединенных сил» с синей краской на шлемах. Я

уже лет шесть не видел никого из них, и в тот момент они были для меня упырями, убившими Наташу. Я не мог смотреть на них. Вместо этого я не сводил глаз с громоздкой пусковой установки для ракет-перехватчиков, из которой мы обстреливали корабли «Объединенных сил».

Перехватчики были единственным техническим преимуществом «Объединенных сил» перед нами. Они были довольно капризными в использовании, результатом непростого компромисса мозгов, необходимых для создания оружия, способного поразить двигающиеся цели на расстоянии свыше миллиона километров, и сумасшедших денег для их производства. Наши перехватчики были не настолько хороши. Иногда нам удавалось попасть в цель, но обычно это происходило лишь в тех случаях, когда траектория движения ракеты представляла собой прямую линию. Если же ракетам для поражения цели нужно было облететь Цереру по дуге, то в дело вступала несовершенная система навигации, чрезвычайно уязвимая перед радиопомехами, которые создавали «Объединенные силы». Более того, пусковые установки «Объединенных сил» располагались прямо напротив наших, а между ними проходила линия фронта. Поэтому когда

корабли противников оказывались в наиболее уязвимом положении, нам приходилось проводить сложные настройки для наведения ракет на цель, чтобы они все же поразили ее. Впрочем, наши ракеты попадали в цель нечасто.

Каким-то образом «Объединенным силам» удавалось справляться с этой задачей намного лучше нас. Несчетное число наших кораблей было сбито прямо над взлетно-посадочной площадкой, где их, по идее, должны были «защищать» планетоиды. Далеко не все попадания ракет были фатальными, и на этом основании мы пришли к выводу, что ракеты наших противников были оснащены бесконтактными датчиками присутствия объекта, которые выпускали множество небольших зарядов вместо одной огромной боеголовки; в этом плане они чем-то напоминали баллистические ракеты MIRV[7].

Генерал Эткинс беседовал с Чамберс, и я прислушался к их разговору.

— Мы выяснили, как головному офису удавалось производить все наше вооружение и при

[7] Примечания: 7

Разделяющаяся головная часть с блоками индивидуального наведения (Multiple Independently Targetable Reentry Vehicle) — тип головной части баллистических ракет, состоящий из нескольких блоков. Такие ракеты применяются для поражения сразу нескольких целей.

этом не допустить разглашения информации о войне, — говорил он.

Эткинс был наемником — военным, которого прислали сюда по контракту, чтобы выиграть войну. Но «Внешние пределы» лишь впустую потратили свои деньги, хотя ничего удивительного в этом не было. Эткинс оказался абсолютно некомпетентным, как, впрочем, и все мы. И все же мы отличались от него. В конце концов, мы не были профессиональными вояками, а он вроде как считался таковым. Он был одним из немногих «патриотов» среди нас, и мне кажется, его неудачи частично были связаны с тем потрясением, которое он испытал, осознав, что его войска не собирались устремляться в атаку на противника. После этого он много размышлял и время от времени производил на свет планы, требовавшие до идиотизма громадного риска, поэтому все его предложения немедленно отвергались. Я бы уже давным-давно прикончил его, но боялся, что на замену пришлют кого-нибудь менее сговорчивого.

— Индивидуальный инструмент для добычи урана, — сказал он, похлопывая по винтовке, висевшей у него на плече. Он единственный из офицеров никогда не расставался с оружием. —

Хитрость состоит в том, что в скафандре довольно рискованно заниматься рытьем шахт, поэтому они сконструировали этот инструмент таким образом, чтобы мы могли соблюдать безопасную дистанцию и вскрывать породу, находясь на поверхности. Мы можем вырыть шахту в полкилометра глубиной, и когда все обломки породы спокойно осядут, мы живые и здоровые пойдем и соберем их. Ну а «Пара глаз» нам нужна для точности наведения.

Как бы ужасно это ни звучало, но все это было правдой. Мы в самом деле рыли траншеи на Церере, только не добывали там уран, мы в них умирали. «Пара глаз» действительно помогала нам улучшить точность наведения, но стреляли мы не в землю. Добыча урана шла в шахтах под землей, и занимались этим преимущественно машины. Эткинс сказал, что существовала и другая версия, согласно которой у нас возникли серьезные проблемы с горными машинами, в том числе это было связано с тем, что песок стал забиваться в подвижные детали, а также с трудностями использования их в безвоздушном пространстве. У нас и правда были такие проблемы, но мы все их давно решили.

— Неужели они не понимают, что со здешней

гравитацией они просто выбрасывают деньги в трубу? — поинтересовалась Стэффорд. — После того как пули попадут в породу, осколки разлетятся очень далеко… по параболической траектории и приземлятся на значительном расстоянии от места, где роют шахту. Некоторые из этих обломков могут даже выйти на орбиту.

Эткинс посмотрел на нее со снисходительным видом.

— Это вам известно, потому что вы инженер, но у большинства людей нет инженерного образования. И для них такое объяснение вполне обоснованно. Однако вы правы. Еще до того, как весь подлог вскрылся, некоторые консерваторы стали выступать за использование более эффективных с точки зрения экономики методов. Компании приходилось искать способы для противодействия этим выпадам. Но, разумеется, сейчас это все осталось лишь в теории.

— А как же радиолокационные и ракетные установки?.. — Чамберс уже предвидела ответ на свой вопрос, но все равно задала его.

— Средства защиты от метеоритов, — усмехнулся Эткинс. — Чтобы отстреливать камни, которые полетят в наш завод.

Кажется, мы сбили один такой камень, хотя

впоследствии ходило много споров о том, мог ли он в действительности что-либо повредить.

Вторым переговорщиком оказалась доктор Марджери Петерсен. Она была наполовину шведкой, наполовину — швейцаркой, и никто не мог усомниться в ее непредвзятости и стремлении к нейтралитету. Докторскую степень она получила в области политологии и обладала большим опытом улаживания вооруженных конфликтов, начиная еще с тех времен, когда они были намного проще, чем в нынешние дни. Ей было уже около восьмидесяти, но выглядела она как подросток. Меня это не особенно волновало, но тут, как говорится, уже дело вкуса.

Петерсен считала, что без особых сложностей сможет завершить нашу войну. Ужасно хотелось верить ее словам, однако меня мучили некоторые сомнения. Мне было интересно, удастся ли Церере обмануть ее так же, как она уже обманывала многих ее предшественников. Война вообще не должна была начинаться и уж тем более продолжаться в течение семи лет.

Однако она явно обладала даром убеждения.

— В первую очередь вы должны осознать, — сказала она нам, пока мы сидели в конференц-зале и ждали прибытия остальных делегатов, — что,

переговорив с главами всех ваших корпораций, я узнала об их искреннем желании положить конец всем военным действиям. Те, кто начал их, уже выбыли из игры, а новые члены правления стремятся побыстрее все уладить и вернуться к своему бизнесу.

Мы ждали, пока придет группа, прибывшая на посадочную площадку «Объединенных сил». Там происходила похожая церемония, связанная с прилетом еще одного корабля ООН. Ряд наших сотрудников находились на их территории, а несколько их людей были у нас. Они выполняли роль посланцев доброй воли, а еще — заложников на случай, если что-то пошло бы не так. Прибытие на другую посадочную площадку носило символический характер, а выбор корабля, на котором предстояло путешествовать доктору Петерсен, определялся жеребьевкой. Кажется, это называется дипломатией.

— А что, если они внезапно изменят свою позицию? — поинтересовался кто-то из зала. К своему ужасу, я вдруг понял, что говоривший был генералом «Объединенных сил». — Даже в разгар войны обе стороны приносили Земле прибыль. По акциям выплачивались дивиденды и все такое. Зачем прекращать это?

— Во-первых, из-за общественного давления. Но речь о прекращении войны зашла еще до того, как людям стало известно о том, что здесь происходит на самом деле. Вы должны понимать принцип работы больших корпораций. У них миллион желудков, но совсем нет мозгов, а соответственно ни о какой нравственности не может быть и речи. Обе ваши корпорации обязаны отчитываться перед акционерами, и никто из них не знает, каких масштабов достигла эта война. Самая главная причина, по которой она все еще продолжается, — банальная инерция. Корпорации — консервативные институты, они не меняют политику до тех пор, пока бизнес функционирует нормально, отдельные неприятные побочные эффекты не принимаются во внимание. Разумеется, на то есть свои причины. И причина, которая наконец-то сподвигла их на эту акцию, вполне логична для любой корпорации. Речь идет об увеличении прибыли.

Ее нельзя было назвать законченной формалисткой. Когда прибыли другие представители, она начала с того момента, где закончила, объяснила свою точку зрения по поводу того, как война началась, почему она продолжилась и по какой причине должна наконец завершиться.

Ее обоснования звучали вполне логично, хотя от них и веяло ужасным холодом. Но история не принимает в расчет людские страдания.

Доктор Петерсен возложила вину за разжигание войны на двигатель Чен, чем сильно потрясла бы Чен Сью Линь, если бы та не умерла тремя годами ранее. Мадам Чен была пацифисткой и далеко не первым ученым, чьи великие изобретения использовались в военных целях.

Девять лет назад двигатель Чен произвел настоящую революцию в области космических путешествий. Размеры этого термоядерного двигателя могли варьироваться от маленького чемоданчика — такие двигатели использовались в автотранспорте или для обеспечения энергией домов — до целой комнаты для полетов самолетов и космических кораблей. Двигатель был дешевым в производстве, безопасным, не представлял угроз для экологии, легко был запущен в массовое производство, а его эффективность составляла девяносто девять процентов. Чен Сью Линь обладала всеми правами на его производство и умерла мультмиллиардершей. Ее изобретение оказало огромное воздействие на все сферы человеческой деятельности, однако наибольшее влияние оно имело в области космических путешествий. Если

раньше космические корабли на девяносто пять процентов состояли из топливных баков и на пять — из коммерческого груза, то теперь это соотношение изменилось практически на противоположное. Впервые Землю смогли покинуть значительное количество людей.

Одна компания даже сконструировала и запустила производство кораблей, которые стали космическим эквивалентом личного автотранспорта. Облегченная версия стоила примерно сто тысяч долларов. Под «облегченной версией» подразумевалось, что вместо двух дублирующих систем использовалась лишь одна, а иногда дублирующая система и вовсе была не предусмотрена. В безвоздушное пространство отправились люди, не способные заложить программу в компьютер и считавшие, что, как только они покинут свой корабль, их непременно унесет мощнейшими воздушными потоками. Уровень смертности был очень высокий.

Хотя цена за такие «примитивные модели» была вполне разумной, для большинства людей это все равно были громадные деньжищи. Именно тогда началась Великая земельная лихорадка для тех, кому за 45. В программе участвовали граждане солидного возраста, которые располагали

средствами и находили привлекательной идею оказаться в невесомости и пережить незабываемые приключения после того, как радость от возможности не работать начала притупляться. К тому же у них появился шанс сказочно разбогатеть на поясе астероидов. Благодаря развитию медицины продолжительность человеческой жизни значительно возросла, и определить ее рамки уже не представлялось возможным, поэтому перспектива провести в доме престарелых целые столетия была для многих просто невыносимой.

Когда эта первая волна представителей «счастливой поры» достигла Цереры, они обнаружили, что обе компании оказались не готовы к их прибытию, более того, их появление вызвало замешательство. Но замешательство продлилось недолго. Новые исследователи космических недр приступили к высадке и предъявили свои права на землю, которую ни одна из компаний не сочла нужным оформить в свою собственность. Они считали Цереру исключительно своим доходным местом, ведь до появления двигателя Чен именно так дела и обстояли.

В прежние времена не было никакой конкуренции, в ней просто отсутствовала необходимость.

Добыча полезных ископаемых на астероидах была настолько дорогостоящим занятием, что даже несмотря на астрономическую стоимость урана, «Внешним пределам» и «Объединенным силам» с трудом удавалось наскрести сырья на жалкий миллиард долларов. О расширении деятельности не могло быть и речи: грузовые перевозки были слишком дорогими. Запасы урана на Церере могли обеспечивать потребности «Внешних пределов» и «Объединенных сил» еще несколько тысяч лет при текущем уровне добычи. В те дни мы сосуществовали в гармонии, у многих из нас друзья работали в «Объединенных силах».

Но затем прибыли первые независимые старатели, а вместе с ними появились и первые корабли с двигателями Чен. Мы были потрясены тем, какие перемены нас ожидали. Первый корабль забрал запас урана, который мы добывали в течение месяца, и еще несколько таких кораблей были на подходе. Они летели не по старой орбите Хомана, а по скоростным гиперболическим траекториям, которые позволяли сократить путешествие в оба конца с нескольких лет до нескольких недель. Было запланировано создание новых шахт, а производительность обогатительных заводов должна была увеличиться

в десять раз, и это было только начало.

Компании начали зарабатывать баснословные деньги и стали с подозрением относиться к прочим заявкам на разработку Цереры.

В то время еще не приняли законов, регулировавших деятельность в космосе за пределами орбиты Луны. В этом просто не было необходимости. Поэтому не существовало и особых инстанций, которые рассматривали бы претензии фрилансеров, которые взяли на вооружение старинный прием — вбивали колышек в землю и начинали защищать свой участок от всех посторонних.

Именно тогда компании и решили, что пора им тоже заявить о своих правах. И действовать они решили по-крупному. Каждая из них предъявила права на всю Цереру. Такой масштабной алчности свет не видывал с того момента, когда Папа вознамерился поделить весь мир между Испанией и Португалией.

«Внешние пределы» организовали патрули на границе, которые курсировали между нашими землями и «оккупированными» территориями. Потом один из наших патрулей был обстрелян их патрулем. Затем погиб один человек. И совсем скоро мы уже начали рыть траншеи. Началась

эскалация конфликта.

— Никто не задумывался всерьез о сложившейся ситуации до тех пор, пока обе ваши стороны не решили заявить свои права на этот мусорный шарик. Проблема стала беспрепятственно разрастаться по методу снежного кома из-за отсутствия творческого мышления или, что еще вероятнее, хоть какой-нибудь проницательности, — продолжила Петерсон.

— И вот что мы сейчас имеем. Обе компании до сих пор получают огромную прибыль от добычи, и прибыль эта настолько велика, что они не могли о таком даже помыслить, когда начинали свой бизнес, который представлялся в то время скорее работой на общественных началах для преодоления энергетического кризиса, чем способом зарабатывания денег. Сейчас в этом бизнесе крутятся огромные деньги, и даже независимые старатели, лишенные доступа к вашим обогатительным цехам, все равно могут привозить на Землю необогащенную руду и зарабатывать на этом неплохие деньги. В последние годы стало понятно, что обе компании смогли бы получать в сотни раз больше, если бы им не приходилось направлять свои человеческие ресурсы на ведение войны. Однако теперь это стало вопросом

принципов и амбиций, как обычно бывает в подобных ситуациях.

Она помолчала.

— Однако в последний год «Внешние пределы» работают себе в убыток. «Объединенные силы» пока еще держатся на плаву, однако их акции уже начали падать в цене. Наконец обе стороны решили объединиться и положить этому конец. Они думают, что это будет так же просто, как нажать на выключатель, и при этом не учитывают, какую ненависть они посеяли, заставляя вас убивать друг друга в течение многих лет. Именно это стало причиной гибели первого посла, и если бы я знала, что именно так все и закончится, то ни за что бы этого не допустила. Нужно было соблюсти все меры предосторожности. Тот человек, которого вы сбили, был моим близким другом. — Петерсен по очереди гневно посмотрела на представителей обеих сторон. — Он бросился в гущу битвы, надеясь, что его белого флага окажется достаточно. И кто-то из вас убил его. — Она снова с возмущением посмотрела на собравшихся, и, несмотря на ее юный внешний вид, у нее был жесткий и неумолимый взгляд древней старухи. — Я даже рада, что вы стараетесь свалить друг на друга вину за это, потому

что если бы я узнала, кто из вас на самом деле сбил его, то не смогла бы продолжать работу из-за предвзятого отношения.

От потрясения я даже лишился дара речи, но это было и к лучшему, в противном случае мог бы выпалить, что знаю, кто это сделал, и вся работа пошла бы насмарку. Надо было успокоиться, ведь если «Объединенные силы» смогли так бессовестно солгать, обвиняя нас в том, будто мы его подбили, у них вполне могло хватить наглости отрицать все обвинения в их адрес. Так что мне пришлось прикусить язык, хотя внутри у меня все клокотало от ненависти.

После этого Петерсен достала длинный свиток, который оказался протоколом мирного договора, составленного советами директоров обеих компаний на Земле. Она стала быстро и монотонно зачитывать его содержание, время от времени делая паузы и подчеркивая всю важность этих моментов суровыми взглядами. Затем она положила свиток на стол. Петерсен сказала о распоряжении совета директоров обеих компаний с Земли, согласно которому генералы должны были подписать этот протокол без каких-либо возражений, и заверила нас, что она лично выпорет первого же сукина сына, который осмелится

заупрямиться. Я ни на секунду не усомнился в серьезности ее намерений.

Итак, мир наконец-то был установлен. Я все еще не мог в это поверить, но в глубине души меня распирало от желания вернуться на свою койку и внести последние штрихи в мое исковое заявление.

Прекращение военных действий необходимо было провести в соответствии с традициями, чтобы подчеркнуть символическое значение происходящего. Доктор Петерсен любила помпезные зрелища в честь завершения войны; мне кажется, ей очень хотелось увидеть ощутимый результат от всех ее стараний.

В последний день войны — хотя, по правде говоря, уже три дня никто не стрелял — мы все должны были покинуть наши окопы и, опустив наши винтовки прикладом вниз, медленно направиться навстречу солдатам «Объединенных сил». Офицеры следили за тем, чтобы все боеприпасы были собраны и увезены, и чтобы мы не могли получить к ним доступ, а все оружие было разряжено. Я сам занимался этим; у моих солдат не осталось ни одного патрона, и остальные офицеры с нашей стороны проводили свою работу с такой же тщательностью, как и я. Ровно

посередине между окопами нам надлежало сложить все наше оружие и пожать руки солдатам с противоположной стороны. Мне это казалось перебором. Я с трудом представлял себе, как буду пожимать руку возможному убийце Наташи, но я готов был на все что угодно, лишь бы это в самом деле закончилось.

Итак, по сигналу я отдал солдатам приказ подниматься наверх и прыгать. Мне стоило огромных усилий заставить себя совершить этот, в общем-то, простой прыжок с высоты в три метра; я был убежден, что по ту сторону окопа нас ждет неминуемая смерть. Однако после того, как я приземлился, мне показалось, что дальше все будет проще. Когда я увидел, что нахожусь на открытом пространстве и со мной не произошло ничего ужасного, страх понемногу улегся, я расслабился и пустил все на самотек. Мне даже понравилось это пьянящее ощущение опасности.

Мы приближались к шеренге солдат, двигавшихся нам навстречу, и вдруг внезапно капрал, идущий рядом со Стэффорд, споткнулся, и я услышал постепенно стихающий вопль, как будто кричала вырвавшаяся из ада душа. Капрал был мертв. Разрывная пуля повредила его скафандр спереди.

Не успев толком опомниться, я бросился прочь, волоча за собой ноги — при низкой гравитации это был единственный доступный способ передвижения. Когда передо мной разверзся окоп, я словно перышко полетел вниз под защиту надежных стен из серого камня. Вокруг меня царила суматоха, все суетились хватали ружья и разыскивали патроны, чтобы открыть огонь. Не успел я прийти в себя от потрясения, как меня уже потащили к складу боеприпасов и заставили открыть его. Стрельба началась еще до того, как я вернулся обратно в окоп.

Стэффорд вертела в руках логарифмическую линейку. В этот момент я ненавидел ее так же сильно, как обожал всего несколько минут назад, когда мы с ней занимались любовью, хотя это и было чистым безумием. Но мне таким образом удалось не сойти с ума после того, как целый день я рисковал жизнью во время бешеной атаки, когда мы выскочили из окопа и устремились навстречу самому жуткому обстрелу, какой мне только доводилось видеть. Сотни погибли, а меня не переставал мучить вопрос: «Почему я?» Как мне удалось уцелеть в этом аду, где, казалось, невозможно было выжить? Кто или что играло со мной, заставляя поверить, будто пули меня не

возьмут, ведь в противном случае меня убили бы уже с дюжину раз. Меня не покидало мрачное предчувствие, что я уже основательно подготовился к тому потрясению, которое испытаю, когда моя пуля все-таки найдет меня.

Петерсен рвала и метала, осыпая нас проклятиями из конференц-зала, находившегося на нейтральной территории. «Что вы за животные?» — спрашивала она. Я не стал ее слушать. Я прекрасно знал, какие животные находились по другую сторону фронта — лживые животные. «Объединенные силы» заявили, что один из их солдат также погиб. Но это было смешно.

Итак, шел третий день после объявления мира. И мы сражались так, как нам не доводилось еще сражаться прежде. Вся наша армия действовала сплоченно, генералы бились и погибали вместе с рядовыми. У них не было выбора. Ты должен был рискнуть и пойти в атаку, иначе тебя просто уничтожил бы Временный комитет.

Разговоры о мире все еще велись, но исключительно лишь благодаря упрямству доктора Петерсен. Однако прекратиться они могли в любой момент. Мне этого очень хотелось. Невыносимо тяжело было сидеть по много часов в конференц-зале, а потом заступать на очередное

дежурство на передовой. Мне казалось, что совсем скоро я перестану различать эти два вида деятельности, в какой-то момент вскочу из-за стола и начну душить людей голыми руками.

И вот посреди всего этого безумия Стэффорд сидела и играла своей логарифмической линейкой. Она хотя бы осознавала, где находится? На лекции в Калифорнийском институте? У меня вдруг возникло желание убить ее, и я решил, что сделаю это. Я не испытывал лично к ней никакой вражды, но меня достала эта линейка, и я был просто не в силах спорить со Стэффорд. Я раздумывал о том, как это сделать с наименьшими усилиями, когда она вдруг заговорила.

— Я тут кое о чем подумала, — сказала она, не подозревая о том, какая ей угрожает опасность.

Однако ей удалось отвлечь меня. Мне стало интересно, что она такого важного захотела сказать, раз даже отвлекла меня от моих размышлений. А потом я ее убью.

— Я даже немного боюсь говорить тебе об этом. Ты ведь сейчас в таком состоянии. — Она одарила меня виноватой улыбкой, которая словно говорила: «Прости, но мы оба знаем, что ты чокнутый». Это спасло ей жизнь и помогло мне прийти в себя.

— А ты попробуй, — предложил я.

— Я знаю, почему перемирие так и не было достигнуто, и провокации тут ни при чем. По крайней мере, не со стороны тех несчастных пешек, в которых мы стреляем, — сказала она, снова подвергая себя опасности.

— Ну что ж, скажи, — предложил я. В моем голосе ощущалось напряжение, но она не обратила на это внимания.

— Все дело в том, что капрала убила пуля, которая вернулась обратно. Возможно, ее выпустили много лет назад, и все это время она находилась на орбите Цереры. Я понимаю, эта мысль приводит в шок и наверняка здесь есть какая-то мораль, но я слишком устала, чтобы размышлять на эту тему.

Я ударил ее по лицу, поднял с постели и с большим удовольствием швырнул об стену. Она была так потрясена, что какое-то время лежала на полу голая, вся в крови, и дрожала. Ее нос немного съехал направо.

— Дура! — орал я. — Идиотка! Ты хоть понимаешь, как малы для этого шансы? Церера — большая планета. И то, что пуля вернулась именно в этот самый неподходящий момент… просто не представляю, как тебе такое могло

прийти в голову…

Но в этот момент мне пришлось замолчать, потому что она вскочила с пола, и я успел только увидеть, как ее губы расползлись в невероятно зловещей улыбке, обнажая перепачканные кровью зубы.

Она была способна убить меня, но ограничилась тем, что просто избила, да так сильно, что я едва мог пошевелиться. Она обрушила на меня полномасштабную, сокрушительную атаку, но в тот момент именно это мне и было нужно. Когда она наконец решила сохранить мне жизнь и села на колени, ко мне уже почти вернулась способность здраво мыслить. Стэффорд снова заговорила, ее голос звучал гнусаво и дерзко.

— Вот почему все это продолжалось так долго, — сказала она. Мы оба заплакали, тогда она замолчала и обняла меня. Я снова любил ее, но она уже не доверяла мне. Затем она оттолкнула меня. И я не мог ее в этом винить.

— На уме у тебя только сражения, а ведь если бы ты немного поразмыслил, это решило бы все проблемы. И речь не только о тебе, а обо всех. ЗАДУМАЙТЕСЬ! — закричала она.

Я попытался последовать ее совету, но ничего не вышло.

— Попробуй за меня. Я тебя послушаю.

— Это уже что-то. — Она снова взяла в руки логарифмическую линейку. — Ну хорошо, я подумаю за тебя и за всех остальных. Ты сказал, что Церера — большая планета, и ты был прав, но ты никогда не пробовал сесть и понять, насколько она большая? Сколько квадратных километров составляет ее поверхность?

— Около миллиона? — предположил я.

— Почти два миллиона квадратных километров. Ладно, слушай внимательно. Возможно, я буду говорить слишком быстро, и ты не сразу все поймешь. Я вычислила, что, по усредненным данным, за эти семь лет в военных действиях здесь принимало участие 75 000 человек ежегодно. Причем вначале солдат было мало, но постепенно их численность выросла до текущих 60 000 с нашей стороны и 60 000 со стороны «Объединенных сил». Каждый раз на смену в окопах заступают 10 000 человек, которые меняются через двадцать четыре дня. Что ты по этому поводу думаешь?

— Расчет довольно верный.

— Эти 10 000 стреляют постоянно, ну или почти постоянно. Мне кажется, что я занижаю данные, но я брала для расчетов половину тех выстрелов, которые они совершают из своих винтовок. Учи-

тывая, что предельная скорость стрельбы у этих винтовок — триста патронов в минуту, предположим, что каждый солдат выпускал в минуту сто пятьдесят пуль. Ты все еще следишь за ходом моих мыслей?

— Продолжай.

— За семь лет, если каждый день выстрелы производили все 10 000 солдат, то — а сейчас приготовься — всего они выпустили пять с половиной триллионов пуль. А теперь ты мне скажи, сколько из этих пуль хоть куда-нибудь попали?

Мне было не по себе. Голова кружилась от того, что по ней много раз били, и от цифр, которые мне меньше всего хотелось услышать.

— Не больше половины.

— Я примерно так же посчитала. Около половины попали в землю, остальные улетели в небо. Но здесь — не Земля, на этой планете нельзя забывать про пули. Начальная скорость пуль в наших винтовках ниже параболической скорости для Цереры, однако она достаточно высокая, чтобы даже пролетев несколько километров, пули не упали в землю. А вышли на орбиту. Два с четвертью триллиона разрывных спутников. У некоторых из них пересекались траектории, и они сталкивались. Но тем, которым суждено

было вернуться обратно, возвращались. Они пролетали над поверхностью Цереры, иногда попадали во что-то, иногда, не достигнув цели, снова выходили на орбиту. Это примерно полмиллиона пуль на каждый квадратный километр поверхности планеты. Разумеется, мои расчеты приблизительны, и ты можешь здесь не согласиться со мной. Я пока не могу точно сказать, сколько именно пуль должно вернуться на определенный участок территории, но, по грубым подсчетам, если ты сейчас выберешься из окопа и постоишь там какое-то время, шансы, что в тебя попадет пуля, где-то один к трем тысячам. Так что находиться на поверхности небезопасно даже после прекращения огня.

— Да, шансы довольно высокие, — сказал я с легким отчаянием в голосе.

— Верно, и я забыла еще про один фактор, Помнишь про пули, которые упали на землю? Вторые два с четвертью триллиона? При падении они разрываются, и дождь из осколков камней численностью от дюжины до нескольких сотен — как тебе больше нравится — устремляется вверх. Большинство этих осколков тоже выходят на орбиту. И они двигаются так быстро, что тоже могут быть опасными. Их там сейчас квадриллионы!

Она посмотрела на меня и начала смеяться. И вот теперь это было действительно жестоко с ее стороны. Я заслужил того, чтобы меня избили, но это было уже слишком. Я снова подумал о том, не убить ли мне ее, но это не решило бы ни одной из проблем, к тому же я уже не был уверен, что мне удастся это сделать. Чем больше я об этом думал, тем сильнее укреплялся в мысли, что самоубийство было единственным возможным решением.

— Вот такая эта Церерская война — война, которая не может закончиться. Да, мы, конечно, в силах прекратить огонь. Нам с тобой нужно немедленно пойти к доктору Петерсен и обо всем ей рассказать. И я думаю, что через несколько дней все закончится. Но война все равно будет продолжаться еще тысячу лет. Нам всем придется улететь с Цереры. Я не представляю, как кораблям удастся подлетать к планете на безопасное расстояние… и если ты еще не понял, то в этом и заключается разгадка секрета «Ракет ближнего боя» «Объединенных сил». Их просто не существует. Вполне возможно, что они покупают свои ракеты у той же компании, что и мы. На орбите наши корабли сбивают все те же пули. И с их кораблями происходит то же самое. Они говорили правду всякий раз, когда ты рассказывал

мне, какие они чертовы лжецы. — Она снова рассмеялась, и на этот раз ее смех звучал еще жестче. — Ты! Ты и все остальные! Если бы только вы захотели признать, что они точно такие же, как и вы: напуганные мужчины и женщины, сидящие в жалких окопах и продолжающие стрелять. Но вы выставляете их монстрами, считая, что они нарушили перемирие и сбили посла… ох, как же мне противно все это говорить!

Но она еще не закончила свою мысль.

— Возможно, это место стоит превратить в памятник глупости войны. И у меня есть соображения о том, какую из этого можно извлечь мораль. Хочешь узнать?

— Нет.

Стэффорд посмотрела на меня, и ей не понравилось то, что она увидела. Несколько минут назад она лупила со всей дури, но сейчас у нее был встревоженный вид. Она отодвинулась от меня, а затем и вовсе вышла из комнаты.

Но ей не о чем было волноваться. Моя ненависть была направлена не на нее.

Как Стэффорд и сказала, теперь стрельба прекратилась. Поначалу начался хаос. Солдаты поубивали всех полковников, и генералов, и многих майоров. Мне удалось спастись от суда

Линча, разыграв перед ними безумный фарс, во время которого я смог убедить их в своей ненависти к «Внешним пределам», а также в том, что живым я буду им намного полезнее. В результате с места предполагаемого расстрела солдаты несли меня на своих плечах. Я сам не ожидал от себя такого, что я буду выкрикивать весь этот бессвязный бред, наполненный жаждой крови и убийств, которая все это время таилась где-то в укромном уголке моего слабеющего разума. Стэффорд говорит, что мне уже не удастся полностью восстановиться, но это и не важно. Мы летим домой.

Впрочем, все произошло совсем не так, как я предполагал. Я сижу в своем купе на корабле, который направляется обратно к Земле, а на коленях у меня — тяжелый свинцовый ящик, который, возможно, нанесет невосполнимый урон моим репродуктивным органам. Но и это не важно. У меня уже не будет шанса ими воспользоваться. По крайней мере, для репродуктивной функции. В ящике у меня — ядерная бомба. Я сделал ее своими руками. Она очень примитивная, не особенно эффективная и ужасно «грязная». Но она достаточно мощная для выполнения той цели, которую я перед собой поставил.

Я собираюсь взорвать Таманрассетский медный рудник в Алжире. У меня целый взвод фанатично преданных солдат, и они сделают все, чтобы я смог туда пробраться и провести достаточно времени, чтобы стереть с лица Земли целую гору. Шансов, что мне удастся выжить, нет никаких.

Почему именно Таманрассетский рудник? Потому что он принадлежит «Внешним пределам». Их войска наконец-то возвращаются домой, и когда мы закончим нашу работу, то лишь радиоактивные кратеры будут служить единственным напоминанием о горнодобывающей компании «Внешние пределы». Мы сотрем «Внешние пределы» с лица земли. Мы изгоним ее, как злого беса.

Мы выжжем ее каленым железом.

Мы непобедимы; ничто не встанет у нас на пути.

В прошлом я представлял себе, как взорву офис «Объединенных сил», когда вернусь домой, но теперь это невозможно. Этим займутся солдаты «Объединенных сил». Обе компании совершили роковую ошибку, отправив столько инженеров и ученых к самым обширным залежам урана в Солнечной системе. Больше они такой ошибки не совершат.

Почему я это делаю? Стэффорд говорит, что я просто тронулся умом; семь лет я только и делал, что пытался выжить; тем удивительнее, что сейчас я направляюсь на эту самоубийственную миссию. Мне самому это странно. Но все равно я это сделаю.

Отчасти из-за Наташи. Я постоянно вижу ее, и когда сплю, и когда бодрствую. Она является из мира кошмаров и все время идет рядом со мной. (Я и сейчас ее вижу, и не ту, живую Наташу, которую я хотел бы запомнить, а то, что я увидел, когда поднял защитную маску на ее шлеме и осознал, что с ней случилось после того, как пуля пробила ей лоб и взорвалась внутри головы. Кровь вытекает у нее из пустых глазниц; а кровь в ее раскрытом рту уже застыла и почернела.)

А отчасти дело в «морали», про которую говорила Стэффорд. Она утверждает, будто я совершенно утратил ее, а сейчас просто хочу увековечить тот ужас, который и породил весь этот кошмар — эту войну, которая не прекратится еще тысячу лет. Но я считаю, что мы должны воздвигнуть памятник на Земле, памятник, который останется там надолго.

Вот как я все это вижу:

Убитые со стороны «Внешних пределов»: 15

585

Раненые со стороны «Внешних пределов»: 12

Убитые со стороны «Объединенных сил»: 15 833

Раненые со стороны «Объединенных сил»: 9

Точные цифры станут известны только через несколько сотен лет, когда погибнет последняя жертва выпущенной нами пули. Но мы будем помнить об этом еще дольше. И через тысячу лет счетчик Гейгера на Земле продолжит отсчитывать потери.

Телефонный справочник Манхэттена (сокращенный)

Это лучшая и одновременно худшая история из всех, когда-либо написанных.

Есть много способов оценить достоинство рассказа, верно? Один из них таков: много ли в рассказе персонажей, и реальные ли они. Что ж, в этом рассказе персонажей больше, чем в любом рассказе за всю историю мира. Библия? Забудьте о ней. От силы десять тысяч человек. (Я не считал, но подозреваю, что их еще меньше, даже со всеми потомками.)

А их реальность? Каждый мой персонаж — сертифицированный живой человек. Вы можете поставить мне в вину недостаточную глубину образов, насчет этого вопросов нет. Будь у меня время и место, я мог бы рассказать гораздо больше о каждом из этих людей… но писатель должен считаться с драматическими ограничениями. Если бы у меня имелось больше места… Ух! Какие истории вы бы услышали!

Должен признать, что сюжет скудноват. Нельзя

получить все и сразу. Сила этого рассказа в людях. Я — в нем. И вы тоже.

А сам рассказ такой:

Джерри Л. Ааб переехал в Нью-Йорк шесть лет назад из родного города Валдоста в штате Джорджия. Он все еще говорит с южным акцентом, но постепенно его теряет. Он женат на женщине по имени Элен, и дела в семействе Ааб идут не очень хорошо. Их второй ребенок умер, и Элен опять беременна. Она думает, что Джерри встречается с другой женщиной. Это не так, но Элен говорит о разводе.

Роджер Ааб не родственник Джерри. Он коренной нью-йоркец. Он живет на третьем этаже без лифта в доме номер один по Мейден-лейн. Это его первое жилье — Роджеру всего девятнадцать, он недавно окончил среднюю школу и подумывает о поступлении в «Сити-колледж». Сейчас, пока решение принимается, он работает в гастрономе и пытается встречаться с Линдой Купер, живущей в двух кварталах от него. Он еще не решил окончательно, что делать со своей жизнью, но уверен — решение придет.

Курт Аач освобожден условно-досрочно. Он отсидел два года в Аттике за вооруженное ограбление. Это была не первая его ходка. В голове

у него бродят смутные идеи насчет завязать с криминалом, когда условный срок закончится. Если он сможет устроиться на торговый флот, то, по его прикидкам, у него сможет получиться, но те паршивые работы, которые ему до сих пор предлагали, не стоили бы потраченного времени. Недавно он купил «смит-вессон» тридцать восьмого калибра у парня из доков. Он часто чистит и смазывает оружие.

Роберт Аач — старший брат Курта. Он никогда не навещал Курта в тюрьме, потому что ненавидит этого бесполезного нищеброда. Вспоминая о брате, он надеется, что в штате очень скоро восстановят казнь на электрическом стуле. У него жена и трое детей. Когда у Роберта отпуск, семейству нравится проводить его во Флориде.

Адриен Ааен работала в универмаге «Вулворт» на Восточной 14-й улице с двадцати одного года. Ей уже исполнилось шестьдесят, и скоро она уйдет на пенсию, независимо от ее желания. Она никогда не была замужем. Характер у нее угрюмый, по большей части из-за ног, которые болят вот уже сорок лет. У нее есть кот и попугайчик. Кот слишком ленивый, чтобы ловить птичку. Адриен сумела накопить немного денег. Каждый вечер она благодарит Всевышнего за все

его благодеяния и город Нью-Йорк за контроль арендной платы.

Молли Аагард тридцать лет, она работает в транспортной полиции Нью-Йорка. Каждый день она ездит в метро. В ее обязанности входит останавливать серьезные преступления, которыми наполнен подземный город, и она исполняет их очень добросовестно. Она ненавидит граффити на всю стену, которыми заляпан каждый вагон наподобие ядовитой плесени.

Ирвинг Аагард не ее родственник. Ему сорок пять лет, он владелец дилерского агентства, торгующего «олдсмобилями» в Нью-Джерси. Люди спрашивают его, почему он живет на Манхэттене, и этот вопрос его всегда озадачивает. Да живите сами в Нью-Джерси, кто вам не дает? Для Ирвинга Манхэттен — единственное место для жилья. У него было достаточно денег, чтобы послать трех детей — Джеральда, Мортона и Барбару — в хорошие школы. Преступность его волнует, но не более любого другого.

Шайела Аагре — уличная проститутка семнадцати лет из Сент-Пола. Жизнь у нее не особо хороша, но лучше, чем в Миннесоте. Она колется героином, но знает, что может остановиться, как только захочет.

Теодор Аакер и его жена Беатрис живут в прекрасной квартире в квартале от «Дакоты»[8], где был убит Джон Леннон. В тот вечер они пришли туда и стояли в скорбном бдении со свечами, вспоминая Вудсток[9], вспоминая «лето любви»[10] в Хейт-Эшбери. Теодор иногда гадает, как и почему он стал торговать акциями и облигациями. Беатрис беременна их третьим ребенком. Теперь она решает, какой длительности отпуск ей следует взять в своей юридической практике. Это тяжелый вопрос.

(162 000 персонажей пропущено)

Клеманзо Круз живет на Восточной 120-й улице. Он безработный, и был таким с тех пор, как приехал из Пуэрто-Рико. Он зависает в баре на углу Лексингтон и 122-й улицы. Он не привык много пить, когда жил в Сан-Хуане, но сейчас это

---

[8] Примечания: 8

«Дакота» — многоквартирный жилой дом в Нью-Йорке.

[9] Примечания: 9

Вудстокская ярмарка музыки и искусств — один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США.

[10] Примечания: 10

«Лето любви» — лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско под названием Хейт-Эшбери собралось около ста тысяч хиппи, знакомых и незнакомых, чтобы праздновать любовь и свободу, создавая тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта. — *Примеч. пер.*

практически основное его занятие. Вот уже пятнадцать лет. Можете сказать, что он разочарован. Его жена Илона к пяти часам вечера приходит на работу в «Эмпайр стейт билдинг», где драит полы и туалеты. Ее раз десять грабили по пути домой в местном автобусе номер 6 до Лексингтон-авеню.

Зелад Круз живет в квартире вместе с двумя другими секретаршами. Даже втроем они с трудом сводят концы с концами при такой кошмарной арендной плате. Она всегда ходит на свидание в субботу вечером — она очень красива, — и пускается во все тяжкие, но утро воскресенья всегда застает ее на ранней мессе в соборе Святого Патрика. Есть один парень, который, как она полагает, может сделать ей предложение. Она решила, что ответит согласием. Она устала делить квартиру. Она надеется, что он не станет ее избивать.

Ричард Крузадо водит такси. Он парень добродушный. Известен тем, что возил пассажиров в самые закоулки Бруклина. Его жену зовут Сабина. Она вечно капает ему на мозги, что надо купить дом в Куинсе. Он думает, что когда-нибудь его купит. У них шестеро детей, и жить на Манхэттене для них тяжеловато. А у домов в Куинсе есть задний двор, бассейн, да и что угодно.

(1 250 000 персонажей пропущено)

Ральф Ззиззмджак сменил фамилию два года назад. На самом деле его зовут Ральф Зиззмджак. Приятель уговорил его добавить еще одну «з», чтобы стать последним в телефонном справочнике. Он холостяк, библиотекарь и работает в Нью-Йорке. Когда ему хочется развлечься, он ходит в кино. Один. Ему шестьдесят один год.

Эдвард Ззззиниевски сумасшедший. Он то попадает в «Бельвью», то выписывается оттуда. Большую часть времени он проводит в размышлениях о том, какая сволочь этот Ззиззмджак, который два года назад выбил его с последнего места, с его единственной заявки на прижизненную славу! Он часто думает о нем — человеке, с которым он никогда не встречался, фантазируя о том, как встретит Ззиззмджака и прикончит его. В прошлом году он добавил два «з» к своему имени. Теперь он подумывает о том, как опередить этого ублюдка Ззиззмджака. Он уверен, что Ззиззмджак в этом году добавит еще два «з», поэтому он собирается добавить семь. Эд Зззззззззззиниевски. Так будет в самый раз, решает он.

Потом в один из дней семнадцать термоядерных бомб взорвались в воздухе над Манхэттеном, Бронксом и Стейтен-Айлендом. Мощность каж-

дой из них была от пяти до двадцати мегатонн. Этого было более чем достаточно, чтобы убить каждого в этом рассказе. Большинство из них умерли мгновенно. Немногие протянули минуты или дни, но *все* они умерли, вот так просто. Я умер. И вы тоже.

Мне повезло. Быстрее, чем сигнал перебегает с одного нейрона на другой, я превратился в радиоактивные атомы, а вместе со мной и здание, в котором я находился, и грунт подо мной на глубину триста метров. За миллисекунду все это стало стерильным, как душа Эдварда Теллера, создателя водородной бомбы.

Вам пришлось тяжелее. Вы находились в магазине, стояли возле окна. Чудовищное давление превратило стекло в десять тысяч осколков боли, тысяча из которых сорвала плоть с вашего тела. Один осколок угодил вам в левый глаз. Вас швырнуло через весь магазин, переломав множество костей и нанеся внутренние раны, но вы все еще живы. Большой кусок витринного стекла пронзил ваше тело. Окровавленное острие вышло у вас из спины. Вы осторожно коснулись его, пытаясь извлечь, но боль оказалась слишком сильной.

На одном из кусков стекла была прямоугольная

наклейка с надписью «Принимаем Mastercard с радостью!».

В магазине вокруг вас начался пожар, и вы начали медленно поджариваться. И у вас еще хватило времени подумать: «Для этого ли я плачу налоги?» А потом вы умерли.

Этот рассказ любезно доставлен вам Телефонной Компанией. Экземпляры этого рассказа можно найти возле каждого телефона на Манхэттене, и тысячи аналогичных рассказов были созданы для каждого сообщества в Соединенных Штатах. Это интересное чтение. Настоятельно советую каждый вечер читать по несколько страниц. Не забывайте, что многие жены внесены только под фамилией мужа. И следует учесть еще и детей — очень немногие из них имеют свой телефонный номер. Многие, например, одинокие женщины платят дополнительно за номер, не внесенный в справочник. И есть еще очень бедные, бродяги, люди улицы и те, кто не смог оплатить последний счет. Не забудьте про них, читая этот рассказ. Читайте больше или меньше, смотря сколько сумеете выдержать, и спрашивайте себя, для этого ли вы платите налоги. Может быть, вы перестанете их платить.

«О, да бросьте, — слышу я ваше возражение. —

Кто-нибудь да выживет».

Наверное. Возможно. Вероятно.

Но суть не в этом. Все мы любим истории «после бомбы». Если бы не любили, то разве было бы их так много? Есть нечто привлекательное в рассказах о том, как много людей погибло и как выжившие бродят по обезлюдевшему миру, добывая банки свинины с бобами и защищая семью от мародеров. Конечно, это ужасно. Конечно, мы плачем при мысли обо всех этих погибших людях. Но в каком-то тайном уголке сознания мы лелеем мысль о том, как здорово было бы выжить, начать все сначала.

Втайне мы знаем, что мы выживем. А умрут *другие* люди. Вот о чем все эти рассказы про апокалипсис.

И все эти рассказы — ложь. Ложь, ложь и ложь.

Есть только один правдивый рассказ на эту тему, который вы когда-либо прочитаете.

Умрут все. Вашему отцу и матери оторвало головы и раздавило под рухнувшим зданием. Их головы съедят крысы. Вашему мужу выпустили кишки. Ваша жена ослепла после вспышки и бродила по пепелищам, пока взбесившиеся от страха собаки не сожрали ее живьем. Брат и

сестра сгорели вместе с их домами, а огненная буря превратила их тела в тончайший пепел. Ваши дети… простите, очень не хочется вам это говорить, но дети прожили *долго*. Целых три бесконечных дня. В эти дни они выблевывали внутренности, смотрели, как с их костей спадает плоть, и обоняли вонь гангрены, расползшейся по истерзанным ногам. И спрашивали вас, почему такое произошло. Но вы не могли им ответить. Я ведь уже рассказал, как вы умерли.

Вот для этого вы и платите налоги.

Манекены

— Вы уверены, что она не опасна?

— Совершенно. Во всяком случае, не для вас.

Эвелин сдвинула заслонку на окошке в двери и постаралась справиться с одолевающими ее дурными предчувствиями. Она поздновато обнаружила, что от мыслей о безумцах ее мутит.

Осмотревшись, она с облегчением поняла, что страшилась она вовсе не пациентов. Причиной была сама атмосфера крепости, царившая в «Бедфорде». Это заведение было кошмаром из зарешеченных окон, комнат с мягкой обивкой, холщовых простыней и смирительных рубашек, шприцев и дюжих санитаров. Настоящая тюрьма. При наличии таких мер предосторожности ее нервное отношение к тем, для содержания кого клиника была построена, было лишь естественной реакцией.

Она еще раз заглянула в палату. Женщина в ней была слишком маленькой, спокойной и уравновешенной, чтобы стать причиной всего этого переполоха.

Доктор Барроуз закрыл толстую папку, которую

просматривал. «*Барбара Эндикотт. Возраст: 28 лет. Рост: 158 см. Вес: 46 кг. Диагноз: параноидная шизофрения. Примечания: пациентку следует считать опасной. Возвращена в клинику для наблюдения уголовным судом Содружества Массачусетс, убийство. Чрезмерная враждебность к мужчинам*». Там было написано больше, намного больше. Эвелин прочла часть этого материала.

— У нее чрезвычайно защищенный психоз. Как и обычно, учитывая алогичные исходные положения, система бреда тщательно сконструирована и внутренне непротиворечива.

— Знаю.

— Знаете? Да, полагаю, что знаете — из книг и фильмов. — Он вручил ей папку. — Вы увидите, что реальное общение с кем-то из них несколько отличается от ваших представлений. В том, о чем они говорят, они уверены так, как никогда не будет уверен ни один здравомыслящий человек. Все мы живем, испытывая небольшие сомнения, знаете ли. Они — нет. Они видят истину, и ничто не убедит их в обратном. Чтобы иметь с ними дело, надо крепко держаться за реальность. Пообщавшись с ней, вы, вероятно, будете немного ошарашены.

Эвелин хотелось, чтобы он замолчал и открыл

дверь. У нее не имелось опасений насчет собственного чувства реальности. Неужели его действительно тревожит, что маленькая женщина собьет ее с толку той чепухой, что описана в ее истории болезни?

— Всю прошлую неделю мы лечили ее электрошоком, — сказал Барроуз и беспомощно пожал плечами. — Знаю, что об этом говорят ваши преподаватели. Это не было моим решением. Просто не существует иного способа достучаться до таких людей. Когда у нас заканчиваются доводы и убеждения, мы пробуем шок. Ей на пользу он не идет. Ее психоз остается таким же защищенным, каким был всегда.

Он покачался на пятках, хмурясь.

— Полагаю, вы можете спокойно войти. Вы в полной безопасности. Ее враждебность направлена только на мужчин.

Он кивнул санитару в белом комбинезоне, похожему на нападающего «Национальной футбольной лиги», и тот повернул ключ в замке. Открыв дверь, санитар шагнул в сторону, пропуская Эвелин.

Барбара Эндикотт сидела на стуле возле окна. Через него струился солнечный свет, и тень от решеток перекрестьями падала на ее лицо. Она

повернулась, но не встала.

— Здравствуйте, я… Эвелин Уинтерс.

Женщина отвернулась, едва Эвелин заговорила. Ее уверенность, и без того слабая в этом недружелюбном месте, грозила покинуть ее полностью.

— Я хотела бы поговорить с вами, если не возражаете. Я не врач, Барбара.

Женщина повернулась и посмотрела на нее.

— Тогда почему на вас этот белый халат?

Эвелин посмотрела на свой лабораторный халат. Она чувствовала себя глупо в этом дурацком одеянии.

— Они сказали, что я должна его носить.

— Кто такие «они»? — осведомилась Барбара с намеком на усмешку. — Да у вас паранойя, милочка.

Эвелин немного расслабилась.

— Ну, этот вопрос должна была задать я. «Они» — это персонал этой… клиники. — «*Расслабься, черт побери!*» Увидев, что Эвелин не врач, женщина стала вполне дружелюбной. — Думаю, это для того, чтобы отличать меня от пациентов.

— Верно. Будь вы пациентом, вам дали бы синюю одежду.

— Я студентка. Они сказали, что я могу с вами поговорить.

— Так валяйте.

Тут она улыбнулась, и это оказалась настолько приветливая и нормальная улыбка, что Эвелин улыбнулась в ответ и протянула руку. Но Барбара покачала головой.

— Это мужское, — пояснила она, указывая на руку. — Видишь? Мол, у меня нет оружия. Я не собираюсь тебя убить. Мы в этом не нуждаемся, Эвелин. Мы женщины.

— О, конечно. — Она неуклюже сунула руку в карман халата, сжала кулак. — Можно мне сесть?

— Конечно. Здесь только кровать, но она вполне жесткая, выдержит.

Эвелин села на край кровати, положив на колени папку и блокнот. Балансируя на краю, она обнаружила, что все еще удерживает вес тела на пятках, готовая вскочить в любой миг. Унылость палаты неприятно подействовала на нее: она увидела шелушащуюся серую краску на стенах, желтое оконное стекло в нише за сетчатым экраном, прикрепленным к стене серыми болтами. Пол был бетонным, сырым и неприятным. В комнате слышалось легкое эхо. Единственной

мебелью были стул и кровать с серыми простынями и одеялом.

Барбара Эндикотт оказалась маленькой брюнеткой с гладким совершенством черт лица, которое напомнило Эвелин восточных женщин. Кожа бледная, вероятно, после двух месяцев в палате. Но здоровье у нее было крепкое. Она сидела в пятне солнечного света, впитывая те лучи, что проникали через стекло. Одета в голубой купальный халат на голое тело, подпоясанный на талии, на ногах матерчатые шлепанцы.

— Значит, я ваше задание на сегодня. Вы сами меня выбрали или кто-то другой?

— Мне сказали, что вы разговариваете только с женщинами.

— Это так, но вы не ответили на мой вопрос. Извините. Я не намеревалась заставить вас нервничать, честно. Я больше такой не буду. Я вела себя как сумасшедшая.

— О чем вы?

— Вела себя вызывающе, агрессивно. Говорила все, что хотела. Так себя здесь ведут все безумные люди. Но я, разумеется, не сумасшедшая.

Она подмигнула.

— Я не смогла бы понять, разыгрываете ли вы меня, — призналась Эвелин и внезапно ощутила

себя гораздо ближе к этой женщине. Это была ловушка, в которую легко угодить — думать о психически неуравновешенных людях как о слабоумных, лишенных умственных способностей. В этом смысле с Барбарой Эндикотт было все в порядке. Она была способна проявить тонкость ума.

– *Конечно же* я сумасшедшая, — сказала она. — Иначе меня бы здесь не заперли, верно?

Она улыбнулась, и Эвелин расслабилась. Напряженность в спине ушла, кроватные пружины скрипнули, приняв вес ее тела.

— Хорошо. Хотите об этом поговорить?

— Не уверена, что вы захотите слушать. Вы ведь знаете, что я убила мужчину?

— А это так? Я знаю, в суде полагают, что да, но они поняли, что вы не в состоянии предстать перед судом.

— Ладно, я его убила. Я должна была выяснить.

— Выяснить что?

— Сможет ли он ходить без головы.

Ну вот: она опять стала чужой. Эвелин подавила дрожь. Женщина произнесла это так здравомысленно, явно не пытаясь ее шокировать. И действительно, ее слова не подействовали на Эвелин настолько сильно, как могли бы это

сделать несколько минут назад. Она испытала отвращение, но не испуг.

— И что заставило вас думать, что он может оказаться способен на такое?

— Это не важный вопрос, — упрекнула она. — Возможно, он не важен для вас, но важен для меня. Я бы не проделала такое, если бы мне не было важно знать.

— Знать… Ладно, так он *смог*?

— Конечно смог. Он бродил по комнате еще две или три минуты. Я это увидела и поняла, что была права.

— А можете сказать, что натолкнуло вас на мысль о том, что он так сможет?

Барбара уставилась на нее.

— А с какой стати? Посмотрите на себя. Вы женщина, но вы проглотили всю их ложь. Вы работаете на них.

— Что вы имеете в виду?

— Вы накрасились. Вы побрили ноги и закрыли их нейлоном, ковыляете в юбке, мешающей ходить, и на каблуках, предназначенных для того, чтобы вы спотыкались, если станете убегать, когда на вас нападет насильник. Вы здесь делаете за них их работу. Так почему я должна вам что-то говорить? Вы мне не поверите.

Такой поворот разговора Эмили не встревожил. В словах Барбары не было враждебности. Если в них что и чувствовалось, так это жалость. Барбара не причинит ей вреда — просто потому, что она женщина. Теперь, поняв это, она может двигаться дальше с большей уверенностью.

— Возможно, это и так. Но разве вы не должны рассказать мне, как женщине, об этой угрозе, если она действительно настолько важна?

Барбара с восторгом шлепнула себя по коленям.

— Вы меня раскусили, док. Вы правы. Но это был ловкий трюк — обратить мои бредовые идеи против меня.

Эвелин записала в блокнот: «Может быть словоохотливой, обсуждая свой бредовой комплекс. Она достаточно уверена в своей правоте, чтобы шутить на эту тему».

— Что вы там пишете?

— Что? Э-э… — «*Будь честной, она поймет, если я солгу. Будь с ней откровенной и подыгрывай ее непочтительности*». — … просто заметки о вашем состоянии. Мне нужно установить диагноз для моего инструктора. Он хочет знать, какой у вас тип безумия.

— Это легко. Параноидная шизофрения. Чтобы

это увидеть, ученая степень не нужна.

— Пожалуй, да. Ладно, расскажите об этом.

— Если кратко, то я полагаю, что на Землю в доисторические времена вторглись какие-то паразиты. Вероятно, когда наши предки обитали в пещерах. Трудно сказать точно, поскольку история — это грандиозный набор лжи. Вы же знаете, что они ее постоянно переписывают.

Эвелин опять не поняла, играет ли с ней Барбара, и эта мысль ее позабавила. Сложная, полная каверз женщина. С ней надо держаться начеку. Ее рассказ представлял собой очевидную параноидную конструкцию, и Барбара прекрасно это сознавала.

— Я сыграю в вашу игру. Кто такие «они»?

— «Они» — это универсальное параноидное местоимение. Любая группа, участвующая в заговоре, сознательно или нет, чтобы «уничтожить» тебя. Знаю, что это безумие, но такие группы существуют.

— Неужели?

— Конечно. Я не утверждаю, что они устраивают сборища, на которых придумывают способы, как сбивать вас с толку. Они так не делают. Но вы ведь можете признать существование групп, чьи интересы не совпадают с вашими?

— Безусловно.

— Важнее то, что имеет значение — действительно ли они реальные заговорщики или оказывают такой же эффект просто из-за того, как они функционируют. И эффект не обязан быть персональным. Ежегодно налоговая служба устраивает заговор, чтобы ограбить вас и отнять заработанные деньги, разве не так? Они состоят в заговоре с президентом и Конгрессом, чтобы украсть ваши деньги и отдать их другим людям, но они не знают вашего имени. Они крадут у всех. Вот о подобном я и говорю.

«Оправдывает свой страх перед внешними враждебными силами, указывая на реальные антагонистические группы».

— Да, такое я могу понять. Но все знают, что налоговой службы здесь нет. Вы же говорите о секрете, который видите только вы одна. Почему я должна вам верить?

Ее лицо посерьезнело. Возможно, она осознает силу оппонента. Ее оппонент всегда приводит более сильные аргументы, такова природа вещей. *Почему вы правы, а все остальные ошибаются*?

— Это и есть самая трудная часть. Вы можете предложить мне кучи «доказательств» того, что я ошибаюсь, а я не могу показать вам ничего. Если

бы вы были рядом, когда я убила того типа, вы бы поняли. Но я не могу такое повторить.

Она глубоко вдохнула и, похоже, настроилась на долгий спор.

— Давайте вернемся к этим паразитам, — предложила Эвелин. — Они — это мужчины? Вы это утверждаете?

— Нет-нет. — Барбара рассмеялась, но без юмора. — Нет такого существа, как мужчина — в том смысле, в каком вы о нем думаете. Есть только женщины, которые были захвачены при рождении этими… этими… — Она пошевелила пальцами, отыскивая достаточно мерзкое слово для выражения отвращения. Но не смогла его подобрать. — Тварями. Организмами. Я сказала, что они вторглись на Землю, но не уверена. Они уже могли существовать и здесь. Узнать точно невозможно, потому что они слишком плотно все захватили.

«Достаточно гибка в аргументации». Да, это укладывается в то, что пишут в учебниках. Будет нелегко поставить ее в тупик, задать вопрос, на который она не сможет ответить в рамках своей бредовой иллюзии. Она признала, что не знает *всего* по интересующей меня теме, и была готова отвергнуть целые категории аргументов как

поддельные, вроде истории.

— Так каким же образом… нет, погодите. Может, вы лучше расскажете об этих паразитах? Где они скрываются? Как получилось, что о них не знает никто, кроме вас?

Барбара кивнула. Теперь она выглядела полностью серьезной. Она не могла шутить на эту тему, когда они добрались до сути.

— Они не паразиты в строгом смысле. Они своего рода симбионты. Они не убивают своих хозяев, не быстро. Они даже помогают хозяину в краткосрочной перспективе, делая его сильнее, крупнее и более способным к доминированию. Но в долгосрочной перспективе они вытягивают из хозяина силу. Делают более восприимчивым к болезням, ослабляют сердце. Что же касается того, как они выглядят, то вы их видели. Это слепые, беспомощные, неподвижные черви. Они прикрепляются к мочевым путям женщины, наполняя и закрывая влагалище и протягивая нервы в яичники и матку. Они вводят в ее организм гормоны и заставляют женщину расти с уродствами — волосы на лице, увеличенные мышцы, пониженная мыслительная способность и резко дефектные эмоции. Хозяин становится агрессивным и склонным к убийству. У нее не

развиваются груди. Она навсегда остается стерильной.

Эвелин сделала записи в блокноте, чтобы скрыть эмоции. Ей хотелось и смеяться, и плакать. Кто может просчитать человеческий разум? Она содрогнулась, подумав о том, какому давлению, наверное, подверглась эта внешне нормальная женщина, чтобы обрести столь зловещий взгляд на вселенную. Отец? Любовник? Она была изнасилована? Барбара не желала говорить о подобных вещах, считая, что это только ее личное дело. Кроме того, они не имели отношения к тому, что Эвелин видела как факты этой истории болезни.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказала Эвелин.

— Да, понимаю. Это не одна из тех вещей, над которыми они позволяют серьезно размышлять. Они слишком чужды к тому, во что вас заставили верить. Жаль. А я надеялась, что вы сможете мне помочь.

«Проклятье! — записала Эвелин, потом вычеркнула. — Вынуждает спрашивающих обороняться. Высказывает симпатию к их неспособности видеть мир таким, как его видит она».

— Назовите это новой биологией, — сказала

Барбара, встав и медленно прохаживаясь в ограниченном пространстве палаты. На каждом шагу ее шлепанцы соскальзывали с пяток. — Я начала подозревать это несколько лет назад. Любой *иной мир* попросту не имеет смысла. Ты начинаешь сомневаться в том, что тебе говорят. Тебе приходится доверять доказательствам собственного интеллекта. Надо позволить себе смотреть на мир глазами женщины так, как должна смотреть женщина, а не как несовершенный мужчина. Они научили вас верить в их ценности, в их систему. И ты начинаешь осознавать, что они — несовершенные женщины, а не наоборот. *Они не могут воспроизводить себе подобных, разве это не должно кое о чем говорить*? «Самцы» живут в наших телах, как паразиты, они используют нашу фертильность для продления своего вида. — Она повернулась к Эвелин, и глаза у нее вспыхнули, словно маленькие огоньки. — Можете попробовать взглянуть на все именно так? Просто попробовать? Не пытайтесь быть мужчиной, переосмыслите эту концепцию! Вы не знаете, кто вы. Всю жизнь вы стремились быть мужчиной. Они определили роль, которую вам следует играть. И вы не созданы для нее. У вас нет паразита, поедающего ваш мозг. Можете такое

принять?

— Могу, ради спора.

— Этого вполне достаточно.

— Э-э… а что я должна сделать, чтобы «смотреть на мир глазами женщины»? — осторожно спросила Эвелин. — Я и сейчас чувствую себя женщиной.

— «Чувствую»! Вот именно, просто чувствую. Знаете, что такое «женская» интуиция? Это человеческий способ мышления. Его высмеивали до тех пор, пока мы автоматически не перестали ему доверять. Им *пришлось* так поступить — они утратили способность видеть истину интуитивно. Вижу, вам не нравится эта фраза. Она и не должна нравиться. Над ней так много смеялись, что «просвещенная женщина» вроде вас перестала верить в ее существование. Они хотят, чтобы вы так думали. Хорошо, не будем использовать слово «интуиция». Используем какое-нибудь другое. Я говорю о врожденной способности человека чувствовать истину. Мы знаем, что обладаем ею, но нас научили не доверять ей. И она была изуродована, испохаблена. У вас когда-нибудь возникало чувство, что вы правы, но причину этой уверенности вы не можете назвать, а просто знаете, что *правы*?

— Да, пожалуй, возникало. У большинства людей такое бывает.

«Отвергает логический довод как часть оказываемого на нее давления». Эвелин решила это проверить.

— Меня… учили, что надо применять законы логики для анализа вопроса. Правильно? И вы утверждаете, что это бесполезно, несмотря на тысячи лет опыта человечества?

— Именно так. Но это не опыт человечества. Это трюк. Это игра, очень сложная игра.

— А как же наука? В частности, биология?

— Наука — самая большая игра из всех. Вы когда-нибудь думали об этом? Вы серьезно полагаете, что великие проблемы вселенной, важнейшие истины, которым следует быть легко достижимыми, будут решены учеными, которые спорят о том, сколько нейтрино может танцевать на кончике иглы? Это змея, пожирающая собственный хвост, нечто, имеющее значение только для самое себя. Но как только вы принимаете базовые правила, то оказываетесь в ловушке. Начинаете думать, что подсчет, сортировка и нумерация вас чему-то научат. Вам нужно отвергнуть все это и посмотреть на мир новыми глазами. И вас удивит то, что вы увидите нечто,

уже готовое для усвоения.

— Генетика?

— Чепуха. Вся структура генетики создана для объяснения несостоятельной позиции: есть два пола, по отдельности ни один из них ничего не стоит, но вместе они способны к размножению. Если о ней хорошенько подумать, она разваливается. Гены и хромосомы, половина от каждого из родителей: нет, нет и нет! Скажите, вы когда-нибудь видели ген?

— Я видела фотографии.

— Ха!

На тот момент этого показалось достаточно. Барбара расхаживала по палате, ошеломленная масштабом сказанного. Затем повернулась к Эвелин:

— Знаю, знаю. Я достаточно об этом размышляла. Существует этот… базовый набор предположений, согласно которому мы все живем. Мы не можем сосуществовать, не принимая большинство из них, так? То есть… я могу сказать, что не верю в… Токио, например. Что Токио не существует просто потому, что я там не была и не видела его своими глазами. Что все фильмы о Токио — хитроумные подделки. Туристические путеводители, книги, японцы — все это заговор

с целью заставить меня думать, будто Токио существует.

— Полагаю, вы можете привести доводы в свою пользу?

— Конечно могу. Мы существуем, *все* мы, в своих головах, выглядывая из них через глаза. Общество невозможно, пока мы не поверим в полученные из вторых рук отчеты о каких-то вещах. Поэтому мы устраиваем совместный заговор, чтобы принять то, о чем нам говорят другие, если только не можем понять причину, почему нам лгут. Общество можно рассматривать как заговор безоговорочного принятия недоказуемых истин. Мы работаем над ним совместно, и мы же определяем набор истин, не требующих доказательств.

Она начала говорить что-то еще, но смолкла. Похоже, она раздумывала, следует ли продолжать. И отвлеченно взглянула на Эвелин.

Та поерзала на кровати. Солнце за окном садилось в красно-желтую дымку. И куда подевался день? Кстати, а во сколько она зашла в палату? Она не могла сказать точно. В желудке бурчало, но это ее не очень заботило. Эвелин была в восхищении. Она пребывала в своеобразной истоме — слабости, из-за которой ей хотелось лечь на

кровать.

— На чем я остановилась? А, на непроверенных допущениях… Хорошо. Если мы не можем принять любую информацию, что нам говорят, мы не можем функционировать в обществе. Можно безнаказанно не принимать многое. Можно верить, что мир плоский или что не существует фотонов, черных дыр или генов. Или что Христос не восстал из мертвых. Можно уйти далеко от мнения большинства. Но если создашь совершенно новую картину мира, у тебя начнутся неприятности.

— Но опаснее всего, — отметила Эвелин, — начинать жить в соответствии с этими новыми допущениями.

— Да, да. Мне следовало быть осторожнее. Я могла сохранить это открытие при себе. Или размышлять о нем дальше. Я была уверена, понимаешь ли, но из-за своей глупости должна была получить доказательства. Должна была увидеть, сможет ли мужчина жить с отрезанной головой — наперекор всему, что утверждали все книги по медицине. Должна была понять, что им управляет — мозг или тот паразит.

Барбара ненадолго смолкла, и Эвелин задумалась, о чем бы ее спросить. Она знала, что нет

необходимости о чем-либо спрашивать. Барбару прорвало, и она готова говорить часами. Но Эвелин чувствовала, что должна попытаться и направить ее.

— Я вот гадаю, — вставила она наконец, — почему тебе не понадобился второй случай. Э-э… проверка с другой стороны. Почему ты не убила еще и женщину, чтобы посмотреть…

Волосы у нее на затылке шевельнулись. Из всех возможных тем она не должна была говорить об этом, да еще с убийцей-параноиком! У нее заболело горло. Эвелин сделала усилие, чтобы не шевелить рукой, которой хотелось подняться к шее в слабой попытке защититься. «У нее нет оружия, но она может оказаться очень сильной…»

Но Барбара не подхватила эту мысль. И вроде бы не заметила замешательство Эвелин.

— Глупость! — взорвалась она. — Я повела себя глупо. Конечно, я должна была принять это на веру. Я чувствовала, что права. Я это знала. Но старая научная ориентация в конечном итоге привела меня к эксперименту. *Эксперименту*.

Она выплюнула это слово. Опять сделала паузу, успокаиваясь, и, похоже, вспомнила, о чем говорила.

— Убить женщину? — Она покачала головой

и сухо усмехнулась: — Милочка, это стало бы убийством. Я не убийца. Эти «мужчины» уже мертвы с моей точки зрения. Их убийство — это милосердие и защитный акт. В любом случае, проведя первый эксперимент, я поняла, что на самом деле ничего не доказала. Я лишь опровергла предположение, что мужчина не может жить с отрезанной головой. И это оставляет целый набор вероятностей, понимаешь? Возможно, мозг находится не в голове. Возможно, мозг вообще ни для чего не нужен. Откуда ты знаешь, что находится внутри тебя? Ты когда-нибудь видела свой мозг? Откуда ты знаешь, что ты на самом деле не двухдюймовый карлик, сидящий в комнате управления у тебя в голове? У тебя никогда не возникало такое ощущение?

— А-а…

Барбара попала в общую болевую точку. Не в смысле карлика, который был лишь причудливым способом выразить эту мысль, а в смысле обитания в собственной голове, когда глазницы становятся окнами во вселенную.

— Правильно. Но ты отвергаешь подсознательные ощущения. А я к ним прислушиваюсь.

Свет в комнате быстро тускнел. Эвелин взглянула на голую лампочку под потолком, гадая, когда

та включится. Ее охватывала сонливость, она так устала. Но ей хотелось слушать дальше. Она откинулась еще дальше на кровать и расслабила руки и ноги.

— Может, тебе стоит… — она зевнула, раскрывая рот все шире и шире, не в силах сдержаться. — Извини. Может, тебе стоит рассказать больше об этих паразитах?

— А, хорошо.

Барбара вернулась к стулу и села. Эвелин едва видела ее в тени. Она услышала поскрипывание, как у деревянных салазок кресла-качалки. Но стул не был креслом-качалкой. Он даже не был деревянным. Тем не менее силуэт Барбары двигался медленно и ритмично, а поскрипывание продолжалось.

— Я уже рассказала, что эти паразиты делают. Теперь позволь рассказать, к каким я пришла выводам насчет их жизненного цикла.

Эвелин улыбнулась. «Жизненный цикл. Конечно, он у них есть». Она облокотилась и прислонилась головой к стене за спиной. Рассказ будет интересным.

— Они размножаются асексуально, как и все прочее. Они почкуются, поскольку новые паразиты гораздо меньше взрослых. Затем врачи

имплантируют их женщинам в матку, когда узнают, что те беременны, и они растут вместе с эмбрионом.

— Минутку. — Эвелин немного выпрямилась. — Почему они не имплантируют их всем детям? Почему девочкам разрешено… о, поняла.

— Да. Они нуждаются в нас. Они не могут размножаться сами по себе. Для роста им нужно тепло лона, а оно есть у женщин. Поэтому женщин, которым позволяют оставаться неинфицированными, систематически угнетают, чтобы иметь наготове покорный запас женщин для размножения. Они убедили нас, что мы не можем иметь детей, пока нас не оплодотворят, что есть самая большая ложь.

— Это так?

— Да. Взгляни.

Эвелин всмотрелась в полумрак и увидела Барбару, стоящую в профиль. Ее освещало нечто вроде мерцающего пламени свечи. Эвелин это не удивило, но ее беспокоило странное ощущение. Она скорее гадала, почему ей не любопытно.

Но прежде чем даже это эфемерное ощущение успело ее озаботить, Барбара развязала пояс на своем одеянии и дала ему упасть. На ее животе была плавная выпуклость, безошибочная ранняя

беременность. Она провела по ней ладонью.

— Видишь? Я беременна. Уже четыре или пять месяцев. Точно сказать не могу, потому что у меня не было сношений более пяти лет.

«Истерическая беременность», — подумала Эвелин и стала нашаривать блокнот. Почему она не может его найти? Рука коснулась в темноте блокнота, потом карандаша. Она попыталась писать, но карандаш сломался. Сломался или согнулся?

Она опять услышала, как поскрипывают доски пола. Значит, Барбара села в кресло-качалку. Сонными глазами Эвелин поискала источник света, но не смогла его найти.

— А как у других млекопитающих? — спросила Эвелин, зевая.

— Угу. То же самое. Мне неизвестно, существует ли только один вид паразита, приспособившийся ко всем видам млекопитающих, или у каждого свой. Но самцов не существует. Нигде. Только самки и инфицированные самки.

— Птицы?

— Пока не знаю, — просто ответила Барбара. — Я подозреваю, что сама концепция полов является частью игры. Это такая маловероятная вещь. Зачем нам два пола? Одного достаточно.

«Допускает гибкость суждений», — записала Эвелин. Но нет, ничего она не написала. Блокнот опять потерялся. Барбара зарылась в кучу одеял или мехов на кровати, ощущая тепло и безопасность. Она услышала звук чего-то отодвигаемого.

В дверном окошке, призрачном в свете свечи, показалось лицо мужчины. Это был смотрящий на них санитар. Барбара ахнула и начала садиться, когда свет вокруг нее стал ярче. Послышался звук ключа, поворачиваемого в замке.

Барбара опустилась на колени возле кровати. Ее халат все еще был распахнут, а живот стал огромным. Она крепко сжала руки Эвелин.

— Самое большое разоблачение — это роды, — прошептала она.

Свет на миг всколыхнулся, и металлический скрежет дверной ручки утратил высокие тона, стал низким и растянутым, как звуки проигрывателя, теряющего скорость. Барбара обхватила голову Эвелин и прижала ее к груди. Эвелин закрыла глаза и ощутила натянутую кожу и что-то шевелящееся внутри женщины. Стало темнее.

— Боль. Почему роды должны причинять боль? Почему мы так часто умираем, воспроизводя себя? Так неправильно. Не говорю, что это нелогично — это *неправильно*. Так мне подсказывает

интуиция. Так быть не должно. Хочешь знать, почему мы умираем при родах?

— Да, Барбара, расскажи.

Эвелин закрыла глаза и уткнулась носом в тепло.

— Это из-за яда, который они в нас вводят. — Говоря, она нежно ворошила волосы Эвелин. — Белую жидкость, отход организма. Они говорят, что эта дрянь делает нас беременными, но это ложь. Она корежит нас, даже тех из нас, в ком они не обитают. Она загрязняет лоно, заставляет нас расти слишком большими для родового канала. Когда нам приходит время родиться, девочкам и полудевочкам, мы должны проходить через проход, который был истерзан этим ядом. В результате боль, а иногда и смерть.

— Угу.

В комнате было очень тихо. За окном начали скрипеть сверчки. Эвелин еще раз открыла глаза, поискала взглядом дверь и мужчину. Не смогла их найти. Она увидела свечу на деревянном столе. А это что, камин в другой комнате?

— Но так быть не должно. Не должно. Девственное рождение совершенно безболезненное. Я знаю. И очень скоро узнаю опять. Теперь ты вспомнила, Эв? Вспоминаешь?

— Что? Я…

Она немного выпрямилась сидя, все еще держась за комфортное тепло другой женщины. Где же палата? Где бетонный пол и зарешеченное окно? Она почувствовала, как сердце начало биться чаще, и попыталась освободиться, но Барбара была сильна и тесно прижимала ее к животу.

— Слушай, Эв. Слушай, это происходит прямо сейчас.

Эв опустила ладонь на разбухший живот и ощутила движение. Барбара немного переместилась, опустила руку и достала нечто влажное и теплое, шевелящееся у нее на ладони. Она поднесла это к свету. Девственное рождение. Девочка, крохотная, всего фунт или два, которая не плачет, а с любопытством осматривается.

— Можно ее подержать?

Она всхлипнула, а потом на маленького человечка упали ее слезы. Вокруг толпились и другие люди, но она их не видела. Ей было все равно. Она была дома.

— Тебе уже полегчало? — спросила Барбара. — Можешь вспомнить, что произошло?

— Совсем немного, — прошептала Эв. — Я была… Теперь я помню. Я думала, что я была… это было ужасно. О, Барбара, это было ужасно! Я

думала…

— Знаю. Но ты вернулась. Тебе нечего стыдиться. Это все еще происходит со всеми нами. Мы сходим с ума. Мы запрограммированы сойти с ума, все мы в этом инфицированном поколении. Но не наши дети. Расслабься и понянчи малышку, милая. Ты все забудешь. Это был дурной сон.

— Но он был таким *реальным*!

— Для той, кем ты была. Теперь ты вернулась к друзьям, и мы выигрываем сражение. Мы не можем не победить — у нас есть чрево. И с каждым днем наших детей становится все больше.

«Наших детей». Ее детей, и Барбары, и… и Карен, да, Карен. Она подняла взгляд и увидела старых друзей, которые ей улыбались. И Клару, а вот и Джун, и Лора! А там Саша со своими детьми. И… кто это? Это же…

— Здравствуй, мама. Тебе сейчас лучше?

— Намного лучше, дорогая. У меня все хорошо. Барбара помогла мне это преодолеть. Надеюсь, такое не повторится.

Она шмыгнула и вытерла глаза. Села, все еще баюкая малышку.

— Как ты ее назовешь, Барб?

Барбара улыбнулась, и Эв в последний раз увидела призрачные очертания палаты, синего

халата, доктора Барроуза. Они растаяли навсегда.

— Давай назовем ее Эвелин.

Первозданное слово

От: Джона Варли
97444
Юджин, штат Орегон, Моцарт-плейс, 555
Кому: Сьюзан Эллисон, редактору «Беркли букс»
10010
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, Беркли Билдинг 1, Мэдисон-авеню

Дорогая Сьюзан!

Мы с вами уже говорили о текстовых процессорах[11] и о том, что я — один из последних писателей-фантастов, который не пользуется ими. А теперь я чувствую, что пришло время предпринять решительные действия против этой компьютерной напасти.

Я хочу, чтобы эта заметка была опубликована перед титульной страницей моей новой книги и всех последующих книг, а также всех переизданий произведений, написанных мною. Хотя

---

[11] Примечания: 11

Изначально текстовыми процессорами называли специализированные устройства для набора и редактирования текста, нечто среднее между печатной машинкой и компьютером.

подобный способ саморекламы и вызывает лично у меня глубочайшее отвращение, мне кажется, пришло время высказаться, пока еще не Слишком Поздно. К тому же не исключено, что люди, разделяющие мои чувства, будут охотнее покупать мои книги.

Вы можете поинтересоваться, что такое «Байки Варли»®? Так вот, я провел небольшую реорганизацию, отчасти это связано с налогами, отчасти — с другими причинами. В итоге я создал корпорацию, которую назвал «Байки Варли. Инк.», чтобы продавать и рекламировать мои книги. Мне давно уже следовало этим заняться. Так что теперь вы можете перечислять все мои роялти на счет компании «Байки Варли».

С наилучшими пожеланиями,

Джон

Первозданное слово

Немного о «Байках Варли»®

Этот логотип служит доказательством того, что при работе над данным произведением не применялись текстовые процессоры.

Каждая «Байка Варли»® создается с помощью исключительно натуральных ингредиентов: чистейшей бумаги, красящей ленты для машинописной печати, шариковых ручек, мыслей и

творческого вдохновения. Все правки вносятся в рукопись исключительно моей рукой. Финальный черновик с любовью перепечатывается слово в слово с использованием самого лучшего шрифта, который мне только удалось найти. И никаких матричных принтеров!

Рукопись каждой «Байки Варли»® пересылается почтой США отправлением первого класса в прекрасные офисы издательской группы «Беркли/Патнем», располагающиеся на Манхэттене в Нью-Йорке. Ни одного слова не передается через модем.

Ни Единого Слова!

Затем каждая «Байка Варли»® попадает в руки квалифицированных специалистов, мужчин и женщин, которые научились своему ремеслу от родителей, а те, в свою очередь, переняли это искусство у своих родителей… многие из них используют те же самые инструменты, что и их деды и прадеды, и даже сидят в тех же самых офисах. Команда первоклассных корректоров корпит над манускриптом, записывая исправления карандашом на широких полях, оставленных специально для этих целей. Курьеры снуют по огромному зданию издательства «Беркли», перенося «Байки Варли»® с этажа на этаж, доставляя

их искусным редакторам, умным арт-директорам и величественным вице-президентам.

Когда все готово, «Байки Варли»® спешно отправляют наборщику, который снова перепечатывает рукопись слово в слово на шрифтонаборной машине. Затем массивные печатные формы доставляют в типографию в Нью-Джерси, где до сих пор используются технологии, не претерпевшие серьезных изменений со времен Гутенберга[12].

И каков же конечный результат? Книга, которую вы теперь держите в руках, это лучшая книга, какую только можно создать в современной экономической обстановке.

Так что ищите этот логотип, отпечатанный на машинке. Он — символ качества, гарантирующий, что вы имеете дело со стопроцентно первозданной литературой!

Кому: Джону Варли
97444
Юджин, штат Орегон, Моцарт-плейс, 555

Дорогой Джон!
Вы просили написать вам сразу же, как только

---

[12] Примечания: 12
Иоганн Гутенберг (1400–1468) — немецкий изобретатель, пионер книгопечатания.

мы получим информацию о продажах вашей новой книги. Как вам уже известно, мы поместили ваш «рекламный» текст в соответствии с вашей просьбой сразу после титульного листа. Книга продается уже месяц, и я с сожалением вынуждена констатировать, что «рекламный» текст не оказал никакого влияния на конечный результат. Новый сборник продается точно так же, как и предыдущие.

Тем не менее мы получили несколько странных писем, которые я пересылаю вам в отдельном конверте.

Джон, я не уверена, что читателям так уж важно, как именно было написано произведение: на печатной машинке, на текстовом процессоре или же перьевой ручкой и чернилами. Я знаю, что для вас этот вопрос принципиален, и я была рада помочь вам попытаться донести до читателей ваше послание, но, возможно, нам пока стоит забыть о нем. Если в ближайшее время я не получу от вас ответа, то я отправлю в печать двадцать восьмое переиздание «Феи» без логотипа «Баек Варли» на обложке.

Всегда ваша,
Сьюзан Эллисон

Кому: Сьюзан Эллисон, «Беркли»

Дорогая Сьюзан!

Разумеется, для них это важно! Вам не убедить меня, что наши читатели не способны увидеть отличия, когда они настолько очевидны для любого грамотного человека. Просто в последние годы у них не было выбора… и, что еще важнее, до них не донесли эту мысль. Я боюсь, что ошибкой было помещать мое послание только лишь в книгу, ведь мои читатели и так согласны со мной. Теперь я хочу, чтобы вы использовали рекламный бюджет на новую книгу и вместо стандартной промоакции, выпустили бы техническое руководство к данной книге. Я хочу, чтобы эта заметка появилась во всех изданиях, посвященных книготорговле, а также разместите ее во всех национальных журналах, на которые у нас хватит средств. И нет, я не хочу, чтобы вы удаляли мое первое послание из последующих тиражей «Феи», пускай новое послание опубликуют на плотной бумаге, вроде той, которую используют для рекламы сигарет посередине книги. Не обязательно делать его полноцветным, достаточно лишь выделить красным подчеркнутые фрагменты.

Джон

Почему именно «Байки Варли»®?

Возможно, вы спросите себя: «Почему мне следует читать «Байки Варли»® от издательства «Беркли», когда так много более дешевой, обработанной текстовым процессором литературы, которая помогает мне засыпать по вечерам?

Вот лишь несколько причин, которые мы в «Байках Варли»® хотим до вас донести:

«Обработанная» литература может содержать в себе опасные дополнения.

Когда литература создается с помощью текстового процессора, то микропроцессор преобразует каждое нажатие на клавишу в серию «включающих» и «выключающих» сигналов. Некоторые из этих сигналов отображаются на мониторе. Остальные же электронные компоненты программы помечают «ярлыками», а затем сохраняют в «памяти», чтобы впоследствии извлекать оттуда. Это неизбежно приводят к тому, что ярлыки прилипают к словам и никакая последующая компьютерная обработка не может их «смыть». Хуже того, находясь в памяти, эти слова могут подвергнуться стороннему вмешательству: скачкам напряжения, изменениям магнитного поля Земли, пятнам на Солнце, разрядам молнии и даже прохождению кометы Галлея, которое должно случиться в 1986 году… и будет повторяться каж-

дые 76 лет! «Байки Варли»® гарантируют, что в их словах нет никаких идентификационных кодов, программ форматирования, никаких грубых языков программирования вроде «Фортран» или «Кобол», содержание этих текстов не «замылилось» от посторонних манипуляций (из-за постоянного вмешательства программы текстового процессора).

Дискеты — недостаточно «честные» носители.

Только представьте себе, когда «текстовый процессор» отключается, все слова, которые он или она заносили в него… исчезают! Экран становится темным. Не существует больше никаких слов, кроме закодированных сообщений на куске пластика под названием «дискета». И извлечь эти слова можно, лишь подвергнув диск сверхскоростному процессу, способному навредить словам. Поэтому слова, которые находятся на дискете, — это нелюбимые слова, влачащие жалкое неполноценное существование в памяти до тех пор, пока их внезапно не выплевывает на огромной разрушительной скорости матричный принтер, прожигая ими страницы!

Слова «Баек Варли»® поступают непосредственно из головы писателя и сразу печатаются на страницах, минуя опасные для них промежу-

точные этапы. Ночами, когда печатная машинка отключена, они мирно отдыхают в уютных стопках бумаги на столе писателя, зная, что о них заботятся, что их холят и лелеют.

Микропроцессоры — антиамериканские по своей сути.

Все верно, антиамериканские. Внутри каждого микропроцессора находится микрочип. Из-за дешевой рабочей силы эти чипы изготавливают в местах вроде Тайваня, Сингапура, Гонконга, а также в Японии. Мы в «Байках Варли»® не имеем ничего против японцев (хотя нападение на Перл-Харбор было весьма трусливым, вы не находите?), но задайте себе вот какой вопрос: «Вы хотите доверять свое драгоценное литературное творчество машинам, которые даже не говорят по-английски?»

Так что обратитесь к владельцам бакалейных магазинов, аптек, книжных магазинов, к менеджерам в аэропортах, пусть сегодня же к ним поставят партию «Баек Варли»® от издательства «Беркли». И когда в следующий раз вам предложат прочитать «обработанную» литературу, вы сможете ответить:

«Нет, Спасибо! Я лучше почитаю «Байки Варли»®!»

Кому: Джону Варли
97444
Юджин, Орегон, Моцарт-плейс, 555

Дорогой Джон!

Как вы уже могли убедиться, я выполнила вашу просьбу. Но, надо сказать, это было непросто. Мне пришлось яростно сражаться за рекламный бюджет, каким бы он ни был, и изрядно потрудиться, пытаясь все это организовать и убедить всех, что вы хотите разместить другой материал вместо заранее подготовленной нами рекламы.

Позвольте дать вам совет, друг мой. Вы не единственный автор «Беркли». Я и так сделала вам огромное одолжение. И мне грустно об этом говорить, но, судя по всему, рекламная кампания провалилась. Все издания: «The Times», «Rolling Stone», «Publishers Weekly», «Variety», «USA Today», «Locus» опубликовали материалы с негативной оценкой рекламы. Возможно, вы теперь убедитесь, что, в отличие от вас, большинство людей не переживают так сильно из-за распространения текстовых процессоров.

И еще один момент, о котором вы, возможно, не задумывались. Все остальные авторы «Беркли» пользуются текстовыми процессорами. Многие из них звонили нам или писали по поводу вашей

рекламы. Пока что, судя по их тону, они просто удивлены, но я боюсь, что если вы продолжите в том же духе, ситуация может ухудшиться. Понимаете, они начинают подозревать, что вы таким образом пытались негативно высказаться об их творчестве.

По одной только этой причине я вынуждена отозвать ваши рекламные материалы из печатных СМИ, а также отменить рекламу на радио и телевидении. На следующей неделе в типографию уходит сорок третий тираж «Титана», и в нем не будет ни знака качества «Баек Варли», ни двухцветного вкладыша.

Искренне ваша,
Сьюзан.

Дорогая Сьюзан!

Вы не можете так поступить со мной! Вы просто не даете этой идее шанса. Разумеется, вам пришлось столкнуться с сопротивлением. Мысль о том, что текстовые программы могут наносить вред литературе, слишком непривычна для большинства людей. Помните, как в 60-е люди противостояли идеям экологии? Помните, как Комиссия по атомной энергетике убеждала нас, что радиация полезна? Это примерно то же самое. Нужно спасать слово, пока еще не поздно.

И я хочу от вас следующее. Забудьте о рекламе книги. Мне нужно, чтобы вы занялись адресной почтовой рассылкой. Возможно, вам удастся составить список тех, кто когда-либо голосовал за Юджина Маккарти[13]. Разошлите им экземпляры моего разоблачения. Пусть у них откроются глаза.

Мне непросто было добыть эти высказывания. Я надеюсь, что вы со своей стороны сделаете все, что в ваших силах. И да, я уверен, что ваши юристы доставят вам немало хлопот по поводу некоторых приведенных здесь высказываний, но вы сами убедитесь, что я не стал указывать имена людей, причастных к этому.

Да здравствует первозданное будущее!..

Джон

Позор MacWrite[14]

Материал подготовлен для вас

«Байками Варли»®

Обителью Первозданного слова

Мы еще не до конца осознаем этот факт, од-

---

[13] Примечания: 13

Американский политический деятель и сенатор, противник войны во Вьетнаме.

[14] Примечания: 14

Первый текстовый редактор, выпущенный компанией «Apple Macintosh» в 1984 году.

нако в Америке растет целое поколение людей, которые никогда не читали первозданных слов, никогда не слышали ни одной строчки диалога, не обработанного с помощью компьютера. Это само по себе довольно трагично… но не задумывались ли вы о том, какое воздействие текстовый процессор оказывает на современных писателей? Многие из них никогда даже не видели печатную машинку. Их знакомство с ручками и чернилами ограничивается лишь подписыванием чеков, чтобы заплатить за новые программы для персональных компьютеров.

И теперь, медленно и вероломно, не привлекая к себе лишнего внимания, постепенно начинает проявляться результат возникновения этих новых игрушек.

Мы в «Байках Варли»® считаем, что пришло время заявить об этом, сорвать покров тайны, который до сих пор мешал писателям выступить и рассказать о своем стыде, душевных муках и глубочайшем разочаровании. Возможно, вы лично не знакомы ни с кем из писателей. По крайней мере, у большинства людей нет знакомых писателей. Поэтому мы хотим донести до вас несколько фактов:

Факт № 1: Писатели не умеют обращаться с

деньгами, они обожают новые блестящие игрушки.

Писатели в большинстве своем простые люди. Испытывают неловкость в отношениях с другими людьми, их легко обмануть, они, как дети, стремятся нравиться, мало кто из писателей может похвастаться тем, что у него было нормальное детство. Большинство из них росли мечтателями, у которых не было друзей и которые постоянно становились объектами насмешек и издевательств со стороны одноклассников. Живя в мире своих фантазий, создавая свои «литературные произведения», они оказались плохо подготовленными к тем ловушкам, которые таят в себе деньги и технологии.

Факт № 2: Писателей можно разделить на два типа — компульсивные и прокрастинаторы.

Писатели, относящиеся к типу А, согласны усердно работать, без сна, еды и воды. Их литературная деятельность отличается потрясающей продуктивностью. Многие утверждают, что они готовы писать, даже если им за это не будут платить, — это тревожный сигнал.

Писатели, относящиеся к типу Б, живут для того, чтобы затачивать карандаши, наводить порядок на столе, создавать мудреную систему

хранения документов, отвечать на телефонные звонки и открывать дверь. В продуктивный день писатели категории Б способны создать в лучшем случае половину параграфа, который к концу дня может оказаться в мусорной корзине. Такие писатели способны работать только при наличии жестких сроков. И пользуются любым поводом, чтобы покинуть свое рабочее место.

Вывод: текстовый процессор — совершенно неподходящий для писателей инструмент.

Если вы не верите этому, то послушайте истории о некоторых самых тяжелых проявлениях компьютероголизма, добровольно рассказанные жертвами этого недуга.

«С.К.», Джерусалемс-Лот, штат Мэн. Я был одним из первых писателей, прибегших к помощи текстового процессора. Видит Бог. Если бы я только знал… если бы! Я всегда был плодовитым автором. Я пишу каждый день, кроме Ночи Гая Фокса, Дня взятия Бастилии и годовщины резни в День святого Валентина. После того как я купил компьютер, моя производительность возросла многократно. Родные могли не видеть меня по несколько дней… а затем и недель! Каждые три месяца я отсылал в издательство новый роман… кроме того, я каждый день писал и продавал дю-

жины рассказов. Одной из главных проблем для меня стало придумывание новых псевдонимов, и эта задача пробудила в моей душе глубокое чувство ужаса. Вы когда-нибудь слышали про Джона Джейкса? Так вот, на самом деле это я. А как насчет Артура Хейли? Бьюсь об заклад, что уж про него вы точно слышали! Это тоже я! А также Колин Маккалоу, Уильям Голдман и Ричард Бахман… Джон Д. Макдональд на самом деле умер в 1976 году… но никто об этом не знает, поэтому я взял себе его имя! Вскоре я начал писать сценарии для фильмов. (Вы слышали про Стивена Спилберга? Это тоже я.) В 1980 году я создал целую линейку книг для серии любовных романов «Арлекин романс». Я зарабатывал деньги быстрее, чем «Дженерал Дайнемикс»[15], а мои дети забыли, как выглядит их отец. Как только я садился за стол и запускал мой текстовый процессор, со мной происходили странные изменения. Я будто становился одним из этих людей, под чьими псевдонимами писал. Друзья по ошибке принимали меня за Трумена Капоте или Дж. Д. Сэлинджера. Но я мог бы со всем этим смириться… если бы не мои дети. Сейчас я слышу их голоса, они плачут

[15] Примечания: 15

Один из крупнейших производителей военной и аэрокосмической техники.

на кухне. «Мамочка, мамочка, — рыдают они. — Кем сегодня стал папа?» Если бы я смог уберечь хотя бы одного писателя от этого кошмара… если бы… если бы…

«С.Р.», Галифакс, провинция Новая Шотландия. Раньше я писал карандашом на бумаге — для первых черновиков я никогда не пользовался печатной машинкой… и так продолжалось до того момента, пока кто-то не убедил меня купить компьютер «Макинтош», известный также под прозвищем «Жирный Мак». Мне он очень понравился! Месяца три или четыре я учился печатать на нем и написал семьдесят или восемьдесят писем. Я приобрел программу «MacPaint» и вскоре начал создавать чудесные картины, которые распечатывал на матричном принтере и показывал своим друзьям. Затем я купил программу «MacAlien» и каждый день часами развлекался тем, что пытался убежать от космических монстров, которые хотели сожрать меня заживо. (В программе «MacWrite» до сих пор есть несколько глюков, но я знаю, что смогу с этим справиться… когда-нибудь… когда у меня дойдут до этого руки… mañana[16]… к чему спешить?) А пока я

[16] Примечания: 16
Завтра утром (исп.).

слишком хорошо провожу время.

Да, вы наверняка подумаете, что я отношусь к писателям типа Б. Я всегда легко находил оправдание, чтобы не писать… а с маком это стало еще проще! Скоро наступит зима, я пропустил дюжину сроков сдачи работ, моя семья голодает, а в дверь стучатся коллекторы.

Слава богу, что есть люди из «Баек Варли»®!

Они услышали о моем бедственном положении и поспешили ко мне, привезли печатную машинку, несколько пачек бумаги и коробку карандашей.

Я знаю, что обратный путь к обретению душевного равновесия будет долгим… но я думаю, что с помощью людей из «Баек Варли»® я смогу его пройти!

«Д.Т.», Окленд, штат Калифорния.

Я будто заново родился!

Именно так я говорил друзьям, когда перешел на текстовый процессор. Легкость, скорость, универсальность… Я начал покупать новые программы, как только они поступали в продажу. Даже поучаствовал в тестировании некоторых, созданных моими друзьями из компьютерной индустрии, еще до того, как они поступили в продажу. Сначала мне очень понравился «МакС-

южет». Когда вы загружаете программу, она предлагает вам альтернативные развития сюжета… и одновременно проводит глобальный поиск среди всемирной литературы, написанной за все время ее существования, чтобы проверить, не оказалась ли ваша идея чересчур избитой. Вскоре мои друзья скопировали эту программу, и мы все стали ее использовать. Затем пришло время «МакКульминации». Эта программа анализирует вашу прозу, находит в ней наиболее яркие моменты и добавляет слова и фразы, которые еще больше их усилят. Вы все знаете, что текстовые процессоры способны оказать вам помощь, если вы решите изменить имя персонажа во всем произведении. Благодаря программе «МакПерсонаж» я смог превратить нытика в героя; пресвитерианца в инопланетянина, страдающего от безысходности бытия; или полководца четырнадцатого века в мексиканского сборщика винограда… всего лишь несколькими нажатиями клавиш… и при этом в логике повествования не возникало никаких ошибок! Вскоре я скупил все программы: «МакКонфликт», «МакДиалог», «МакДетектив», «МакВестерн», «Убрать-все-деепричастия», «ВижуТему», «МакСделка-с-дьяволом».

Затем я обратил внимание на одну странность.

Я отношусь к писателям типа А, как и мистер «С.К./Бахман/Голдман/ит.д.». Я чувствую себя несчастным, если не могу писать почти весь день. А теперь писательство стало настолько легким, что я мог просто напечатать первую строку, нажать на несколько клавиш, откинуться на спинку кресла и наблюдать за тем, как моя история пишется сама собой. Это было так просто, что я почувствовал себя несчастным. Сегодня мне по почте доставили программу «МакПерваяСтрока», но я не думаю, что буду ею пользоваться. Мне кажется, что вместо этого я покончу с собой.

Почему еще не создали программу «МакХара-Кири», которая генерировала бы посмертные записки?..

Правда, печально? И у меня не хватит времени, чтобы рассказать вам о том, какие огромные деньги писатели выбрасывают на дорогие компьютерные системы, устаревающие всего за несколько недель; или распечатать все бесчисленные признания авторов, потоком хлынувшие в «Байки Варли»® после того, как начался этот крестовый поход во имя спасения слова.

Мы пытаемся помочь. А вы готовы нам в этом поспособствовать? Только с вашей помощью нам удастся задавить этого жуткого убийцу, эту

скрытую болезнь под названием «Компьютероголизм». Сегодня же напишите вашему конгрессмену. Создайте комитет. Жертвуйте щедро на его деятельность. Участвуйте в голосовании.

И не забывайте… покупать и читать «Байки Варли»® от издательства «Беркли».

Дорогой Джон!

Ну ладно, всему есть предел! Не думаю, что вы это понимаете, но, выполняя вашу последнюю безумную просьбу, я сильно рисковала своей карьерой. Если вы полагаете, что я стану публиковать и рассылать по почте эту обличительную тираду, то вы сильно заблуждаетесь.

Я взяла на себя смелость и показала это нашим юристам. Вы сказали, что скрыли настоящие имена, но много ли, по вашему мнению, писателей проживает в Галифаксе, в провинции Новая Шотландия? Или, если уж на то пошло дело, в штате Мэн? И вы хотя бы представляете, сколько денег зарабатывает этот человек? Достаточно, чтобы следующие двадцать лет вы не выходили из зала суда.

Возможно, впоследствии я пожалею о сказанном, но мне очень хочется снять этот груз с души, поэтому я вот что скажу. Во-первых… ведь тогда в вашем первом послании вы шутили? Когда

говорили, что «это лучшая книга, какую только можно создать в современной экономической обстановке»? Позвольте напомнить вам, что мы, редакторы, усердно работаем и стараемся добросовестно подходить к своим обязанностям. У нас редко выделяются большие средства на рекламный бюджет. И теперь «Демон» был напечатан на газетной бумаге. Так что, если хотите, можете подать на меня в суд.

Что же касается ваших страшных историй про невероятно плодовитых авторов… ох, как бы я хотела, чтобы у нас в самом деле такие были! Тут я, конечно, могла бы рассказать кое-что о сорванных сроках. Кстати, вы читали, какое мнение высказали Норман Спинрад и Альгис Будрис о двух ваших последних эпопеях? Так что довольно всех этих разговоров о превосходстве, присущем печатным машинкам.

Не забывайте, что «ТИТАН» — части четыре, пять и шесть — должны быть сданы к концу месяца. Может случиться так, что редакторы в «Беркли» не станут больше проявлять к вам лояльность, когда вы в следующий раз попросите передвинуть срок сдачи рукописей.

Всегда ваша,

Сьюзан

Кому: Сьюзан Эллисон
«Беркли Паблишинг»
Нью-Йорк

Дорогая Сьюзан!

Перестаньте! Не нужно так расстраиваться. Черт возьми, вы же не подумали, что я это серьезно, правда? Видите ли, я недавно беседовал с Харланом Эллисоном, и хотя он согласен с моей принципиальной позицией против текстовых процессоров, он считает, что вся эта затея с «Байками Варли» слишком уж отдает саморекламой.

Но, помимо этого, как вы сами могли догадаться, по дырочкам НА краю листа, я купил себе текстовый процессор. (Прошу прощения за этот шрифт, но мой принтер с машинописным качеством печати снова вышел из строя. Я использую старый принтер, его еще называют «плевальщиком слов», который позаимствовал из дома «Д.Т.» в Окленде.) Я напечатал это письмо на офисном компьютере «Энни», произведенном компанией «Экксон». Как вы, возможно, слышали, «Экссон» ушел из компьютерного бизнеса после нескольких лет плохих продаж. Поэтому я купил эту машину по бросовой цене. Всего за 5000$ я получил более мощный компьютер, чем тот, с помощью которого НАСА отправляли людей

на Луну в 1969 году, с дисководом, с «порошковым» принтером, с монитором, прозрачным, как пенджабские кристаллы, и с маленьким устройством, напоминающИМ мышку «Эппл», только у «Экссон» она называется «АСП»[17]. Мне сказали, что теперь этот компьютер — сирота, но это не важно, ведь на него можно установить некоторЫе программы «Эппл», а продавец — мистер Панглосс — заверил меня, что «Экссон» по-прежнему обслуживает свои компьютеры и производит для них новые программы.

Пока что у меня не было повода усомниться в его словах. Лазерный сверхскоростной «порошковый» принтер ломался уже восемь раз, и администратор сервисной службы, мистер Голдберг, всегда готов приехать в течение недели или двух. (Прямо сейчас он у меня — Здорово, мужик! — Так что совсем скоро я снова смогу подключить свой принтер. Он говорит, что там просто опять закончились фотоны.) Я пустился во все тяжкие. Использовал программу «MACWARBUCKS», чтобы вести учет доходов и расходов и составить финансовый план на будущее. Я стал намного больше писать. Совсем скоро

---

[17] Примечания: 17

АСП — англосаксонский протестант; расово чистый американец.

вы получите две трилогии и еще пять романов. Сегодня утром я пытался переслать через модем вам роман, но то ли дело в моем компьютере, то ли в вашем вычислительном центре, то ли старушка телефонная компания «Белл» подвела, но он затерялся в пути. Не страшно. Там, откуда он появился, осталось еще много таких!

Я решил облегчить жизнь вашей бухгалтерии, которая выписывает мне чеки. В будущем я буду вместо подписи ставить мой универсальный писательский код (УКД), который я привожу ниже. Гильдия писателей недавно одобрила ЕГО. Так что прощай, Джон Варли, и здравствуй, 2100061161… но вы можете называть меня просто 210, если вы все еще считаете меня своим другом.

Валентинка

В соавторстве с П. Дж. Бизом

Холодным январским понедельником ровно через минуту после полуночи поэты объявили забастовку. В считаные часы вся стихотворная индустрия страны замерла.

Большинство американцев узнали эту новость за утренним кофе или при просмотре ранних ток-шоу по телевизору. Сто человек ходили по кругу, утаптывая снег перед Нью-Йоркской публичной библиотекой, в руках у них были плакаты с наспех нацарапанными лозунгами, и они скандировали: «Розы красные / Деньги зеленые / Мы отвергаем предложение ваше/ Оно слишком подлое».

Вашингтон пришел в замешательство. Ходили слухи, что обе стороны были уже готовы уладить разногласия. Кто-то даже говорил, что неофициальное соглашение было достигнуто, и поэтому рифмоплеты будут продолжать свою работу без контракта. А представитель Федеральной служ-

бы посредничества и примирения[18] уже ждал своего часа, чтобы выйти на сцену.

Затем незадолго до полуночи руководители компаний отказались менять свою позицию относительно предложенного им введения ограничений на импорт хайку и мантр, которые создавались с привлечением дешевой иностранной рабочей силы. Представители профсоюза спешно покинули переговоры, и через несколько часов пикеты возобновились.

Сначала никто не видел особых причин для тревоги. В ходе инвентаризации были выявлены значительные залежи стихотворных материалов. Работники поэтических хранилищ и дилеры утверждали, что можно продолжать деятельность, используя те стихи, которые уже имелись в наличии — их создали по условиям предыдущего контракта. Страна ненадолго смогла спокойно вздохнуть.

И хотя забастовки проходили повсеместно, в скором времени все внимание было приковано к городу Канзас-Сити. Местные поэты так и не вступили в профсоюз, и аналитики сходились во мнении, что, если «Поэтическая столица Аме-

[18] Примечания: 18

Федеральное агентство, занимающееся посредническими услугами при возникновении разногласий между профсоюзами и корпорациями.

рики» продолжит свою работу, это позволит переломить профсоюзу хребет.

В течение дня операторы с разных телеканалов осаждали ворота большого поэтического предприятия компании «Холлмарк»[19]. Профсоюз придумал короткие лозунги и речовки для трехсот бастующих. Особенно прессе понравились шесть плакатов, которые все вместе складывались в следующие строки: «Замена может / Еще хуже стать / Нашим стихам / Замену / Вам не сыскать. / «Бурма-шейв»[20].

К вечеру к большим воротам поэтического предприятия «Холлмарк» стали стекаться труженики второй смены, а работники первой смены направились к своим машинам. Пикетирующие, которых было намного меньше, оказались в центре этой толпы. Люди вели себя неспокойно, казалось, что в любой момент может начаться

[19] Примечания: 19

Крупная американская корпорация с головным офисом в Канзас-Сити. Занимается производством открыток, сувениров, подарочной упаковки, а также имеет свой телеканал.

[20] Примечания: 20

Намек на знаменитую рекламную кампанию фирмы по производству пены для бритья «Бурма-шейв», в которой использовались маленькие стихотворные тексты. Вдоль дороги на небольшом расстоянии друг от друга устанавливались рекламные щиты, на которых размещались короткие рифмованные строки, рекламирующие товар, а на последнем щите было указано название фирмы — «Бурма-шейв».

побоище. Когда с одной стороны кто-нибудь выкрикивал пылкий дифирамб, другая отвечала ему не менее остроумной каталектикой[21]. Полицейский отряд, вызванный для разгона демонстрации, был приведен в состояние боевой готовности.

Затем Онуса Трончи — президента местного профсоюза — водрузили себе на плечи два крепких стихоплета, еще несколько часов назад бывшие членами профсоюза водителей-дальнобойщиков, с которым был объединен поэтический профсоюз. Пронзительным, дрожащим от возбуждения голосом Трончи экспромтом зачитал свой «Сонет рабочих», которому в скором времени суждено было стать знаменитым:

О вы, кто свет хранит в сердцах людских,

И кто поведал всем о грезах мира,

Насилья не приемлет ваш свободный стих,

И пусть сплотит вас пламенная лира.

Отпор давая алчности и злобе,

[21] Примечания: 21

Особенность стихосложения, при котором последняя стопа урезается на один и более слогов.

Мы в душах разожжем огонь, как в очаге,
Величие таится в каждом нашем слове,
И не растратим мы его в борьбе.

Друзья, поднимем вместе наше знамя!
Пойдем вперед и не замедлим шаг,
Да не угаснет это праведное пламя,
Пока поверженным не рухнет враг.

Перо поэта – острый меч его,
Вовек с ним не сравнится ничего.

Сонет произвел сногсшибательный эффект. Некоторые сравнивали его с драматичной импровизированной балладой Сирано в зрительном зале Бургундского отеля[22], другие — с речью Марка Антония на похоронах Цезаря[23]. Критики лишь презрительно усмехались подобным оценкам, но вторая смена так и не явилась за свои рабочие столы на предприятии «Холлмарк». В течение нескольких часов массивные печатные станки

---

[22] Примечания: 22
Из пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак».

[23] Примечания: 23
Из трагедии Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь».

выпускали открытки без поздравительных стихотворений, а затем и вовсе остановились.

На следующий день в новостях сообщили о том, что поэты затеяли все это всерьез и надолго и что они не боятся играть жестко.

Большинство потребителей надеялись, что возникший в результате забастовки дефицит можно будет ликвидировать с помощью местных библиотек. Но ничего подобного не случилось. В последующие месяцы поэты организовали секретные группы, которые смели литературу с библиотечных полок по всей Америке. Как впоследствии удалось доказать, некоторые оформили на себя по две тысячи книг. Разумеется, это невозможно было устроить без внутренней поддержки. Были опрошены сотни сочувствующих библиотекарей… и некоторые из них сами оказались членами профсоюза.

Но дело было сделано, и голодная до стихов нация лишилась доступа к выпущенным ранее поэтическим сборникам. Поэты поклялись, что не вернут книги до тех пор, пока не завершится забастовка. На первой странице «Washington Post» появилась фотография с пустыми полками в разделах «Литература» и «Американская литература» в Библиотеке Конгресса. Рядом можно было

увидеть фото одинокого и несчастного сборника стихов Э. Э. Каммингса, который по ошибке попал в раздел «Грамматика и пунктуация» в филиале библиотеки в Цинциннати.

Президент объявил, что берет время для размышления до следующего понедельника, когда, по его словам, он ожидает, что противоборствующие стороны снова сядут за стол переговоров. Затем он пригрозил уволить каждого поэта, находящегося на государственной службе, если она или он не вернется к понедельнику на свое рабочее место. Он продолжал нелестно отзываться о людях, которые берут в библиотеках книги и не возвращают их вовремя. И назвал этот поступок антиамериканским. Многие американцы были с ним в этом солидарны.

К концу недели начали ощущаться экономические последствия забастовки.

Пять маленьких библиотек при художественных колледжах закрыли свои двери после занятий в пятницу. К середине следующей недели их численность выросла до пятнадцати. В государственных школах стали заменять самостоятельное прочтение книг на уроки литературы.

Участники мюзикла «Кошки» устроили коллективный кошачий протест. Они вышли на него,

все до последнего кота. Старик Дьютерономи и Рамплтизер выступили от их лица и поклялись, что не покинут пикет до того момента, пока не завершится забастовка.

Журнал «The New Yorker» объявил, что после следующего еженедельного выпуска они приостанавливают публикации. Большинство его сотрудников уже вышли на пикеты. Новые поэтические материалы прекратили поступать, и это приводило к возникновению брешей в издании, которые руководству просто нечем было заполнить. Другие крупные журналы страны не пострадали… «что лишь доказывает нашу точку зрения», — заявляли лидеры протестующих.

К субботнему ланчу завсегдатаи китайских ресторанов стали обнаруживать, что печенья с предсказаниями пустые. Писатели тоже вышли на забастовку, чтобы проявить солидарность с братьями по перу.

Детские сады и ясли опустели, ведь в них больше не читали детских стишков. Некоторые все еще продолжали работать за счет плохоньких виршей, сочиненных их сотрудниками, но многие закрылись, и это вызвало цепную реакцию во всей экономике. Работающие матери тщетно пытались найти альтернативу. За одну ночь в

стране появились миллионы детей, которых оставляли без надзора.

Свадьбы, дни рождения, юбилеи… так или иначе, забастовка затронула все эти праздники. Но два вида государственных учреждений пострадали особенно сильно и в очень короткие сроки. Речь шла об американских больницах и моргах.

Как же унизительно было присылать больным и травмированным людям открытки с банальностями вроде «Поправляйся скорей!». Многие предпочитали отказаться от открыток с текстом и ограничиться цветами и визитками. При этом отправители и получатели испытывали одинаковую неловкость. Посылать же бывшие в употреблении стихи людям, которые недавно потеряли родных… было просто немыслимо.

Некоторые решались на отчаянный шаг и сами пытались выразить свои чувства на пустых открытках. В скором времени все газеты начали публиковать эти совершенно никчемные примеры.

«Нам приходится признать, — говорилось в редакционной колонке «New York Times», — что наши люди никогда не отличались четкостью формулировок. Кто в этом виноват? Слабая система образования, тлетворное влияние те-

левидения, пренебрежительное отношение к своему языку в целом? В данный момент это уже не имеет значения. Америка стала посмешищем в глазах всего мирового литературного сообщества. Такого поражения мы не знали со времен развития космической программы. Мы не смогли наделить наш язык красотой, чувством, вдохновенностью… иными словами, поэзией. Мы призываем наших лидеров уладить все разногласия, завершить забастовку и вернуть к работе наших стихотворцев».

Но этот призыв так и не был услышан. Руководители предприятий, помня о недавних победах над авиадиспетчерами и профессиональными игроками в футбол, отказывались сесть за стол переговоров с лидерами поэтов. Бастующие также ужесточили свои требования. В дополнение к ограничениям на импорт и возможности чаще и больше публиковаться в крупных журналах, профсоюз теперь требовал создать свою церемонию награждения наподобие «Оскара» и демонстрировать его по телевидению. Также они настаивали на увеличении гонораров.

В ответ на обвинения, что вся его деятельность была лишь циничной уловкой для выколачивания денег, Теодор Станс — президент местного

профсоюза района Квинс в Нью-Йорке — зачитал в телешоу «Лицом к нации» свое стихотворение:

ЗАЛОЖНИКИ

Неприступные стены ледяной отрешенности
Отгородили вас от ваших мечтающих сердец,
Замерших в неподвижной косности. А
Время уносится на суровых арктических ветрах.

Простите, но вы – бездушные создания,
Блуждающие по студеной, бесчувственной степи,
Пленники холодного отрицания.
И все равно вы не
Смягчитесь.

Мир разрушен, иней покрыл его руины.
Осколки стекла срезают все воспоминания.
Никто уж не прольет хрустальную слезу.
Поэты умерли давно,

Погребальные песни не написаны, не спеты.

Безграмотные невежи, вы не в силах
Выразить мысли свои.
Они ускользают лавиной
В стуке несведущих зубов.

Так поплачь, дитя,
Об этом шаре ледяном,
Что не услышит поэтов слов,
Которые отогреют вас
Своим теплом.
Мы держим присущую вам холодность
В заложниках.

Во время обсуждения, последовавшего за его выступлением, большинство критиков сошлись во мнении, что он таким образом призывал проявлять больше уважения к скромному поэту в наше материалистическое время. Некоторые же придерживались суждения, что это был яркий образец «Свободного стиха ни о чем».

Забастовка продолжалась, и страсти начали накаляться. Губернатор Нью-Йорка стал читать по радио стихи. В типичную дневную воскресную

радиопередачу обязательно включали парочку сонетов Шекспира, отрывки из «Божественной комедии», а также избранные произведения Роберта Фроста или Огдена Нэша. Губернатор прекратил это занятие после того, как разъяренная толпа демонстрантов окружила его особняк, а протестующие заявили прессе, что своими действиями он посмертно превращал Данте, Китса, Браунинга и Шекспира в негодяев, не желавших вступать в профсоюз.

Привлечение штрейкбрехеров стало одной из немногих дельных идей для решения проблемы, впрочем, с этой затеей так ничего и не вышло. Было предпринято несколько попыток импортировать рифмачей из Мексики, Тайваня и Филиппин. Однако в Америке, где существовал только один государственный язык, их творчество могло привлечь внимание только недавних иммигрантов и представителей этнических меньшинств. Но, несмотря на все это, страна так изголодалась по поэзии, что многие ее граждане, не знавшие никаких других языков, кроме английского, с большим трудом пытались осилить распечатанные на плохоньком ксероксе поэмы на тагальском языке и элегии на китайском.

К четвертой неделе забастовка стала выходить

из-под контроля.

Преподаватели, издатели и национальные лидеры стали получать по почте оскорбительные четверостишия и непристойные лимерики. Ходили слухи, что жена заместителя министра образования в области поэзии расплакалась после того, как получила непристойное послание, в котором ее сравнивали с одной «юной особой из Нантакета»[24]. Первую леди, если верить прессе, это известие привело в ярость.

На факультетских чаепитиях горячо обсуждали, кто мог быть автором этого послания, а также критиковали его поступок. Президент университета ждал ночных звонков от неизвестного, который измененным голосом с придыханием принялся бы зачитывать грязные куплеты; и опасался, что ему в окно влетит камень, завернутый в лист бумаги с самыми омерзительными виршами.

Возмущенные граждане требовали от властей незамедлительных действий. К тому времени большинство поэтических сборников так до сих пор и не вернули в библиотеки. Во многих

[24] Примечания: 24

Обычно с фразы «Жил-был один человек из Нантакета» начинаются популярные в Америке лимерики (короткие юмористические стихотворения), часто непристойного содержания.

городах отряды спецназа устраивали ночные рейды по домам поэтов и тех, кто был заподозрен в сочувствии к ним. Спецназовцы выкрикивали оскорбления, вытряхивали содержимое книжных шкафов, конфисковывали библиотечные книги, а тех, кто не мог заплатить штраф за просрочку, отправляли в тюрьму. Встречи поэтов срывались, демонстрации и пикеты разгонялись. Во время этой ужасной недели под железной пятой репрессий было раздавлено множество пар очков с толстыми стеклами. В четверг Кларисса Дактильфут, президент профсоюза Атланты, погибла вместе с офицером полиции. Сопротивляясь аресту, она опрокинула шкаф с пятьюдесятью тысячами библиотечных книг, которые прятала у себя на мансарде. Оба были раздавлены насмерть, прежде чем спасателям удалось добраться до них.

Однако в рядах протестующих возник раскол. Профсоюз давно уже страдал от разногласий между старой гвардией — Фракцией Рифмы — и молодыми реформаторами, называвшими себя «Свободными стихотворцами». Это противостояние достигло критической точки во время составления нового списка требований, к работе над которым координационный комитет присту-

пил на пятой неделе забастовки.

Радикалы призывали членов профсоюза использовать свои преимущества. Они ратовали за то, чтобы Конгресс выпустил декларацию, в которой объявил бы поэзию национальным достоянием Америки. Они хотели, чтобы на всех почтовых марках и денежных купюрах печатали выдержки из стихотворений. И кроме того, они предложили создать новый текст гимна и воинской присяги, который сочинили бы члены профсоюза, и чтобы при каждом их цитировании в фонд бастующих отчислялись роялти.

Традиционалисты чувствовали, что народ был на их стороне, но недавние омерзительные события серьезно подорвали их репутацию. Они предпочитали смягчить требования и даже выступали за то, чтобы профсоюз выпустил декларацию о своих намерениях «писать как можно больше поэтических произведений, понятных людям».

Разумеется, это вызвало насмешки со стороны «Свободных людей», заявивших, что речь, конечно же, шла о поэтических произведениях с рифмой.

«Что вам не нравится в рифме?» — парировали консерваторы.

Вот как обстояли дела за неделю до наступления второго по значимости для поэтов праздника в году. Ходили слухи, что президент уже был готов призвать национальную гвардию и даже объявить военное положение, чтобы только не сорвать празднование Дня святого Валентина. Поскольку Америка оказалась на грани катастрофы, было принято решение проконсультироваться с основательницей поэтического профсоюза. Делегаты от обеих профсоюзных фракций и представители руководства крупных компаний, федерального правительства и Национальной поэтической ассоциации колледжей отправились на север и обратились к заслуженной Гранд-даме Организованной поэзии.

Речь шла о мисс Анне Пестик, в прошлом — учительницы английского языка, работавшей когда-то в средней школе, а ныне — скромной пенсионерки. Эта старая дева теперь тихо жила в городке Хиббинг, в штате Миннесота. Впервые она прославилась благодаря тому, что была учительницей Роберта Циммермана. Именно она посоветовала ему сменить фамилию на Дилана.

Эта девяностодвухлетняя старушка отличается такой силой воли, что все, кто собрались в ее гостиной солнечным днем и пили чай из

крошечных фарфоровых чашечек, испытывали глубоко затаенный страх, что она могла оставить их после уроков и заставить чистить губки для стирания мела с доски.

— Дети не получат на День святого Валентина открытки? — спросила мисс Пестик, выслушав все аргументы. — Боюсь, что так дело не пойдет. Вы все ведете себя очень глупо.

— Она права, — согласились все. — Мы были такими глупыми.

Забастовка немедленно прекратилась. Чтобы продемонстрировать честность своих намерений, руководство компаний подняла минимальную ставку на двадцать пять процентов. Президент подписал указ о создании должности Главного поэта, чтобы проводить консультации, а также вносить свой вклад в инаугурационные и траурные речи, тексты договоров и официальные письма главам других государств. Конгресс принял решение, что перед всеми заседаниями будут читаться стихи, а затем следовать надконфессиональная молитва.

— Это разумное решение, — сказали лидеры профсоюза и отказались от остальных требований.

После этого профсоюз начал активную подго-

товку к празднованию Дня святого Валентина, на все про все у них было только шесть дней. Их цель ни много ни мало заключалась в том, чтобы сочинить стихотворное послание в честь праздника для каждого американца.

Задача казалась невыполнимой. По подсчетам, каждому поэту предстояло написать сто семнадцать стихов. Неужели это возможно? Вся страна затаила дыхание.

За одну ночь оружейные склады нацгвардии и физкультурные залы в школах были переоборудованы в творческие мастерские. В них привезли столы и раскладушки, а также тонны бумаги, ручек, лент для печатных машинок, телефонных справочников и ластиков. Затем высадился поэтический десант, который тут же принялся неистово сочинять в атмосфере полнейшего хаоса.

Работники «Холлмарк», привыкшие к массовому созданию стихов, предложили поддержать дух дружеского соревнования и удвоить свою норму выработки, чтобы восполнить недостаток стихов, если он возникнет по вине их более ленивых некоммерческих коллег. Представители интеллектуальной элиты ответили на вызов и пообещали не уступить поэтам из Канзас-Сити

ни на одну строфу.

Возможно, поэты не смогли бы справиться, если бы не огромная армия неизвестных героев — волонтеров. Они были повсюду: запасались справочниками и словарями рифм, затачивали карандаши, подбирали нужные рифмы, писали адреса и клеили марки на конверты. Вечерами они укладывали уставших бардов спать и будили после нескольких часов тревожного сна, заваривали тысячи галлонов чая и всегда были готовы подставить плечо, чтобы поэты могли выплакаться в него.

И к 14 февраля все было готово! Каждый мужчина, женщина и ребенок в Америке получил чудесную валентинку с поздравлением.

Мисс Пестик скончалась от продолжительной болезни через три месяца после завершения забастовки. Нынешний контракт с профсоюзом поэтов истекает через три года. Мы можем лишь надеяться, что за это время появится новый лидер, который сможет предотвратить похожий кризис.

Еще один чудесный день

Не волнуйся. Все под контролем.

Я знаю, как ты себя чувствуешь. Ты просыпаешься в одиночестве в незнакомой комнате, встаешь, озираешься по сторонам и вскоре обнаруживаешь, что обе двери заперты снаружи. Одного этого достаточно, чтобы вызвать у человека беспокойство, особенно если ты изо всех сил стараешься вспомнить, как здесь очутился, но не можешь этого сделать.

А тут еще… это чувство. Я знаю, ты испытываешь его сейчас. Мне много о чем известно, и я расскажу тебе обо всем по ходу дела.

К примеру, я знаю следующее:

Если ты сядешь, положишь это письмо на стол, где его недавно обнаружил, и начнешь медленно и глубоко дышать, считая при этом до ста, то почувствуешь себя лучше.

Я тебе обещаю.

Сделай это прямо сейчас.

Видишь, я был прав? Тебе действительно стало лучше.

Но, к сожалению, это ненадолго.

Мне бы очень хотелось облегчить для тебя эту ситуацию, но это невозможно, хотя, поверь мне, было испробовано уже много способов. Итак, что мы имеем:

Сейчас не 1986 год.

Тебе не двадцать пять лет.

Текущая дата

Январь Февраль Март Апрель Май

Июнь

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

12

2006 2007

2008

Произошло много событий за

двадцать двадцать один

двадцать два

года, и в свое время я расскажу все, что тебе нужно об этом знать.

А пока что… просто не волнуйся.

Дыши медленно и глубоко. Закрой глаза. Считай до ста.

Тебе станет лучше.

Я обещаю.

Если ты сейчас встанешь, то обнаружишь, что дверь в ванную открыта. Там есть зеркало.

Посмотри в него на
сорокапятилетнего сорокашестилетнего
сорокасемилетнего
человека, который будет глядеть на тебя…
И не волнуйся.
Продолжай глубоко дышать.
Когда вернешься, я тебе еще кое-что расскажу.

Ну что ж.

Я знаю, как это бывает трудно. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Мне знакомо это ощущение смятения, страха, гнева… тысяч других эмоций.

И тебя мучают тысячи вопросов. На все ты получишь ответы, на каждый, но в свое время.

Сейчас я расскажу тебе некоторые основные правила.

Я никогда не солгу тебе. Ты даже не можешь себе представить, сколько душевных мук было пережито, сколько усилий было приложено для того, чтобы составить это письмо. Пока что ты должен поверить мне на слово, что всю информацию ты будешь получать в наиболее рациональном порядке и самым легкодоступным способом. Ты должен отдавать себе отчет в том, что не сможешь сразу же узнать ответы на все вопросы. Возможно, тебе будет трудно смириться с тем, что на некоторые вопросы вообще невозможно

ответить до тех пор, пока не будет подготовлена подходящая почва. В настоящий момент эти ответы ничего для тебя не значили бы.

Тебе, возможно, хочется, чтобы кто-нибудь — кто угодно — оказался с тобой рядом, чтобы ты мог задать ему эти вопросы. Подобные методы уже были опробованы, однако результаты оказались сумбурными и невразумительными.

Но с чего бы тебе доверять мне? По очень важной причине.

Я — это ты. Ты написал — в какой-то степени — каждое слово в этом письме, чтобы помочь самому себе пережить этот мучительный момент.

Так что, пожалуйста, дыши глубже.

Не вставай; тебе так будет легче.

И не волнуйся.

Итак, сейчас мы подходим к неожиданной новости № 2. Будут и другие, но ты воспримешь их намного легче просто потому, что твоя способность удивляться в данный момент достигнет своего предела. Затем наступит некоторое оцепенение. Ты еще будешь благодарен за это.

А теперь давай вернемся к твоим вопросам.

И самый животрепещущий из них: Что случилось?

Если коротко (а это стоит рассказать предельно

кратко — все подробности ты узнаешь позже), то:

В 1989 году ты попал в аварию, в которой участвовали мотоцикл и городской автобус. Ты не помнишь, чтобы у тебя был мотоцикл, так как купил его только в 1988 году. У вас с водителем автобуса возникли разногласия по поводу того, кто кому должен уступить дорогу, и в итоге победа осталась за автобусом.

Потрогай пальцами кожу на голове. Не переживай, рана давно зажила — все точно в срок. Под большими узлами рубцовой ткани — бесполезный результат труда лучших нейрохирургов страны. В конечном итоге им пришлось извлечь значительную часть серого вещества, затем зашить то, что осталось, глубокомысленно покачать головами и прийти к выводу, что, возможно, тебя будет лучше вернуть домой, где ты продолжишь существовать в состоянии овоща.

Но ты их одурачил. Ты очнулся, что стало для всех большой радостью, пускай ты и не мог вспомнить события, произошедшие после лета 86-го. Ты находился в сознании несколько часов — этого времени оказалось достаточно, чтобы врачи смогли установить, что твой интеллект, судя по всему, не пострадал. Ты мог говорить,

читать, общаться, видеть, слышать. Затем ты снова уснул.

На следующий день ты проснулся и снова не смог ничего вспомнить после лета 86-го. Это никого особенно не встревожило. Тебе опять рассказали обо всем, что случилось. Ты бодрствовал почти весь день, затем снова уснул.

На следующий день ты проснулся и снова не смог ничего вспомнить после лета 86-го. Некоторые начали высказывать свою серьезную озабоченность.

На следующий день ты проснулся и снова не смог ничего вспомнить после лета 86-го. Профессора чесали в затылке, произносили длинные термины на латыни и тихо бормотали себе под нос.

На следующий день ты проснулся и снова не смог ничего вспомнить после лета 86-го.

И на следующий день.

И на следующий день после него.

И еще через день.

Сегодня утром ты проснулся и снова не смог ничего вспомнить после лета 86-го, и я знаю, это уже порядком поднадоело, но мне нужно во всем хорошенько разобраться, потому что сейчас

2006 2007

год, и нам кажется, что мы установили закономерность.

Нет, нет, не нужно глубоко дышать, не нужно считать до ста, этому факту ты должен посмотреть в лицо. Тебе так будет лучше.

Ты взял ситуацию под контроль?

Я знал, что ты справишься.

Твое заболевание называется «Прогрессирующий нарко-каталептический-амнезийный синдром» (ПНКАС, или в разговорной речи — пинкас), и тебе стоит собой гордиться, ведь этот термин был придумал специально для описания твоего состояния, хотя с полдюжины медицинских документов и доказывают, что ничего подобного не могло произойти. Но что бы там ни писали врачи, а с тобой случилось следующее: ты без проблем можешь хранить и восстанавливать в памяти свои воспоминания, но лишь до того момента, пока непрерывно находишься в сознании. Однако центр мозга, отвечающий за сон, каким-то образом активирует механизмы, стирающие все воспоминания, и ты забываешь обо всем, что происходило с тобой в течение дня, когда снова просыпаешься утром. При этом старые воспоминания по-прежнему остаются

яркими и нетронутыми; но все новые становятся чем-то эфемерным, словно они находятся на кассете, которая непрерывно перезаписывает содержащуюся на ней информацию.

В большинстве случаев амнезия подобного типа развивается иначе. Часто встречаются случаи ретроградной амнезии, когда ты постепенно теряешь все воспоминания, в том числе и старые, и начинаешь вести себя как новорожденный младенец. Также хорошо изучена прогрессирующая амнезия, но в ее случае несчастные пациенты не способны вспомнить даже то, что произошло с ними пять минут назад. Попробуй представить себе, каково это — жить в подобных обстоятельствах, прежде чем начнешь жаловаться на жестокую судьбу.

Да, замечательно, я слышу твои жалобные поскуливания. И что в этом хорошего?

Да, на первый взгляд ничего. Без сомнения, я — последний человек, который стал бы с тобой спорить по этому поводу. Мое собственное пробуждение все еще свежо у меня в памяти, ведь оно произошло всего пятнадцать часов назад. И в скором времени я, некоторым образом, умру, моя жизнь мухи-однодневки закончится, и я окажусь в жадных объятиях Морфея. Когда я усну сегодня,

мои собственные чувства заставят исчезнуть меня нынешнего, я проснусь более старым, но менее мудрым человеком и в смятении буду читать это письмо, глубоко дышать, считая до ста и смотреть на незнакомца в зеркале. Я стану тобой.

Однако теперь, пока я быстро просматриваю содержание письма во второй раз за сегодняшний день (я сказал, что написал его, но это была фигура речи; на самом деле его писали тысяча мух-однодневок), меня спрашивают, не желаю ли я чего-либо изменить? Если я захочу каких-то перемен, Мэриан постарается выполнить это желание. Есть ли что-то такое, что я хотел бы сегодня сделать иначе? Возможно, у меня есть желание предостеречь от чего-то моего последователя в этом теле или разуверить его в чем-то? А может, о чем-нибудь предупредить?

Мой ответ — нет.

Я оставлю это письмо без каких-либо изменений.

Тебе еще предстоит многое узнать, это поможет тебе поверить, что, вопреки здравому смыслу, впереди у тебя чудесная жизнь длиной в день.

Но тебе нужно отдохнуть. Тебе нужно время все обдумать.

Сделай это ради меня. Вернемся к дате. Зачерк-

ни последнюю дату и впиши следующую. Если наступил новый месяц, измени и его тоже.

Теперь ты обнаружишь, что и вторая дверь открыта. Пожалуйста, пройди в соседнюю комнату, где на столе накрыт завтрак, и там ты найдешь конверт со следующей частью письма.

Не открывай его пока. Съешь свой завтрак.

Подумай хорошенько.

Но не задумывайся слишком глубоко. У тебя так мало времени, и тебе нельзя его терять.

Тебя это взбодрило, не так ли?

Ты не должен удивляться тому, что на столе оказалась еда, которую ты больше всего любишь есть на завтрак. Ты ешь ее каждое утро, и она не надоедает тебе.

Прости, если это заявление лишит тебя некоторого удовольствия от съеденной пищи, но мне важно напомнить тебе все обстоятельства, чтобы не запустить цикл отрицания.

Вот о чем тебе нужно помнить.

Сегодня — это вся твоя жизнь.

Поскольку твоя жизнь такая короткая, важно не растратить ее впустую. В этом письме я в каком-то смысле говорю очевидные вещи, описываю заключения, которые ты уже сделал, так что можно сказать, что я трачу твое время впу-

стую. Каждый раз когда это происходит — и будет происходить, пока ты не закончишь читать письмо, — на то есть причины. Мысль необходимо донести целиком, иногда в довольно грубой форме, иногда повторяя одно и то же. Но я обещаю, что постараюсь быть предельно кратким.

Итак, сейчас будет несколько параграфов, которые могут показаться пустой тратой времени, но на самом деле это не так, ведь они помогут тебе избавиться от нескольких тысяч самых животрепещущих вопросов. И все эти вопросы можно сформулировать одним-единственным предложением: «Что произошло за последние двадцать лет?»

Ответ следующий: тебе на это наплевать.

Ты не можешь позволить себе переживать из-за этого. Прочтение даже самого краткого изложения прошедших событий отнимет у тебя несколько часов, и это будет полнейшей глупостью. Тебе все равно, кто сейчас президент. Цены на бензин тебя не касаются, так же как и то, какая команда выиграла чемпионат по бейсболу в 98-м. Зачем узнавать все эти мелочи, ведь завтра тебе все равно придется выяснять все это заново?

Тебе не нужно знать, какие книги и фильмы сейчас популярны. Ты уже прочитал свою послед-

нюю книгу, посмотрел свой последний фильм.

К счастью, ты сирота, у тебя нет братьев и сестер и других близких родственников. (Поверь, это в самом деле большая удача.) Девушка, с которой ты встречался до аварии, давно уже забыла про тебя — и тебе тоже все равно, ведь ты ее не любил.

Но кое-что тебе следует узнать, и я расскажу тебе в скором времени.

А пока что…

Как тебе эта комната? Совсем не похожа на больничную палату, правда? Здесь мило и удобно, но нет ни одного окна и еще одна дверь заперта, когда ты попытался открыть ее.

Попробуй еще раз. На этот раз она откроется.

И помни…

Не волнуйся.

Не волнуйся. Не волнуйся. Не волнуйся.

Теперь ты должен перестать плакать. Я знаю, что тебе отчаянно хочется с кем-нибудь поговорить, увидеть человеческое лицо. Совсем скоро у тебя появится такая возможность, но следующие пять минут я хочу, чтобы ты послушал мое обращение из твоего недавнего прошлого.

Между прочим, влияние дыхательных упражнений и счета до ста так эффективно благодаря

результатам постгипнотического внушения, которое все еще оказывает на тебя воздействие. Когда ты видишь фразу «Не волнуйся», ты расслабляешься. Похоже, что часть твоего сознания все еще содержит обрывки воспоминаний, которые ты не в силах извлечь на поверхность, возможно, именно поэтому ты веришь в весь этот явный вздор,

Твои слезы высохли? На меня это оказывает похожее действие. Даже когда я увидел свое постаревшее лицо в зеркале, это не так на меня повлияло, как то, что я увидел, выглянув из окна. После этого все стало настоящим.

Ты стоишь на верхнем этаже небоскреба Крайслер-билдинг. С северной стороны открывается вид на множество, множество зданий, которых еще не было в 1986 году, и среди них проглядывают многочисленные знакомые строения, неповторимые, как отпечатки пальцев. Это Нью-Йорк, сейчас — новое столетие, и этот вид, без сомнения, та самая новая реальность, от которой образуется ком в горле. Вот почему на глаза у тебя навернулись слезы.

Нам осталось не так уж и много неожиданных известий. Но следующее — просто сногсшибательно. Давай сразу перейдем к нему?

Ты уже видел три фотографии на столе, пока завтракал. Давай внимательно изучим их по порядку.

Упитанный здоровяк с добродушным лицом — Йэн Макинтайр, с ним ты увидишься через несколько минут. Сегодня он будет твоим куратором и компаньоном, он возглавляет очень важный проект, в котором ты принимаешь участие. Его обаянию трудно сопротивляться, но ты, как и я, поначалу попытаешься сделать это. Впрочем, он очень умен и не будет давить на тебя, а тебе всегда нравилось общаться с людьми. К тому же у него большой опыт по части того, как добиться твоего расположения. Ведь он занимается этим каждый день на протяжении восьми лет.

Теперь посмотри на вторую фотографию.

Он выглядит почти как человек, правда? Если к людям можно отнести отпрыска Гамби[25] и Инопланетянина из фильма Спилберга. Он — гуманоид, у него есть глаза, нос, рот, две руки и две ноги, и эта дурацкая улыбка. Кожа зеленая, но ты к этому быстро привыкнешь.

Он не кто иной, как марсианин.

Да, пятнадцать лет назад марсиане высадились

---

[25] Примечания: 25

Зеленый пластилиновый человечек, персонаж популярных мультсериалов.

на Земле и захватили ее. Мы до сих пор не знаем, что они собираются с ней делать, есть кое-какие теории, и они не сулят ничего хорошего для Homo sapiens.

Не волнуйся.

Дыши глубоко. Я подожду.

Последняя мысль недостойна тебя и несправедлива. Я не стал бы тратить твое время на розыгрыши. Ты должен отдавать себе отчет в том, что я способен доказать правоту своих слов.

И для наглядности я предлагаю тебе посмотреть в окна твоей квартиры, выходящие на южную сторону. Пройди через бильярдный зал в спа-кабинет, сверни налево в тренажерный зал и открой дверь рядом с картиной Пикассо, ту, что ты еще до этого не открывал. Ты увидишь гавань Нью-Йорка, и я уверен, мне не нужно указывать тебе на то, что находится за ней.

Посмотри и возвращайся обратно.

Ну хорошо, ты хотел доказать, что способен совершать самостоятельные поступки, ведь так? Мне все равно, что ты взял с собой письмо. Но согласись, этот твой поступок служит последним доказательством того, что я очень хорошо тебя знаю?

А теперь вернемся к чертовым марсианам.

Просто поразительно, насколько актуальным оказался Стивен Спилберг, правда? Тот корабль, который висит в воздухе… он ведь даже больше, чем гигантский корабль в «Близких контактах». А этот паразит больше тридцати миль в ширину. И его нижняя точка находится на расстоянии двух миль от поверхности Земли. Верхняя же — в космосе. Он висит там уже пятнадцать лет и не сдвинулся ни на дюйм. Люди называют его «Тарелочкой». Есть еще пятнадцать таких же, они висят около больших городов.

Тебе кажется, что ты заметил на корабле трещинку, да? Ты спросишь, как бы ты смог ее увидеть, если бы день был облачным. Если бы, раз уж на то пошло, небо над Нью-Йорком оказалось, как всегда, затянуто смогом? Сейчас ты будешь читать все это, чесать затылок и пытаться понять, о чем я, черт побери, говорю.

Ответ отражает всеобщую тревогу. В Нью-Йорке больше не бывает облачных дней. Похоже, что марсиане не любят дождь, поэтому он больше не идет. Что же касается смога… они велели нам ликвидировать его, и мы выполнили их приказ. А как иначе мы могли поступить, если эта штука висит там?

И насчет того, почему их называют марсианами.

Впервые мы заметили их корабли поблизости от Марса. Знаю, тебе было бы проще проглотить все это в извращенном смысле слова, если бы я сказал, что они прилетели с Альфа Центавра, или из галактики Андромеда, или с планеты Траль-фамадор. Но люди называют их «марсианами» просто потому, что их так впервые назвали по телевидению.

Мы не думаем, что они в самом деле с Марса.

Мы не знаем, откуда они, возможно, их планета находится очень далеко. Я имею в виду не просто другую галактику, а другую вселенную. Мы думаем, что наша Вселенная является чем-то вроде тени их вселенной.

Это будет сложно объяснить. Осознавать все надо постепенно.

Ты помнишь «Флатландию»[26] и мистера А. Квадрата? Он жил в двухмерной вселенной. Там нельзя было двигаться вверх и вниз, только вправо или влево, вперед и назад. Он просто не понимал, что такое «верх» и «низ». Мистера Квадрата посетило трехмерное существо — Лорд

---

[26] Примечания: 26

Научно-фантастический роман английского писателя Эдвина Э. Эббота, вышедший в 1884 году.

Сфера, который проходил сквозь мир Флатландии. Сфера предстал перед Квадратом в виде окружности, которая то росла, то уменьшалась в размерах. И в каждый из моментов он мог видеть лишь поперечное сечение сферы, в то время как сам Лорд Сфера был подобен божественному существу, способному заглянуть в мир мистера Квадрата и даже дотронуться до его тела изнутри, не проникая сквозь кожу.

Все это было просто любопытным интеллектуальным упражнением, но только до того момента, пока не появились марсиане. Теперь мы думаем, что они как Лорд Сфера, а мы — мистер Квадрат. Они живут в другом измерении и воспринимают пространство и время иначе, чем мы.

Вот пример:

Мы видим их как гуманоидов. Но не думаем, что они так выглядят на самом деле.

Мы считаем, что они просто позволяют нам видеть часть их тел, которые они проецируют в наш трехмерный мир и придают им облик гуманоидов. Но их настоящий внешний вид, вероятно, гораздо сложнее.

Посмотри на свою ладонь. Если бы ты просунул пальцы во Флатландию, то мистер Квадрат увидел бы четыре окружности и не догадался

бы, что они связаны. Если бы ты просунул руку чуть глубже, то он бы заметил, что окружности соединяются в овал. Но есть еще более удачная аналогия — театр теней. Если расположить руки правильным образом перед источником света, то отбрасываемые на стену тени могут напоминать птицу, или быка, или слона, или даже человека. Марсиане, которых мы видим, такая же выдумка, как и марионетка лягушонок Кермит.

То же касается и корабля. Мы видим лишь трехмерное сечение конструкции, которая в действительности гораздо больше и сложнее.

По крайней мере, мы так считаем.

Общение с марсианами ужасно угнетает, контакт практически невозможно наладить. Они совершенно чуждые нам. Постоянно говорят всякую бессмыслицу, ничего не повторяют дважды. Мы считаем, что все могло бы приобрести какой-то смысл, если бы нам удалось думать так же, как они.

А вот это очень важно.

Они невероятно сильные. Умение управлять погодой для них — лишь дешевый фокус. Когда они вторглись, а это произошло повсеместно и сразу — и я надеюсь, что я смогу тебе это объяснить, хотя и сам до конца не понимаю, как это

произошло даже после целого дня, проведенного с марсианами.

Они вторглись пятнадцать лет назад… но подобные вторжения были в 1854 и в 1520 году, и еще несколько раз в «прошлом». Прошлое для них — всего лишь еще одно направление, все равно как верх или низ. Тебе покажут книги, старинные книги с гравюрами и рисунками и рассказами современников о том, когда марсиане прибыли, что они сделали, когда улетели… и не переживай, если ты ничего не помнишь об этих памятных событиях из школьных уроков истории, потому что этого не помнит никто.

До тебя начинает доходить? Судя по всему, с того момента, как они сюда прилетели в самом конце двадцатого века, они изменили прошлое таким образом, словно бывали уже здесь прежде, и не один раз. У нас есть сочинения по истории, которые это доказывают. А то, что никто не помнит об указаниях на эти события в наших учебниках по истории до последнего их появления, нужно расценивать как наглядное доказательство. Считается, что марсиане могли изменить наши воспоминания об этих событиях с такой же легкостью, как и сами события. И то, что они этого не сделали, говорит об их желании

произвести на нас впечатление. Ведь если бы они изменили и события, и наши воспоминания о них, то никто бы ни о чем не догадался; мы все считали бы, что история всегда развивалась именно таким образом, поскольку именно такой мы ее и запомнили.

Вся эта идея с книгами по истории, вероятно, представляется им одной большой шуткой, ведь они не воспринимают время как какой-то непрерывный и последовательный поток.

Что, с тебя уже хватит? Нет, это еще не все.

Они могут не только добавлять что-то в историю, но и забирать из нее. Как они поступили со Всемирным торговым центром. Верно, попытайся его отыскать. Его там нет, мы не снесли его. Он просто никогда не существовал в этом мире и остался разве что в наших воспоминаниях. Большая общая иллюзия.

Но исчез не только он. Пропали также город Ноксвилл, штат Теннесси, озеро Гурон, пресвитерианская церковь, носороги (включая все упоминания об их окаменелых предках), Джек Потрошитель (и все литературные работы ему посвященные), буква «Q» и Эквадор, а Уильям Мак-Кинли никогда не был президентом.

Пресвитерианцы до сих пор помнят о своей

вере и построили новые церкви взамен тех, которых никогда не существовало. Но кому вообще нужны носороги? Вместо Мак-Кинли президентом был другой человек (и его тоже убили). Видеть в книгах сочетание букв «kw» вместо «q» — просто забавно и чудно. Но людей, живших в Ноксвилле — и дюжине других городов по всему миру, — просто никогда не существовало. И до сих пор еще не решен вопрос с застройкой места, где ранее находилось озеро Гурон. И ты будешь тщетно искать в географических атласах страну под названием Эквадор.

Вполне разумно предположить, что марсиане при желании способны на большее. Например, они могут ликвидировать такой элемент, как кислород, лишить электроны заряда и, разумеется, даже стереть саму Землю.

Они вторглись и с легкостью завоевали нас.

А их оружие чем-то напоминает синий карандаш редактора. Вместо того чтобы уничтожать наш мир, они переписывают его.

И какое все это имеет отношение ко мне? Я буквально слышу твой отчаянный крик.

Почему я не могу прожить свой единственный день на Земле, не забивая всем этим себе голову?

Что ж… а как ты думаешь, кто оплачивает эти

потрясающие апартаменты?

Благодарные налогоплательщики, вот кто. Ты же не считаешь, что на стене у тебя висели бы оригиналы Пикассо, если бы ты был просто чудным типом с поврежденным мозгом?

И за что тебе так благодарны налогоплательщики?

Просто все, что приносит радость марсианам, радует и налогоплательщиков. Марсиане запугали всех до чертиков… а ты их любимчик.

Почему?

Потому что ты не воспринимаешь время так же, как остальные люди.

Каждый день ты начинаешь с нуля. Тебе не пришлось в течение пятнадцати лет размышлять о марсианах, у тебя нет предубеждений против них самих или их образа мысли.

Возможно.

Возможно, по большей части все это чушь. Мы не знаем, какую роль здесь играют предубеждения… но ты в самом деле воспринимаешь время иначе. Дело в том, что величайшие математики и физики мира пытались договориться с марсианами, но марсиане не проявили к ним никакого интереса. Каждый день они приходят, чтобы поговорить с тобой.

Чаще всего им так ничего и не удается добиться. Они проводят с тобой час, затем уходят куда-то, неизвестно куда. В один из ста дней у тебя случается озарение. Все, что я тебе рассказываю — результат таких озарений, а также работы, проведенной остальными. Всего в мире насчитывается несколько сотен таких же, как ты. Нет, таким, как у тебя, заболеванием больше не страдает ни один мужчина или женщина; но все остальные — это люди, которых большинство назвали бы «умственно отсталыми». Среди них есть те, у кого прогрессирующая амнезия, про которую я упоминал раньше. Люди, которые страдают от синдрома расщепленного мозга. Люди с кажущимися невероятными нарушениями восприятия, как, например, одна женщина, которая полностью утратила такое понятие, как «правая сторона». В ее мозгу существует лишь одно направление — налево.

Марсиане проводят время со всеми этими людьми, с людьми вроде тебя.

Поэтому экспериментальным путем мы пришли к одному выводу относительно марсиан.

Они хотят нас чему-то научить.

Совершенно очевидно, что они могли бы уничтожить нас в любой момент, если бы у них

возникло подобное желание. Они уже поработили нас, в том смысле, что мы с готовностью выполняем все, чего они хотят, и даже стараемся предупредить их желания. Но, судя по всему, они не собираются с нами ничего делать. Они не пытаются разводить нас на мясо, отправлять в трудовые лагеря или насиловать наших женщин. Они просто прилетели, продемонстрировали свое могущество и начали разговаривать с людьми вроде тебя.

Никто не знает, сможем ли мы понять, чему именно они пытаются нас научить. Но тебе не кажется, что нам стоит хотя бы попробовать?

И снова ты спрашиваешь: «Почему я?»

Или, что гораздо существеннее: «Какое мне до этого всего дело?»

Я знаю, какое чувство горечи тебя сейчас охватило, и понимаю это. Почему тебе следует потратить хотя бы час своего драгоценного времени на решение проблем, которые тебя совершенно не касаются, ведь с куда большим удовольствием ты можешь провести эти шестнадцать часов бодрствования, предаваясь осознанному самоедству, погрязнув в жалости к самому себе, превратившись в мыльную оперу одного человека?

Есть две причины.

Первая. Ты никогда не был таким. Ты исчерпал свой запас жалости к себе, пока читал это письмо. Если у тебя всего один день, то как бы мучительно тебе ни было это осознавать… ты должен его прожить! И сделать что-то полезное.

И вторая причина…

Ты все это время то и дело поглядываешь на третью фотографию. С того самого момента, как в первый раз взял ее в руки, правда? (Да ладно, не надо мне врать.)

Скажи, она хорошенькая?

Какие недостойные мысли, ведь ты знаешь, откуда это письмо! Ее не будут предлагать тебе в качестве взятки. Менеджеры этого проекта слишком хорошо тебя изучили, чтобы добиваться твоего сотрудничества с помощью сексуальных утех.

Ее зовут Мэриан.

Давай немного поговорим о любви.

Прежде ты уже влюблялся. Ты можешь вспомнить, каково это, если позволишь себе. Ты помнишь боль… но она пришла позже, ведь так? Когда тебя отвергли. Ты помнишь, что ты чувствовал в тот день, когда ты только влюбился? Постарайся вспомнить, ты можешь вернуть это ощущение.

Ответ очень простой — именно любовь заставляет этот мир вращаться. Одна лишь возможность, что на твою любовь ответят взаимностью, помогла тебе продержаться те три года после того, как Карен бросила тебя.

Так вот, позволь тебе сказать, Мэриан влюблена в тебя, и до конца дня ты тоже в нее влюбишься. Можешь мне верить, можешь — нет, решай сам, но для меня под конец моей жизни, который наступит уже сегодня, одним из немногих утешений является я/ты завтра/сегодня испытаю/испытаешь ни с чем не сравнимое удовольствие от ощущения влюбленности в Мэриан.

Я завидую тебе, мерзкий скептик!

И раз уж это все строго между нами, хочу еще кое-что сказать. «Первый раз» — это всегда чертовски интересно, даже с девушкой, которую ты не любишь, не так ли?

Для тебя это всегда будет первый раз… за исключением второго раза перед тем, как ты уснешь… а именно сейчас Мэриан и предлагает этим заняться.

Я опять-таки заранее предугадал твои возражения.

Ты думаешь, что для нее это будет слишком тяжело? Ты считаешь, что она страдает?

Ну хорошо. Согласен, что первые несколько часов могут показаться ей несколько однообразными, и, как ты уже правильно догадался, ей будет немного скучно, ведь сразу после пробуждения ты всегда ведешь себя одинаково. Но она охотно готова нести этот крест ради того удовольствия, которое доставит ей твое общество весь оставшийся день.

Она здоровая, энергичная девушка, осознающая, что ни у одной другой женщины нет такого внимательного и энергичного любовника. Она любит мужчину, бесконечно очарованного ею, восхищающегося ее телом и душой и каждый день глядящего на нее как в первый раз.

Она обожает твой неиссякаемый энтузиазм и то, как ты всякий раз заново в нее влюбляешься.

У тебя нет времени, чтобы разлюбить ее.

Все остальные мои слова лишь отняли бы у тебя время, и, поверь мне, если ты узнаешь, как сложится твой день, ты возненавидишь меня за это.

Возможно, нам хочется, чтобы все сложилось иначе. Ведь это так несправедливо, что у нас в распоряжении всего один день. Я (в конце концов, кто я такой?) чувствую боль, которую ты только начинаешь ощущать. У меня есть чудесные воспоминания… но вскоре они исчезнут. И Мэриан

еще проведет со мной несколько минут.

Но я клянусь тебе, я чувствую себя старым, очень старым человеком, который прожил целую жизнь и не жалеет ни об одном своем поступке, который добился чего-то в жизни, любил и был любимым.

Много ли «нормальных» людей может так сказать, умирая?

Через несколько секунд одна последняя запертая дверь откроется, и через нее войдет твоя новая жизнь и будущая любовь. Могу тебе гарантировать, это будет интересно.

Я люблю тебя, но теперь вынужден покинуть…

Хорошего дня.

Благие намерения

Джозеф Харди с тоской взирал на руины своей избирательной кампании в Конгресс. Дело было ранним утром в среду в ноябре. Мысль о том, что нет страшнее унижения, чем быть отвергнутым десятками тысяч людей, не оценившими твоих идеалов, не давала Харди покоя.

Почти целый год он целовал детишек, жевал резиновую курицу, заедая ее вагонами «Маалокса», обивал десятки тысяч порогов, пожимал сотни тысяч рук, оказался на грани развода, и вот такой итог — он остался один в большом пустом зале, заваленном раздавленными сигаретными бычками и красно-бело-синими флажками, свисавшими до самого пола. Таблички «ГОЛОСУЙТЕ ЗА ХАРДИ!», приколоченные гвоздями к узким рейкам, лежали сваленные в груду, как винтовки конфедератов после сражения при Аппотаматтоксе[27]. В углу в оцинкованных ведерках, заполненных растаявшим льдом, стояли две

[27] Примечания: 27

Последнее крупное сражение Гражданской войны в США, произошедшее 9 апреля 1865 года, после которого армии Конфедеративных штатов Америки было нанесено окончательное поражение.

дюжины бутылок дешевого калифорнийского шампанского, которые так и не были открыты.

И в этот самый момент крушения всех надежд — а такие моменты бывали с ним уже не раз — и появился дьявол. Харди сразу понял, что перед ним Сатана, хотя вид у него был ничем не примечательный, и возвестили о его прибытии отнюдь не фанфары, а возмущенное повизгивание фракции сдувшихся воздушных шариков под его ногами.

Сатана остановился неподалеку от сидящего Харди, какое-то время молча смотрел на него, а затем медленно кивнул.

— Ну, Джо, — тихо проговорил он. — Что скажешь?

— Издеваешься, что ли?

Дьявол только покачал головой и выжидающе посмотрел на него.

— Начнем с того, что я вообще не хотел этим заниматься. Меня уговорили. Сказали, что Хаггерти слишком постарел. И не важно, что два года назад он одержал победу в этом округе, набрав семьдесят процентов голосов. «Новое лицо — вот что нам нужно, Джо, молодое лицо».

Это лицо с улыбкой глядело на дьявола и Джона Харди с сотен предвыборных плакатов, раскле-

енных по стенам. Лицо было привлекательным, чем-то отдаленно напоминающим Кеннеди; глубокомысленным, но, к счастью, не до такой степени, как у Стивенсона[28]. На Харди были очки в роговой оправе, такие в колледжах обычно носят преподаватели по экономике, коим он, собственно, и являлся. И у него были хорошие зубы.

— Не надо врать мне, Джо, — сказал Сатана. — Еще вчера ты этого хотел. Мы все видели твое лицо, когда выяснилось, что ты лидируешь по предварительным результатам. Ты еще ничего в жизни не желал так сильно, как этого.

Харди закрыл лицо руками и долго тер его. Затем он с измученным видом снова поднял голову.

— Поговори со мной, — попросил он.

Когда они оговорили все условия, уже начало светать.

— Мне не придется поступиться своими идеалами, — заявил Харди. — Вот почему я решил согласиться. Думаю, я смогу принести пользу.

---

[28] Примечания: 28

Элдай Стивенсон II — соперник Дж. Ф. Кеннеди по демократической партии за выдвижение в кандидаты в президенты США на выборах 1960 года. До этого дважды баллотировался на пост президента от Демократической партии в 1952 и 1956 годах, но оба раза проигрывал кандидату от республиканцев Дуайту Эйзенхауэру.

— Никаких проблем, — спокойно констатировал Сатана.

— Я серьезно. Не стану прогибаться. И плевать на рейтинги. Я не изменю свою позицию, чтобы только завоевать голоса.

— Тебе и не придется этого делать.

— И никаких жирных котов. Никаких лоббистов. Я хочу ограничить сумму пожертвований на проведение избирательной кампании до ста долларов, как Джерри Браун.

— Договорились.

— Никакого черного пиара. Никакой клеветы и поливания грязью оппонентов. Никакого Уилли Хортона[29].

— Но это же самое интересное… ну ладно, ладно. Договорились.

— И я получу?..

— Кресло в Конгрессе через два года. А через шесть — станешь президентом. — Сатана ждал,

---

[29] Примечания: 29

Уголовник, отбывавший пожизненный срок за убийство в одной из тюрем штата Массачусетс. Хортон воспользовался действующей на территории штата программой, позволявшей заключенным покидать тюрьму на выходные, и совершил за время своего «отпуска» еще ряд тяжких преступлений, после чего снова был арестован. Джордж Буш-старший во время своей избирательной кампании на пост президента в 1988 году использовал этот случай как один из аргументов против своего оппонента от Демократической партии — Майка Дукакиса, который был губернатором Массачусетса и в том числе выступал за гуманное отношение к заключенным.

на лице у него застыл немой вопрос, не осталось ли еще каких-нибудь недоговоренностей. Затем он подошел к телефонам на столе у противоположной стены. Он ввел номер своей кредитной карты «Американской телефонной и телеграфной компании», а затем позвонил кому-то и коротко переговорил с ним. Через мгновение факс загудел, и из него вылез контракт на трех страницах. Взяв шариковую ручку, он склонился над столом и начал подчеркивать стандартные условия.

Харди дважды перечитал содержание контракта, затем свернул его и убрал в карман.

— Я должен показать это моему адвокату, — сказал он, — но думаю, что сделка состоится.

— Встретимся завтра в его офисе в три, — проговорил дьявол. — И между прочим... — Он протянул руку.

Харди замешкался на мгновение, но потом все-таки пожал ее. Ладонь дьявола была теплой и сухой, а рукопожатие крепким. Харди боялся, что она окажется липкой, так как терпеть этого не мог.

— Как мне тебя называть? — поинтересовался Харди.

— Можно просто Ник[30].

— Его «бессмертная душа» меня особо не волнует, — сказал юрист с прекрасной фамилией Читам[31]. — И что это за формулировка: «до конца времен»? Гораздо уместнее было бы написать «бессрочно».

— Имеется в виду вечно, — пояснил Ник. — Навсегда.

— Кхм, ну да, ну да. — Читам нахмурился. — Срок, конечно, немалый.

— Это мои стандартные условия. Да, срок серьезный, но и награда будет огромной, поэтому что касается платы… если честно, сэр, я думаю, что любой суд сочтет ее пустячной.

— Трудно определить рыночную стоимость бессмертной души, — кивая, заметил Читам. — Я вас понимаю. Но посмотрите еще вот здесь: «Изъятие может быть произведено в любой манере, которая удовлетворит Исполнителя». — Он с недоумением посмотрел на Харди. — Формулировка слишком размытая, Джозеф.

— Пусть так и останется, мистер Читам.

---

[30] Примечания: 30

Ник или Старина Ник (Old Nick) — традиционное прозвище дьявола в английском языке.

[31] Примечания: 31

Cheatham — от английского «cheat» — обман, мошенничество.

— Хорошо, хорошо. Но я все равно не уверен, что могу одобрить сроки действия контракта. — Над бровями у Ника засверкали искры, но адвокат этого не заметил, так как внимательно изучал потолок, словно надеялся прочитать там разгадку, как выбраться из тупиковой ситуации. Возможно, он и впрямь там что-то увидел, так как вскоре опустил глаза и мрачно проговорил: — А почему бы не заменить на тысячу лет?

Ник рассмеялся.

— Я прошу вечность, а вы предлагаете тысячу лет? — сказал он, а затем наклонился вперед. — Миллиард лет. Мое последнее предложение.

В итоге они сошлись на 250 000 лет, и Читам, судя по всему, остался доволен.

— Полагаю, вы захотите показать эти исправления вашим адвокатам? — спросил он.

— В этом нет необходимости, — ответил Ник, указывая большими пальцами обеих рук себе в грудь. — Я окончил юридический факультет Гарварда в 1735 году.

Пока секретарь готовил чистую копию договора, на столе возникла бутылка бренди.

Читам поинтересовался у Ника, что заставило его заняться изучением юриспруденции.

— Расходы на адвокатов просто сжирали меня

заживо, — посетовал Ник. — Я уже тогда понял, что нужно держать нос по ветру, и вы не представляете, насколько это оказалось полезным.

Когда принесли экземпляры договора, Харди выпил бренди и без колебаний поставил свою подпись. Ник склонился над столом Читама, затем посмотрел на Харди и сверкнул одним глазом.

— Не волнуйся, Джо, — сказал он, — я знаю, как сделать так, чтобы и сотня тысяч лет показалась тебе вечностью. — Он подписал все три экземпляра договора, распрямил спину и добавил: — Пора приступать к делу. Как насчет завтрашнего дня? Давайте встретимся за ланчем.

Они назначили встречу в китайском ресторанчике, чтобы попробовать местные дим-самы. Каждый сложил около себя с полдюжины маленьких тарелок, которые привезла им на тележке официантка, и выпили полчайника чая.

— Думаю, тебе интересно знать, как мы все это устроим, — сказал Ник.

— Больше ни о чем и думать не могу.

— Самая простая вещь на свете. — Ник достал маленький пузырек со стеклянной пробкой и поставил его на стол. — С помощью концентрированной харизмы.

Харди взял пузырек, внимательно рассмотрел его, извлек пробку и понюхал горлышко.

— Только не расплескай содержимое, — предостерег его Ник. — Представь, что это духи стоимостью в тысячу долларов за унцию. Просто каждый день втирай немного себе в лицо.

Харди брызнул на себя несколько капель, но ничего не почувствовал.

— Как-то не впечатляет, — пробурчал он.

— Подожди немного, — сказал Ник и сложил руки на груди. — Это вещество очень трудно получить. Я собираю его везде, где только можно. Для этого отлично подходят собрания баптистов; иногда эссенции бывает так много, что она просачивается сквозь стены их молельных шатров. Немного эссенции можно собрать в салонах, торгующих подержанными автомобилями, на собраниях коммивояжеров и семинарах из серии «Как быстро разбогатеть на торговле недвижимостью». И, разумеется, каждый год я получаю изрядную порцию этой субстанции на церемонии вручения «Оскара». — Он пожал плечами. — Мне все равно приходится там бывать по долгу службы, так почему бы не совместить приятное с полезным?

— Кажется, я вас знаю, — сказал кто-то, и Харди,

подняв глаза, увидел двух официанток, которые направлялись к их столику. Еще полчаса назад они обслуживали Джо и Ника, не обращая на них никакого внимания.

— Джозеф Харди! — воскликнула одна из них и поднесла руку ко рту. — Я голосовала за вас, Джо!

— Вы и еще три человека, — сказал Харди. Официантки рассмеялись, гораздо громче, чем того заслуживала шутка.

— А я не голосовала, — призналась другая, — но если бы вы снова баллотировались, непременно отдала бы за вас свой голос. Вот, возьмите, это за счет заведения. — Она поставила перед ним нечто наподобие пельмешек с мясом.

Вскоре об этом узнал весь ресторан. Владелец подошел к ним и порвал их счет, а другие посетители стали просить автограф. Ник откинулся на спинку стула и наблюдал за происходящим, а когда наступило временное затишье, тронул Харди за рукав:

— Тяжело быть в центре внимания?

— В смысле? А, Ник, конечно. Не хочешь попробовать этих пельмешек с острой горчицей?

— Боюсь, они слишком горячие для меня, Джозеф. Я сейчас уйду. Ты не увидишь меня в ближайшие пять лет. Встретимся во время прай-

мериз.

— Это как? — Харди поставил автограф еще на одной салфетке и удивленно поднял глаза. — Ах, ну да, праймериз. Э-э… ты мне ничего больше не скажешь? Что я еще должен делать?

— Держаться своих принципов. Об остальном позабочусь я. — Он слегка нахмурился и еще раз взглянул на своего кандидата. — В следующий раз будь обычным простым Джо. И смени прическу. Я попробую договориться с парикмахером Дэна Куэйла.

Следующие пять лет пролетели словно сцены из фильма, снятого Фрэнком Капрой[32] по мотивам романа Горацио Олджера[33].

Джозеф «Зовите меня просто Джо» Харди вернулся в кампус, и сразу же на его занятия повалили студенты. За один семестр администрация колледжа дважды переводила его в аудиторию побольше. Студенты обожали его лекции и говорили, что он стал первым преподавателем,

---

[32] Примечания: 32

Фрэнк Капра (1897–1991) — американский кинорежиссер итальянского происхождения, обладатель трех премий «Оскара» за режиссуру.

[33] Примечания: 33

Горацио Олджер (1832–1899) — американский писатель и поэт. Оба эти деятеля искусства выбирали в качестве главных героев своих произведений персонажей, добивающихся больших успехов благодаря мужеству и личной инициативе.

сделавшим экономику действительно интересной наукой. На лекциях часто раздавались аплодисменты.

Незнакомые люди подходили к нему на улице, чтобы пожать руку. Репортеры спрашивали его комментарии по поводу событий в мире политики. Они говорили, что камера его любит. Харди приглашали на радио давать интервью и отвечать на вопросы радиослушателей. Он мастерски демонстрировал свое дружелюбие, умение быть близким к народу в местных аналогах вечернего телешоу «Найтлайн», и совсем скоро все жители штата стали узнавать его лицо.

Даже отношения с супругой улучшились.

В надлежащее время Харди объявил о желании баллотироваться в Конгресс. Партийные боссы были просто счастливы. И хотя его оппонент тратил на свою кампанию втрое больше, никто не сомневался в избрании Харди. Он лидировал по всем опросам, интрига была лишь в том, с каким именно перевесом он одержит победу. В Вашингтон он отправился, получив ошеломительный набор полномочий и обладая минимальным политическим опытом.

Первые недели в столице он старательно подражал актеру Джимми Стюарту, несколько раз

оступился и совершил ряд ошибок, пока формировал свой кабинет. Но Харди не был ни дураком, ни простаком и вскоре уже вносил законопроекты и отбивался от комитетов по политической деятельности так умело, словно занимался этим всю свою жизнь.

Совсем скоро он завоевал себе репутацию прямолинейного политика. Это могло бы стать для него серьезной помехой в дальнейшем, но Джо Харди хорошо знал, когда можно пойти на компромисс ради достижения цели, а когда — твердо стоять на своем. Он был человеком, с которым стоило вести дело, но которого невозможно купить. Ему удалось завоевать уважение большинства коллег: сначала они поддерживали его с неохотой, а затем — совершенно искренне.

Разумеется, у него были завистники, причем в обеих партиях. Не всякого новичка в Конгрессе каждую неделю Тед Коппел[34] приглашал на теледебаты с Джорджем Уиллом[35] или Тедом

---

[34] Примечания: 34

Американский тележурналист, считавшийся одним из лучших мастеров интервью.

[35] Примечания: 35

Известный политический журналист и консерватор.

Кеннеди[36]. Мало кто из новых политиков удостаивался отдельного двадцатиминутного выпуска в передаче «Праймтайм-Лив». Харди обладал поразительным умением использовать все возможности для бесплатного самопиара во время своей кампании по переизбранию в Конгресс. Он был избран на второй срок с еще более серьезным отрывом от конкурента.

Никто не удивился, когда он заявил о желании баллотироваться на пост президента.

Но сложности возникали даже у героев фильмов Капры, и тучи уже сгущались над Джозефом. Темные силы вашингтонского истеблишмента начали сплачиваться, влиятельные политики привлекали на свою сторону аналитические центры, агентства по связям с общественностью и рекламе. Представители различных комитетов по политической деятельности, отстаивающие интересы его конкурентов от обеих партий, как коршуны кружили над Джо Харди, пытаясь унюхать запах его крови.

Вскоре после того, как его имя стало появляться в списке возможных кандидатов на пост президента, конкуренты принялись копать под него.

---

[36] Примечания: 36
Сенатор и младший брат президента Дж. Ф. Кеннеди.

Изучали все сведения о нем: от рождения до последнего голосования в Конгрессе. Вскоре стало ясно, что Харди не подавшийся в бега маньяк, не гомосексуалист, не террорист ИРА и не коммунистический шпион. Тем не менее частные детективы продолжали изучать его оценки в младшей школе и опрашивать всех, с кем Харди когда-либо дружил.

Время от времени появлялись упорные слухи о том, что удалось выяснить нечто очень важное.

И это должно было стать решающим ударом, который выбьет Харди из президентской гонки, прежде чем она успеет начаться. Частные детективы из кожи вон лезли, чтобы выяснить, что же это такое, и ради этой сенсации готовы были отправиться куда угодно, даже в ад.

Собственно, именно туда следы и привели их.

Назад они возвращались потрепанные, все в саже и с пустыми руками. Пока однажды в предвыборный штаб Пекема не явился высокий прыщеватый парень и не положил на стол председателя штаба дымящийся документ.

— Это было нелегко, — заявил он с самодовольным видом. — Но старику рогатому стоило бы установить охранную систему получше. Я успел скачать это с его компьютера так, что никто ни-

чего не заметил.

«ДЖО
ХАРДИ ЗАКЛЮЧИЛ СДЕЛКУ С ЛЮЦИФЕРОМ!» — кричала передовица «Манчестер Юнион Лидер» за две недели до праймериз в Нью-Гемпшире. Вслед за этой обличительной статьей вышла другая, цитирующая опросы, проведенные каналом Си-би-эс и «Уолл-стрит джорнэл» сразу же после этого заявления. Позиция Джо Харди пошатнулась. Теперь он всего на два процента опережал своего главного конкурента по партии — сенатора Пекема. Ник нашел Джо сидящим в одиночестве в своем кабинете. Джо тут же вскочил с места.

— Как ты мог так со мной поступить? — заорал он.

— Успокойся, Джо. Просто успокойся. Еще не все потеряно.

— Сделка должна была оставаться тайной.

— Знаю, Джо, и мне очень жаль. Я нанял нового консультанта по безопасности, но секрет раскрыт, кот уже выбрался из мешка, — сказал он.

— Так запихни его обратно! Ты… ты же сам знаешь, кто ты такой! Неужели ты не можешь этого сделать?

— К сожалению, даже у моих возможностей

есть предел, Джо. Я не в силах изменить того, что уже произошло. А вот что касается кота, — на этих словах он улыбнулся, — то в таких случаях я предпочитаю освежевать его. И я знаю много способов, как это сделать.

«Гости телешоу «Сегодня вечером»: звезда сериала «Беверли-Хиллз, 90210» Джейсон Пристли. Конгрессмен Джо Харди. И специальный гость — Сатана, Князь тьмы! А сейчас поприветствуем… Джея Лено!»[37]

Сначала все было довольно жестко, но они к этому подготовились. Лено высмеял их во время своего монолога. Однако затем, когда Джо и Ник наконец сели, ситуация начала меняться. Они оба выглядели расслабленными, не показывали ни капли смущения, не оправдывались и вызывали неподдельный интерес к своим персонам. Аудитория еще не перешла на их сторону, но явно хотела их выслушать.

И когда беседа перешла на серьезные темы, Джо сообщил информацию, которая практически не озвучивалась в прессе: он озвучил условия контракта.

— Если бы мне еще раз выпал подобный

---

[37] Примечания: 37
Популярный телеведущий и актер.

шанс, — сказал Джо, задумчиво хмуря брови, — согласился бы я воспользоваться им? Если честно, Джей, я не знаю. Но почитайте сами. Изо всех кандидатов в этой предвыборной гонке я единственный могу гарантировать, что не опущусь до откровенных выпадов против своих оппонентов. Вы видите, это написано здесь черным по белому. Я не отступлюсь от своих позиций ради достижения мелочных политических целей. Джо Харди не меняет своих взглядов. Я не стану говорить в Бостоне одно, а в Атланте — другое. Я хочу стать вашим президентом, и я хочу это сделать лишь благодаря поддержке рабочих и среднего класса этой великой страны. Иначе я не могу поступить. Таковы условия контракта.

— А если он их нарушит, — добавил Ник с дьявольской усмешкой, — я устрою ему настоящий ад.

На следующий день в «Шоу Джоан Риверс» Ник отмахнулся своим привычным небрежным жестом от вопроса по поводу его роли в Великом Соперничестве.

— Вся эта проблема излишне раздута, — ответил он. — Помните, мы с Ним были когда-то хорошими друзьями. Потом между нами произошла размолвка, это правда, но именно Он создал

меня, и я — часть его замысла. Можно сказать, что я просто выполняю свою работу. — В этот момент на его губах появилась обаятельная улыбка.

На «Шоу Арсенио Холла» Ник сказал:

— Знаете, дружище, обо мне, как о Властелине Зла, сложилась дурная слава. Да, я — олицетворение тьмы. Но это может быть очень круто.

Рассуждая о своих методах с Регис и Кэти Ли, Ник заявил:

— Наши с Богом пути неисповедимы. Это правда, что я стремлюсь завладеть вашими душами и отправить их в ад. Но случалось ли вам бывать там в последнее время?

Как раз в этот момент показали репортаж Дэна Разера и его съемочной группы. Он продемонстрировал кадры, на которых было изображено здание, напоминавшее федеральную тюрьму общего режима.

— Я не увидел никаких адских мук, — сказал Разер, одетый в куртку-сафари. — Думайте что хотите. Нам не позволяют свободно передвигаться по учреждению. Тем не менее я не скажу, что, к примеру, Мануэль Норьега содержится в более комфортных условиях, чем те заключенные, которых нам здесь показали.

Вскоре после этого журналист Херальдо Ривера

пробрался в ад, но там на него набросился суккуб[38] и вышвырнул прочь. Херальдо заявил, что дьяволица в женском обличье напала на него исподтишка и ударила по голове, однако она все отрицала и в подтверждение своих слов предоставила видеозапись с шокирующим содержанием.

Когда эту запись продемонстрировали в телешоу «Текущее событие», этот выпуск собрал у экранов немыслимое число зрителей.

Опра заявила, что ее беспокоит следующий вопрос: «Можно ли любить Бога и вместе с тем заключать сделку с Сатаной?» Ник заставил ее аудиторию биться в конвульсиях от смеха, остроумно заметив:

— Мы с Богом, конечно, не настолько близкие друзья, чтобы ходить вместе с ним на свидания вчетвером, это верно. Скорее, мы давние деловые партнеры. Совсем как Сискел и Эберт[39].

Вскоре Джо вернул себе лидирующие позиции в опросах, а избиратели ознакомились с окончательным составом кандидатов. Многие сочли, что это будут самые ужасные выборы за послед-

---

[38] Примечания: 38

Демон в женском обличье.

[39] Примечания: 39

Известные кинокритики и журналисты, которые совместно вели несколько телешоу, посвященных кино.

ние годы.

В день праймериз жители штата Нью-Гэмпшир, невзирая на снежную бурю, явились на избирательные участки и отдали Харди 38 процентов своих голосов. На десять процентов больше, чем его главному конкуренту.

Основным конкурентом Джо стал сенатор Питер Пекем. Увидев данные экзитпола, Пекем стукнул кулаком по столу и заорал на сотрудников своего предвыборного штаба:

— С меня довольно этого дерьма! Вы все уволены!

Не успел последний из несчастных стремглав выскочить за дверь, как он уже набирал номер на телефоне.

В течение часа он переговорил с представителями компаний «Филипс Петролиум», «Дженерал Моторс», «Матсусита», «Доу Кемикал», «Макдоннелл-Дуглас» и «Тошиба», а теперь пытался связаться с «Форчун-500». Смысл его обращений был одним и тем же: «Мне нужна куча денег. Немедленно. Пришлите их, и я ваш навеки». Это напоминало чем-то выброс на биржу своих акций. К полуночи Пекем превратился в стопроцентно дочернюю компанию, и денежные ручейки потекли в офшорные прачечные от Ба-

гамских до Каймановых островов.

Ближе к ночи, перед тем как лечь спать, Пекем нанял нового руководителя избирательного штаба. Им стал некто по фамилии Ермаков, прославившийся тем, что добился переизбрания восьмидесятидвухлетнего сенатора из южного штата после того, как этот достойный муж был осужден за изнасилование несовершеннолетней.

Ермаков нанял рекламное агентство «Майерд и Шайскопф», пиар-агентство «Превосходный Филантроп», известного социолога, специалиста по составлению речей и политического психолога. К тому времени, когда солнце село над руинами Нью-Гэмпшира, возрожденная избирательная кампания Пекема танцующей походкой выплыла из того угла, в который ее едва не загнали.

— Позволь тебе кое-что показать, — сказал Ник, нажимая кнопку на пульте видеомагнитофона. Изображение было черно-белым и нечетким. Японские торпедоносцы пикировали на Перл-Харбор. Линкор «Аризона» взорвался и затонул. Тысячи солдат вскидывали вверх флаги с восходящим солнцем и кричали: «Банзай!» А глубоко встревоженный голос вещал: «Компания «Митсусита» поддерживает сенатора Пекема. «Сони»

тоже поддерживает его, как и «Тошиба». В противном случае они не стали бы финансировать его избирательную кампанию с помощью своих жирных котов-лоббистов и агитационно-пропагандистских комитетов. Джо Харди выступает за американских рабочих. Кого же выберете вы? Джо Харди или сенатора от «Тойоты»?»

— Ты с ума сошел? — воскликнул Харди, вскакивая со своего стула.

— Я подумал, что это стоит обсудить с тобой.

— Что же ты не показал, как бомба падает на Хиросиму? Я мог бы и это приписать себе в заслуги.

— Ну вообще-то этому посвящен следующий рекламный ролик… — Ник взял еще одну видеокассету и в задумчивости постучал ею себе по подбородку.

— Нет, никогда! Мы же договорились — никаких нападок на конкурентов.

— Я бы не стал называть это нападками, — елейным тоном проговорил Ник. — Мы знаем, что японское финансирование — это правда. Пекем продался им со всеми потрохами…

— Это его проблема. Когда я стану президентом, то никому ничего не буду должен, и я не опущусь до того, чтобы… — Он заметил странное выражение лица Ника. — В чем дело? Что-то не так?

— Не так? Да нет, все так. — Ник глубоко вздохнул. — Мне просто не нравятся новые цифры из Флориды. Вот и все.

Одной Флоридой дело не ограничилось. Накануне праймериз и кокусов[40] супервторника поддержка Харди начала ослабевать в Массачусетсе, Теннесси, Делавэре… да и, в общем-то, по всей стране. На начальном этапе он удерживал сильные позиции в Мэне и Южной Дакоте, но незадолго до супервторника потерял в среднем по три пункта в восьми штатах. Пекема, которого еще в феврале многие политические обозреватели уже списывали со счетов, теперь называли сильным игроком, способным держать удар, не боявшимся засучив рукава вступить в решающую схватку и вырваться вперед.

Подобные события не происходят спонтанно. Избирателей в двенадцати штатах, принимавших участие в голосовании супервторника, донимали дотошными опросами, забрасывали информационными листовками, их агитировали

[40] Примечания: 40

Предварительные голосования, на которых выбирают кандидата в президенты от партии. При этом праймериз проводятся путем голосования бюллетенями, а кокусы представляют собой собрания, участники которых лично определяют свою позицию по предложенным кандидатам.

по телефону, призывали к участию в фокус-группах и подвергали массированной рекламе намного сильнее, чем во всех предыдущих выборах. По всему Югу в конференц-залах и театрах их пульс, сердцебиение, потоотделение и частота дыхания тщательнейшим образом измерялись, пока они слушали пробные выступления или обсуждали различные проблемы. Компьютеры направляли лазерные лучи, которые отскакивали от глазных яблок испытуемых, смотревших новые рекламные ролики. Специалисты по семантике и программисты разрабатывали универсальные речи, которые в течение двух секунд могли перекраиваться с учетом интересов не только каждого избирательного округа в отдельно взятом штате, но даже людей, имеющих общий почтовый индекс. В девять утра Пекем мог давать одни обещания членам масонской ложи, а в десять — абсолютно другие — в противоположной части города.

Были выявлены самые наболевшие вопросы избирателей и составлены графики с самыми главными слабостями Харди в каждой категории. Однажды он сказал, что молитва в школе может задеть чувства исламских и буддистских учеников. После того как «Майерд и Шайскопф»

разобрались с этим вопросом, Харди выставили закоренелым атеистом. Как-то раз Джо высказал мнение, что Первая поправка к Конституции дает право на сожжение флага. Агентство «Превосходный филантроп» вскоре заявило, что он использует государственный флаг вместо туалетной бумаги. Но самой лучшей находкой Ермакова стал нанятый им составитель речей. Он придумал слоган, который многие признали лучшим после знаменитого высказывания Джорджа Буша: «Читайте по губам: никаких новых налогов». Эта фраза быстро стала использоваться вместо кричалки на митингах, которые собирали сторонники Пекема, а общественность с удовольствием подхватила ее. И звучала эта фраза следующим образом:

«К черту!»

Вы хотите в президенты человека, которые выступает за повышение налогов и проявляет снисхождение к преступникам?

К черту!

Человека, который поведет великую страну по пути посредственности? Который будет отправлять ваши налоги за границу, туда, куда скажут ему его либеральные друзья? Человека, которому плевать на работающих мужчин и женщин

Америки?

К черту!

Человека, который хочет закрыть военную базу в этом прекрасном городе, закрыть лесопильные предприятия, ликвидировать военно-промышленные комплексы, либезит перед японцами, заискивает перед арабами, отказывает вам в праве на молитву… человека, который утверждает, что меня нельзя избирать, а сам заключил сделку с дьяволом?

К черту! К черту! К ЧЕРТУ!

Избирательная кампания Пекема стоила в пятьдесят раз дороже кампании Харди, но решающий удар был еще впереди.

— Во всем виновата харизма, — хныкал Джо, когда история всплыла на поверхность.

— Харизма в мой раздвоенный хвост! — возмущался Ник, расхаживая по комнате. — Харизма в мои злосчастные рога! Нет, это ты не сумел держать свои штаны застегнутыми!

Ник был немного несправедлив. Одна из опасностей использования харизмы, и в этом уже могли убедиться многие политики до Джо Харди, заключалась в таком факторе, как красивые женщины. Красотки слетались на нее, словно пчелы на мед, и в первые дни опьяненный успехом Джо

не смог устоять перед чарами некоторых из них.

— Некоторых? Ха! — пыхтел Ник.

— Ну ладно, ладно. Скажем так… нескольких десятков.

Из этого числа люди Пекема отыскали четырех, согласившихся поделиться своими историями. Хуже того, у двух из них были неоспоримые доказательства.

А еще хуже было то, что миссис Харди совершила немыслимое. После короткого и тяжелого разговора с Джо она подала на развод и улетела на Багамы.

— И что нам теперь делать? — спросил Харди.

— У нас есть немного денег, — задумчиво произнес Ник. — Меньше, чем нам нужно, но кое-что есть. Разумеется, ты должен дать свое согласие. — Он вытащил из кармана видеокассету и положил ее на стол перед Харди.

Рекламный ролик с Перл-Харбором начали крутить в субботу вместе с еще тремя схожего содержания. Харди принял тройную дозу харизмы и вместе с Ником отправился в воскресенье на пресс-конференцию. В понедельник опросы показали, что он лидирует со значительным перевесом. Во время супервторника он с небольшим отрывом победил в семи штатах, проиграл

в трех, а в Техасе и Флориде результаты у обоих кандидатов были примерно равными.

Старик Нечистый с тоской взирал на руины избирательной кампании на пост президента. Дело было во вторую среду марта, и дьявол размышлял о том, что, возможно, в этот момент Бог смеется над ним.

Джо Харди вошел в комнату, и вместе с ним ворвались радостные крики его сторонников, праздновавших в соседней комнате. В руках у Джо была бутылка «Дом Периньона» и бокал, а сам он нетвердо стоял на ногах. Его плечи были обсыпаны конфетти и увиты бумажной лентой. Волосы всклокочены.

— Итак, — сказал он и рыгнул. — Теперь в Иллинойс?

— Все кончено, Джо, — отозвался Ник.

— Что значит, все кончено? Мы победили!

Ник подивился тому, в какое жалкое существо превратился этот человек. Прежде он намного легче признавал свои поражения, до того, как стал носить контактные линзы и стричься у нового парикмахера. В те времена, когда он довольствовался дешевым калифорнийским шампанским. Теперь же он стал больше напоминать ходячую рекламную заставку, чем живого

человека. Харди, вероятно, тоже в какой-то мере это осознавал, иначе не пил бы так много.

— Ты называешь это победой? — Ник передал Джо длинный лист из телетайпа. Ключевые слова и фразы были подчеркнуты желтым маркером. — Ты смотрел спецвыпуск на Эн-би-си? Ты слышал, что сказал Джон Чанселлор?

— Я был…

— У тебя в руках материалы, которые появятся в завтрашних газетах. И в них — секретная фраза, Джо, и намеки на нее появились еще несколько недель назад. «Не подлежит избранию». Так что скорее рак на горе свистнет, чем тебе удастся одержать победу.

— Но наши дела были не так уж и плохи в…

— Это нам ничего не дает. — Ник сложил руку горстью и поднес к уху. — Ты слышишь шум, Джо? Это пресса объявила сигнал к отступлению. Дюжина журналистов уже переметнулась к Пекему. К утру на его стороне будет не меньше половины. К началу следующей недели… даже сложно представить.

Харди листал страницы телетайпа с озадаченным выражением лица.

— Все верно, — сказал Ник. — Прочитай и поплачь. Посмотри, что пишут Эванс и Новак. И

еще зацени вот эту колонку Ройко: «Сенатор от «Тойоты» против конгрессменишки из ада». А на досуге прослушай несколько раз вот эту кассету, узнаешь, что говорил о тебе Леттерман несколько часов назад. После всех этих нападок нам конец.

— Но ведь мы, черт возьми, победили!

— С перевесом всего в три процента в двух штатах. И проиграли еще в двух, где должны были победить.

— Но мы все равно впереди!

— Это имеет значение только на всеобщих выборах. Но на праймериз главное — соответствовать ожиданиям, поддерживать выбранный темп. Джо, если по опросам ты должен набрать семьдесят процентов, а наберешь только шестьдесят пять, то ты проиграл! Спроси у Линдона Джонсона[41]. Впрочем, я уже сам спросил у него десять минут назад.

— Ты говорил с…

— А как ты думаешь, куда он в итоге попал? Он сказал, что надо выбрасывать белый флаг. А ведь я еще не сообщил тебе самого худшего.

— Есть что-то еще хуже?

---

[41] Примечания: 41

Линдон Джонсон (1908–1973) — 36-й президент США. После своего первого срока (1963–1969) не стал переизбираться из-за низкой популярности.

— Данные экзитполов. То, ради чего все это затевалось. Месяц назад избиратели видели в тебе симпатичного аутсайдера. Теперь же ты в их глазах превратился в очередного политика. Твой рейтинг одобрения опустился ниже двадцати процентов.

— Это все из-за той чертовой рекламы! — упрекнул его Джо. — С Перл-Харбором.

— Вообще-то нет. Реклама им понравилась. Избиратели заявили, что не любят рекламные кампании, построенные на негативе, но их это развлекает. Реклама показала, что ты не дашь себя в обиду. Не станешь покорно сносить все нападки Пекема.

— Ну так давай зададим им жару! — Джо отбросил листы в сторону и стукнул кулаком по своей ладони. — Выпустим новые ролики. Много рекламы. Ударим этого ублюдка Пекема по его самым больным местам.

— Мы на мели, Джо, — признался Ник. — Мы не можем больше покупать эфирное время. У нас долги по избирательной кампании почти на миллион долларов. А средства, которыми мы располагали, я получил исключительно благодаря тому, что кое-кто из числа бывших членов ссудо-сберегательной ассоциации задолжал мне

немного корпоративных средств.

— Тогда давай увеличим суммы пожертвований. Я не буду требовать от тебя, чтобы ты точно придерживался условиям договора. Возможно, нам даже удастся привлечь немного корпоративных средств.

— Замечательно. Ты думаешь, что люди выстроятся в очередь, чтобы снабдить тебя деньгами после сегодняшних результатов? Не будь идиотом!

— Ну тогда просто сделай деньги. Щелкни пальцами, и пусть прямо перед тобой появится пачка баксов. — Джо сердито стукнул по столу.

— Изыди, политик! Ты что, рехнулся? Сейчас, когда Федеральная избирательная комиссия дышит нам в спину, а налоговики рыщут повсюду и разнюхивают любую информацию?

— Но… ты ведь дьявол, черт тебя побери! С чего тебе бояться налоговой службы?

— Сразу видно, что ты никогда не сталкивался с аудитом, — сказал Ник, вздрагивая.

— Но Пекему же это сходит с рук, — фыркнул Джо после долгой паузы.

— Пекем все отлично организовал, Джо. Потратил время на то, чтобы отмыть деньги. Прикрыл все тылы. Так что в случае чего, к нему не под-

копаешься.

Ник поднялся со своего места и принялся тереть лицо, затем посмотрел на Джо Харди, который стоял, ссутулив плечи.

— Иди домой, Джо. Отдохни. Все кончено.

Джо кивнул, развернулся и уже собрался уходить, но затем оглянулся через плечо.

— А что насчет моей души?

— Ты волен распоряжаться тем, что от нее осталось.

Никогда еще Сатана не впадал в столь глубокое уныние. Последнее столетие ему казалось, что он перестал поспевать за временем. Он старался приспособиться, делал все, чтобы модернизировать свою деятельность. Но люди вечно придумывали что-нибудь новенькое. Гитлера, водородную бомбу, глобальное потепление. Сброс токсичных отходов. Озоновые дыры. Вырубку лесов. СПИД. Хеви-метал. Джима и Тэмми Баккеров[42]. «Почему мне самому все это не приходило в голову»? — спрашивал он себя, отчаянно пыта-

[42] Примечания: 42

Одиозная пара телеведущих и проповедников-евангелистов. В течение долгого времени вели христианские программы на телевидении, которые пользовались огромной популярностью. В конечном итоге Джим Баккер был осужден на 45 лет за мошенничество и финансовые махинации.

ясь наверстать упущенное. Теперь еще и это.

Он и прежде проигрывал в схватке за чью-нибудь душу, хотя в среднем его показатели по душам были довольно высокими. Однако, черт возьми, он в первый раз проиграл из-за того, что не смог выполнить своих обязательств по сделке.

Впрочем, тут была одна большая загвоздка. В современном политическом мире, если ты не готов врать, жульничать и продаваться, то даже сам дьявол не поможет твоему избранию на важный пост. Сатана решил отправиться в ад ближайшим рейсом и немного взбодриться, выпоров несколько грешников, однако в этот момент сработал его пейджер. Он посмотрел на жидкокристаллический дисплей, достал свой сотовый телефон и набрал номер.

— Да, в чем дело, Астарот?[43] — Выслушав ответ, он вздохнул и сказал: — Ладно, соедини меня с ним. — И после короткой паузы добавил: — Сын Хаоса слушает. Чем могу помочь?

— Конечно же я знаю, кто вы.

— Угу. Так-так.

Сатана немного распрямил спину.

---

[43] Примечания: 43
Один из демонов в аду.

— Поговори со мной, — сказал он.

«Ермаков и партнеры» занимали верхний этаж двадцатиэтажной башни из черного стекла, которая выделялась на фоне безликих офисных строений на окраине Бетесды теплым уютом черного монолита из фильма «Космическая одиссея 2001 года». Каблуки Ника гулко стучали по черному мрамору, пока он стремительной походкой направлялся из лимузина через фойе, отделанное нержавеющей сталью, к частному лифту из матового алюминия, который доставил его прямиком к стеклянному столику секретарши Ермакова. Она была одной из претенденток на звание «Мисс Америка», но судьи сочли ее слишком красивой. «Почему бы мне тоже не обзавестись такой помощницей?» — размышлял Ник, пока она вела его к большому угловому кабинету, откуда открывался потрясающий вид на реку Потомак и сельские пейзажи Виргинии. В кабинете было адски холодно.

Ермаков оказался маленьким толстым человечком с лысой головой, его рукава были закатаны, а по шее стекал пот. Он сидел перед большой чистой доской, и облако голубоватого дыма почти полностью скрывало его из вида. Ермаков наклонился из этого облака и указал на Ника своим

коротким и толстым указательным пальцем.

— Вот почему я вам позвонил, — сказал он, взмахнув пачкой компьютерных распечаток. — Я тут изучал данные опросов и столкнулся с одной небольшой проблемой, которая возникла, когда я занимался кампанией «Харди против Пекема». — Он усмехнулся. — Это было нечто вроде фактора Росса Перо[44]. Дело в том, что вы проявили себя лучше обоих кандидатов.

— Как интересно.

— Так и думал, что вас это заинтересует. После шоу Опры данные опросов не на шутку всполошили моих сотрудников. Вы показали отличные результаты во всех демографических группах. Молодежи понравился легкий налет анархизма в ваших высказываниях. Бумеры сочли вас солидным. Благонадежным. Женщинам понравилась исходящая от вас угроза. — Ермаков встал, подошел к окну и пыхнул своей сигарой. Оглянувшись через плечо, он добавил: — У вас есть деньги?

— У меня много должников. Я могу кое-что из них вытрясти.

Ермаков кивнул.

---

[44] Примечания: 44

Бизнесмен и политик, участвовавший в президентских выборах 1992 и 1996 годов и набравший очень большое для непартийного кандидата количество голосов избирателей.

— Разумеется, я предвижу некоторые проблемы, связанные с тем, что вы — Князь тьмы, Вельзевул, Искуситель, Лукавый… какие там еще прозвища приклеились к вам за все эти годы?

— Я предпочитаю, чтобы меня называли добрым старым Ником, — ответил Люцифер.

— Конечно, конечно, это звучит намного приятнее. И вам уже удалось сгладить негативный оттенок в его звучании. Так что при правильном подходе… вы ведь понимаете, к чему я клоню?

— Кажется, я уловил ход ваших мыслей, но не могу понять, что вами движет.

Ермаков пожал плечами:

— Мой бизнес строится на умении заранее предугадывать ситуацию. Если я возглавлю комитет Пекема по перевыборам, мне придется учить японский и видеться с ним я смогу строго в приемные дни. К тому же некоторые вещи даже я не способен выставить в выгодном свете. Кроме того, я предпочитаю ставить на лошадей, в которых хорошо разбираюсь.

Он отошел от окна и сел на краешек своего стола.

— Но может возникнуть одна проблема. Что у вас с гражданством?

— У меня есть американский паспорт.

— Этого недостаточно, если мы вознамеримся идти до конца. Вы должны быть гражданином страны по рождению.

Ник задумался.

— Преисподняя — весьма обширное место. Думаю, я смогу убедить любой суд на Земле, что, когда меня низвергли, я нашел приют как раз под Нью-Джерси.

— Это бы многое объяснило. Где вы теперь живете?

— Я содержу один многоквартирный дом в Далласе в налоговых целях.

— Ну вот мы и договорились! Выборы губернатора Техаса в 94-м! А через шесть лет…

— Новое тысячелетие… — прошептал Ник, и на мгновение его глаза вспыхнули огнем. Когда же он опустил взгляд, то увидел, что Ермаков протянул ему руку. Ник пожал ее. Рука Ермакова была липкой, а рукопожатие слабым. Ник этого терпеть не мог. Но он глубоко вздохнул и сделал вид, будто не придает этому никакого значения.

Черт побери, это была слишком малая плата за Белый дом.

Примечание автора

Признаюсь, я внес в рассказ небольшое изменение относительно его первоначальной версии.

Сначала я написал, что Ермаков предложил Нику баллотироваться в 94-м на пост младшего сенатора от Техаса. Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что такое изменение оказалось очень удачным[45]. Говорят, что у дьявола множество обличий. И вам не кажется, что…

А впрочем, может, и нет. Я думаю, что Ник стал бы куда более достойным президентом.

[45] Примечания: 45

Намек на Джорджа Буша-младшего, ставшего губернатором Техаса в 1994 году и 43-м президентом США в 2000-м.

Летучий голландец

Когда три часа спустя самолет подлетел к аэропорту О'Хара, уже было темно. Над замерзшим взлетно-посадочным полем кружили белые вихри снега. Снегоуборочные бригады успевали расчищать только одну полосу. Самолеты выстроились в очередь на посадку до самого Нью-Джерси. Рейсы перенаправляли в Сент-Луис, Кливленд, Дейтон и другие города, куда не особенно-то хотелось лететь даже тем, кто туда направлялся.

«Боинг-727» плюхнулся на обледеневшую полосу с грацией толстухи на коньках, качнулся влево, но затем, когда нос опустился и заработал реверс тяги двигателя, все-таки выровнялся. После этого самолет минут тридцать еще рулил по полю.

Когда наконец подвезли телескопический трап и погасло табло «Застегнуть ремни», Питер Мейерс встал. В ту же секунду его толкнул обратно на кресло здоровенный мужчина, сидевший в кресле через проход. Кто-то наступил ему на ногу.

Мейерс предпринял еще одну попытку подняться и потянулся к ручной клади, находившейся у

него под сиденьем. Он дернул за ручку, но сумка за что-то зацепилась. Сзади его постоянно теснили, он пнул сумку ногой и едва не упал на мужчину, занимавшего место В и ожидавшего, пока Мейерс выйдет. Он снова дернул за ручку и услышал звук, означавший, что на дорогой коже появилась новая глубокая царапина.

Едва он поднял глаза, как прямо в лицо ему с полки над головой полетел грязный брезентовый рюкзак. Откуда ни возьмись возникла еще более чумазая рука, схватила рюкзак за лямку, и он исчез среди сгрудившихся тел. Мейерс заметил неопрятного вида мужчину с бородой. «Как этот человек попал на борт самолета? — удивился он. — Или билеты теперь обменивают на продуктовые талоны?»[46]

Достав свой портфель и сумку с ноутбуком, Мейерс повесил их себе на плечо. Через десять минут он добрел до шкафа в носовой части самолета, где измученная стюардесса помогала пассажирам отыскивать их чехлы для одежды. Мейерс нашел свой, схватил его и тоже повесил на плечо. Затем, переваливаясь с ноги на ногу, он повернулся и направился к трапу. По дороге у

[46] Примечания: 46

Выдавались малоимущим американцам для покупки продуктов питания, в настоящее время заменены на дебетовые пластиковые карты.

выхода он поцарапал голень о сложенную сумку на колесиках с клюшками для гольфа. В конце концов он все-таки пробрался к трапу и направился в аэропорт О'Хара.

О'Хара. ORD. В снежную ночь с единственной работающей взлетно-посадочной полосой аэропорт напоминал один из последних кругов ада. Шаркая ногами, Мейерс брел по залу вместе с несколькими миллионами других потерянных душ, которым нужно было успеть на стыковочные рейсы. Те, кто оставил всякую надежду — по крайней мере, надежду улететь этой ночью, — сидели, ссутулившись на креслах или на полу у стен, или просто дремали стоя.

Регистрация на стыковочные рейсы в О'Хара происходила не в темных закоулках, где за наличку тебе предложат маленькие пакетики с сомнительным содержимым, а в конце бесконечных очередей, извивающихся, как змеи, окруженных с обеих сторон желтыми брезентовыми лентами, которые были натянуты между столбиками из нержавеющей стали и освещенных лампами такими же теплыми и по-домашнему уютными, как в операционной. Мейерс нашел нужную очередь и встал в ее хвосте. Через десять минут он подвинул носком ботинка свой чехол для одежды,

сумку ручной клади, портфель и сумку с ноутбуком всего на три фута. Еще через десять минут он сделал то же самое. Ему захотелось есть.

Когда он дошел до стойки с билетами, ее сотрудница сказала, что он пропустил свой стыковочный рейс домой и сегодня ночью других рейсов не будет.

— Однако, — заметила она, с хмурым видом уставившись на монитор своего компьютера, — у меня есть одно свободное место на рейс до Атланты. Там вы сможете утром пересесть на нужный вам рейс. — Она подняла глаза и улыбнулась.

Мейерс взял переписанный билет. Выход на посадку был по меньшей мере в трех милях от того места, где он находился. Взвалив на плечи свою ношу, он отправился искать еду.

Все было закрыто, кроме одной забегаловки у зоны выхода на посадку. Профсоюзы сотрудников аэропорта бастовали. Меню на стене было закрыто куском оберточной бумаги, на которой от руки было написано: «Хот-доги — 4$, кола — 2$. Кофе нет». За прилавком стояли двое изможденных сотрудников: женщина за пятьдесят с клоками седых волос, торчавшими из-под бумажной кепки, и латинос двадцати с небольшим лет в фартуке, заляпанном горчицей и кетчупом.

Когда Мейерс был еще на приличном расстоянии от них, буфетчик неожиданно бросил свои щипцы для хот-догов, сорвал с головы кепку и смял ее в маленький шарик.

— Хватит с меня этого дерьма! — закричал он. — Я ухожу! No mas![47]

Продолжая кричать что-то по-испански он бросился к двери позади прилавка. Женщина позвала его по имени, а звали его Эдуардо, но мужчина никак не отреагировал на ее слова. Он нажал на красный поручень на двери пожарного выхода и под рев сигнализации помчался вниз по лестнице.

Сквозь окно Мейерс успел разглядеть, что латинос был маленьким и крепким, к тому же хорошим бегуном. Он выскочил из здания и устремился прочь. Где-то внизу появились двое охранников аэропорта в форме и с пистолетами в руках. Эдуардо уже скрылся из вида. Охрана продолжала прибывать. Блеснули вспышки. Выстрелы? Из-за шума самолетных двигателей Мейерс не мог понять. Он поежился и снова повернулся к прилавку с закусками.

В очереди перед ним было еще десять человек,

---

[47] Примечания: 47
Довольно! (исп.)

когда объявили посадку на рейс до Атланты. Впереди оставалось всего три человека, когда объявление прозвучало повторно. Седовласая женщина, все еще расстроенная из-за бегства Эдуардо, всучила ему хот-дог и пролила треть колы на прилавок, в эту минуту через громкоговоритель прозвучало еще одно объявление. Мейерс поспешил к сервировочному столику. Там не было ни лука, ни специй. Он выдавил немного горчицы из пластикового пакета, причем половина вылилась на его бежевое пальто. Ругаясь и вытирая горчицу салфеткой, Мейерс откусил кусочек хот-дога. Он оказался едва теплым с одной стороны и холодным — с другой.

Отхлебнув колу и с трудом проглотив холодную сосиску и черствую булку, Мейерс поспешил на посадку. Через телескопический трап — на «Боинг-727». Большинство пассажиров уже сидели, только некоторые отчаянно пытались втиснуть свои вещи на верхние полки для багажа. Мейерс добрался до места 28 В. На кресле 28 С сидела женщина, весившая фунтов триста, причем основной вес приходился на бедра. На месте 28 А расположился мужчина, чей вес приближался к тремстам пятидесяти, а все его лицо блестело от пота. Мейерс в отчаянии осмотрелся по сторонам,

хотя уже знал, что это последнее, самое последнее место в самолете.

Женщина злобно зыркнула на него, когда вставала, чтобы пропустить. Мейерс убрал ручную кладь под сиденье, затем открыл верхнюю полку. Места там оставалось разве что для кошелька. Следующий отсек был таким же забитым. Стюардесса взяла его портфель и ноутбук и быстро ушла куда-то.

Мейерс протиснулся на свое место. Леди расплылась в своем. Мейерс почувствовал, как сжимаются его ребра. Справа пахнуло тошнотворным фиалковым парфюмом. Слева на него обрушилась волна затхлого ужаса.

— Это мой первый полет, — поведал толстяк.

— Да неужели? — спросил Мейерс.

— Мне так страшно.

— Не нужно бояться. — Толстая леди порылась в сумочке, извлекла оттуда пачку салфеток, а затем высморкалась так громко, что этим звуком смогла бы напугать даже моржа. Проделав все это, она скомкала свой омерзительный носовой платок и бросила его на ботинок Мейерса.

Их отбуксировали хвостом вперед, потом они долго катались по полю, потом ждали часа два, затем снова ездили по полю, к этому времени

самолет покрылся льдом, и они еще час жали, пока его очистят. Словами не передать, как долго все это длилось. Наконец они все же поднялись в воздух. Толстяка сразу же вырвало в маленький белый пакет.

Атланта. ATL. Они приземлились в толстой пелене черного дыма. Где-то на западе, на значительной территории Джорджии из-за засухи начались лесные пожары. Международный аэропорт Харсфилд изнемогал от тридцативосьмиградусной жары, и копоть кружилась над взлетной полосой. Было темно как ночью.

Толстяк регулярно наполнял свои блевпакеты в течение полета. Несмотря на все это, он ел как голодная гиена. Мейерс есть не мог. Он был не в состоянии даже руку поднести ко рту. Он не отрываясь глядел на еду на своем выдвижном столике, не в силах пошевелиться, словно его приковали к сиденью, пока стюардесса не унесла поднос.

Перед самым выходом из самолета стюардесса забрала у толстяка последний пакет. Мейерс не сводил взгляда с его надутого дна, с ужасом думая, как бы его содержимое не просочилось ему на колени, но пакет не прорвался.

У выхода из самолета, жар ударил ему в лицо. Когда он проследовал в терминал, легче не стало.

Воздух был густым и горячим, как сироп. Из-за лесных пожаров оборвало линии электропередачи и кондиционеры не работали. Так же, как и освещение. Тем не менее компьютеры и телефоны функционировали.

И кассы умудрялись продолжать работу, хотя Мейерс и не мог понять, как именно. Он встал в хвост длиннющей очереди и начал потихоньку продвигаться вперед. Так, едва волоча ноги, он провел следующие пять часов. К концу этого времени, когда Мейерс оказался на грани гибели от голода, кассир объявил ему, что сесть на стыковочный рейс до дома у него не получится, но он может продать Мейерсу билет на рейс до аэропорта Далласа — «Форт Уэрт», где у него будет больше шансов.

Мейерс побрел через здание аэропорта, напоминавшее огромную духовку. Все рестораны и закусочные были закрыты. Но это было и неудивительно, ведь из-за отсутствия электричества не работали ни холодильники, ни электроплиты. Бары были открыты и продавали теплое пиво, но никаких закусок, даже завалящих кренделей. Люди чахли в своих креслах, оглушенные жарой, и смотрели в окно на покрытый пеплом пейзаж. Мейерс подумал, что примерно так будет выгля-

деть мир после ядерной катастрофы.

Несколько ушлых барыг продавали ледяную воду по пять долларов за бутылку. Очереди к ним выстраивались громадные. Мейерс нашел свободное место у стены и уселся на свой багаж. Когда он наклонился вперед, капли пота скатились у него с кончика носа.

Он услышал шум и увидел, что к нему приближается человек с тележкой, нагруженной коробками. Завороженные пассажиры тесной толпой следовали за ним, как за Крысоловом Атланты.

Мужчина остановился перед пустым торговым автоматом. Когда он открыл его, кто-то из толпы потянул за одну из коробок, другой схватил коробку с противоположной стороны. Коробка лопнула, и батончики «Сникерс» рассыпались по полу. Через мгновение все коробки были разорваны. Когда людской поток схлынул, разносчик остался сидеть на полу и осторожно ощупывать себя, удивляясь тому, что его не разорвали на части. Затем он встал и побрел прочь.

Мейерс успел ухватить пакетик с арахисом и шоколадный батончик «Три мушкетера». Он съел все до последней крошки, устроился поудобнее у стены и задремал.

Потерянная душа кричала. Мейерс открыл глаза и понял, что лежит, свернувшись калачиком, на своих вещах, и нитка слюны свисает у него изо рта. Он вытер ее и сел. В противоположной стороне зала какой-то мужчина в остатках костюма и галстуке находился в состоянии исступления.

— Воздух! — визжал он. — Мне нужен воздух!

Рубаха на его шее была порвана, пальто брошено на пол. Он размахнулся пожарным топором и стукнул им по окну. Топор отскочил, он размахнулся еще раз и разбил стекло. Высунувшись в разбитое окно, мужчина попытался вдохнуть дым снаружи. Он снова закричал и начали стаскивать с себя штаны. Его руки были все в крови — он сильно поранился об острые осколки, но, судя по всему, не обращал на это внимания.

Мужчина бросился прочь, почти голый, не считая волочившихся за ним брюк, в которых запуталась одна из его лодыжек, и голубого шелкового галстука, свисавшего с шеи как удавка.

На него набросилось с полдюжины охранников аэропорта. Они били его своими дубинками и прыскали перцовым баллончиком в лицо. Затем пустили в ход электрошокер, пока он не начал биться как рыба, скользкий от собственной крови. Его заковали в наручники, связали ноги и

унесли прочь.

В Даллас летели еще одним «Боингом-727». Половине пассажиров было меньше десяти лет, они прилетели в Атланту на детский конкурс красоты. Мальчики были в смокингах, девочки — в вечерних платьях или, по крайней мере, в том, что от них осталось после всех тягот двадцатичетырехчасового пребывания в аэропорту без багажа. Некоторые детишки капризничали, другим хотелось играть, и все оказались настолько невоспитанными, что либо сидели на своих местах и кричали, либо носились по проходу, который превратили в импровизированный трек для гонок без правил. Надзор ограничивался кулачными потасовками между отцами семейств, когда кому-нибудь из детишек разбивали нос.

Мейерс сидел у окна рядом с одним из отцов, и весь полет выслушивал жалобы на судей конкурса. Сын того мужчин не прошел в финал. Этот самый сынок, которого, по мнению Мейерса, стоило бы сразу после рождения скормить волкам вместе с последом, сидел у прохода и постоянно ставил подножки пробегавшим мимо детям.

В полете не кормили. Обслуживание бортовым питанием не производилось по той же причине, по которой не работали закусочные в аэропорту.

Мейерсу дали пакетик с соленым арахисом.

Даллас, аэропорт «Форт Уорт». DFW. Когда самолет приземлился, дождь шел уже сорок дней и сорок ночей. Взлетные полосы скрылись под потоками воды. Грязная жижа между рулежными дорожками была такой глубокой и густой, что самолеты смогли бы утонуть в ней как мамонты в смоляной яме. Мейерс заметил три самолета, увязших по самые крылья. Пассажиры, спустившись с трапа, оказывались по колено в грязи и с трудом пробирались к автобусам, которые не могли подъехать ближе, иначе бы просто застряли, и их уже не удалось бы вытащить.

Аэропорт выглядел пустынным. Он продолжал работу, несмотря на погоду, однако рейсов из других крупных аэропортов практически не было. Мейерс добрался до билетной стойки — маленькая очередь двигалась со скоростью айсберга, так как всего одному кассиру удалось добраться до аэропорта из-за наводнения. Когда подошла очередь Мейерса, ему сказали, что все рейсы до его дома были отменены, но он может вылететь в Денвер через шесть часов и там уже совершить нужную ему стыковку. Рейс обслуживала другая авиакомпания, поэтому ему необходимо было сесть в автоматический поезд и проследовать в

другой терминал.

По дороге к поезду он остановился около телефонной будки. В трубке гудка не было. В соседней будке оказалась такая же картина. Все таксофоны в аэропорту не работали. Наводнение смыло телефонные линии. Мейерс знал, что его жена уже, наверное, беспокоится. Он не успел позвонить из О'Хары и Атланты, а теперь в Далласе телефонная связь не работала. Но об этой ситуации наверняка сообщили в новостях. И она знала, что он где-то застрял. Как же здорово было бы вернуться домой к Энни. К Энни и двум любимым дочкам: Кимберли и…

Мейерс замер, и паника охватила его. Сердце заколотилось в груди. Он не мог вспомнить, как звали его младшую дочь. Зал аэропорта закружился перед его глазами, готовясь рассыпаться на миллион осколков…

Меган! Ее звали Меган. «Боже, наверное, у меня в голове помутилось», — подумал он. А у кого бы не помутилось! У Мейерса закружилась голова от голода. Он глубоко вздохнул и направился к вагону.

Когда дверь за ним закрылась, он заметил, что в другом конце вагона на полу лежит мужчина. Больше в вагоне никого не было.

Мужчина весь скрючился в луже рвоты и разлитого бордового вина. На нем была грязная куртка, а у ног валялся брезентовый рюкзак. Он был похож на человека, которого Мейерс увидел по прилете в Чикаго, хотя вряд ли это был он.

В вагоне прозвучало несколько объявлений, и поезд отъехал от перрона навстречу дождю. За окном была кромешная тьма. Дождь стучал по крыше. Вдалеке сверкала молния, пронзительно завывал ветер. Вагон подъехал к следующему перрону и остановился.

Внутрь ворвались трое охранников в форме цвета хаки. Один из них без предупреждения ударил спящего бродягу ногой по лицу. Мужчина закричал, а охранники принялись избивать его дубинками и ногами. Кровь и гнилые зубы полетели изо рта и носа мужчины. Питер Мейерс сидел не шелохнувшись и крепко сжав ступни и колени, словно пытаясь таким образом защитить себя.

Один из охранников схватил вопящего мужчину за клок волос, а другой — за брюки сзади, и они оба выволокли его через заднюю дверь на платформу. Третий охранник посмотрел на Мейерса, улыбнулся, дотронулся дубинкой до козырька своей фуражки и последовал за остальными.

Дверь закрылась, и поезд поехал дальше. Мейерс рассмотрел, что трое охранников продолжали избивать мужчину, пока вагон отъезжал навстречу ночи.

Не успел он подъехать к следующей платформе, как свет замигал и погас, и автопоезд остановился. Дождь безжалостно молотил по крыше. Порывы ветра швыряли в окна потоки воды. Мейерс встал и начал ходить по вагону, стараясь не приближаться к находившейся в противоположном конце луже вина, мочи, крови и всего остального. В свете далеких уличных фонарей это пятно казалось черным. Он подумал о только что увиденном, о своей семье, которая ждала его возвращения. Никогда еще ему так сильно не хотелось домой.

Несколько часов спустя свет снова включился, поезд тронулся и доставил его к нужной платформе. Ему пришлось поспешить, чтобы успеть на рейс.

На этот раз самолетом оказался широкий DC-10. Пассажиров было немного. Его место оказалось рядом с проходом. На взлете немного потряхивало, но, как только самолет выровнял курс, он стал двигаться плавно, словно «кадиллак» в шоуруме. Ночью Мейерсу дали коробку, в которой

был сэндвич с тунцом, пачка печенья и немного винограда. Он съел все это с чувством огромной благодарности. У окна сидел пожилой мужчина в пальто и фетровой шляпе.

— Все эти огни внизу, — проговорил старик, указывая на окно, — все эти маленькие города, маленькие жизни. Невольно задумываешься, правда?

— О чем? — поинтересовался Мейерс.

— Когда ты находишься здесь, перестаешь чувствовать себя частью мира, — ответил старик. — Те люди внизу живут своей жизнью. Но мы здесь оторваны от них. Они смотрят на небо и видят несколько мигающих огоньков. Это мы.

Мейерс понятия не имел, что этот старикашка имел в виду, но все равно кивнул.

— В свое время я чувствовал примерно то же самое. Только тогда это было в поездах. Ночных поездах. Путешествуя, ты выпадаешь из жизни. Едешь из одного места в другое, сам точно не зная, где ты находишься. Ты можешь лежать на полке и смотреть в окно на ночное небо. На луну и звезды. Слышать сигналы переездов, когда проезжаешь мимо них, видеть ожидающие грузовики. Кто сидит в них за рулем? Другие потерянные души. — Он замолчал и уставился на

лампочки наверху. Мейерс надеялся, что он не станет продолжать дальше.

— Теперь я всегда ношу шляпу, — продолжил старик. — У меня есть маленький галантерейный магазин в Оклахома-Сити, я открыл его сразу после войны. Неподалеку от того места, где потом взорвали здание[48]. Решил открыть мужскую галантерею как раз в то время, когда мужчины перестали носить шляпы, — усмехнулся он. — Еще в тысяча девятьсот сорок девятом шляпы носили все. Потом наступил тысяча девятьсот пятидесятый, и все, шляпы исчезли. Некоторые говорили, что все это было из-за Эйзенхауэра. Айк не особенно любил шляпы. Но дела у меня все равно шли неплохо. Я продавал много запонок, носков, шелковых платков. Теперь я путешествую. В основном по ночам.

Мейерс приветливо улыбнулся и кивнул.

— Вы когда-нибудь чувствовали нечто подобное? Эту оторванность? Будто вы оказались внутри чего-то непонятного?

Он не дал Мейерсу времени, чтобы ответить.

— Я помню, когда эта мысль впервые посетила

---

[48] Примечания: 48

Террористический акт в Оклахома-Сити в 1995 году, когда в результате взрыва заминированного автомобиля было уничтожено административное здание и погибло 168 человек.

меня. Я получил увольнение в Нью-Джерси в тысяча девятьсот сорок шестом. Сел на поезд, который ехал через реку. Вышел там, где теперь стоит Всемирный торговый центр. Скажите, его ведь тоже взорвали, да? Как бы там ни было, но я решил взглянуть на Таймс-сквер. Я пошел к будке, где продавались жетоны на метро. Она была немногим больше телефонной будки, и там внутри сидел маленький… гном. Окно было грязным и зарешеченным, а в деревянном прилавке — отверстие, чтобы класть туда деньги, которые потом проскальзывали под окошко. Ты отдаешь монетку, а назад получаешь жетоны. Казалось, что это отверстие было просто протерто в дереве. За годы, за столетия. Точно так же ледники разрезают скалы. Я опустил туда монетку в пять центов, а гном выдал мне жетон, и я спросил его, как добраться до Таймс-сквер. Он пробормотал что-то. Мне пришлось попросить его повторить, и он снова что-то пробормотал. На этот раз я понял и взял свой жетон. За все это время он ни разу не взглянул на меня. Не оторвал взгляда от протертого отверстия в дереве. Я еще немного понаблюдал за ним, но он так и не поднял глаз. Он ответил еще на несколько вопросов, и я подумал, что он, вероятно, знает все маршруты и расписа-

ние движения каждого поезда метрополитена. Где нужно выйти, куда пересесть.

И у меня появилась невероятно забавная мысль. Я решил, что он никогда не выходит из этой будки. Что он был там пленником, ночным созданием, троллем, живущим во тьме подземки, куда никогда не проникает дневной свет. Что он давным-давно смирился со своей участью — продавать жетоны. — Старик замолчал, глядя в окно и кивая своим мыслям.

— Что ж, — невольно проговорил Мейерс, — но знаете ли, и ночная смена подходит к концу.

— Правда?

— Конечно. Наступает рассвет. Кто-то приходит, чтобы подменить того парня. Он возвращается домой к жене и детям.

— Возможно, когда-то так и было, — сказал старик. — Когда-то. Но теперь он в ловушке. Что-то случилось… я не знаю, что именно… но он выпал из нашего мира, где солнце рано или поздно обязательно взойдет. А все же, должно ли оно взойти?

— Конечно же должно.

— Неужели? Мне кажется, я давно уже не видел солнца. Мне кажется, что я так долго нахожусь на этом самолете, что даже не могу сказать, при-

летит ли он куда-нибудь. Может, и не прилетит. Возможно, этот самолет никогда не приземлится и продолжит следовать неведомо откуда неведомо куда. Как поезда когда-то.

Мейерсу не нравился этот разговор. Он уже собирался ответить что-нибудь старику, когда кто-то легко тронул его за плечо. Он поднял глаза и увидел склонившуюся над ним стюардессу.

— Сэр, командир экипажа хотел бы поговорить с вами в кабине для пилотов.

До него не сразу дошел смысл услышанных слов. Командир? Кабина для пилотов?

— Сэр, прошу вас, пройдемте…

Мейерс встал и посмотрел на старика, который улыбнулся и махнул ему рукой.

Сначала Мейерс почти ничего не смог разглядеть в кабине. Впереди самолета было ясное ночное небо, звезды, мерцающие огоньки маленьких городов. Затем он увидел пустое кресло бортинженера справа. Сделав шаг вперед, Мейерс задел ногой пустые банки. В кабине пахло пивом и сигарным дымом. Командир повернулся и жестом подозвал его к себе.

— Скиньте этот мусор и присаживайтесь, — сказал он, не вынимая сигары, которая была зажата у него в зубах. Мейерс убрал коробку с корками

от пиццы с кресла второго пилота и уселся в него. Пилот отстегнул ремни безопасности и встал.

— Если я через тридцать секунд не попаду в туалет, то наделаю себе в штаны, — сказал он и направился в салон. — Просто держите прямой курс.

— Эй! Минуточку, черт побери!

— У вас какие-то сложности?

— Сложности? Я не знаю, как управлять самолетом!

— Что тут знать? — Пилот подпрыгивал на месте, но все равно стал указывать на приборы: — Это компас. Просто следуйте заданным курсом, три-один-ноль. А вот это — альтиметр. Высота полета — тридцать две тысячи футов.

— Но разве у вас нет автопилота?

— Вышел из строя, несколько недель назад, — пробормотал пилот и со всей силы вмазал кулаком по блоку с циферблатами на приборной панели, под которыми не горели лампочки. — Вот скотство! Послушайте, мне правда надо выйти.

И Мейерс остался один в кабине пилота.

У него возникла дикая мысль — просто встать и притвориться, будто ничего этого не было. Вернуться на свое место. Разумеется, пилот придет сейчас обратно. Все это было похоже на какую-то

шутку.

Самолет вроде бы летел ровно и плавно. Мейерс слегка потрогал штурвал, почувствовал, как нос самолета чуть-чуть наклонился вниз, увидел, что стрелка альтиметра начинает медленно двигаться. Он потянул за штурвал, и громадная птичка снова вернулась на высоту в тридцать две тысячи.

Вскоре Мейерс понял, с какой проблемой приходится иметь дело пилотам во время долгих ночных перелетов, и проблемой этой была скука. Единственное, что ему нужно было делать — это смотреть время от времени на два циферблата. Он задумался и невольно вспомнил слова старика. Они показались ему какой-то бессмыслицей. Разумеется, самолет куда-то летел. Он видел огни, проплывавшие внизу. А те, еще более яркие огни на горизонте… возможно, это был Денвер? А по поводу того, что солнце не встанет, так это вообще бред. Земля вращается. Одно мгновение сменяет другое. В конце концов наступает день.

Пилот вернулся в облаке сигарного дыма. Он потянулся к открытому мини-холодильнику, достал оттуда банку пива и осушил ее залпом. Рыгнув, пилот смял банку и выбросил ее через плечо.

— Похоже, я лажанулся, — сказал он совершенно равнодушным тоном. — Позвал не того парня. Вы уж извините, дружище. — Он рассмеялся.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я думал, вы в курсе. Но, кажется, мне нужен был старик. Кто-то неправильно указал номер кресла. Кто вообще руководит этой гребаной авиакомпанией?

Мейерсу самому хотелось бы узнать ответ на этот вопрос.

— У вас нет второго пилота? И что вы имели в виду под быть «в курсе»?

— Со вторым пилотом ночью случилось небольшое происшествие. С ночной полицией. Сломали ему гребаную руку. Он сейчас в больнице. — Пилот пожал плечами. — Выйдет оттуда месяца через три или даже четыре.

— Из-за сломанной руки?

Пилот устало посмотрел на него. Он указал большим пальцем назад на дверь в салон.

— Вали-ка ты отсюда, а? Выметайся. Когда-нибудь ты все поймешь.

Мейерс пристально посмотрел на него, затем встал.

— Все равно он умер, — сказал пилот.

— Кто умер?

Но пилот так и не ответил.

Мейерс пошел по проходу к своему месту. Старик казался спящим. Его глаза были слегка приоткрыты, как и рот. Мейерс протянул руку и слегка дотронулся до руки старика. Она была холодной.

Большая муха, спинка которой отливала синим металлическим блеском, выползла из ноздри старика и замерла, потирая свои омерзительные передние лапки.

Мейерс тут же вскочил со своего места. Пробежав пять рядов вперед, он рухнул на свободное сиденье, тяжело дыша. Во рту у него пересохло.

Позже он увидел, как стюардесса накрыла старика синим одеялом.

Денвер. DEN. Этой ночью в сравнении с этим местом даже Чикаго показался бы Бермудами. Небо было пасмурным, все в дымке, словно от сухого льда, и свинцово-серым, как разрывная пуля. Температура была где-то около ноля, но из-за промозглого ветра холод стоял такой, что следы резины от самолетных шин вмерзали во взлетно-посадочную полосу.

Огромные зеркальные стекла окон дребезжали и дрожали, пока Мейерс нетвердой походкой брел по залу аэропорта, а многочисленный ба-

гаж стучал ему по бедрам, ребрам и коленям. Холод поднимался от пола и окутывал ноги. Он поспешил в мужскую уборную и положил свою поклажу на пол. Открыв кран в раковине, ополоснул лицо. Шум воды эхом разносился в помещении.

Мейерс не мог смотреть на свое отражение в зеркале.

Нужно было найти стойку продажи билетов. Нужно было получить посадочный талон. Отыскать правильный выход на посадку, сесть в самолет, потом пересесть на стыковочный рейс. Он должен был вернуться домой.

Какой-то внутренний голос приказывал ему убираться отсюда. Все бросить. Уйти.

Он быстро прошел через почти пустую зону отлета и, выскочив за двери, оказался на покрытом льдом тротуаре. Быстрым шагом Мейерс направился к стоявшим вереницей машинам такси и выбрал самую первую из них. Это был старый желтый «чекер» — большая, громоздкая, но удобная машина. Он устроился на заднем сиденье.

— Куда поедем, приятель?

— В центр, в хороший отель.

— Как скажете. — Водитель такси завел мотор и осторожно выехал на покрытую утрамбованным

снегом и льдом дорогу. Вскоре они уже мчались прочь от аэропорта по широкому шоссе. Мейерс посмотрел в заднее стекло. Аэропорт Денвера напоминал старинный фургон, выполненный в стиле кубизма — большое и ужасно дорогое временное пристанище для современных кочевников.

— Вот уродина, правда? — спросил таксист.

Мейерс увидел половину лица водителя, пока тот смотрел в зеркало заднего вида. Кустистые брови под старомодной желтой фуражкой таксиста с блестящим черным козырьком. Широкое лицо, подбородок, покрытый щетиной. Большие ладони на руле. На водительском жетоне было указано имя: «В. Кшивч». Жетон был нью-йоркским.

— Кши-вч, — пояснил водитель. — Виджил Кшивч. Мы, поляки, продали лягушкам все наши гласные. И теперь используем все согласные, которые не понадобились русским. — Он рассмеялся.

— Не слишком ли далеко вы заехали от дома? — поинтересовался Мейерс.

— Позвольте рассказать вам маленькую историю, — сказал Кшивч. — Давным-давно, лет, наверное, тысячу тому назад, я взял одного пас-

сажира в Ля-Гуардии. И повез его в «Марриотт» на Таймс-сквер. Я подумал, что ночью лучше ехать через мост Трайборо, а дальше — по шоссе Франклина Рузвельта. Но тот парень взглянул на карту и сказал, чтобы я выехал на трассу Бруклин — Квинс, а потом через туннель до Мидтауна. «Ладно, — говорю я, — любой каприз за ваши деньги». И знаете, мы довольно быстро добрались до туннеля. Только когда выехали из него, как вы думаете, что я увидел? Никакого Эмпайр-стейт-билдинг, только один гребаный терминал. Я оказался в Денвере. Я никогда до этого не был в Денвере. И вот я оглядываюсь через плечо, — сказал Кшивч и подкрепил свои слова действием, обдав Мейерса отвратительным запахом изо рта, — а там — нет туннеля, только уйма машин сигналит мне, потому что я остановился посреди трассы. И вот с тех пор я здесь.

Кшивч прибавил газу, когда светофор переключился на желтый, и стал подниматься вверх по обледенелому шоссе. Мейерс увидел зеленый знак, указывавший направление к центру. Прямо впереди над горизонтом висела полная луна. Машин на дороге было мало, но это неудивительно, ведь всю трассу покрывала корка льда. Впрочем, таксиста это совершенно не волновало, и его ста-

ренький «чекер» был непоколебим, как скала.

— Значит, вы решили остаться здесь? — спросил Мейерс.

— Мое решение тут ни при чем. Думаете, я был пьян или у меня случился провал в памяти, пока я ехал сюда? — Кшивч обернулся и посмотрел на Мейерса. Во всполохах света от уличных фонарей Мейерс увидел, что левая сторона лица у таксиста почернела и распухла. Левый глаз заплыл. На щеке виднелся длинный свежий шрам от пореза, который не был зашит. — Думайте что хотите, только вот ни одна из этих дорог не приведет вас в Нью-Йорк. И поверьте моему слову, дружище, я испробовал их все.

Мейерс не знал, как ему реагировать на это заявление.

— Что у вас с лицом? — спросил он.

— Вы про это? Повздорил немножко с ночными копами. Представляете, я ехал с выключенными передними фарами? Мне повезло. Стукнули по голове и отпустили. Черт, бывало и хуже. Намного хуже.

Пилот, кажется, тоже говорил что-то про ночных копов? Они еще отправили его второго пилота в больницу. Что-то здесь было не так.

— Почему вы сказали, что эти дороги не приве-

дут в Нью-Йорк? Это ведь шоссе между штатами. И такие дороги все соединяются друг с другом.

— Вы пытаетесь во всем найти смысл, — сказал Кшивч. — Пора вам покончить с этим.

— Что вы пытаетесь мне этим сказать? — спросил Мейерс, чувствуя, как нарастает его раздражение. — Что происходит?

— Думаете, мы попали в долбаную Сумеречную Зону или что-то в этом роде? — Кшивч снова обернулся к Мейерсу, затем посмотрел на дорогу и покачал головой. — Вы меня раскусили, дружище. Нет, я считаю, что мы в Денвере, только это какой-то измененный Денвер.

— Мы в аду, — сказал голос по рации.

— Ой, Московитц, заглохни, тупой жид.

— Иначе все это не имеет смысла, — послышался голос Московитца.

— Да нет тут никакого чертова смысла! — прокричал Кшивч в свой микрофон. — Оглянись по сторонам. Ты видишь ребят с вилами? Рогами? Ты видишь горящие котлы, заполненные… как их там… миаз…

— Серой, — предположил Мейерс.

— Точно. Серой. — Он показал на микрофон. — Это Московитц — мой диспетчер, — объяснил он Мейерсу. — Вы видели какую-нибудь кричащую

потерянную душу?

— Я слышал много криков по рации, — сказал Московитц. — Я сам иногда кричу. И я, ясен пень, ощущаю себя потерянным.

— Только послушайте его, — с усмешкой проговорил Кшивч. — Мне приходится выслушивать это дерьмо каждую ночь.

— С чего ты взял, что тут должны быть парни с рогами? — продолжал Московитц. — Ты думаешь, тот парень, Данте, рассказал всю правду?

— Московитц у нас книжки читает, — бросил через плечо таксист.

— Да и почему ад должен оставаться точно таким же? Ты считаешь, они тут ничего не перестроили? Посмотри, сколько здесь сейчас людей. Где они будут их всех содержать? В новых пригородных районах, вот где. Раньше в аду пользовались лодками и повозками, запряженными лошадьми. Теперь здесь самолеты и такси.

— А еще ночные копы и больницы, про них не забудь.

— Заткнись, польский недоумок! — закричал Московитц. — Ты же знаешь, я не хочу ни с кем обсуждать это по рации.

— Прости, прости, — усмехнулся Кшивч, оглядываясь и пожимая плечами. — Ну что тут

поделаешь?

Мейерс слабо улыбнулся в ответ.

— Только так можно все объяснить, — продолжал Московитц. — Моя жизнь — ад. Твоя жизнь — ад. Все, кого ты сажаешь в свое долбаное такси, живут в аду. Мы умерли и попали в ад.

Кшивч снова разозлился.

— Умерли? Ты помнишь, как ты умер? Ответь, Московитц? Ты сидишь в своем офисе, жрешь пиццу, запивая ее соком «7-Up», и в этой грязной дыре месяцами ничего вообще не происходит. Уж что-что, а свою смерть ты бы точно запомнил.

— Сердечный приступ! — крикнул Московитц. — У меня наверняка был сердечный приступ. Моя душа выплыла из тела, и меня отправили сюда… Как раз туда, где я и прежде находился. Только теперь я останусь здесь навсегда и не смогу выбраться. Это либо ад, либо лимб[49].

— Катись ты куда подальше со своим лимбом. Что вообще еврей может знать о лимбе? Или аде? — Он выключил рацию и посмотрел на Мейерса. — Думаю, он имел в виду чистилище. Если хотите узнать про ад, спросите у поляка-католи-

---

[49] Примечания: 49

В католицизме — место, где находятся души безгрешные, но не способные попасть в рай. Например, некрещеные младенцы или дохристианские праведники.

ка. Мы знаем про ад.

Мейерсу все это уже порядком надоело.

— Я думаю, что вы оба психи, — дерзко заявил он.

— Ага, — согласился Кшивч. — Сложно не свихнуться, когда проторчишь здесь столько времени. — Он стал внимательно рассматривать Мейерса в зеркало. — Но вы, приятель, так и не поняли. Я-то сразу, как вы сели ко мне в такси, догадался. Вы один из тех, кого отрыгивают самолеты. Летаете по кругу, таскаете за собой свои чемоданы от Гуччи, которые стоят как моя выручка за месяц. Меняете аэропорты, самолеты, и так по кругу, и все думаете, будто происходящее до сих пор имеет какой-то смысл. Вы все еще надеетесь, что после сегодняшнего дня наступит завтра и что все дороги куда-нибудь ведут. Вы думаете, что, если солнце село, оно обязательно должно снова взойти. Что два плюс два всегда будет равно трем.

— Четырем, — поправил его Мейерс.

— Хм?

— Два плюс два будет четыре.

— Знаете, дружище, иногда два плюс два равняется тому, что отсюда вам никогда не удастся выбраться. Иногда два плюс два — это удар но-

гой по яйцам и дубинкой по голове и туннель, который больше не ведет на Манхэттен. Не спрашивайте меня почему, потому что я и сам не знаю. Если это ад, значит, мы были плохими при жизни, верно? Но я не был плохим парнем. Я ходил в церковь на службу, я не совершал преступлений. Но вот я здесь. У меня нет дома, только это такси. Я покупаю еду в забегаловках, мимо которых проезжаю, и писаю в бутылки из-под пива. Я в какой-то момент оступился, выпал из того мира, где после рабочей смены ты можешь вернуться домой. Я превратился в одного из ночных людей, как и вы.

Мейерс не стал возражать, что он вовсе не один из «ночных людей», кем бы они ни были. Безумный таксист немного пугал его. Но он не мог уловить логику в его рассуждениях, и это породило в нем дух противоречия.

— Так вы хотите сказать, что мы попали в другой мир?

— Не-а, мы все еще в нашем мире. Мы здесь, мы всегда здесь были, ночные люди, только нас никто не замечает, потому что мы как будто отгорожены от всех. Вон та шлюха, которая разгуливает про тротуару, все думает, что, когда солнце взойдет, она вернется домой вместе со

своим сутенером на фиолетовом «кадиллаке»? Никуда они не попадут. Улицы, на которых они находятся, не ведут домой. Так же и тот одинокий диджей, которого вы слушаете по радио. Машинист в метро, где всегда ночь. Водитель-дальнобойщик. Уборщики. Вахтеры.

— Прямо все?

— Откуда мне знать, все или нет? Я что, должен подъезжать к каждому офисному зданию и просить, чтобы мне позвали уборщиков, а потом поинтересоваться у них: «Эй, вы тоже застряли в чистилище, как и я?»

— Но только не я.

— Да, вы один из них, самолетная отрыжка. Знаем мы таких, как вы. У некоторых из вас едет крыша. Только и делают, что таращат глаза, которые у них становятся большими, словно сусличьи норы. Но знаете, когда проведешь здесь достаточно времени, то уже перестаешь верить, что тебе удастся найти туннель, ведущий к дому? Только вот вы, «пассажиры», вы не такие. Как там говорили по телевизору? Вы…

— Отрицаем очевидное?

— Точно. Отрицаете очевидное. Взгляните вперед.

Мейерс посмотрел в лобовое стекло, и прямо

перед ним под желтой луной возник он. Раскидистый шатер аэропорта Денвера, похожий на какую-то экзотическую ядовитую гусеницу из джунглей. Он не сводил с аэропорта взгляда, пока таксист, сбросив скорость, ехал по направлению к нему.

— Над Денвером всегда полная луна, — усмехнулся Кшивч. — Оборотни любят такую. И все дороги ведут в аэропорт. Только это не сулит ничего хорошего для самолетной отрыжки.

Мейерс распахнул дверь такси и вывалился на обледенелую дорогу. Поднявшись, он услышал крик водителя. Вскарабкавшись на насыпь, Мейерс перебежал шоссе, уворачиваясь от мчавшихся по нему машин, и перебрался на другую сторону. Большинство заведений там были закрыты: склады, парковки, но одно работало — магазинчик у заправки. Он побежал к нему, уверенный, что тот сейчас исчезнет словно мираж. Однако когда Мейерс толкнул дверь, та чудесным образом оказалась абсолютно прозаичной и твердой. За прилавком стояли двое сотрудников: высокий черный парень и белая девушка-подросток.

Мейерс стал бродить между небольших полок с продуктами, надеясь, что он ни у кого не вызовет подозрений. Услышав, как на двери звякнул

предупреждающий звонок, он взял коробку с хлопьями и сделал вид, будто изучает ее.

Он увидел, как мимо прилавка прошли двое полицейских. «Это за мной», — подумал Мейерс.

Но полицейские удалились вглубь магазина. Один из них открыл холодильник с пивом, другая взяла коробку и стала складывать в нее пончики.

Оба полицейских прошли в десяти футах от Мейерса. Один сжимал рукой в черной перчатке упаковку с шестью банками пива «Корс», а второй рукой придерживал большое черное ружье, напоминавшее винтовку, но с толстым круглым магазином, как у автомата Томпсона. У второго офицера на поясе было два автоматических пистолета. Она посмотрела на Мейерса и улыбнулась ему наглой и сексуальной улыбкой. У нее была ярко-красная помада.

Полицейские направились к продавцам, которые были чем-то заняты и стояли к копам спиной. Офицеры вышли за дверь. Мгновение стояла тишина, а потом послышался оглушающий грохот.

Мейерс видел, как разлетается на осколки зеркальное стекло. На улице мужчина-полицейский палил из своего ружья по магазину, едва успевая передергивать затвор. У его напарницы были

пистолеты в обеих руках.

Мейерс упал на пол, запорошенный, словно снегом, кукурузными хлопьями и обрывками туалетной бумаги. Оба копа продолжали опустошать свои магазины, а патронов у них было много. Наконец все закончилось. В тишине он услышал, как полицейские рассмеялись, после чего открыли двери своей машины. Мейерс встал на колени и выглянул из-за разрушенной витрины.

Патрульная машина отъезжала задним ходом. Он заметил, что женщина пила пиво из банки, когда полицейская машина свернула на дорогу. Через секунду на парковке затормозило желтое такси, и Мейерс заметил сквозь лобовое стекло избитое лицо Кшивча. Тот увидел Мейерса и лихорадочно замахал руками.

Осколки стекла и хлопья хрустели под ногами Мейерса, пока он шел по проходу. Черный парень сидел на корточках за прилавком. Он практически не пострадал. Девушка лежала на спине в луже крови, придерживая вываливающиеся внутренности, и стонала. Мейерс замешкался, и тогда Кшивч нажал на гудок. Мейерс повернулся к девушке спиной и прошел через алюминиевую дверную раму, на которой больше не было стекла.

Кшивч медленно и аккуратно стал выезжать с парковки. Слева от них стояла полицейская машина с выключенными фарами, она была повернута в их сторону. Мейерс задержал дыхание, но Кшивч развернулся в противоположную сторону, а полицейская машина даже не двинулась с места.

— Они будут налегать на пиво со сникерсами, — сказал таксист.

— Та девушка… она…

— С ней все будет хорошо. — Кшивч указал на мигавшие впереди красные огни. Через мгновение мимо них в противоположном направлении промчалась машина «Скорой помощи». Он весь съежился на своем сиденье, пока они не проехали. — В конечном счете.

— А как тут обстоит дело с больницами? — спросил Мейерс. — Московитц ничего не…

— В больницах тебе делают больно, — ответил Кшивч. — В больницах болезни. Твои раны там воспаляются. Тебе дают не те таблетки, и ты блюешь своими внутренностями. Что угодно может пойти не так. А потом ты узнаешь про «эксперименты». — Он покачала головой. — Лучше туда не попадать. Эти ночные врачи и ночные медсестры, они не люди.

Мейерс попытался расспросить Кшивча, но он ничего больше не рассказал про «эксперименты».

Такси подъехало к терминалу. Мейерс вышел и бросился бежать.

В него стреляли, но он все бежал. За ним гнались, но он был уверен, что ему удалось оторваться. Он оказался на взлетной полосе. Наплывал туман, и терминала больше не было видно.

Это место не было предназначено для людей, даже летней ночью, не то что зимой. Мейерс шел дальше, уворачиваясь от гремящих, пронзительно ревущих серебристых китов, которые рулили по летному полю в темноте. Он замирал в лучах тусклого отвратительного голубого стробоскопического света, от каждой вспышки которого ему в глаза будто втыкали ножи для колки льда. Он не знал, где находился и куда идет.

— …помогите…

Это было скорее всхлип, чем человеческая речь. Он доносился откуда-то из-за ряда огней.

— …ради всего святого…

Кто-то полз к нему, пока постепенно не оказался в лучах света — какой-то человек подтягивался на окровавленных руках. Мейерс отступил назад.

— …пожалуйста, помогите…

Это был Эдуардо из закусочной в аэропорту О'Хара. Его белая рубашка превратилась в окровавленные лохмотья, казавшиеся черными в этом неземном свете. Брюк на нем не было. Одной ноги тоже. Ее оторвало, из обрубка торчал обломок белой бедренной кости.

Мейерс заметил и остальных. Подобно зверям, кружащим около костра в лесу, эти фигуры можно было различить лишь по проблескам синей стали и фрагментам бледных щек. Темные заплатки на черном покрывале ночи. На них были черные шлемы с визорами как у летчиков-истребителей, солнцезащитные очки, как у Терминатора, блестящие черные сапоги, пояса и куртки, скрипящие, как у мотополиции. Мейерс не сомневался, что где-то там стояли, выстроившись в ряд, их черные «харлеи». Он чувствовал запах оружейного масла и старой кожи.

Были и другие фигуры, другие существа. Тоже черные с оскаленными клыками, отливавшими в свете синевой. Они молча натягивали поводки.

Мейерс попятился. Если он не будет делать резких движений, они не бросятся на него. Возможно, они его даже не заметили.

Вскоре туман поглотил все вокруг, и больше он не видел человеческих фигур.

Что-то коснулось его ноги. Он не стал смотреть вниз и продолжал пятиться. Краем глаза он заметил на земле какие-то темные фрагменты, напоминавшие части тела. Только они продолжали двигаться.

Мейерс услышал вой сирен вдалеке, увидел красно-синие проблесковые маячки. Подъехала белая, похожая на коробку «Скорая», на боку у нее была большая оранжевая полоска с надписью: «Неотложная помощь». Задние двери распахнулись. Свет внутри был приглушенный, красноватый. Машина встала наискосок от Мейерса, и он не мог разглядеть, что находилось внутри. В воздух поднялась черная туча мух. Он слышал их жужжание. Густая черная жижа растекалась по полу, переливалась через бампер и, дымясь, лужей расползалась по замерзшей земле. Мейерс понял, что при дневном освещении эта жидкость будет темно-красной.

Из глубины «Скорой помощи» стали появляться мужчины и женщины, одетые в белоснежные халаты или мешковатые синие костюмы хирургов. Все были в марлевых масках. Их маски, резиновые перчатки и одежда были испачканы кровью. Ни у кого из них не было рогов или вил. Вели они себя очень деятельно и профессионально.

Врачи и медсестры подняли Эдуардо и швырнули его в открытую дверь «Скорой», словно мешок с грязным бельем. Одна из сестер вынырнула из тумана, держа в руках ногу Эдуардо. Нога дергалась. Она бросила ее вслед за Эдуардо.

Мейерс продолжал пятиться, но теперь уже быстрее. Мужчина в синем костюме хирурга посмотрел в его сторону. Остальные поступили точно так же. Мейерс повернулся и побежал.

Мир перед его глазами снова закружился и на этот раз продолжил свое вращение не переставая. Он почувствовал себя так, словно все его тело разлетелось на части, а когда его снова собрали, не все фрагменты оказались на месте. Однако теперь Мейерс ощущал себя намного лучше. Он улыбался.

Мейерс снова отыскал здание терминала. Он ненадолго остановился около него на тротуаре, пытаясь отдышаться. Крупный мужчина с синяками на лице стоял, прислонившись к желтому такси с шашечками на боку. Мужчина поднял вверх большой палец. Когда же Мейерс с непониманием уставился на него, он сменил большой палец на средний и пробормотал что-то насчет «самолетной отрыжки». Мейерс стряхнул со своего пальто снег со льдинками и пригладил

растрепанные волосы. Он вошел в терминал.

Внутри все было украшено огоньками рождественских гирлянд, мишурой и листьями остролиста. Здесь бурлило настоящее людское море, и лишь у немногих было рождественское настроение.

Мейерс посмотрел налево и увидел свой багаж, аккуратно сложенный у стены. Он поднял свои пожитки. Кто-то заклеил куском серебристого скотча царапину на его сумке ручной клади.

Мейерс продолжал улыбаться даже после того, как отстоял в очереди три часа. Измученная продавщица билетов улыбнулась ему в ответ и сказала, что этой ночью у него нет шансов улететь домой.

— Вам не удастся вернуться к утру Рождества, — сказала она, — но я могу достать билет на рейс в Чикаго. Самолет улетает через несколько минут.

— Было бы здорово, — с улыбкой ответил Мейерс.

Кассирша выписала ему билет.

— С наступающими! — сказала она.

— И вам счастливого Рождества, — ответил Мейерс.

Его рейс уже объявляли: «… до Чикаго с остановками в Амарилло, Оклахома-Сити, Топике,

Омахе, Рапид-Сити, Фарго, Дулуте и Де-Мойне.

«Рождество», — подумал Мейерс. Всем срочно нужно куда-нибудь попасть. Жаль было тех несчастных, кому в эту пору нужно было ехать куда-то по делам. Приходилось совершать многочисленные стыковки почти во всех среднего пошиба городах Великих равнин. Настоящий ад для авиапутешественника. Но Мейерс собрался с духом. Еще немного, и он будет дома со своей семьей. Дома с любимой женой… и чудесными детьми… Мейерс был уверен, что через мгновение вспомнит, как их зовут.

Взвалив на плечи свою ношу, как призрак Марли[50] свои цепи, выкованные при жизни, Мейерс поплелся на посадку вместе с медленно бредущей толпой. Совсем скоро он будет дома. Совсем скоро.

---

[50] Примечания: 50

Персонаж повести Чарлза Диккенса «Рождественская песнь», обреченный после смерти носить цепи за свою жадность и отсутствие сострадания к людям.

Воздушный налет

Я очнулся, разбуженный сигналом тревоги, неслышно вибрировавшим у меня в голове. Обычно он не смолкает, пока не сядешь, поэтому я сел. Повсюду в неосвещенной комнате по одному и по двое спали члены группы захвата. Я зевнул, почесал ребра и похлопал Джина по волосатому боку. Он повернулся. Хватит романтического забытья.

Протерев глаза, чтобы окончательно проснуться, я вытянул руку и поднял с пола протез, пристегнул его и закрепил, потом побежал вдоль коек к оперативному пункту.

В темноте светился информационный монитор: ««Сан-Белт эйрлайнз», рейс 128, Майами — Нью-Йорк, 15 сентября 1979 года». Мы ждали этого в течение трех лет. Я должен был бы чувствовать себя счастливым, но кто может так себя чувствовать, будучи разбуженным посреди глубокого сна?

Лайза Бостон, что-то пробормотав, прошла мимо меня, направляясь в комнату предстартовой подготовки. Я пробормотал что-то в ответ и

последовал за ней. Вокруг зеркал зажглись лампочки, и я на ощупь пробрался к одному из них. Позади нас топталось еще три человека. Я сел и подключился к системе. Наконец-то можно было откинуться назад и закрыть глаза.

Но ненадолго. Шевелись! Я выпрямился, как только бурда, которую я использовал в качестве крови, была замещена высокозаряженным топливом. Оглядевшись, увидел идиотские ухмылки. Вокруг стояли Лайза, Пинки и Дэйв. У дальней стены Кристабел уже медленно вращалась перед аэрографом, принимая окраску человека европеоидной расы. Мы с ней составляли отличную команду.

Открыв ящик стола, я принялся за предварительную работу над своим лицом. Каждый раз этой работы становилось все больше. Переливание — не переливание, но похож я был на смерть. Правого уха теперь не было совсем. Губы больше не смыкались, десны оставались постоянно обнаженными. Неделю тому назад у меня во сне отвалился один палец. Ну и что из того?

Пока я работал, один из экранов над зеркалом засветился. Улыбающаяся молодая женщина, блондинка, высокий лоб, округлое лицо. Крупный план. Бегущая внизу строка гласила: «Мэри

Катрина Сондергард, родилась в Трентоне, Нью-Джерси, возраст в 1979 году — 25 лет». Детка, это твой счастливый день.

Компьютер убрал кожу и мышцы с ее лица, чтобы показать мне строение черепа, стал поворачивать его, демонстрируя поперечные сечения. Я изучал сходства со своим собственным черепом, отмечал различия. Неплохо, кое-что даже лучше, чем то, что мне попадалось раньше.

Я собрал челюсть, воспроизведя небольшую расщелину между верхними резцами. Вязкая масса для слепков заполнила мой рот, округлив щеки. Из дозатора выпали контактные линзы, я их вставил. Носовые вкладыши расширили мои ноздри. Уши неважны, их скроет парик. Я натянул на лицо заготовку маски из особой массы, имитирующей плоть, и подождал, пока она впитается. Потребовалась всего минута, чтобы вылепить лицо в совершенном соответствии. Я улыбнулся самому себе. Как чудесно иметь губы!

В узле выдачи что-то щелкнуло, и из прорези мне на колени выпали светлый парик и полный комплект одежды. Парик был только что от стилиста. Я надел его, потом натянул колготки.

— Мэнди? Ты получил профиль Сондергард?

Я не поднял головы: голос был мне знаком.

— Роджер?

— Мы засекли ее возле аэропорта. Сможем сделать так, чтобы ты проник внутрь еще до взлета, так что ты будешь джокером.

Я застонал и, подняв голову, скользнул взглядом по лицу на экране. Элфреда Балтимор-Луисвилл, начальник оперативной группы: безжизненное лицо, узкие щелочки вместо глаз. А чего ожидать, если все мускулы мертвы?

— Хорошо. — Берешь что дают.

Она отключилась, и следующие две минуты я потратил на одевание, одновременно наблюдая за мониторами. Я запоминал имена и лица членов экипажа плюс некоторые известные факты о них. Потом поспешно вышел и догнал остальных. Время, затраченное с момента первого сигнала тревоги, — двенадцать минут семь секунд. Надо было поторапливаться.

— Проклятый «Сан-Белт», — проворчала Кристабел, подтягивая бюстгальтер.

— По крайней мере, теперь они не носят высоких каблуков, — заметил Дэйв. — Годом раньше нам пришлось бы балансировать по проходу на почти восьмисантиметровых каблуках.

На всех нас были короткие розовые платья-рубашки в сине-белую диагональную полосу

спереди, на плечах — подобранные под цветовую гамму сумки. Я суетился, пытаясь закрепить булавкой на голове смешную маленькую женскую шляпку.

Мы трусцой побежали в пункт оперативного управления и выстроились один за другим у шлюзных ворот портала. Теперь все зависело уже не от нас. Мы могли только ждать, когда ворота откроются.

Я стоял первым, в метре от тамбура, отвернувшись: при виде его у меня кружилась голова. Вместо этого я смотрел на карликов, сидевших на своих кронштейнах в желтом свете, лившемся с экранов. Никто из них не посмотрел на меня в ответ. Они нас очень не любят. Я их тоже не люблю. Они все сморщенные и изможденные. Для них наши толстые руки, зады и груди выглядят укором, напоминанием о том, что «похитители» едят в пять раз больше, чем они, чтобы сохранять презентабельный вид для маскарада. А между тем мы продолжаем гнить. И когда-нибудь я тоже буду сидеть на кронштейне. В один прекрасный день и в меня, выпустив внутренности наружу, *вмонтируют* кронштейн, и от моего тела не останется ничего, кроме вони. Да пошли они!

Пистолет я зарыл в сумочке под ворохом бу-

мажных платков и тюбиков помады. Элфреда наблюдала за мной.

— Где она сейчас? — спросил я.

— В своем номере в мотеле. Она была там одна с десяти вечера до двенадцати часов дня вылета.

Вылет — в час пятнадцать. Времени у нее оставалось впритык, поэтому она должна будет торопиться. Это хорошо.

— Можешь подловить ее в ванной комнате? А лучше всего в самой ванне.

— Мы над этим работаем. — Элфреда кончиком пальца начертила на безжизненных губах подобие улыбки. Она знала, как я «люблю» действовать, и всегда говорила: бери что дают. Но спросить-то никогда не помешает. Люди беззащитнее всего, когда лежат, вытянувшись, по шею в воде.

— Вперед! — скомандовала Элфреда.

Я переступил порог, и все сразу пошло не так.

Я вошел не с той стороны, *из* двери ванной, очутился лицом к спальне, обернулся и сквозь дымку портала увидел Мэри Катрину Сондергард. Мне было не добраться до нее иначе, чем шагнув назад. Я даже не мог выстрелить, чтобы не задеть кого-нибудь на той стороне.

Сондергард стояла у зеркала — худшая позиция

из всех. Мало кто может быстро узнать себя в другом, но у нее перед глазами сейчас рядом были и собственное, и мое отражения. Увидев меня, она вытаращила глаза. Я отступил в сторону, выйдя из поля ее зрения.

— Какого черта проис… Эй! Кто там, черт возьми?!

Я запомнил звучание ее голоса: его бывает труднее всего правильно воспроизвести.

Судя по всему, она была не столько напугана, сколько удивлена. Моя догадка оказалась верной. Обернувшись полотенцем, она вышла из ванной, пройдя сквозь портал так, словно его и не было, — впрочем, его там и не было, поскольку он работал только в одну сторону.

— Господи Иисусе! Что вы делаете в моей… — В такие моменты у человека не находится слов. Она понимала, что должна что-то сказать, но что? *Простите, не вас ли я видела в зеркале?*

Я надел на лицо одну из своих самых очаровательных «стюардесских» улыбок и протянул руку.

— Простите за вторжение. Я сейчас все объясню. Видите ли, я… — Я ударил ее в висок, она зашаталась и тяжело рухнула. Полотенце распахнулось и упало на пол. — … подрабатываю здесь

себе на учебу.

Она начала было вставать, так что пришлось мне своим искусственным коленом нанести ей удар в подбородок. На этот раз она осталась лежать.

— Черт, настоящая кровь! — прошипел я, вытирая разбитые костяшки. Но времени не было. Я встал на колени рядом с ней, пощупал пульс. Очнется, но, боюсь, я расшатал ей несколько передних зубов. Я замешкался на несколько секунд. Бог ты мой, так выглядеть без макияжа, безо всех этих протезов! Ее вид рвал мне сердце.

Я подхватил ее под мышки и колени и отнес к порталу. Она была как мешок с вареными макаронами. Кто-то с той стороны просунул руки, схватил ее за ноги и дернул. *До свидания, милая! Не хочешь ли совершить долгое путешествие?*

Я сел на ее кровать, чтобы отдышаться. У нее в сумочке лежали ключи от машины и сигареты. Настоящий табак — на вес крови. Я прикурил шесть штук, считая, что имею право посвятить себе пять минут. Комната наполнилась сладким дымом. Таких сигарет уже больше не делают.

Взятый напрокат в «Херце» седан стоял на парковке мотеля. Я сел в него и помчался в аэропорт, глубоко вдыхая воздух, богатый углеводородами.

Дорога была видна на сотни метров вперед. От такой перспективы у меня чуть не закружилась голова, но именно ради подобных моментов я и жил. Невозможно объяснить, каково это — очутиться в дотехнологичном мире. Солнце, огромный желтый шар, неистово светило сквозь дымку.

Другие стюардессы уже поднимались на борт. Некоторые из них знали Сондергард, поэтому я старался как можно меньше говорить, сославшись на похмелье. Они восприняли это с пониманием, посмеиваясь и делая шутливые замечания. Очевидно, это было вполне в ее стиле. Погрузившись в «Боинг-707», мы стали ждать прибытия баранов.

Пока все шло гладко. Четверо наших бойцов на другой стороне выглядели как однояйцевые близнецы тех женщин, с которыми сейчас работал я. Мне ничего не оставалось, кроме как исполнять обязанности стюардессы до самого взлета. Я надеялся, что больше накладок не будет. Одно дело инвертированный портал для входа джокера в комнату мотеля, другое — «Боинг-707», летящий на высоте шести тысяч метров над землей…

Самолет был практически полон, когда стюардесса, которую должна была изображать Пинки,

закрыла передний входной люк. Мы вырулили на взлетную полосу — и вот уже оказались в воздухе. Я стал принимать заказы на напитки в салоне бизнес-класса.

Бараны были обычным для 1979 года сборищем. Все как один толстые, развязные и не отдающие себе отчета в том, что живут в раю, чувствуя себя в нем как рыба в воде. *А что бы вы сказали, дамы и господа, о путешествии в будущее? Нет? Вообще-то я не удивлен. А что, если я вам сообщу, что этот самолет направляется в…*

Как только мы достигли крейсерской высоты, моя рука ощутила телеметрический сигнал. Я сверился с индикатором под своими часами «Леди Булова» и посмотрел на дверь одного из туалетов. По самолету прошла волна вибрации. *Черт, не так быстро!*

Портал находился там. Я поспешно вышел и сделал знак Дайане Глисон, которую должен был изображать Дэйв, пройти в переднюю часть самолета.

— Ты только посмотри на это, — сказал я с отвращением.

Она собралась было войти в туалет, но остановилась, увидев там какое-то зеленое свечение. Я приставил ногу к ее заднице и толкнул. Отлично.

Дэйв появится здесь, как только услышит ее голос. А ей только и останется, что кричать, когда она *там* осмотрится вокруг…

Дэйв прошел через портал, поправляя дурацкую шляпку на голове. Должно быть, Дайана сопротивлялась.

— Сделай вид, что тебе противно, — прошептал я.

— Какой бардак, — сказал Дэйв, выходя из туалета. Он очень хорошо копировал речь Дайаны, немного не хватало лишь акцента. Но скоро это станет не важно.

— Что там такое? — Это была одна из стюардесс туристского салона.

Мы расступились, чтобы она могла посмотреть, и Дэйв втолкнул ее внутрь. Из портала вместо нее очень быстро появилась Пинки.

— Мы немного опаздываем, — сказала она. — На той стороне потеряли пять минут.

— Пять?! — с негодованием взвизгнул Дэйв-Дайана.

Я почувствовал то же самое. Ведь нам предстояло обработать сто три пассажира!

— Да. Они потеряли управление после того, как ты втолкнул мою «двойницу». Именно столько времени потребовалось, чтобы перестроиться.

Это было вполне обычным делом. Время течет по-разному по ту и по эту стороны портала, хотя и тут, и там всегда поступательно — от прошлого к будущему. Как только мы приступили к операции захвата — это случилось в тот момент, когда я вошел в комнату Сондергард, — уже никак нельзя было вернуться назад ни с той, ни с этой стороны. Здесь, в 1979-м, мы имели девяносто четыре минуты, и ни минутой больше, чтобы все завершить. На той стороне никогда не держат портал открытым дольше трех часов.

— Сколько времени прошло с момента подачи тревоги до того, как ты вышел через портал?

— Двадцать восемь минут.

Это было плохо. Только на то, чтобы подогнать внешность марионеток-двойников, потребуется по меньшей мере два часа. При условии, что отставаний больше не будет, мы только-только могли уложиться в это время. Но отставания случаются *всегда.* Я поежился при мысли о том, что нам предстояло, и сказал:

— Тогда времени на игры больше нет. Пинки, иди в туристский салон и позови сюда обеих стюардесс. Скажи, чтобы приходили по одной, что у нас здесь возникла проблема. Ну, ты знаешь свою роль.

— Поняла тебя. Едва сдерживаю слезы. — Она поспешила в хвостовую часть.

И сразу же появилась первая стюардесса. Ее фирменная «сан-белтовская» улыбка была приклеена к лицу, но сейчас ей станет не до улыбок. *О господи, вот и все!*

Я взял ее за локоть и втянул за занавеску, отделявшую служебный отсек. Она тяжело дышала.

— Добро пожаловать в сумеречную зону, — произнес я и приставил пистолет к ее голове. Она начала оседать, я поймал ее. Пинки и Дэйв помогли мне протолкнуть ее через портал.

— Зараза! Эта чертова штука мигает.

Пинки была права. Зловещий знак. Но зеленое свечение стабилизировалось у нас на глазах, хотя кто знает, с каким отставанием на той стороне. Из-за занавески вынырнула Кристабел.

— Опаздываем на тридцать три, — сказала она.

Не было никакого смысла вслух говорить о том, о чем мы все подумали: дело плохо.

— Иди обратно в туристский салон, — скомандовал я. — Демонстрируй бодрость, улыбайся каждому, можешь даже чуточку переиграть, поняла?

— Заметано, — ответила Кристабел.

Остальных мы обработали быстро, без проис-

шествий. Времени что-либо обсуждать уже не было. Через восемьдесят девять минут рейс 128 должен был разлететься по поверхности горы, независимо от того, успеем мы выполнить свою работу или нет.

Дэйв пошел в кабину пилотов следить, чтобы те не доставили нам неприятностей. Нам с Пинки достался первый класс, Кристабел и Лайзе — туристский. Мы использовали стандартную модель — «кофе, чай или молоко?» — полагаясь на собственную быстроту и их инертность.

Я склонился над двумя сиденьями в первом ряду слева.

— Как вам нравится полет? — Пух-пух. Два нажатия на курок, дуло приставлено прямо к голове, остальные бараны ничего не видят и не слышат.

— Привет. Я — Мэнди. Летите за мной. — Пух-пух.

Стоя на полпути к пищеблоку, за нами с любопытством наблюдали несколько человек. Но, чтобы начать действовать, людям нужно нечто более определенное. Один баран в заднем ряду встал, и я ему влепил. К тому времени в живых оставалось только восемь пассажиров. Я покончил с улыбками и быстро сделал четыре выстрела

подряд. Пинки разделалась с остальными. Мы раздвинули занавеску — как оказалось, вовремя.

В конце туристского салона начинался шум, притом что шестьдесят процентов баранов уже были обработаны. Кристабел взглянула на меня, я кивнул.

— Эй, ребята, — заорала она. — Я хочу, чтобы вы все успокоились и послушали меня. *А ну, вы, олухи, заткнитесь*, пока я не прекратила весь этот бардак.

Шок от таких речей парализовал всех, и это подарило нам немного времени. Мы образовали стрелковую цепь поперек салона и, придерживаясь за спинки кресел, прицелились в сбитое с толку стадо из тридцати баранов. Одного вида оружия достаточно, чтобы внушить страх любому, кроме разве что какого-нибудь безрассудного храбреца. По сути дела, стандартный станнер[51] — это всего лишь пластмассовая коробочка с двумя аккумуляторными пластинами, разведенными на пятнадцать сантиметров. В нем

[51] Примечания: 51

Электрошоковое оружие, поражающим элементом которого является «электрическая пуля», представляющая собой миниатюрный электрошокер, выстреливаемый в цель при помощи огнестрельного или пневматического оружия и прикрепляющийся к цели при помощи игл с рогами, после чего электрический разряд от пули передается на цель.

недостаточно металла, чтобы под его угрозой совершить угон самолета. И для всех людей, начиная с каменного века и вплоть до 2190 года, он похож на оружие не больше, чем шариковая ручка. Поэтому отдел технического оборудования «оживляет» их, упаковывая в пластиковый корпус, придающий им вид настоящих бластеров, как у Бака Роджерса[52], с дюжиной всяких кнопок и огоньков, которые постоянно мигают, и стволом, похожим на кабанье рыло. Едва ли кто-нибудь из баранов когда-либо видел такое.

— Мы находимся в серьезной опасности, и времени почти не осталось. Вы все должны делать то, что я вам скажу, и тогда сможете спастись.

Нельзя давать им время на раздумья, нужно опираться на свой статус Голоса власти. Ситуация для них все равно *не имеет* смысла, как бы ее ни объяснять.

— Минуточку, я думаю, вы обязаны нам…

Бортовой адвокат выискался. Я мгновенно принял решение, нажал крючок пуска петарды на своем ружье и «убил» его. Ружье издало звук,

---

[52] Примечания: 52

Классический герой научной фантастики, капитан звездолета в XXV веке, который, проснувшись после пятивекового сна, освобождает Америку от нашествия монгольских завоевателей, а затем и Вселенную — от космических злодеев.

похожий на звук летающей тарелки, страдающей геморроем, плюнуло искрами и маленькими струями пламени и послало зеленый лазерный палец к его лбу. Он упал.

Все это, разумеется, было имитацией, но произвело впечатление.

И в то же время это было чрезвычайно рискованно. Мне пришлось выбирать между паникой, которая возникла бы, если бы этот олух заставил их задуматься, и паникой, которую могла вызвать вспышка от выстрела. Но когда человек XX века начинает говорить о своих «правах» и о том, что ему кто-то что-то «должен», ситуация может вырваться из-под контроля. Это заразно.

Сработало. Началась стрельба, люди стали нырять за кресла, но никакого бунта не случилось. Мы могли справиться со всеми, однако, если мы хотели завершить захват, нам нужно было, чтобы некоторые из них оставались в сознании.

— Вставайте. А ну, вставайте, *лодыри*! — вопила Кристабел. — Он всего лишь оглушен. Но я действительно *убью* первого, кто меня ослушается. *Поднимайтесь на ноги* и делайте то, что я велю. *Сначала дети! Быстрее,* как можно быстрее — в носовую часть! Делайте то, что вам скажут там стюардессы. Ну, давайте, ребята, *пошевеливай-*

тесь!

Я впереди детей побежал обратно в салон бизнес-класса, развернулся перед открытой дверью туалета и встал на колени.

Дети были ошарашены. Их было пятеро, некоторые плакали — от детских слез я всегда теряюсь, — глядя по сторонам на мертвых людей в креслах бизнес-класса, они спотыкались и были близки к панике.

— Давайте, дети, идите сюда, — позвал я, изобразив свою *особую* улыбку. — Ваши родители будут с вами через минуту. Все будет хорошо, обещаю. Ну, давайте.

Я протолкнул троих. Четвертая заартачилась, никак не желая проходить через дверь. Она растопырила руки и ноги, упираясь, и я не мог ее пропихнуть. Я никогда не ударю ребенка, ни при каких обстоятельствах. Девочка вцепилась мне в лицо ногтями, с меня слетел парик, и она, ахнув, застыла, глядя на мою лысую голову. Я воспользовался ее растерянностью и наконец протолкнул и ее.

Номер пять сидел в проходе и завывал. Ему было, наверное, лет семь. Подбежав, я схватил его на руки, прижал к себе, поцеловал и швырнул через портал. Господи, мне надо отдохнуть, но

меня ждут в туристском салоне.

— Ты, ты, ты и ты. Ладно, и ты тоже. Помогите им. — У Пинки глаз был наметан на тех, от кого никому не будет пользы, даже им самим.

Мы погнали их в переднюю часть самолета и выстроились там вдоль левого борта, откуда могли держать этих рабочих лошадок под наблюдением. Чтобы заставить их действовать, много времени не потребовалось. Мы велели им подтаскивать безвольные тела как можно быстрее. Я с Кристабел вернулся в туристский салон, все, кроме нас, остались в передней части самолета.

Теперь адреналин начал расщепляться в моем организме, и я почувствовал себя очень усталым. На этом этапе игры меня неизменно охватывает сочувствие к бедным бессмысленным баранам. Разумеется, мы делаем им как лучше, разумеется, они бы умерли, если бы мы не вытащили их из этого самолета. Но когда они увидят ту, другую сторону, им будет трудно в это поверить.

Первые из рабочих лошадок возвращались в туристский салон за второй партией баранов, ошеломленные тем, что только что увидели: в кабинку туалета, тесную, даже когда в ней никого не было, запихивали десятки людей. У какого-то студента был такой вид, словно его ударили в

живот. Он остановился и посмотрел на меня умоляющим взглядом.

— Послушайте, я хочу *помочь* вам, только… объясните, что *происходит*? Это что, какой-то новый способ спасения? То есть мы что, терпим крушение?..

Я перевернул ружье прикладом вверх и огрел его по скуле, он задохнулся и упал на спину.

— Заткни свой поганый рот и пошевеливайся, иначе я тебя убью.

Пройдет не один час, прежде чем его челюсть начнет двигаться и он снова сможет задавать идиотские вопросы.

Мы очистили туристский салон и метнулись в салон бизнес-класса. К тому времени рабочие команды были уже измотаны до предела. Мышцы-то у них были как у лошадей, но они не могли бы взбежать и на один лестничный марш. Мы позволили пройти через портал некоторым из них, в том числе супружеской паре лет пятидесяти как минимум — Господи Иисусе! Пятьдесят! — заменили их четырьмя мужчинами и двумя женщинами, у которых вроде бы еще оставались силы, и заставили их работать, пока они не начали валиться с ног. Зато все были обработаны за двадцать пять минут.

Когда через портал появился блистер, мы уже начали снимать с себя одежду. Кристабел постучала в кабину пилотов, и оттуда вышел Дэйв, уже раздетый. Плохой знак.

— Пришлось их заткнуть, — сказал он. — Чертов капитан как раз собирался совершить свой торжественный марш через весь самолет. Я испробовал *все.*

Иногда приходится это делать. Самолет летел на автопилоте, как и должно быть на этом отрезке. Но если бы кто-то из нас сделал что-нибудь, что изменило бы назначенный ход событий в любую сторону, все оказалось бы впустую, и рейс 128 стал бы недоступен для нас на все времена. Я не знаю всей этой мути насчет теории времени, но знаю практическую сторону дела. Мы можем что-то предпринимать в прошлом только в то время и в тех местах, где это ничего не изменит. Мы должны заметать все свои следы. Конечно, могут быть отступления от правил: как-то одна из нас оставила там свое ружье, и оно упало вместе с обломками самолета. Его, скорее всего, никто не нашел, а если даже и нашел, там понятия не имели, что это такое, поэтому все сошло гладко.

Самолет, летевший рейсом 128, потерпел крушение из-за технической неисправности. Это

был лучший для нас вариант: он означал, что у нас нет необходимости держать пилота в неведении до самой земли. Мы можем вырубить его и пустить дело на самотек, потому что он все равно ничего не смог бы сделать, чтобы спасти самолет. Катастрофа из-за ошибки пилота для группы захвата почти невозможная ситуация. Мы главным образом используем столкновения в воздушном пространстве, бомбы и механические неисправности. Мы не можем использовать случаи, когда в катастрофе выживает хоть один человек. Это не вписалось бы в ткань пространство — время, которая всегда остается неизменной (хотя может немного расширяться), и все мы просто растаяли бы, исчезли и снова оказались в комнате предстартовой подготовки.

У меня болела голова. Скорей бы подключиться к блистеру!

— Кто налетал больше всего часов на семьсот седьмом?

Оказалось, Пинки. Поэтому я послал ее в кабину экипажа вместе с Дэйвом, который умел копировать голос пилота, что было нужно для переговоров с диспетчерским пунктом на земле. В бортовом самописце тоже надо оставить запись, сделанную правдоподобным голосом. От

блистера отходили длинные трубки, и все мы припали к ним. Каждый из нас курил сразу горсть сигарет, желая выкурить их до конца, но надеясь, что времени не хватит. Ворота портала исчезли сразу же, как только мы перебросили через них свою одежду и экипаж самолета.

Но долго нам волноваться не пришлось. В работе группы захвата есть и другие *приятные* моменты, но ничто не сравнится с тем, что испытываешь, подключаясь к блистеру. Трансфузия после пробуждения — это всего лишь свежая кровь, богатая кислородом и сахарами. То, что мы получали сейчас, было безумным варевом из концентрированного адреналина, супернасыщенного гемоглобина, метамфетамина, «белой молнии»[53], тринитротолуола и «сока радости» кикапу[54]. Это как фейерверк, взорвавшийся у тебя в сердце, как пинок, пославший тебя в космос.

— У меня волосы на груди растут[55], — торжественно сообщила Кристабел. Все захихикали.

---

[53] Примечания: 53

Одно из «уличных» названий ЛСД.

[54] Примечания: 54

Кика́пу — индейский народ Северной Америки, в настоящее время кикапу проживают в Канзасе, Оклахоме, Техасе и Мексике.

[55] Примечания: 55

Отсылка к скабрезному анекдоту.

— Кто-нибудь, передайте мне, пожалуйста, мои глазные яблоки.

— Тебе голубые или красные?

— У меня, кажется, только что отвалилась задница.

Все эти шуточки мы слышали уже сто раз, но все равно хохотали как сумасшедшие. Мы были сильными, *сильными*, и на один волшебный момент все заботы ушли прочь. Нам было весело. Я бы мог, кажется, разорвать металлический лист взмахом ресниц.

На этой смеси всегда начинаешь выпендриваться. Но поскольку залоговый контингент все не прибывал, не прибывал, *черт возьми, не прибывал*, мы начали волноваться. Эта птичка в воздухе столько не продержится.

А потом они показались, и мы тут же включились в работу. Вот прошел первый из этих двойников-марионеток, одетый в шмотки, снятые с пассажира, которого он должен был изображать.

— Прошло два часа тридцать пять минут, — объявила Кристабел.

— Господи Иисусе!

Отупляющая рутина: ты хватаешься за сбрую, затянутую вокруг плеч манекена, и тащишь его по проходу, сверившись с номером кресла,

написанным у него на лбу. Краска исчезнет через три минуты. Ты сажаешь его, застегиваешь привязной ремень, снимаешь сбрую и несешь ее обратно, бросаешь через ворота портала, а сам хватаешь следующего. Приходится принимать на веру, что на той стороне сделали работу чисто: зубные слепки, отпечатки пальцев, точная подгонка по росту, весу, цвету волос. Большая часть всего этого не имеет значения, особенно на рейсе 128, который рухнет и сгорит. Там останутся только ошметки, да и те обгоревшие. Но надо учитывать все вероятности. Эти поисковики-спасатели очень тщательно исследуют все, что удается найти после катастрофы, поэтому пломбы, зубные протезы и отпечатки пальцев особенно важны.

Я ненавижу этих марионеток. Действительно ненавижу. Если это ребенок, то каждый раз, хватаясь за сбрую, я спрашиваю себя, не Алиса ли это: *не моя ли ты девочка, ты, овощ, слизняк, липкий червь?* Я присоединился к группе захвата сразу после того, как мозговые жучки[56] выели жизнь из головы моей девочки. Невыносимо думать,

[56] Примечания: 56

Паукообразные существа из романа Роберта Хайнлайна «Звездный десант», обладающие способностью проникать в мозг своей добычи и высасывать из него всю память и все знания.

что она была последней в своем поколении, что оставшимся человеческим существам предстояло жить, ничего не имея в головах, мертвыми в медицинском смысле слова по всем стандартам, превалировавшим даже в 1979 году, что их мышцы будут приводить в действие компьютеры — чтобы держать эти существа в тонусе. Ты растешь, достигаешь половой зрелости, способна к размножению — одна из тысячи — стремишься забеременеть в первой же любовной лихорадке. А потом обнаруживаешь, что твои мама и папа умерли от хронической болезни, таящейся у тебя в генах, и никто из твоих детей не будет обладать иммунитетом против нее. Я *знал* о парапроказе: рос с гниющими и отпадающими пальцами ног. Но *это* было сильнее меня. Что тут поделаешь?

Только один из десяти манекенов имел индивидуализированное лицо. Чтобы изготовить лицо, способное выдержать опознание при вскрытии, нужно время и большое искусство. У остальных лица были изувечены. У нас их миллионы, подходящее тело найти нетрудно. Многие из них даже будут продолжать дышать, слишком отупевшие, чтобы прекратить это, пока не рухнут вместе с самолетом.

Самолет резко дернулся. Я взглянул на часы.

До столкновения оставалось пять минут. Надо успеть. Я тащил своего последнего и слышал, как Дэйв отчаянно вызывает землю. Через ворота появилась бомба, и я передал ее в кабину. Пинки включила на ней датчик давления и выбежала из кабины, за ней Дэйв. Лайза была уже на той стороне. Я схватил обмякших марионеток в костюмах стюардесс и швырнул их на пол. Двигатель разлетелся, и его обломок прошил кабину. Началась разгерметизация. Бомба снесла часть фюзеляжа (наземная аварийная бригада увидит показатели и — мы надеялись — решит, что часть двигателя прошла через кабину и убила экипаж: больше ни слова, произнесенного кем-либо из его членов, на бортовом самописце не будет), и самолет начал медленно поворачиваться налево и вниз. Меня понесло к отверстию в борту, но я сумел ухватиться за кресло. Кристабел не так повезло. Взрывной волной ее отшвырнуло в самый конец салона.

Мы начали чуть-чуть подниматься, теряя скорость. Вдруг хвост самолета, там, где в проходе лежала Кристабел, задрался. Из ее виска сочилась кровь. Я оглянулся: все уже ушли, на полу валялись три девицы в розовой униформе. Самолет стал глохнуть, клевать носом, и пол ушел у меня

из-под ног.

— Давай, Бел! — заорал я.

Ворота были всего в метре от меня, но я начал подтягиваться к тому месту, где плавала Кристабел. Самолет подпрыгнул, и она ударилась об пол. Как ни странно, это заставило ее очнуться. Она поплыла мне навстречу, и я схватил ее за руку, в этот момент пол поднялся, и мы снова шмякнулись об него. Пока самолет стремился вниз в своей последней агонии, мы не переставали ползти и добрались-таки до двери туалета. Ворот уже не было.

Что тут сказать? Мы падали вместе с самолетом. Конечно, трудно удержать ворота на месте в самолете, отвесно летящем вниз. Когда эта птичка входит в штопор и разваливается на части, математика становится устрашающей. Так мне говорили.

Я обнял Кристабел и прижал к груди ее кровоточившую голову. Она была в полубессознательном состоянии, но умудрилась улыбнуться и пожать плечами. Берешь что дают. Я рванул вместе с ней в кабинку туалета и бросился на пол, увлекая ее за собой. Прижался спиной к переборке, зажал Кристабел между ног лицом вперед. Как учили. Мы оба уперлись ногами в противоположную

стенку. Крепко обняв ее, я уткнулся ей в плечо.

И вот оно! Зеленое свечение слева от меня. Я метнулся к нему, волоча за собой Кристабел, низко наклонился, когда два манекена пролетели надо мной через ворота вперед головами. Чьи-то руки с той стороны схватили нас и втянули внутрь. Я прополз по полу добрых четыре с половиной метра, цепляясь ногтями. Можно в крайнем случае оставить ногу на той стороне, но у меня-то не было лишней ноги.

Я сидел и смотрел, как Кристабел отправляют в медпункт. Когда носилки с ней проносили мимо, я похлопал ее по руке, но она была без сознания. Я и сам был не прочь лишиться чувств.

Какое-то время по возвращении невозможно поверить, что все это действительно случилось. Иногда оказывается, что *ничего и не было.* Ты возвращаешься и видишь, что все эти бараны из загона тихо и внезапно исчезли, потому что континуум не терпит изменений и парадоксов, которые ты в него вкладываешь. Люди, которых ты с таким трудом спас, как в неожиданной развязке кинофильма, оказываются разметанными по какому-нибудь чертову склону горы где-нибудь в Каролине, и все, что осталось, — это кучка растерзанных марионеток и измученная коман-

да захвата. Но не в этот раз. Я видел баранов, топчущихся в загоне, обнаженных и еще более ошеломленных, чем прежде. И только теперь начинающих испытывать *настоящий* страх.

Когда я проходил мимо Элфреды, она коснулась меня рукой и кивнула, что на ее скудном языке жестов означало: хорошая работа. Я пожал плечами, даже не понимая толком, имеет ли это для меня какое-то значение, но избыток адреналина все еще бродил по моим венам, и я поймал себя на том, что улыбаюсь. Я кивнул ей в ответ.

Джин стоял возле загона. Я подошел к нему и обнял, чувствуя, как жизненные соки начинают бурлить во мне. *Пошло оно все к черту, давай гульнем от души.*

Какая-то женщина колотила в стерильную стеклянную стенку загона. Она кричала, бросая нам сердитые слова. *Зачем? Что вы с нами сделали?* Это была Мэри Сондергард. Она умоляла своего лысого одноногого двойника разъяснить ей, что произошло. Она понимала, что попала в беду. Боже, она была такая хорошенькая. Как я ее ненавидел!

Джин оттащил меня от загона. У меня болели руки, и я поломал все свои чертовы фальшивые ногти, даже не скребя по стеклу. Теперь она

сидела на полу и всхлипывала. Из наружного динамика доносился голос офицера службы информации:

— …Центавр-3 — гостеприимная планета, с климатом, напоминающим земной. Я имею в виду вашу Землю, а не ту, какой она стала. Это вы еще увидите. Путешествие займет пять лет, таково время полета. После посадки вы получите по лошади, по плугу, по три топора и по двести килограммов посевного материала…

Я оперся на плечо Джина. Даже сейчас, в худшем своем положении, они были настолько лучше нас! Мне осталось, может быть, лет десять, и половину из них я проведу в немощи. Они — наша главная, наша самая яркая надежда. Все будет зависеть от них.

— …что никого из вас не отправят силой. Мы еще раз, и не последний, хотим подчеркнуть, что все вы умерли бы без нашего вмешательства. Однако есть вещи, которые вы должны знать. Вы не можете дышать нашим воздухом. Если вы останетесь на Земле, вы никогда не сможете покинуть это здание. Мы не такие, как вы. Мы — результат генетического отсева, процесса мутации. Мы выжили, но и наши враги эволюционировали вместе с нами. И они побеждают.

А вы обладаете иммунитетом против болезней, которые поразили нас…

Я вздрогнул и отвернулся.

— …с другой стороны, если вы переселитесь, вы получите шанс на новую жизнь. Это будет нелегко, но вы американцы и должны гордиться своим наследием первопроходцев. Ваши предки выжили, и вы выживете. Это может оказаться полезным опытом, и я призываю вас…

Ну, конечно. Мы с Джином переглянулись. *Слушайте-слушайте, друзья. Пять процентов из вас получат нервный срыв в течение нескольких ближайших дней и никуда не полетят. Приблизительно такое же количество совершат самоубийства, здесь или по дороге. Когда вы доберетесь до места, от шестидесяти до семидесяти процентов умрут в первые три года. Вы будете умирать в родах, вас будут пожирать звери, вы похороните двоих из каждых троих своих детей, будете медленно умирать от голода во время засух. А если вы выживете, то будете гнуть спину, бредя за плугом с рассвета до заката. Новая Земля — это рай, друзья!*

Господи, как бы я хотел полететь с ними.

Рождественская история

Только что вернувшись после Всемирного научно-фантастического конвента, где он был почетным гостем, единственный и неповторимый Фердинанд Фегхут[57] отправился в путешествие через пространство и время, чтобы вновь оказаться на наших страницах (стараниями мистера Джона Варли, который считает, что совершил ошибку, позволив этой шутке распространиться по интернету несколько рождественских праздников тому назад, так как с той поры шутка эта постоянно возвращается к нему, причем все время в разных формах). Мистер Фегхут не удостаивал своим присутствием наши страницы уже тридцать девять лет — по нашему летосчислению, — но этот путешественник во времени совсем не изменился, разве что обзавелся кучкой новых странных приятелей.

---

[57] Примечания: 57

Фегхут — название жанра короткой юмористической истории, которая обычно заканчивается каламбуром на основе популярной фразы. Впервые этот жанр был представлен в серии коротких рассказов под общим названием «Сквозь пространство и время с Фердинандом Фегхутом», написанных американским фантастом Риджинальдом Бретнором (1911–1992).

Во время декабрьского путешествия в городок Фростбайт-Фоллс[58] в штате Миннесота к Фердинанду Фегхуту обратился шеф местной полиции инспектор Фенуик и пригласил его в колледж Воссамота У. Там перед ним предстала ужасающая сцена. На лося Бульвинкля — почетного гражданина города — упал сейф и расплющил его так, что он стал плоским словно камбала.

— Это довольно распространенная смерть среди мультяшных персонажей, — пояснил Фенуик. — Каждый год под сейфами гибнет пять-шесть горожан. Только на этот раз речь идет не о несчастном случае. На этот раз произошло убийство!

Он показал Фегхуту феноменальную ловушку, сконструированную так, чтобы похоронить ничего не подозревающую жертву под тяжестью финансового гнета. Рога Бульвинкля по-прежнему опутывала растяжка, другой конец которой был надежно привязан к новенькой статуэтке восточного чудовища.

Белка-летяга Рокки — лучший друг погибшего лося — был с Бульвинклем в момент его смерти. Но когда Фегхут стал допрашивать его, расте-

---

[58] Примечания: 58

Вымышленный город из популярного мультсериала «Приключения Рокки и Бульвинкля».

рянный грызун смог вспомнить только раввина, который убегал с места преступления и при этом лаял. Фенуик тут же выдал ориентировку на раввина.

— Вы зря тратите время, Фенуик, — мрачно сказал Фегхут, вставая после осмотра тела. — Раввина подставили. Когда вы его найдете, он расскажет вам о хитроумных ухищрениях, из-за которых он оказался в этом месте в то время и при этом еще лаял.

— Фегхут, откуда вам это иезвестно? — спросил инспектор.

— Все это дело рук Рождественского Убийцы, — объявил Фегхут. — Я уже много лет иду по следу этого изувера, но боюсь, что нам никогда не удастся поймать его. Каждый декабрь он оставляет одно из своих зловещих посланий. Смотрите! Вы заметили улыбку на морде жертвы? Уголки его губ были приподняты… вот этим! — Он показал две зубочистки, которые извлек изо рта Бульвинкля.

— Я все равно не понимаю, как вы догадались, что преступник — Рождественский Убийца? — спросил Фенуик.

— Разве это не очевидно? — спросил Фегхут. — Счастливая рожа нового гада же лаю вам. Чтоб

сейф сбил лося! Счастливого Рождества и Нового года желаю вам! Чтоб все сбылось!

СОДЕРЖАНИЕ

В чертогах марсианских королей 5
Навязчивость зрения 59
Нажмите ВВОД 118
Список потерь 184
Телефонный справочник Манхэттена (сокращенный) 214
Манекены 220
Первозданное слово 237
Валентинка 252
Еще один чудесный день 264
Благие намерения 281
Летучий голландец 304
Воздушный налет 330
Рождественская история 349